

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: ГЕРОИЧЕСКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ

Сборник материалов
VII Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти В.И. Никитенкова (1952–2008)

Брест, 7–8 декабря 2018 г.

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2019

УДК 001(091)(082)

ББК 72.3я431

И 32

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
учреждения образования «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

ректор учреждения образования «Брестский областной
институт развития образования»,
кандидат исторических наук, доцент *А.В. Мощук*;
доцент кафедры историко-культурного наследия учреждения образования
«Полесский государственный университет»,
кандидат исторических наук, доцент *И.Э. Еленская*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, декан исторического факультета *Е.А. Бурик*,
кандидат исторических наук, доцент *Е.И. Пашкович*,
кандидат исторических наук, доцент *Е.С. Розенблат*

Технический редактор и верстка Н.И. Кравчук

Личность в истории: героическое и трагическое : сб. материалов
VII междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В. И. Никитенкова,
Брест, 7–8 декабря 2018 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.:
Е. А. Бурик [и др.]. – Брест : БрГУ, 2019. – 268 с.

Сборник посвящен памяти кандидата исторических наук, доцента, заведующего
кафедрой всеобщей истории В.И. Никитенкова (1952–2008), который стал основателем
серии научных сборников «Личность в истории».

В сборник «Личность в истории: героическое и трагическое» включены статьи
ученых и молодых исследователей из Беларуси, России, Украины, Словакии, Литвы,
посвященные проблемам исторической памяти, персонажам мировой и отечественной
истории. Авторы сделали попытку оценить их вклад в различные сферы человеческой
деятельности.

Адресуется научным работникам, преподавателям и студентам вузов, а также
всем, кто интересуется актуальными проблемами исторической науки.

Ответственность за языковое оформление и содержание статей несут их авторы.

СОДЕРЖАНИЕ

Пашкович Е.И. В. И. Никитенков – человек, историк, коллега	5
Раздел 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.	
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	10
Белова Н.М., Спорыхина С.Н. Н. С. Хрущев и процесс «десталинизации» в СССР (1953–1964)	10
Бондаренко П.А. Российско-белорусские экономические отношения: позитивные и негативные стороны интеграции	18
Бурик Е.А. Деятельность общественных объединений национальных общностей в приграничье Беларуси (на примере Брестской области)	23
Вавренюк И.И. Культурная жизнь еврейского населения Бреста-над-Бугом (1921–1939)	30
Галимова Н.П. О роли учреждений культуры в жизни страны в 70–80-е гг. XX в. (на примере Каменецкого района)	36
Гарматны В.П. Крыніцы па мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.	42
Глинка В.С. Научные исследования по историческому краеведению в ГрГУ имени Янки Купалы (конец 1980–1990-е гг.)	47
Гугнюк А.А. Гісторыя Беларускай камісіі па паляпшэнні быту вучоных: агляд айчынай навуковай літаратуры	55
Еленская И.Э. Надписи на стенах Брестской крепости как источник личного происхождения	59
Кавецкий С.Т. Глобальное развитие через призму социологии катастроф	66
Казлова С.Л. Галандская каланізацыя заходнебеларускай тэрыторыі восенню 1941 – вясной 1942 гг.	74
Карапузова А.Г. Документы Государственного архива Брестской области как источник по генеалогическим исследованиям	83
Касперавичюс А.П. Свидетельства современников исторических событий и нынешние интерпретации	90
Коньков П.А. Краткий очерк взаимоотношений СССР и КНДР	99
Крусь П.П. Духовные предпосылки формирования личностных качеств А. В. Суворова	103
Милач Т.М. Увековечение памяти жертв Великой Отечественной войны на территории Гродненской области	108
Радкович Е.В. Политика советской власти в области школьного образования на территории Западной Беларуси (1939–1941)	114
Савіч А.А. У. А. Палуян у гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. першай паловы 1960-х гг.	118
Савченко В.Н. Религиозный нонконформизм в исследованиях епископа Андрея Уфимского о причинах и значении раскола русской церкви в середине XVII в.	124

Самосюк Н.В. Деятельность союза русских меньшинственных организаций в межвоенный период	129
Харичкова Л.В. Преобразования Иполито Иригойена: попытка модернизации Аргентины	138
Харченко О.П. Религиозное мировоззрение населения западных областей Беларуси накануне Великой Отечественной войны	144
Шаўчук І.І. Інбелкульт у папулярнай і навучальнай літаратуры	150
Юреть М.Г. Венесуэла – Китай: роль современной личностной (персоналистской) дипломатии	158
Ярошенко А.А. Скандинавские купцы на Полотчине	162
Раздел 2. ЛИЧНОСТЬ И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР	166
Бодак А.Ю. «Маленький человек» в экономическом пространстве Западного Полесья 1939–1941 гг. (на примере Ганцевичского района)	166
Бундак О.А. До питання про участь В. Г. Богораза у організації та діяльності Всеросійського Селянського Союзу	172
Джигило В.П. Морис Дюверже: основоположник теории современных политических систем	181
Кузюрин В.С. Серджио Леоне – основатель спагетти-вестернов	184
Лисовская Т.В. Социальная позиция и деятельность Л. Дзекуць-Малея	188
Лишик В.В. Род Урсын-Немцевичей на территории брестских земель во второй половине XVIII в.	196
Малыхіна Л.Ю. Палітычны дзеяч і літаратар Язэп Варонка	202
Никитенкова Л.П. Казацкие полковники в колонизации украинских земель в конце XVII в.	207
Посохин И.А. Интерпретация образа Людовита Штура в общественном дискурсе современной Словакии	215
Посохина Г.И. Аун Сан Су Чжи: правозащитница и политик	222
Розенблат Е.С. С. З. Каценбоген – государственный деятель Беларуси и ученый	229
Свентуховская Г.В. История школы в Граевском предместье в межвоенный период: проблемы и личности	232
Северин Э.Н. Гуго Гроций – отец международного права	235
Сушко В.В. Пасторское служение в церквях неопротестантских деноминаций	238
Харичкова Л.В. От Аврелиана до Диоклетиана: на пути к консолидации господствующего класса	243
Чайчиц Т.В. Сергей Старогородский – патриарх Русской Православной Церкви в XX в.	249
Чашевой В.Д. В. П. Ласкович как популяризатор истории КПЗБ	257
Чарнякевіч І.С. Грамадска-палітычная дзейнасць гарадзенскіх урачоў міжваеннага дваццацігоддзя	261

В. И. НИКИТЕНКОВ – ЧЕЛОВЕК, ИСТОРИК, КОЛЛЕГА

19 сентября 2008 г. на 57-м году жизни скоропостижно скончался заведующий кафедрой всеобщей истории Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, кандидат исторических наук, доцент Владимир Иванович Никитенков. В этом году с той скорбной даты прошло десять лет.

В. И. Никитенков родился в 29 июня 1952 г. в д. Юдино Слободского района Смоленской области в семье служащих. Его отец – Иван Евстафьевич был военным поваром, а мама Мария Андреевна – домохозяйкой. Вскоре после рождения сына семья переехала в БССР, в г. Лида, так что жизнь Владимира Ивановича связана с Беларусью с самых ранних лет. После окончания в 1969 г. средней школы Владимир Иванович некоторое время трудился на Лидском мясокомбинате, затем рабочим Лидской обувной фабрики. В ноябре 1970 г. был призван в ряды Советской армии и для прохождения службы направлен в Дальневосточный военный округ. Служил Владимир Иванович в медицинской части [1].

После демобилизации в декабре 1972 г. В. И. Никитенков вернулся в родную Лиду, на Лидскую обувную фабрику, где работал еще почти два года. Владимир Иванович сначала поступал в Брестский педагогический институт на филологический факультет, а в 1974 г. стал студентом исторического факультета Белорусского университета имени В. И. Ленина. С первого курса Владимир Иванович зарекомендовал себя очень ответственным, добросовестным студентом. Был старостой группы, а затем, старостой курса, на котором обучалось 100 человек. Владимир Иванович принимал активное участие в спортивных мероприятиях факультета, в стройотрядовской жизни. Он ездил на стройку БАМа и в Узбекистан, пострадавший от землетрясения. Именно на историческом факультете Владимир Иванович познакомится со своей будущей женой, Людмилой Павловной (Манцивода).

Еще с детских лет Владимир Иванович увлекался художественной литературой, особенно фантастикой. Кстати, в течение жизни ему удалось собрать богатую домашнюю библиотеку. Серьезно интересовался астрономией. Но, пожалуй, самым сильным увлечением, и даже страстью, была нумизматика. Поэтому, став студентом, он выбрал именно это научное направление – на кафедре вспомогательных исторических дисциплин подготовил дипломную работу по истории денежного обращения на белорусских землях в XIV–XVIII вв. Именно тогда большое влияние на формирование научных интересов оказал доктор исторических наук В. Н. Рябцевич. Нумизматикой Владимир Иванович занимался на

протяжении всей жизни. Ему удалось собрать богатую коллекцию монет и стать автором ряда статей по истории нумизматики в Беларуси.

В 1979 г. Владимир Иванович получил диплом с отличием по специальности история с присвоением квалификации «Историк, преподаватель истории и обществоведения».

После окончания обучения в университете как молодой специалист он получил распределение в г. Брест на кафедру истории КПСС и научного коммунизма Брестского инженерно-строительного института на должность старшего лаборанта. Но уже скоро перешел на государственную службу. В марте 1980 г. он был направлен на работу в Брестский горком КПБ в качестве лектора. С марта 1985 по февраль 1987 г. работал инспектором отдела пропаганды и агитации Брестского обкома КПБ, заведующим отделом пропаганды и агитации Брестского горкома КПБ. С 1987 по 1989 г. являлся депутатом горсовета. В 1988 г. поступил в аспирантуру Академии общественных наук ЦК КПСС (г. Москва). В июле 1991 г. защитил диссертацию по теме «Государственная и военная деятельность М. В. Фрунзе на Украине в 1920–1924 гг.». После окончания аспирантуры В. И. Никитенков непродолжительное время работал в аппарате Брестского обкома КПБ заведующим сектором гуманитарных проблем, а с сентября 1991 г. – учителем истории в Средней школе рабочей молодежи № 1 г. Бреста [3, с. 270; 4].

Вся дальнейшая жизнь В.И. Никитенкова связана с нашим вузом и с историческим факультетом. С сентября 1992 г. он был принят старшим преподавателем кафедры истории «с испытательным сроком на один год» (согласно выписке из приказа № 597-к БрГПУ имени А.С. Пушкина). Тогда кафедрой возглавлял В. У. Мелишкевич. Уже в ноябре 1992 г. Владимир Иванович был избран доцентом этой кафедры. Выполнял обязанности заведующего с сентября 1993 по февраль 1994 г. и с 18 июля 1994 г. (в связи со смертью В. У. Мелишкевича). 6 декабря 1994 г. стал заведующим кафедрой всеобщей истории и истории мировой культуры и переизбирался на эту должность дважды – в 1999 г. и 2005 г. [1].

Владимир Иванович был талантливым организатором, мудрым и внимательным руководителем. Он сумел создать на кафедре особую атмосферу доброжелательности, сотрудничества, желания плодотворно работать. За время, когда он был заведующим, кафедра значительно окрепла и возросла в количественном составе. На ней стали работать А. Н. Вабищевич, О. В. Петровская. А вскоре, не без участия Владимира Ивановича, в ее ряды влилось молодое поколение: О. П. Харченко, В. Г. Швайко, А. В. Мощук, Т. В. Хотей, О. Н. Попко, Е. И. Пашкович. Тем самым формировалась преемственность поколений, опыта, традиций. Многие преподаватели получили ученые степени кандидата наук, а затем и

звания, сформировались научные направления и традиции в жизни кафедры. Под его руководством кафедра стала известна не только в республике, но и за ее пределами, активно сотрудничала с учреждениями науки, образования, культуры России, Польши, Литвы, Украины, Германии, Израиля. При участии В. И. Никитенкова кафедра подписала договоры о сотрудничестве с кафедрой всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета, филиалом Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово (РФ). Благодаря Владимиру Ивановичу студенты и преподаватели нашего факультета смогли принять участие в ряде зарубежных международных конференций, в том числе в Москве.

В. И. Никитенков руководил научным коллективом по подготовке к изданию книги «Память: историко-документальная хроника г. Бреста» Т. 2 [4, с. 146]. Был награжден Почетной грамотой Брестского районного совета депутатов. С 1999 г. при его активном участии стал выходить сборник «Берасцейскі хранограф». В. И. Никитенков являлся членом редколлегии журнала «*Biuletyn Historii Pogranicza*» (г. Белосток, РП).

Владимир Иванович был одним из инициаторов проведения цикла международных научных конференций «Личность в истории: героическое и трагическое», как и большинства других научно-организационных мероприятий, состоявшихся на историческом факультета нашего университета и являющихся теперь традицией.

Он был одним из главных организаторов совместного белорусско-немецкого проекта «Жертвы или преступники? Изображение участников войны и гражданского населения в мемориалах «Зееловские высоты» и «Брестская крепость – герой» (2007–2008 гг.). В ходе реализации проекта состоялось два семинара – в г. Бресте (РБ) и г. Франкфурте-на-Одере (ФРГ), и коллоквиум, на котором были подведены итоги данного проекта и состоялась презентация двух сборников материалов на русском и немецком языках [6–7].

В. И. Никитенков активно участвовал в подготовке к изданию сборника «Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы» [2].

Много внимания уделял организации студенческих научных исследований. Под его руководством опубликовано около сотни научных докладов, ряд исследований были отмечены на Республиканском конкурсе научных работ студентов. Являлся одним из инициаторов и постоянным членом редколлегии сборника студенческих научных работ «Моладзь Берасцейшчыны», который выходит с 1994 г.

В профессии Владимира Ивановича отличал творческий подход и высокое чувство ответственности. Для студентов исторического и филологического факультетов В. И. Никитенков читал курс «Методика

преподавания истории в школе». Будучи увлеченным нумизматом им был разработан и введен в образовательный процесс на историческом факультете спецкурс «Нумизматика». Владимира Ивановича как человеком с большой эрудицией и начитанностью, мастер слова, был для студентов и коллег примером в профессии.

Одним из важнейших направлений научной и учебно-методической работы Владимира Ивановича являлось изучение проблем преподавания темы Холокоста в вузах и в средних общеобразовательных школах Республики Беларусь. Он являлся руководителем постоянно действующего семинара учителей истории г. Бреста «История Холокоста», с 2001 г. читал спецкурс по данной проблематике на историческом факультете. В 2002 г. ему был предоставлен грант Российского научно-просветительского центра «Холокост» (г. Москва) для прохождения двухнедельной стажировки при Национальном институте памяти катастрофы и героизма «Яд Вашем» (г. Иерусалим, Израиль). Одним из научных направлений кафедры в те годы становилась история Холокоста. В июне 2010 г. в БрГУ имени А.С. Пушкина состоялась X Ежегодная международная конференция школьников, студентов и преподавателей «Холокост: память и предупреждение (памяти В.И. Никитенкова)», в рамках которой также был проведен круглый стол по проблемам противостояния неонацизму и ксенофобии «Молодежь и уроки Холокоста» и научный семинар с участием школьников Беларуси, России, Украины и Молдавии «Холокост: память и предупреждение».

В. И. Никитенков ежегодно участвовал в подготовке и проведении областных олимпиад по истории в качестве члена жюри, и в подготовке команды школьников Брестской области к республиканской олимпиаде по истории.

Являлся членом Совета университета, областной организации общества «Знание», за работу в которой неоднократно поощрялся грамотами.

В. И. Никитенкова всегда отличали жизнерадостность и светлый оптимизм, очень сильная любовь к жизни, постоянное стремление к познанию нового, уважение к людям, окружавшим его, по-настоящему отцовская забота об учениках и коллегах.

Дом и семья были для Владимира Ивановича священным центром мироздания. К нему он относил и своих коллег, бережным вниманием и всегдашним уважением к которым подавал пример праведного общежития.

Светлая память о Владимире Ивановиче, уникальном преподавателе, талантливом руководителе и человеке высокой души, навсегда сохранится в благодарных сердцах тех, кто знал и любил его.

Список использованной литературы

1. Личное дело В. И. Никитенкова. Архив Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. – Ф. 1034. Оп 1. Д. 5632
2. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
3. Корзенко, Г. В. Историки Беларуси в начале XXI столетия. Биобиблиографический справочник / Г. В. Корзенко. – 470 с..
4. Прафесарска-выкладчыцкі калектыў Брэсцкага Дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна : біябібліяграфічны даведнік: 1945–2005 / гал. рэд. М. Э. Часноўскі. – Брэст : БрДУ, 2005. – 245 с.
5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – Кн. 2. – 687 с.
6. Преступники, жертвы, герои: Вторая мировая война в белорусской и немецкой памяти: материалы белорусско-немецкого проекта «Жертвы или преступники? Изображение участников войны и гражданского населения в мемориальных комплексах «Брестская крепость-герой» и «Зееловские высоты» / под общ. ред. В. И. Никитенкова. – Брест : Альтернатива, 2008. – 180 с.
7. Täter, Opfer, Helden. Der Zweite Weltkrieg in der weißrussischen und deutschen Erinnerung / O. Kurilo, G.-U. Herrmann. – Berlin : Metropol, 2008. – 240 p.

*Е.И. Пашкович,
зав. кафедрой всеобщей истории,
кандидат исторических наук, доцент*

Раздел 1
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

УДК 93/94(929)«1950/1960»

Н. М. БЕЛОВА, С. Н. СПОРЫХИНА

Россия, Домодедово, филиал РГГУ в г. Домодедово

**Н. С. ХРУЩЕВ И ПРОЦЕСС «ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ» В СССР
(1953–1964)**

Период «оттепели» 1950-х – первой половины 1960-х гг. является одним из самых непростых и спорных в истории СССР. Одним из главных событий этого времени является «десталинизация» – критика злоупотреблений и массовых репрессий в период правления И. В. Сталина, инициированная Н. С. Хрущевым. С точки зрения исторической памяти разоблачение Хрущевым сталинских репрессий является, безусловно, мужественным и нравственным поступком, который положил начало демократизации общественно-политической системы в СССР. С другой стороны, смелая постановка вопроса о «десталинизации», предложенная в 1956 г. XX съездом партии, ограничилась лишь списыванием всех грехов на негативные особенности характера И. В. Сталина, не затрагивая саму суть системы, созданной им в 1920–1930-е гг. Это объяснялось прежде всего тем, что Н. С. Хрущев и его соратники (А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов и др.) сами были в немалой степени причастны к массовым репрессиям 1930–1940-х гг. Еще одним последствием резкой критики Хрущевым Сталина стали в конечном итоге горбачевская «перестройка» и последовавший за ней распад СССР и крах мировой социалистической системы, т.к. Горбачев и его сторонники так же, как и Хрущев, в конце 1980-х гг. начали радикальные преобразования в стране с резкой критики Сталина, приведшей, как считают многие исследователи (причем из диаметрально противоположных политических лагерей), к краху советской коммунистической системы [7, с. 199–200; 9]. В данной статье раскрываются основные этапы хрущевской «десталинизации». Кроме того, обосновывается точка зрения относительно сроков начала хрущевской «десталинизации», и дается собственное определение этому термину, отличное от общепринятого. Помимо этого, в конце статьи на основе недавно опубликованных источников дается аргументированный ответ, почему же Н. С. Хрущев решился на столь радикальный шаг, как осуждение Сталина и борьбу со сталинизмом в самых жестких формах, особенно в последние годы «оттепели».

Смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г. завершила целую эпоху в истории СССР. Именно в период правления Н. С. Хрущева (1953–1964 гг.) происходит первая в советской истории попытка пересмотра сложившихся за предыдущие три десятилетия политико-идеологических ценностей. В 1956–1964 гг. была дана оценка личности И. В. Сталина в период его руководства страной в 1924–1953 гг.

В 1953–1955 гг. начался процесс реабилитации осужденных в 1935–1953 гг. Из тюрем и лагерей были выпущены сотни тысяч людей, немалую долю которых составляли «политзаклученные». В эти годы были реабилитированы жертвы политических репрессий второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. – «Дела врачей», «Ленинградского дела», дела «Еврейского антифашистского комитета», «Дела военных», командиры РККА, репрессированные в начальный период Великой Отечественной войны [4, с. 275–280]. В это же время был арестован и расстрелян целый ряд организаторов массовых репрессий 1930–1950-х гг. – бывший шеф НКВД-МВД Л. Берия и его сподвижники – Б. Кобулов, Г. Деканозов, М. Рюмин, В. Абакумов и др.

25 февраля 1956 г. Н. С. Хрущев, выступил на XX съезде КПСС с докладом «О культуре личности и его последствиях», в котором приводились многочисленные факты репрессий над руководителями партии, государства и армии во времена Сталина. На наш взгляд, именно с этого доклада в СССР начался процесс «десталинизации» (именно в понимании этого термина как борьбы с личностью самого И. В. Сталина), а не с 1953 г., как это принято считать. Дело в том, что с марта 1953 по февраль 1956 г., несмотря на начавшийся процесс реабилитации жертв политических репрессий, личность и деятельность И. В. Сталина не подвергалась критике, и он по-прежнему продолжал оставаться «великим продолжателем бессмертного дела Ленина», а все репрессии и перегибы в период его правления списывали на «врагов народа» в руководстве НКВД в лице Н. Ежова и Л. Берии.

Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС вызвал неоднозначный резонанс как в СССР и странах социалистического содружества, так и в мире в целом. Руководители Албании, Китая, КНДР и Вьетнама выступили против разоблачения Сталина. Впоследствии КНР и Албания порвут отношения с СССР, и начнется длительная конфронтация между некогда «братскими» странами. Лидеры ГДР, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Монголии настороженно отнеслись к докладу Хрущева, хотя на словах и поддержали его. Наиболее активную поддержку антисталинские инициативы Н. С. Хрущева встретили у руководства Польши, Болгарии и Югославии. Кроме того, масштабный кризис поразил само международное коммунистическое движение – так, начался массовый выход

«разочарованных» коммунистов из компартий Франции и Италии (самых многочисленных тогда в Европе) и переход многих из них на радикальные антисоветские позиции (проамериканские либералы, сионисты, троцкисты и др.).

Результатом политики «десталинизации», начатой в феврале 1956 г., стало массовое антикоммунистическое восстание в Венгрии осенью того же года. Начавшись под антисталинскими лозунгами, оно быстро переросло в антисоветское. Восставшие требовали выхода ВНР из Варшавского договора и социалистического лагеря и вступления Венгрии в НАТО, развернули массовый террор против коммунистов, сотрудников госбезопасности и мирных граждан. Венгерское восстание ценой больших потерь было подавлено советскими войсками.

Именно венгерские события октября – ноября 1956 г. напугали Н.С. Хрущева и советское руководство, и процесс критики И.В. Сталина и сталинизма, начатый на XX съезде КПСС, был временно свернут. Так, выступая на приеме в честь китайской делегации в Кремле в начале 1957 г., Хрущев назвал Сталина выдающимся деятелем Коммунистической партии, твердо отстаивавшим завоевания социализма и марксизма-ленинизма [5, с. 149]. На июньском пленуме (1957) КПСС, в ходе которого была разоблачена «антипартийная группировка Молотова – Маленкова – Кагановича», основная часть вины за массовые репрессии 1930–1950-х гг. была возложена не столько на Сталина, сколько на этих руководителей КПСС [10, с. 39–40]. В ходе торжественного заседания, посвященного 40-летию Октябрьской революции Хрущев заявил, что, «критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина... Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное» [17, с. 31]. На внеочередном XXI съезде КПСС, состоявшемся в 1959 г., вопрос о Сталине вообще не поднимался. А в пропагандистском фильме «Наш Никита Сергеевич», посвященном жизни и деятельности Н.С. Хрущева и вышедшем на экраны в 1961 г., в целом Сталин, несмотря на напоминания про «культ личности», упоминался с положительной стороны.

Таким образом, можно констатировать, что в 1957–1961 гг. в СССР произошла первая «ресталинизация» (т.е. отказ от критики Сталина и частичная реабилитация его личности) наподобие того, что имело место во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Это опровергает устоявшееся в историографии мнение, что весь период правления Н. С. Хрущева после 1956 г. полностью прошел под знаком критики сталинизма.

Однако в 1956–1961 гг. процесс реабилитации жертв сталинских репрессий принимал все более широкие масштабы. Был реабилитирован весь высший состав Красной Армии, расстрелянный во второй половине 1930-х гг. (М. Тухачевский, В. Блюхер, А. Егоров, И. Якир и т. д.) [4, с. 127], практически все репрессированные чекисты (кроме сподвижников Г. Г. Ягоды и Н. И. Ежова, повинных в репрессиях 1930-х гг.) и старые большевики. В места исконного проживания вернулось большинство депортированных в годы правления Сталина народов (чеченцы, ингуши, калмыки и др.).

Новый этап хрущевской «десталинизации» начался после XXII съезда КПСС, состоявшегося в октябре 1961 г. Именно в 1961–1964 гг. критика Сталина достигла своего апогея. Тело Сталина было вынесено из Мавзолея В. И. Ленина, все населенные пункты, улицы и географические точки, названные в его честь, были переименованы, из библиотек изымались сталинские произведения. Дело порой доходило до курьезов: так, в изданной в 1963 г. многотомной «Истории Великой Отечественной войны» имя Сталина упоминалось несколько раз и исключительно в негативном контексте [11, с. 192], зато всячески превозносились некие «заслуги Н. С. Хрущева» в тот период, а издание изобиловало его цитатами) [8, с. 414]. Из обращения и продажи в обязательном порядке были изъяты марки и значки с портретом Сталина, Сталинградская битва была переименована в «битву на Волге» и т. д.

В 1961–1964 гг. в литературе, газетах и журналах появилось множество антисталинских публикаций, повествующих о репрессиях 1930–1940-х гг. Самым известным из этих произведений стал «Один день Ивана Денисовича», написанный молодым и талантливым А. И. Солженицыным, многолетним узником сталинских лагерей. Хрущев даже собирался выдвинуть Солженицына на Ленинскую премию, но под давлением «консерваторов» из Президиума ЦК КПСС (Ф.Р. Козлова, М. А. Суслова, Л. И. Брежнева) отказался от этой затеи [5, с. 251]. Хрущев в последние годы правления собирался реабилитировать Н.И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева [14, с. 259] и других расстрелянных «врагов партии» как «выдающихся большевиков и соратников Ленина» и жертв «культы личности Сталина». Однако на такой радикальный шаг Хрущев также не решился.

Вполне закономерно, что значительную часть советского руководства и многих рядовых членов КПСС не устраивала набиравшая все более радикальные обороты антисталинская кампания Хрущева. Поэтому одной из причин заговора против Хрущева и его отставки 14 октября 1964 г. многие современные исследователи [2, с. 255] считают именно «разнузданную» критику И. В. Сталина в первой половине 1960-х гг.

Советская партноменклатура и «ортодоксальные коммунисты» того периода совершенно справедливо увидели в разоблачении личности Сталина и его наследия угрозу самому социалистическому строю и коммунистической идеологии в СССР, «подрыв» их «престижа». На Октябрьском пленуме ЦК КПСС (1964 г.), в ходе которого был освобожден от занимаемой должности Н. С. Хрущев, ряд выступающих поставил ему в вину в том числе и «чрезмерную» критику И. В. Сталина [13, с. 223, 210–211]. Как вспоминал в 1983 г. один из активных участников заговора против Н. С. Хрущева, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, «в оценке деятельности Хрущева, я, как говорится, стою насмерть. Он нам очень много навредил. Подумайте только, что он сделал с нашей историей, со Сталиным. Не секрет, что империалисты нас никогда не любили. Но Хрущев им дал в руки такие аргументы, такой материал, который нас опорочил на долгие годы» [6, с. 605].

После свержения Н.С. Хрущева практически вся критика «культы личности Сталина» была прекращена новым советским руководством во главе с Л. И. Брежневым, и в 1965–1985 гг. даже предпринимались попытки его частичной реабилитации.

А теперь зададимся вопросом: почему же Н. С. Хрущев решился на такой смелый и радикальный шаг, как «двойное» разоблачение Сталина и сталинизма? Приведем один немаловажный эпизод периода начала «оттепели», который приводит в своей книге «Тайны ушедшего века» известный российско-белорусский исследователь Н. Зенькович.

По воспоминаниям сына Н. С. Хрущева, Сергея Хрущева, в конце марта 1953 г., сразу же после торжественно-траурного прощания со Сталиным и его похорон он посетил в рабочем кабинете отца (14 марта 1953 г. Хрущев был избран Секретарем ЦК КПСС, т. е. практически возглавил партию – после смерти Сталина пост Генерального секретаря был фактически упразднен). В это время был сверстан памятный сборник в честь И. В. Сталина с многочисленными фотографиями, картинками и плакатами с усопшим генсеком – в характерном духе традиций тех лет. И вдруг, на глазах изумленного Сергея, Н. С. Хрущев приказал изъять и рассыпать тираж мемориального выпуска. На вопрос сына, зачем он приказал это сделать, «царственный отец» коротко ответил что-то вроде: «Так надо» [6, с. 358].

Этот небольшой эпизод из мартовских дней далекого 1953 г. красноречиво все проясняет и наглядно показывает, что Никита Сергеевич изначально не любил Сталина и отрицательно относился к нему, но при жизни последнего, естественно, всячески изображал из себя «преданного подданного» [3, с. 9]. То, что Н. С. Хрущев и при жизни Сталина был скрытым антисталинистом и не любил вождя (как говорит народная

поговорка, «держал фигу в кармане») подтверждает еще один эпизод. Как вспоминал диктатор Албании Энвер Ходжа, как-то в частной беседе будучи «навеселе» Хрущев признался ему, что они вместе с А. И. Микояном готовили покушение на Сталина с целью его убийства, но потом «отказались от этой затеи» [16, с. 33].

Сходные свидетельства приводят и авторы из противоположного лагеря. Так, известный деятель антисоветской эмиграции, публицист А. Авторханов, приводит следующий пример в своей книге «Загадка смерти Сталина», изданной в Париже в 1981 г. Н. С. Хрущев, выступая летом 1963 г. в Венгрии, напрямую сказал: «Сталин стрелял по своим. По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем... Напрасны потуги тех, которые хотят руководство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин... И никто не обелит его... Черного кобеля не отмоешь добела (аплодисменты)... В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли также от топора, как сами свою власть поддерживали топором» [1, с. 243–244]. Эти слова, по словам Н. Зеньковича, были, естественно, вычеркнуты из стенограммы выступления тогдашнего вождя СССР, но в эфире их слышали миллионы людей в СССР и Восточной Европе [6, с. 193].

Таким образом, можно смело утверждать (оставив в покое всякие «теории заговора»), что Н. С. Хрущев был с самого начала решительно настроен на разоблачение Сталина и сталинизма, а не колебался и не был первоначально в 1953–1954 гг. чуть ли не «пламенным сталинистом», как утверждает, например, Ф. Бурлацкий [3, с. 10–11]. Просто ситуация тех лет складывалась так, что Никита Сергеевич не решался, конечно же, сразу на радикальное развенчание «культы личности» Сталина, а действовал «сообразно обстоятельствам». В 1956 г., разоблачив на XX съезде КПСС Сталина и сталинизм, после событий в Венгрии и Польше советский вождь испугался, что подобное может повториться и в СССР и свернул на 5 лет критику «культы личности». К 1961 г., победив сталинистов в советском руководстве («антипартийная группа Молотова – Маленкова – Кагановича»), с одной стороны, и окончательно рассорившись с Албанией и Китаем, где Сталина продолжали почитать как «великого вождя», а также в связи с нарастающими трудностями в советской экономике (чтобы оправдать неудачи прежде всего в развитии сельского хозяйства, свалив их на предыдущее руководство) – с другой, Хрущев, чувствуя себя уже единоличным правителем СССР, вновь, как говорится, «дал волю чувствам».

И в конце данной статьи, попробуем ответить на вопрос, почему Н. С. Хрущев фактически изначально являлся противником Сталина и

сталинизма? Об этом можно догадаться, если даже кратко просмотреть ранние годы политической биографии Никиты Сергеевича.

Н. С. Хрущев родился 15 апреля 1894 г. в селе Калиновка Курской губернии в шахтерской семье. В 1912 г. стал работать слесарем на шахте. По этой причине в 1914 г. его не взяли на фронт.

В 1918 г. примкнул к большевикам и принял непосредственное участие в Гражданской войне. В 1922 г. стал студентом рабочего факультета Донтехникума в Юзовке (ныне Донецк). По воспоминаниям Л. М. Кагановича (который и рекомендовал своего будущего антагониста и ниспровергателя) И. В. Сталину в конце 1920-х, в 1923–1924 гг. Никита Хрущев был активным членом троцкистской оппозиции [7, с. 28–29]. А троцкисты, как известно, являлись непримиримыми противниками Сталина и, по сути, первыми «борцами со сталинизмом». Правда, прибыв в Москву на XV съезд РКП(б) в 1925 г., Никита Сергеевич сразу же «раскаялся» и заявил о своей приверженности набирающему силу в борьбе с партийной оппозицией И. В. Сталину. После этого его карьера по партийной лестнице резко пошла вверх, и уже с 1932 г. он становится вторым секретарем МК ВКП(б), т.е. одним из руководителей московских коммунистов. И здесь необходимо отметить, что своим столь быстрым продвижением по партийной иерархии он во многом был обязан жене И. В. Сталина Н. С. Аллилуевой [15, с. 176], которая, несмотря на своего грозного мужа, открыто критиковала его за жестокие методы при проведении коллективизации и сочувствовала антисталинской оппозиции, прежде всего Н. И. Бухарину и его сторонникам [12]. Так что совершенно очевидно, что коллеги Аллилуевой по Промышленной Академии, в которой обучался Хрущев, – сторонники оппозиции – также в немалой степени вполне могли оказать влияние на «политическое кредо» Никиты Сергеевича. Это окончательно способствовало формированию его антисталинской позиции, которую он, разумеется, никак не мог высказывать в годы всемогущего правления вождя, но которая совершенно отчетливо проявилась сразу же после смерти Сталина.

Таким образом, в заключении статьи можно подчеркнуть, что личные антипатии Н. С. Хрущева к И. В. Сталину (конечно же, не только это, но в первую очередь, как представляется авторам статьи), именно они сыграли решающую роль в дальнейшем ходе истории нашего Отечества.

Список использованной литературы

1. Авторханов, А. Г. Загадка смерти Сталина / А. Г. Авторханов. – Париж : Посев, 1981. – 317 с.
2. Безелянский, Ю. К. От Рюрика до Ельцина / Ю. К. Безелянский. – М. : Физкультура и спорт, 1994. – 352 с.

3. Бурлацкий, Ф. М. Хрущев. Штрихи к политическому портрету / Ф. М. Бурлацкий // Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии / сост. Ю. В. Аксютин. – М., 1989. – С. 9–23.
4. Волков, Ф. Д. Взлет и падение Сталина / Ф. Д. Волков. – М. : Спектр, 1992. – 336 с.
5. Емельянов, Ю. В. Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК / Ю. В. Емельянов. – М. : Вече, 2012 – 416 с.
6. Зенькович, Н. А. Тайны ушедшего века. Лжесвидетельства. Фальсификация. Компромат / Н. А. Зенькович. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 671 с.
7. Зюганов, Г. А. Драма власти / Г. А. Зюганов. – М. : Палея, 1993. – 208 с.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 5 т. / редкол.: П. Н. Поспелов (пред.) [и др.]. – М. : Воениздат, 1963–1965. – Т. 2. – 1963. – 682 с.
9. «Круглый стол», посвященный 50-летию XX съезда КПСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/7/ko9.html/>. – Дата доступа: 15.02.2006.
10. Молотов, Маленков, Каганович. Стенограмма июньского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы / Россия XX век ; редкол.: А. Н. Яковлев [и др.]. – М. : Международный фонд «Демократия», 1998. – 848 с.
11. Мутовкин, Н. С. Великая Отечественная война в советской историографии / Н. С. Мутовкин, А. К. Селяничев // Очерки по историографии советского общества / И. Е. Найденов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1967. – С. 178–207.
12. Несостоявшаяся убийца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2289311/>. – Дата доступа: 28.10.2001.
13. Никита Хрущев. 1964 г. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы / Россия XX век ; редкол.: Е. М. Примаков [и др.]. – М. : Международный фонд «Демократия», 2007. – 576 с.
14. Ферр, Г. Антисталинская подлость / Г. Ферр. – М. : Алгоритм, 2013. – 464 с.
15. Филиппов, А. В. Новейшая история России. 1945–2006 / А. В. Филиппов. – М. : Просвещение, 2007. – 494 с.
16. Ходжа, Э. Со Сталиным / Э. Ходжа. – Тирана : 8 НЕНТОРИ, 1979. – 240 с.
17. Хрущев, Н. С. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года / Н. С. Хрущев. – М. : Госполитиздат, 1957. – 80 с.

УДК 339.924(470+571:476)

П. А. БОНДАРЕНКО

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ ИНТЕГРАЦИИ

С момента распада СССР и обретения независимости намечаются тенденции сближения России и Беларуси. Потребность была удовлетворена. Союзное государство предоставило множество направлений для интеграции. Однако любое союзное объединение предполагает продвижение своих интересов на равных условиях, и в конечном счете желаемые результаты не достигаются. Возникающие противоречия вынуждают прибегать к компромиссу, результат которого положительно либо отрицательно сказывается на проблемной ситуации.

Российско-белорусское сотрудничество носит давнишний и продолжительный характер и имеет свои положительные и отрицательные стороны. Началом складывания тесных межгосударственных отношений России и Беларуси в качестве самостоятельных политических акторов можно считать подписание Беловежских соглашений и образование СНГ после распада СССР в 1991 г. Потребность в углублении интеграционных связей была обусловлена общим советским прошлым и оставшимися тесными политическими, экономическими, социальными, культурными и идеологическими связями, что способствовало разработке проекта единения России и Беларуси. 8 декабря 1999 г. договор о создании Союзного государства был подписан, включая программу по реализации его положений, определили основные направления и ступени объединения, а также завершение создания единого таможенного и экономического пространства, объединение энергетических, транспортных систем, сотрудничества в гуманитарной и социальной областях, в сферах внешней политики, обороны и безопасности [1, с. 8].

Экономическое сотрудничество как одно из ведущих направлений интеграции играет определяющую роль в складывании благоприятных условий для обоих партнеров в рамках Союзного государств, так как принимаемые решения напрямую влияют на все формы интегрирования, предусмотренные данным союзом. Так, например, политическое сотрудничество осложняется экономическими факторами, что обусловлено равными условиями независимых государств на отстаивание своего экономического суверенитета, а учитывая, что на Россию приходится около 50 % внешней торговли Беларуси (преимущественно продукцией с достаточно высокой добавленной стоимостью), экономические потери в

случае отказа двух стран от интеграционных процессов будут значительно больше по отношению к ВВП. Следует отметить, что потребность в тесном экономическом сотрудничестве, также обусловлена и общим советским прошлым России и Беларуси [2]. Например, хозяйство Беларуси и России как совокупность взаимосвязанных производств, базирующихся на использовании природных и экономических ресурсов, может успешно функционировать при рациональной взаимодополняемости отраслей, которые в Беларуси представлены в основном завершающими (усеченными) циклами производств (выпуск готовой продукции), тогда как в России размещены остальные производства технологического цикла, преимущественно дополняющие белорусскую производственную структуру выпуском изделий по кооперации, изготовлением технологического оборудования и др. При таком характере размещения те и другие производства будут и в дальнейшем нуждаться в сохранении и развитии производственного и технологического кооперирования. Это прежде всего относится к топливно-энергетическому комплексу, предприятиям машиностроения, химической, нефтехимической и легкой промышленности. Также можно отметить, что по уровню экономического развития Беларусь среди всех государств Содружества наиболее близка к российским показателям [3, с. 3, 12].

В конечном счете экономическое сотрудничество должно было способствовать формированию единого экономического пространства, это позволит повысить эффективность функционирования реального сектора экономики обеих стран на основе роста конкурентоспособности товаропроизводителей; использовать преимущества специализации и кооперирования производств для устойчивого экономического роста; обеспечить выход на мировые рынки с новой конкурентоспособной продукцией высокого качества и новейшего технического уровня; увеличить выпуск продукции с учетом роста платежеспособного спроса на внутренних рынках; обеспечить эффективное использование природных ресурсов; скоординировать социально-экономическую, научно-техническую и экологическую политику обоих государств с целью устойчивого роста экономики, повышения уровня и качества жизни народов. Основой послужило соглашение 1992 г. о свободной торговле, предполагавшее осуществление в согласованный срок полной отмены ограничений на взаимное передвижение промышленных товаров при сохранении национального внешнеторгового режима в отношении третьих стран. С 1999 г. уже в рамках Таможенного союза осуществлялись практические меры по созданию единой таможенной территории, согласованию применения единых ставок таможенных пошлин и методов формирования единой тарифной и торговой политики. Таможенная политика направлена

на тесное взаимодействие двух государств в отношении использования инструментов таможенного контроля и регулирования товарообмена на территории Таможенного союза, участие в решении торгово-политических задач по защите Таможенного союза, стимулирование национальных экономик, обеспечение равных условий производителям продукции, создание единого механизма организационно-правового экономического сотрудничества в рамках таможенного союза [4, с. 115].

Оба государства стремятся извлечь максимальные выгоды из данного объединения. Зачастую это вынуждает поступать в разрез собственным интересам. Следовательно, можно говорить о негативных и позитивных сторонах интеграции. Результатом проведения форсайт-сессии Российско-белорусского экспертного клуба с участием ученых Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Будущее экономического взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь», было показано, насколько широк диапазон экономического взаимодействия. Вместе с тем результаты раскрыли внутренние и внешние факторы как позитивного, так и негативного толка.

В первую очередь, это сотрудничество в сфере торговли. Позитивно сказалась на экономическом положении политика импортозамещения, способствующая расширению импорта товаров из Беларуси (продуктов пищевой промышленности, сельского хозяйства, химической отрасли), совместного производства товаров, являющихся заменой товарам стран Запада в период экономических санкций [3, с. 25].

Положительное влияние оказывают и совместные инвестиционные проекты, которые реализуются в рамках Союзного государства. В разрезе высоких технологий насчитывается 38 российско-белорусских предприятий, осуществляющих совместные инвестиционные проекты и научно-производственную деятельность. К ним относятся МФПГ «Оборонительные системы», МФПГ «Электронные технологии», МФПГ «Точность», ЗАО «Международные космические технологии», СООО «Аякс» и т. д. (высокие технологии выделяются в соответствии с перечнем евразийских технологических платформ ЕАЭС), большинство этих предприятий сосредоточены в ВПК. По данным сайта ЕЭК. В атомной энергетике реализуется совместный крупный инвестиционный проект по строительству АЭС из двух энергоблоков суммарной мощностью до 2 400 МВт на Островецкой площадке в Гродненской области (российский проект «АЭС–2006», полностью соответствующий международным стандартам МАГАТЭ). Соглашение от 2011 г. предполагает выделение Россией кредитной линии около 11 млрд долларов, строительство АЭС осуществляется под ключ под руководством генерального подрядчика ЗАО «Атомстройэкспорт» с заказчиком ГУ «Дирекция строительства атомной

электростанции». В сфере ТЭК Россией и Беларусью ведутся следующие инвестиционные проекты: покупка «Газпром» «Белтрансгаза» за 5 млрд долларов; строительство ОАО «Газпром» вместе с белорусскими субподрядчиками газопровода Ямал – Западная Европа для транзита газа через Беларусь (с 1995 г. уже потрачено 396,3 млн долларов); вложения «Славнефти» в капитал Мозырского НПЗ (доля российской стороны – 42,5 %). «Газпром» планирует реализацию еще ряда инвестиционных проектов в РБ на сумму около 2 млрд долларов для расширения мощностей по транзиту газа по территории Беларуси (до 20 % прироста), а также на сумму 1,1 млрд долларов для строительства подземных хранилищ газа. В области телекоммуникаций примером выступает инвестиционная деятельность СООО «Мобильные ТелеСистемы», созданного как совместное предприятие еще в 2002 г. Также Россия и Беларусь нацелены на создание общей финансовой системы, вопросы о которой активно рассматривались в 2004–2007 гг., однако требование о компенсации Беларуси за отказ от самостоятельной эмиссии отечественной валютой (с введением в качестве общей валюты российского рубля) не был принят Россией [4, с. 117]. В рамках Союзного государства активно развивается банковская кооперация. Так, Сбербанк России владеет 97,9 % акций БПС-Сбербанка, Внешэкономбанк – 97,5 % акций БелВнешэкономбанка, ВТБ – 71,4 % акций ВТБ (Беларусь) и 99,7 % акций Банка Москва – Минск, Росбанк – 99,99 % Белросбанка. Банки с участием российского капитала владеют 23,9 % банковских активов. Еще один результат сотрудничества в финансовой сфере – ЗАО «Альфа-Банк» (Беларусь). При этом российские банки занимаются вопросами не только финансового развития, но и модернизации белорусской экономики. БПС-Банк совместно с люксембургским Vanque Navilland создал фонд прямых иностранных инвестиций (259 млн евро). Фонд инвестирует средства в производство заменителей молока и кормовых добавок для сельскохозяйственных животных. Имеется также проект финансовых вложений БПС-Банка с компанией Blue Eagle Private Equity (Нидерланды) в строительство девяти гостиниц и 12 ресторанов в Беларуси на сумму 200 млн долларов. Сбербанк РФ организовал дебютное размещение белорусских евробондов на 1 млрд долларов и облигаций на российском рынке [3, с. 33].

Присутствие положительного эффекта отнюдь не исключает наличие отрицательного. Набирающая рост конкуренция российских и белорусских товаров на российском рынке вынуждает прибегнуть к реализации программ протекционистского толка, что значительно притормаживает появление новых перспектив к сотрудничеству. Особенно высоки темпы роста конкуренции в РФ и Беларуси в таких отраслях, как химия, АПК, металлургия, машиностроение, транспорт, строительство, торговля [3, с. 40].

Особняком стоит вопрос о ценах на энергоресурсы (нефть, газ) и снижение доходов от экспорта нефтепродуктов из Беларуси. Так называемые «газовые войны» возникали на протяжении всего Союзного сотрудничества. Последний конфликт приходится на 2016 г. Спор возник между ОАО «Газпром» и «Газпром трансгаз Беларусь» по цене на газ (вместо 132 долларов США за 1 м³ белорусская сторона предлагала 73–80 долларов). Газовый спор перерос в нефтяной. РФ сократила поставки нефти, власти РБ решили поднять в 1,5 раза тариф на транспортировку российской нефти. Потери РБ из-за сокращения поставок нефти оцениваются в размере 2,5 % ВВП, «Газпром» оценивает задолженность РБ в 550 млн долларов. Следует отметить, что белорусская экономика почти на 100 % зависела от импорта газа из РФ и в большой степени – от импорта нефти (РБ обеспечивает потребности в ней за счет собственной добычи на 10–12 %). Беларусь долгое время получала экономию за счет льготных цен на российские энергоносители. Так, по расчетам ИЭ НАН РБ в 2012 г. Республика Беларусь получила эффект от этого около 10 млрд долларов США (около 16 % ВВП за этот год). Кроме того, Беларусь получает дополнительно в бюджет несколько миллиардов долларов ежегодно за счет беспошлинных поставок российской нефти, ее переработки и экспорта за рубеж. Очаги конфликтов проявляются и в других сферах. В 2013 г. возник громкий конфликт в «Белорусской калийной компании» (БКК), участники которой «Беларуськалий» и «Уралкалий» не смогли договориться об условиях сбыта своей продукции. В результате «Уралкалий» вышел из состава «БКК». В 2001 г. произошел конфликт с ОАО «Балтика», с которым было заключено соглашение об инвестициях размером более 10 млн долларов США в белорусскую пивную компанию «Крыница» для расширения производства. В 2012 г. был расторгнут инвестиционный договор с компанией «Итера», которая должна была осуществить строительство по проекту «Минск-Сити» за 5 млрд долларов США в рамках совместного предприятия с Мингорисполкомом. Однако такие конфликты не носили затяжного характера, что говорит о заинтересованности сторон в быстром нахождении компромисса и в продолжении дальнейшего сотрудничества [3, с. 42].

Экономическая интеграция – продолжительный и сложный процесс, затрагивающий все сферы экономической жизни государств, отражающий как внутренние, так и внешние аспекты. На практике такое сотрудничество предполагает принятия решений, результат которых должен удовлетворить обе стороны. Но так как зачастую интересы партнеров не совпадают, возникают противоречия относительно того или иного вопроса, что в свою очередь негативно сказывается на процессе интегрирования и на союзнических отношениях в целом.

Список использованной литературы

1. Бородин, П. П. Союзное государство России и Белоруссии – новая геополитическая реальность / П. П. Бородин // Ведомости. – 2006. – С. 8–10.
2. Курс лекций для заочников. Ч. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5403929/page:22/>. – Дата доступа: 04.03.2019 г.
3. Российско-белорусские отношения в горизонте до 2020 года: итоги форсайт-сессии / под ред. А. Д. Саулина. – М. : Интеграция : Образование и Наука, 2017. – 96 с.
4. Сергеюк, В. С. Тенденция развития экономической интеграции России и Беларуси / В. С. Сергеюк // Экономика и управление. – 2008. – № 3. – С. 115–119.

УДК 341.221.27(476)

Е. А. БУРИК

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В ПРИГРАНИЧЬЕ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Особый статус приграничных территорий государства закрепляет за ними определенное внимание: здесь осуществляются наиболее тесные контакты населения сопредельных стран, проходят миграционные потоки. В плане обеспечения национальной безопасности Беларуси эти факторы наряду с другими являются ключевыми. Выдвинутая в конце 1990-х гг. внешнеполитическая концепция «пояса добрососедства» построена на основе межэтнического и межконфессионального согласия, отсутствии территориальных и других серьезных споров с соседями и способствует упрочению контактов с сопредельными странами. Весь ход исторических контактов белорусов показывает, что польские и украинские земли – постоянные естественные партнеры Беларуси по самому широкому спектру сотрудничества – политическому, экономическому, культурному. В белорусском приграничье наиболее компактно проживают польское и украинское национальные сообщества. Наиболее высокая доля поляков наблюдается в Гродненской области – 21,5 % от общей численности населения. В Брестской области проживает наибольшее число русских – 89 685, украинцев – 40 046, а число поляков составляет 17 539. Всего в Брестской области проживают представители 89 национальностей и народностей. В целом на территории Брестской области представители нетитульной нации составили 22 % от всего количества населения, в то время как на территории Гродненской области этот показатель составляет 33,3 % [4, с. 10–11, 16]. Концентрация национальных сообществ в

приграничье усиливала взаимопонимание и взаимообогащение культурных традиций, сохраняла родственные связи, обуславливала отсутствие локальной враждебности, стремление к частым контактам с соотечественниками. Официальная поддержка и забота о национальных сообществах создавали благоприятную основу для сотрудничества Беларуси с другими странами. В 1994 г. был образован Республиканский центр национальных культур, который координировал деятельность национально-культурных объединений и соотечественников за рубежом.

На территории Брестской области зарегистрировано и действуют 22 национально-культурных общественных объединений, образованных представителями 5 национальностей (по состоянию на 01.01.2019). Наибольшее количество объединений образовано поляками – 10, евреями – 8. По одному объединению имеют украинцы и азербайджанцы, русские представлены 2 объединениями [7].

Наиболее активную деятельность по сохранению и распространению своей культуры и языка проводили польские общественные объединения, которые были представлены Союзом поляков на Беларуси (СПБ), а также общественным объединением «Польская отечественная школа на Беларуси» («Polska Macierz szkolna na Białorusi»). Отделы Союза поляков на Беларуси размещались преимущественно в тех районах, где польская национальная общность проживала наиболее компактно, – в г. Бресте, г. Березе, г. Барановичи, г. Кобрине, г. Ляховичи, г. Пружаны, г. Пинске и а.г. Логишин Пинского района. При польских общественных объединениях действовали разнообразные творческие коллективы, воскресные школы, имелись библиотеки, музейные экспозиции.

Одними из первых на Брестчине были зарегистрированы Барановичский и Кобринский отделы СПБ (1991 г.). Первоначально в г. Барановичи был зарегистрирован ОО «Клуб Польский», а с 1999 г. он стал функционировать как Барановичский городской отдел СПБ. В 1992 г. г. Барановичи СПБ был организован Республиканский фестиваль польской детской песни. При Доме польском в г. Барановичи действовала общественная польская школа имени Т. Рейтана, а также хор «Край родзинны». В школе использовались программы, разработанные на основе материалов Комиссии Экспертов Министерства национального образования Республики Польша, а также «Программа обучения польскому языку как иностранному для русскоговорящих учащихся». Кроме этого, поляки располагали и библиотекой, количество постоянных читателей которой составляло около 450 человек [3]. В фондах библиотеки была в наличии польская и зарубежная классика, современная художественная литература, поэзия, история, география, детская литература для младшего и среднего школьного возраста. Следует

отметить, что основное пополнение литературы осуществлялось в основном через Генеральное консульство Республики Польша.

Деятельность общественного объединения «Польская школа Отечества на Беларуси» («Polska Macierz szkolna na Białorusi») берет начало на территории Западной Беларуси еще в 1933 г. На современном этапе развития возобновило свою деятельность в 1995 г. под названием «Польская региональная ассоциация «Oświata», в 1996 г. было переименовано на «Польская школа Отечества на Беларуси» [8, с. 117]. Стоит отметить, что Брестский городской отдел объединения с начала его создания возглавляет Сулима Мария Ришардовна. Основной задачей общественного объединения «Польская школа Отечества на Беларуси» стало наряду с поддержкой развития польской культуры содействие возрождению и развитию польско-язычного образования. Ежегодно при ГУО «Средняя школа № 9 г. Бресте» действуют классы с обучением на польском языке, учебный процесс осуществляется в соответствии с учебными планами, утвержденными Министерством образования Республики Беларусь. При содействии «Польская школа Отечества на Беларуси» для ребят организуются экскурсии «Дорогой славных предков», организация летнего отдыха детей в Польше, ежегодные международные научно-популярные конференции. Объединение заявило о себе также и в культурной области, при нем созданы хор «Полесье», клуб польских женщин, вокально-поэтическая группа «Гербера», действует также университет третьего возраста, общество врачей, клуб молодой Полонии. Хор «Полесье» был создан в 2007 г., на протяжении своей истории выступил с концертами в костёлах городов Гродно, Барановичи, Ганцевичи, Ляховичи, Каменец, Кобрин, а также в Польше на фестивалях и праздниках в городах Варшава, Белосток, Руде Слёнска, Кошалине, Гнезе, Сельдце, Тереспале и др. Репертуар коллектива составляет духовная, классическая и народная музыка, песни исполняются на как на польском, так и на белорусском, русском, украинском, латинском и английском языках. Как правило, хор «Полесье» и вокально-поэтической группы «Гербера» участвуют во всех общественно-значимых мероприятиях в Брестской и Гродненской областях, а также в Республике Польша.

Пинский городской отдел общественного объединения «Польская школа Отечества на Беларуси» (2002 г.) традиционно проводит вечера памяти Р. Капустинского, польского писателя и журналиста, конкурсы выразительного чтения, принимают участие в Международном конкурсе «Нарисовано Иглой» (г. Гожув-Велькопольский). При Пинском отделе создана воскресная школа, в которой учится более 200 человек, преподают члены объединения на добровольных началах. При школе создан эстрадный ансамбль «Ягодки» (численность – 22 человека), в репертуар которого составляют детские, эстрадные и народные польские и

белорусские песни [3]. На базе Пинской городской библиотеки был собран сектор польской литературы и краеведения, в комплектовании которого значительную помощь оказал СПб и «Польская школа Отечества на Беларуси».

Еврейские организации также представлены разнообразными направлениями деятельности. В 1989 г. в г. Брест было создано Еврейское культурно-просветительское общество «Тарбут», председателем которого был Леонид Коган, сопредседателями – А. Бляхер, Г. Зимак, Н. Пеккер. В июле 2001 г. еврейская община была перерегистрирована в Брестское городское еврейское общественное объединение «Бриск» [6]. Примечательно, что на территории Брестской области проживает незначительное по численности количество евреев – 570 человек [4, с. 10], а по численности еврейских организаций Брестская область превосходит другие регионы республики. Представленные организации имеют схожие цели и задачи своей деятельности, среди которых содействие в развитии еврейской культуры, истории и традиций еврейского народа. Однако часть организаций сконцентрировала свою деятельность на социальной защите, оказания помощи и проявление заботы о пожилых, одиноких, социально незащищенных и малообеспеченных жителях г. Бреста и Брестской области (например, «Брестский еврейский благотворительный центр «Хэсэд-Давид», «Пинский еврейский общинный благотворительный центр «Хэсэд-Арон»). В г. Пинске деятельность всех еврейских организаций города освещается в выпускаемом еврейской общиной г. Пинска информационном обозрении «Карлин», периодичность издания которого 4 раза в год.

Отдельный интерес вызывают общества, деятельность которых направлена увековечивание памяти жертв геноцида еврейского народа в годы Второй Мировой войны, Общественное объединение «Брестский областной научно-просветительский центр «Холокост» (создано в 1997 г.), Брестское городское еврейское общественное объединение «Бриск». Ежегодно проводятся памятные церемонии: Международный день памяти жертв «Холокоста» (27 января); День Катастрофы европейского еврейства (апрель); День памяти узников Брестского гетто (15 октября) с выездом в урочище Бронная Гора; внедрен образовательный проект «Уроки Холокоста». В 2009 г. состоялось открытие памятников узникам Каменецкого гетто и погибшим у д. М. Турна, д. Городец Каменецкого района. Одним из последних знаковых событий в данном направлении стало участие в церемонии перезахоронения останков узников Брестского гетто на Северном кладбище Бреста.

Безусловно, колоссальная работа данными общественными объединениями проводится по сохранению и развитию еврейской диаспоры. С этой целью разработаны детские и молодежные программы,

группы по изучению иврита, еврейских песен и танцев, изучению истории и традиций еврейского народа, проводятся шаббаты и еврейские праздники, действуют воскресные школы. Ежегодно осуществляются экскурсионно-туристические поездки в еврейские местечки и музеи других регионов и стран. В г. Барановичи с 1992 г. действует Межрайонное общественное объединение «Клуб еврейской культуры «Шалом». Основными направлениями его деятельности стало проведение национальных еврейских праздников и благотворительных мероприятий. Особое внимание в клубе уделялось подрастающему поколению. Так, программа «Мазль-тов» позволяла работать с детьми от 3 до 7 лет, в ходе нее дети имеют возможность познавать еврейские традиции, историю и культуру в виде игр, сказок, так же давались начальные знания иврита, организовывался летний отдых для детей [3].

Деятельность русского и украинского национальных сообществ представлены такими объединениями как Брестское областное отделение республиканского общественного объединения «Русское общество», Общественное объединение «Украинский научно-педагогический союз «Берегиня». Как правило, их мероприятия посвящены памяти русских и украинских писателей и поэтов, Дню России, единению народов Беларуси и России, организации участия в олимпиаде по русскому языку и др.

Целью «Берагини» стало объединение педагогических, научных и культурных украинских деятелей Беларуси в деле развития системы украинского образования, изучения украинского языка, культуры, народного творчества и национальных традиций украинцев. Наибольшее распространение получили акции в память об украинском писателе Т. Шевченко. С начала 1990-х гг. Шевченковские дни проводились в Кобрине и Кобринском районе. В Брестском госуниверситете имени А. С. Пушкина стали традицией Шевченковские чтения. В Беларуси 2002 г. стал годом Т. Шевченко, в его рамках состоялись масштабные мероприятия. В Минске и Бресте были открыты памятники писателю, заложен камень под будущий памятник в Гомеле. По инициативе Генконсульства Украины в Бресте и украинских общественных объединений Беларуси в сентябре 2007 г. в Бресте состоялся праздник украинской культуры «Поющая Берестейщина» («Співуча Берестейщина»). Практика его проведения получила продолжение в последующие годы [1, с. 69].

Примечательно, что данные объединения тесно сотрудничали с местными органами власти, организациями, предприятиями и госучреждениями. Этому способствовало наличие богатой договорно-правовой базы между рядом приграничных городов и районов Беларуси, Украины и России. Так, Договором о культурном сотрудничестве,

заключенном 24 января 1995 г., между управлениями культуры Брестского облисполкома и Волынской облгосадминистрации Украины, были закреплены позиции украинцев в Брестской области и белорусов в Волынской области [2, арк. 15]. Весной 2004 г. аналогичные договоры были подписаны с управлениями культуры Ровненской и Житомирской облгосадминистраций, а также рядом соглашений между рядом приграничных городов и районов Беларуси и Украины.

В целях сохранения и популяризации своей культуры азербайджанская община г. Бреста ежегодно проводит старинный праздник Новруз-байрам – день весеннего равноденствия, начало астрономического нового года. Как правило, в таких мероприятиях участвуют представители и других диаспор. Так, в 2013 г. поздравили с праздником азербайджанцев представители общественного объединения «Польская школа Отечества на Беларуси», председатель городской еврейской ОО «Бриск» Борис Брук. Примечательно то, что Новруз-байрам включен ЮНЕСКО в репрезентативный список нематериального наследия человечества. В последние годы для межнациональной жизни г. Бреста стало характерно возрастающее количество представителей Туркменистана. В первую очередь, они представлены студенческой молодежью. Так, в БрГУ имени А. С. Пушкина созданы все необходимые условия для возможности сохранения своих культурных традиций: ежегодно проводится фестиваль иностранных студентов, где представители всех национальностей демонстрируют свои таланты, а также старостатом иностранных обучающихся проводится праздник Курбан-байрам.

Органами власти ежегодно проводится мониторинг общественного мнения жителей по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. В 2016 г. в Брестской области приняли участие в таком мониторинге более 2 000 жителей. Согласно результатам мониторинга, 78 % опрошенных считают, что межнациональные отношения в республике являются спокойными. Как напряженные, их оценивают 2,7 %. В целом считают спокойными, но видят возможность для их улучшения 19 %. Не испытывают дискриминации по признаку языка и национальности 80 % респондентов. Говорят о дискриминации 4,4 %, затруднились ответить 15,3 % [5].

Таким образом, на территории Брестской области создана атмосфера межнационального доверия и взаимопонимания, проводятся мероприятия и внедряются программы, имеющие межкультурный характер. Национальные сообщества представлены разнообразными объединениями, главной целью которых является сохранение и развитие национальной культуры, родного языка, а также проведение благотворительной и

социальной деятельности. Безусловно, такая работа проводится при государственной поддержке, которая активизировалась еще в 1994 г. с образованием Республиканского центра национальных культур. Под его эгидой один раз в два года проводится Республиканский фестиваль национальных культур, уже состоялось 12 таких фестивалей. На Брестчине наиболее активная работа по поддержке национальных меньшинств проводится Брестским областным клубом национальных культур при Государственном учреждении культуры «Брестский областной общественно-культурный центр». В целом органами власти осуществляется координация деятельности всех заинтересованных по укреплению национального согласия, гражданской активности членов национальных объединений, оказания им организационной и методической помощи.

Список использованной литературы

1. Бурик, Е. А. Феномен добрососедства: культурные контакты в белорусско-украинском и белорусско-польском приграничье (конец XX – начало XXI вв.) / Е. А. Бурик // Веснік Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 2. – С. 65–74..
2. Інформації Міністерству культури України про стан та розвиток культурно-освітніх установ області // Державний архів Волинської області. – Ф. Р-592. Оп. 1. Спр. 2204.
3. Карточки-паспорта общественных организаций национальных общностей Брестской области // Текущий архив Управления культуры Брестского облисполкома.
4. Национальный состав населения Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Т. 3.
5. Реализация этноконфессиональной политики в Брестской области // Брестский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brest-region.gov.by/index.php/ekonomika/sez-brest/76-oblast/>. – Дата доступа: 01.11.2018.
6. Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://евреи.бел/history/brest.html>. – Дата доступа: 17.10.2018.
7. Список национально-культурных общественных объединений, зарегистрированных в Республике Беларусь (по состоянию на 1 января 2019 года) // Уполномоченный по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belarus21.by/Articles/nac_cult_ob. – Дата доступа: 21.02.2019.
8. Улейчик, Н. Культурная саморепрезентация поляков Гродненской области в 2010-е годы / Н. Улейчик // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. научн. ст. по мат. II Междунар. науч. конф., Пинск 24–25 нояб. 2017 г. : в 2 ч. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – Вып. 2. – Ч. 1. – 227 с.

УДК 94(476)

И. И. ВАВРЕНЮК

Беларусь, г. Брест, БрГМК имени Р. Ширмы

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТА-НАД-БУГОМ (1921–1939)

Национально-религиозный состав Бреста-над-Бугом в 1921–1939 гг. был довольно пестрым, но первое место по численности занимали евреи: в 1921 г. – 52,9 % от всего населения [8, с. 84], в 1924 г. – около 57,55 % (18 296 евреев) [11, л. 25], в 1931 г. – 44 % [1, с. 68], в 1936 г. – около 41,3 % (21 518 человек) [27, с. 109]. В сборнике «Еврейский мир», изданном в Париже в 1939 г., брестская еврейская община была названа одной из главных еврейских общин Польши [25, с. 379].

Досуг евреев в городе был весьма разнообразным и зависел от возраста, степени религиозности, политических взглядов, финансирования. В связи с достаточно высоким уровнем религиозности практически все еврейское население города значительную часть свободного времени посвящала религии. В Бресте в 1921–1939 гг. были многочисленные синагоги и молитвенные дома (божницы), которых по количеству в городе было больше, чем у других конфессий: в 1926 г. – 47 синагог и иудейских молитвенных домов (божниц) [12, л. 2–2об.], в 1934 г. – Большая синагога и 29 божниц – «Зеленая», «Фишель», «Кобринская», «Новая», «Хайе-Одом», «Карлинер», «Слонимер», «Братство святое» и др. [23, л. 4–5]. Общая схема проведения мероприятий в синагоге была полностью подчинена религиозным нормам. Синагога являлась одним из важнейших объединяющих факторов для евреев, играла существенную роль в культурной жизни диаспоры. Сосредоточение синагог и иудейских божниц на культурно-образовательной и благотворительной деятельности позволило сохранить единство евреев. Консолидация препятствовала размыванию и денационализации диаспоры, способствовала ее единению, позволяла поддерживать преемственность поколений и сохранять национальные традиции. При этом еврейские культурно-просветительские организации опирались на авторитет иудаизма, материальную поддержку евреев [3, с. 444–447]. Религиозная иудейская жизнь проходила и за пределами синагоги в форме праздников Пурим (пуримшпилей), Песах, Ханука, которые фактически выливались в красочные городские мероприятия.

Динамично развивалось и светское искусство евреев, что в целом соответствовало тенденции развития общества, страны и мира. В городе регулярно проходили еврейские художественные выставки. В Западной Беларуси своих ярких художников сформировалось мало, вследствие чего

на экспозициях доминировали произведения из других регионов. Выставками занимались организации, созданные в Польше (Общество по популяризации изобразительного искусства на территории Польши и др.), причем выставлялись работы мастеров из разных регионов. Часто проходили коллективные выставки (польских, белорусских, еврейских мастеров). Например, в июле – сентябре 1924 г. Кружком учащихся евреев «Auxillium Academicum Iudaicum» совместно с «Обществом по популяризации изобразительного искусства на территории Польши» была организована «Еврейская коллективная выставка картин», где были представлены работы 20 художников из Парижа, Берлина и городов Польши (работы В. Браунера, Х. Берлеви, А. Блауфукса, Ф. Фридмана, Х. Готлиба, А. Гутермана, А. Хершафа, И. Хирифанга, Х. Ханфта, М. Каца, И. Рохмана, И. Ротбаума, М. Шварца, И. Тыкоцинского, И. Вайнлеля, В. Вайнтрауба и др.) [15, л. 17–22]. Среди популярных жанров еврейских художников Западной Беларуси необходимо назвать бытовой и портретный, городской пейзаж, религиозную живопись. Были представлены направления экспрессионизма, импрессионизма, абстракционизма, в значительной мере проявлялись тенденции символизма и футуризма. Еврейская светская живопись соответствовала основному направлению периода – авангардизму [4, с. 104–108].

Мировой кинематограф, в том числе и еврейский, в 1921–1939 гг. был на пике развития. В Польше в 1921–1939 гг. снималось кино на еврейскую тематику на идише: «Диббук», «Веселые нищие», «За грех», «Мамеле», «Без дома» и др. Еврейские кинорежиссеры активно снимали совместные фильмы: «Еврей со скрипкой» (США – Польша), «Шут» (США – Польша), «Письмо к матери» (США – Польша) [26]. В польском прокате были зарубежные фильмы еврейских кинорежиссеров: «Ноев ковчег», «Дизраэли», «Давид Голдер», «Дрейфус», «Любовник его жены», «Невеста егеря», «Оливер Твист», «Еврей Зюсс», «Дом Ротшильда», «Бар-мицва», «Крестовые походы», «Тевье», «Шир ха-Ширим», «Еврейский король Лир», «Великий Зигфилд», «Жизнь Эмиля Золя», «Зеленые поля», «Иезавель», «Еврейская мама», «Кол Нидре» [26].

Из 4 стационарных кинотеатров Бреста самый большой принадлежал еврею Абраму Сарверу [23, л. 8]. Анализ кинопроката за 1935 г. позволяет выделить предпочтение заграничным фильмам: «Любовь Тарзана», «365 жен короля Паусоло», «Радио в магазине игрушек», «Веселая Сусанна», «Секрет женщины», «Белла Донна», «Кариока», «Московские ночи», «Королева Кристина», «Бунт в Шанхае», «Семья Ротшильдов» и др. Частный театр А. Сарвера представлял собой фактически культурный центр, собирая на различные мероприятия до 200 человек. В нем проводились съезды, конференции, благотворительные мероприятия,

танцевальные концерты, музыкальные вечера [23, л. 8–14]. 20 апреля. 1922 г. в театре А. Сарвера «Варшавской дирекцией концертов И. Данцигера» был организован концерт еврейской народной музыки с участием М. Кипниса, З. Зэлигфельд, А. Меув и М. Народецкого [14, л. 175].

Регулярными были в городе и гастроли передвижных еврейских театральных трупп. Так, по воспоминаниям жительницы межвоенного Бреста Д. Ващукувны-Каменецкой в здании культурного центра «Рассвет» часто выступали местные любительские и профессиональные гастролирующие театры. Там местные жители смотрели спектакли «Крися Лесничанка» и «Важные персоны» М. Балуцкого. Впечатлили также гастроли Волынского театра с Л. Щепаньской [9, с. 127].

Показы еврейских фильмов устраивали и еврейские политические партии и организации. Наиболее популярными в Западной Беларуси были еврейские фильмы на сионистскую и историческую тематику. В 1920-х гг. в Польском государстве сложилась сеть еврейских культурно-просветительных учреждений («Тарбут», «Центральная еврейская школьная организация» (ЦЕШО), «Шуль-Культ», «Культур-Лига», «Объединение еврейских школ» (ОЕШ), «Тель-Хай», «Тахкемони» и др.), которые с целью организации досуга, просвещения и привлечения масс проводили музыкальные и театрализованные представления, концерты, балы, просмотры фильмов, выставки и др. Как отмечалось в полицейских донесениях, 11 ноября 1928 г. в г. Бресте «для предвыборной агитации выборов в городскую Раду Бунд показал фильм». 6 мая 1934 г. по инициативе «Агудас Израэль» в летнем кинотеатре «Коалиция» г. Бреста был показан фильм о Палестине «с целью сбора миллиона злотых в Польше на строительство религиозной Палестины». В этом же году в городе показы фильмов провели «Брит Трумпельдор», «Тарбут», сионисты ревизионисты, общие сионисты [6, с. 256–259].

Взрослое население города не мыслило свою жизнь без центральной и местной прессы. Активно работали в городе еврейские типографии: по состоянию на 1 января 1921 г. ими были 11 из 14 типографий города, в 1931 г. – 9 из 11. Самыми крупными из них были типографии М. Тененбаума, Гендлера и братьев, Б. Гинзбурга [19, л. 23]. Из 11 газет, зарегистрированных в Бресте на 30 ноября 1924 г., три были еврейскими («Poleser Sztyme», «Unzer Morgen», «Poleser Lebn»), субсидируемые Брестским отделением сионистской организации. Издавались они в типографии Гендлера [20, л. 2] или в типографии М. Тененбаума [16, л. 92]. С 15 апреля вследствие закрытия газеты «Unzer Morgen» («Наше утро») в Бресте стал издаваться еженедельник «Poleser Wochenblatt» («Полесский недельный листок»), имеющий общественно-литературную направленность. К 1 февраля 1926 г. появился ежемесячник «Arbejter Kultur» («Рабочая

культура»), освещавший культурную жизнь рабочих [17, л. 43]. С 5 марта 1926 г. в Бресте стал издаваться еженедельник «Poleser Tagblat» («Полесский дневной листок») [17, л. 35]. Рубрики печатных изданий охватывали вопросы истории, правовые вопросы, религиозные. Экономические и педагогические исследования, зарисовки (про обычаи евреев различных стран), фельетоны, биографии и некрологи, афоризмы и анекдоты. Каждый номер начинался обширной статьей главного редактора, которая касалась злободневных проблем еврейского общества – религиозных, просветительских, политических или идеологических.

Популярными среди молодежи города были еврейские спортивные клубы и водно-спортивные стадионы: «Маккаби», «Моргенштерн», причем первый был самым многочисленным. По воспоминаниям бывшего жителя Бреста Т. Буйновского, самые красочные и захватывающие спортивные праздники в городе проходили при участии еврейского спортивного клуба «Маккаби» [2, s. 3]. Евреи также принимали участие в мероприятиях польских спортивных организаций, соревнованиях, праздниках, фестивалях. Действовали еврейские организации и клубы на любой вкус – «Мизрахи», «Тарбут», «Культур-Лига», «Тель-Хай» и др. [5, с. 40].

Наиболее активно в сфере культуры работало еврейское культурно-просветительное товарищество «Тарбут». В Бресте регулярно устраивало театрализованные представления и маскарады «Товарищество охраны здоровья» (ТОЗ) [13, л. 90–189; 15, л. 110–116]. Под руководством еврейских культурных организаций в Западной Беларуси были организованы самодеятельные любительские театральные и драматические кружки, молодежные и школьные театры. В 1937 г. здесь насчитывалось 1 984 кружков [30, с. 62]. Только в Полесском воеводстве в 1936 г. было 157 самодеятельных театральных кружков, в которых занималось 833 человека [28, s. 33]. Ярким явлением в жизни учреждений образования являлись школьные театры и кружки. Пьесы писались преподавателями по литературным произведениям или брались готовые сценарии. Одними из самых популярных сюжетов были ветхозаветные, а также посвященные религиозным праздникам.

Модернизационные процессы в польском и еврейском обществе в 30-е гг. XX в. подталкивали к эмансипации традиционных еврейских ценностей. Часто с лекциями различного характера выступали женщины-лекторы, которые личным примером показывали новый образ женщины-еврейки и подталкивали к активности. Так, 11 марта 1933 г. в Бресте выступила с лекцией доктор Эстер Трест на тему «Влияние Фрейда на литературную теорию» [21, л. 21]. О расширении кругозора и сломе традиций свидетельствовало и само общество. Вряд ли было возможным ранее проведение для евреек лекций на темы «Гигиена брака»,

«Сексуальное поведение у животных и людей», «Безопасность аборта», «Наступление беременности», «Гигиена супружества» или «Суд над искусственным абортom» [13, л. 137; 22, л. 3–11].

Таким образом, культурный досуг евреев Бреста-над-Бугом был разнообразным. Координирующая роль в этой сфере в 1921–1939 гг. принадлежала культурным центрам (театрам, культурно-просветительным организациям, учреждениям образования и др.), которые отражали процессы модернизации общества и сохранения традиционных ценностей. В 1920-е гг. в городе были созданы еврейские культурные центры, где читались лекции на исторические и политические темы, устраивались диспуты и концерты, ставились любительские спектакли и др. Работали и еврейские библиотеки, фонды которых пополнялись за счет пожертвований и помощи из-за рубежа. Развивался еврейский театр. .

Досуг соответствовал тем изменениям, которые происходили в обществе и в мире: модернизация, секуляризация, эмансипация женщин, бурное развитие светского искусства, но с другой стороны испытывал множество проблем, в первую очередь финансовых.

Список использованной литературы

1. Бешанова, Ю. Анализ результатов переписи 1931 г. в городе Бресте и Берестейском повете / Ю. Бешанова // Моладзь Берасцейшчыны. – Брэст : БрДУ, 2002. – С. 65–70.
2. Vujnowski, T. Pochodze z Brzescia nad Bugiem / T. Vujnowski // Dziennik Polski (Londyn). – 1988. – 23 wrzesnia. – S. 3.
3. Вавренюк, И. И. Архитектура иудейских молитвенных домов Бреста-над-Бугом (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Энергия науки : материалы III междунар. науч.-практ. Интернет-конф. студентов и аспирантов, Ханты-Мансийск) ; отв. ред. А. С. Змановская, И. С. Балов. – Ханты-Мансийск : Изд-во Югорск. гос. ун-та, 2013. – С. 444–447.
4. Вавренюк, И. И. Живопись евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. дакл. і тэз. VIII міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–8 верас. 2017 г. / гал. рэд. І. Лакотка / Цэнтр даследванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2018. – С. 104–108.
5. Вавренюк, И. И. К вопросу об отношении к иудейскому населению во II Речи Посполитой (на примере Бреста-над-Бугом) (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Праблемы айчынай і сусветнай гісторыі (да 60-годдзя доктара гістарычных навук, прафесара У. М. Міхнюка) : матэрыялы навук. чытаньняў, Брэст, 28 верас. 2007 г. ; рэдкал.: У. В. Здановіч, А. А. Савіч (адк. рэд.), І.І. Шаўчук / Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2008. – С. 34–42.

6. Вавренюк, И. И. Прокат еврейских фильмов на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. дакл. і тэз. міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24–25 ліст. 2016 г. : у 2 т. / гал. рэд. А. І. Лакотка / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2017. – Т. 1. – С. 256–259.
7. Вавренюк, И. И. Эмансипация еврейских женщин Полесского воеводства (1921–1939) / И. И. Вавренюк // Социокультурная жизнь: история повседневности : сб. материалов регион. науч.-практ. конф., Брест, 27 нояб. 2015 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: Т. М. Тохиян, Е. С. Розенблат. – Брест : БрГУ, 2016. – С. 21–26.
8. Wasiutynski, J. Ludność żydowska w Polsce w wiekach XIX i XX / J. Wasiutynski. – Warszawa : Studium statystyczny, 1930. – 225 s.
9. Ващукувна-Каменеца, Д. Брест – город незабываемый / Д. Ващукувна-Каменеца. – Брест : Изд-во С. Лаврова, 2000. – 284 с.
10. Gal-Ed, E. Księga świąt żydowskich / E. Gal-Ed. – Warszawa : Wyd-wo Cyklady, 2005. – 318 s.
11. Статистические сведения о национальном составе населенных пунктов Полесского воеводства на 1 января 1924 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 78.
12. Переписка с поветовыми старостами, городскими магистратами и др. об утверждении планов на постройку синагог и молелен, о выборе членов управления гмин и др., с приложением списков парафий и синагог // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2390.
13. Заявления и сообщения общественных организаций о проведении лекций и др. // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 385.
14. Заявления школ и общественных организаций и переписка с ними об устройстве концертов, лекций и вечеров (22 февраля – 28 декабря 1922 г.) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 386.
15. Циркуляры Полесского воеводского управления о ратификации туристской польско-чехословацкой конвенции; заявления жителей Брестского повета и общественных организаций о разрешении на организацию зрелищ, аттракционов и др. // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 595.
16. Циркуляры и сообщения Министерства внутренних дел и др. о распространении и конференции печатных изданий, заявления общественных организаций, театральных групп и др. о разрешении устройств концертов и спектаклей, отчеты о проведении последних, списки пьес и печатных изданий // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 903.
17. Договоры и переписка с полицейскими органами о выдаче разрешений гражданам на право издания газет и журналов и их распространение // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 1144..
18. Заявления жителей Брестского повета о выдаче заграничных паспортов с приложением квалификационных свидетельств (24 января 1926 – 24 декабря 1931 г.) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 1.

19. Распоряжения и приказы Полесского поветового коменданта госполиции (31 января 1921 г. – 30 июля 1922 г.) // ГАБр. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 11.
20. Статистические сведения о количестве работников типографий гор. Бреста // ГАБр. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 315.
21. Сведения о составе и деятельности еврейской социал-демократической рабочей партии в Бресте – над – Бугом (1 апреля 1932 г. – 11 декабря 1933 г.) // ГАБр. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 1607.
22. Сведения о составе и деятельности Товарищества охраны здоровья («ТОЗ») (1932–1933 гг.) // ГАБр. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 1619.
23. Список учреждений и предприятий с указанием их местонахождения в г. Бресте // ГАБр. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 3079.
24. Заявления граждан о выдаче свидетельств об их отношении к существующему режиму бывшей панской Польши для получения заграничных паспортов (15 января 1920 г. – 14 декабря 1923 г.) // ГАБр. – Ф. 2025. Оп. 1. Д. 99.
25. Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. – Иерусалим : Гешарим ; М. : Мосты культуры. – Минск : МЕТ, 2002. – 480 с.
26. National Center for Jewish Film at Brandeis University in Massachusetts. National Center for Jewish Film [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.jewishfilm.org/. – Дата доступа: 10.03.2016.
27. Rucki, W. Brześć : Zarys historyczny / W. Rucki. – Brześć : Związek Polaków na Białorusi ; Oddział Miejski w Brześciu, 1994. – 192 s.
28. Sprawozdanie Wojewody Poleskiego na posiedzenie Rady Wojewódzkiej w grudniu 1936 r. – Brześć nad Bugiem : Drukarnia Nadbużańska, 1936. – 78 s.
29. Sprawy Narodow osciowe. – Warszawa : Instytut Badan Spraw Narodow osciowych. – 1927. – № 3.
30. Царук, Н. Тэатральная дзейнасць у Заходняй Беларусі / Н. Царук // Беларус. гіст. часоп. – 2002. – № 5. – С. 61–68.

УДК 94(476)

Н. П. ГАЛИМОВА

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

О РОЛИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В ЖИЗНИ СТРАНЫ В 70–80-е гг. XX в. (НА ПРИМЕРЕ КАМЕНЕЦКОГО РАЙОНА)

После отставки Н.С. Хрущева в 1964 г. культурная жизнь в нашей стране изменилась, высшее политическое руководство страны все делало для того, чтобы поскорей покончить с политической «оттепелью». Резко усилились цензурные ограничения, особенно после принятия постановления ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуаров» (1969). На смену либерализации политического

курса пришла эпоха «застоя», которая была связана со сменой руководства в государстве. Политика, которую проводил Л. И. Брежнев в 1964–1982 гг., была обращена на консервацию сформированной за десятилетия формы экономической и общественно-политической деятельности.

Общественно-политическая жизнь Беларуси в это время обусловила усиление руководства культурой со стороны КПБ. Но несмотря на идеологизацию культуры в стране создавались новые произведения литературы, музыки, архитектуры и изобразительного искусства. В театрах ставились новые произведения, которые получили мировую известность. Больших успехов достигла белорусская наука во многих областях знаний. В целом общественно-политическая жизнь в Беларуси во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. – явление неоднозначное, сложное и противоречивое, и определенную роль в этой жизни играли учреждения культуры.

Свои особенности имела культурная жизнь Каменецкого района Брестской области. 24 января 1970 г. состоялся районный заключительный смотр-концерт, посвященный 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, в котором участвовали 300 человек. На кустовых и зональных этапах высокое мастерство показал коллектив колхоза «Советская Белоруссия» (художественный руководитель – Милковский), в котором участвовало 60 человек. Успешно выступил и коллектив колхоза имени Жданова (художественный руководитель Шпагина). Высокое мастерство продемонстрировали другие ведущие коллективы: танцевальный коллектив Районного дома культуры под руководством Т. Покало, хоровой коллектив колхоза «Советская Белоруссия» (художественный руководитель – Л. Ульянов), коллектив районного отдела милиции под руководством Л. Скробот, коллектив художественной самодеятельности колхоза «Октябрь» (художественный руководитель – О. Селивоник), женские ансамбли Высоковского городского дома культуры и Каменецкого районного дома культуры. Заслужили внимания духовые оркестры Каменецкого районного дома культуры (РДК) и Ряснянской музыкальной школы, струнный ансамбль колхоза имени Жданова и эстрадный ансамбль РДК.

Сеть учреждений культуры расширялась. В стадии строительства в 1970 г. находилось четыре колхозных и один совхозный клуб, все они строились по типовым проектам, а первыми были сданы в эксплуатацию два клуба: в колхозе «Победа» на 360 мест и в совхозе имени Димитрова на 360 посадочных мест. В районе насчитывалось 210 населенных пунктов, все клубные учреждения были электрифицированы и имели по 1–2 радиоточки.

В 1970 г. коллективы художественной самодеятельности района усилили свою работу, дали 251 концерт. Все больше и больше внедрялись

в жизнь новые обычаи и обряды: в клубах в торжественной обстановке проводились регистрации браков, регистрации новорожденных.

В связи с приближающимся 100-летием со дня рождения В.И. Ленина в районе были благоустроены все памятники, братские могилы, которых насчитывалось 28. Ко Дню Победы были открыты памятники в колхозе «Советская Белоруссия», в колхозе «Октябрьская революция». В день открытия возле памятников района были проведены митинги, в клубах проводились тематические вечера, вечера встреч с ветеранами Великой Отечественной войны и другие массовые мероприятия. Большой вклад в культурную жизнь вносили библиотеки, активно пропагандировалась белорусская литература, книговыдача которой составляла в 1970 г. 9715 экземпляров [1, л. 109].

Одной из особенностей работы учреждений культуры в рассматриваемый период была творческая дружба с польскими соседями и пограничниками. 9 мая 1971 г. группа девочек-участниц художественной самодеятельности в белорусских костюмах вместе с представителями районного комитета КПБ поехала встречать на границу польских друзей. Там они вручили гостям хлеб и соль. В Каменце также организовали митинг по поводу приезда польских друзей. В сквере РДК была красочно оборудована эстрада, где польские друзья дали концерт, а потом был дан ответный большой концерт художественной самодеятельности района и РДК. Праздник прошел на высоком уровне, присутствовало много труженников района. Такие праздники укрепляли отношения с польскими друзьями [3, л. 3].

Шефская связь с пограничными воинскими частями осуществлялась путем организации шефских концертов на заставах. Особенно хорошо прошел концерт на заставе в д. Каменюки, участники художественной самодеятельности были тепло приняты, отдельным участникам были вручены памятные сувениры.

В начале 1970-х гг. в районе работало 5 народных университетов. При Ряснянском доме культуры работал университет культуры с периодичностью 1 занятие в месяц, число слушателей – 250 человек. При районном доме культуры также работал университет культуры, ректором которого являлся директор Каменецкой музыкальной школы П.Т. Свиридюк. При районной больнице действовал университет «Здоровье» (ректор – врач каменецкой больницы Е.П. Олесик), два университета педагогических знаний в г. Высоком (руководитель, директор Высоковской средней школы Руденко) с числом слушателей 150 человек и при Каменецкой средней школе (руководитель – Колоцей, завуч Каменецкой средней школы) [4, л. 28].

При Каменецком РДК имелся духовой оркестр, который обслуживал все торжественные совещания, участвовал в демонстрациях на протяжении рассматриваемого периода. Художественной самодеятельности при РДК и систематическим выступлениям коллективов, как на своей сцене, так и на сцене других сельских клубов, уделялось большое внимание. Работали коллективы художественной самодеятельности и на предприятиях поселка, которыми руководили работники РДК. Коллектив сельхозтехники в феврале 1972 г. вышел на республиканскую сцену [5, л. 1–3].

В клубной работе при проведении массовых мероприятий часто использовались технические средства: киноаппаратура, фильмоскопы, эпидиоскопы, радиоузлы, проекционные фонари. Технические средства использовались при проведении массовых мероприятий в Волчинском, Новоселковском, Войсковском сельских домах культуры, Высоковском городском доме культуры.

Особо можно выделить сводный духовой оркестр Каменецкого района, который исполнил поурри на темы композиторов Брестчины. Сводный оркестр принимал участие в республиканском смотре коллективов художественной самодеятельности [6, л. 25–26].

Работники учреждений культуры, активисты проводили большую работу по сбору данных о воинах, захороненных в братской могиле г.п. Каменец, огромная работа была проделана учащимися Каменецкой средней школы № 1, Пелещенской средней школе, Каменецкой средней школе, Турнянской восьмилетней школы. Во всех этих школах имелись уголки боевой и трудовой славы, активно велось патриотическое воспитание учащихся и населения [6, л. 2; 6; 13; 15; 17; 25].

Новой формой работы в РДК стали клубы по интересам: клуб старшеклассников «Ровесник», который провел несколько мероприятий («Последний звонок», «Песни А. Ахматовой», вечер комсомольской песни). Клуб «Выходного дня» работал один раз в квартал. Здесь проходили беседы с юристами, врачами, модельерами, а также проводились концерты художественной самодеятельности и вечера отдыха. Работал народный университет с двумя факультетами – музыкальных и правовых знаний.

К 30-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков оформлялись стенды, читались лекции и доклады, проводились беседы и тематические вечера, вечера встреч с ветеранами. На центральных усадьбах колхозов, у памятников, братских могил были проведены митинги. 30-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков был посвящен вечер «Вечно жить подвигу народа». На вечер были приглашены участники обороны Брестской крепости П. А. Гаврилов, генерал-лейтенант Воскресенский, который

участвовал в боях за освобождение Каменецкого района, полковник Волков, редактор газеты «Ленинец» В.И. Ефимович, бывший партизан, И.А. Стрихарчук – ветеран войны и др. В торжественной обстановке были вручены памятные значки ветеранам войны.

В 1976 г. в районе насчитывалось 67 клубных учреждений. Работники клубов и активисты проводили тематические вечера, вечера вопросов и ответов, диспуты, устные журналы, вечера чествования передовиков сельскохозяйственного производства, вечера встреч с ветеранами войны и партизанского движения, читались лекции и доклады на различные темы. Так, за 1976 г. КПУ района было прочитано 1 465 лекций и докладов, обслужено 99 935 человек.

С каждым годом клубные работники все больше усиливали пропаганду естественнонаучных и атеистических знаний. На эту тему было прочитано 130 лекций и докладов, было оформлено 13 «уголков атеиста».

В этот период в районе работало 6 народных университетов. При РДК работал головной народный университет музыкальных знаний, ректором которого являлся директор Каменецкой музыкальной школы П. Свиридчук. Занятия проводились один раз в месяц для 136 слушателей. При Ряснянском сельском доме культуры работал университет музыкальных знаний – филиал музыкальной школы, который посещали 97 человек. При районной больнице работал университет «Здоровье», при средних школах г. Высокое и г.п. Каменец – университет педагогических знаний [9, л. 2, 8, 10].

В районе работало 54 детских коллектива художественной самодеятельности. Было проведено 436 детских мероприятий (детские утренники, тематические вечера, вечера сказок, праздники букваря, первого звонка и др.). Во многих клубных учреждениях были проведены утренники на тему «Имя Ленина в сердце каждом», «Всех республик октябрят». Проводились также встречи пионеров с ветеранами войны и труда «Герои среди нас». Значительная работа проводилась в лагерях труда и отдыха, которые работали в колхозах «40 лет Октября», «Большевик», «Родина», на оздоровительных площадках. Летом для детей, отдыхающих в пионерских лагерях, организовывались конкурсы, спортивные и игровые состязания. Проведен был «Праздник зимы», «Неделя книги для детей» и др. [11, л. 1–11].

В районе имелась хорошая спортивная база для занятий физкультурой и спортом. Многие спортсмены района принимали участие в областных и республиканских соревнованиях, где становились чемпионами и призерами. В год проводилось 13 районных соревнований по различным видам спорта, наиболее массовыми из которых были

соревнования по легкой атлетике, футболу, волейболу и другим видам спорта. Проводились различные соревнования и матчевые встречи, посвященные героям комсомольцам и в честь знаменательных дат [12, л. 1]

Успешной работе учреждений культуры помогали руководители хозяйств. Прекрасным примером может служить В.Л. Бедуля, который ушел из жизни совсем недавно, 30 июля 2017 г., отпраздновав свой 90-летний юбилей. Все годы его жизни были «наполнены усердным трудом, любовью к земле и беззаветным служением людям» [13, с. 3].

Владимир Бедуля был не просто прекрасным руководителем, но истинным ценителем и покровителем культуры. Благодаря его трудам д. Рясна была украшена Дворцом культуры, музеем хлеба. В колхозе были организованы Народный хор, танцевальный коллектив, агитбригада, детский кукольный театр, вокально-инструментальный ансамбль, которые знали далеко за рубежами Беларуси. Именно отсюда, из белорусского колхоза, на весь Советский Союз транслировался фестиваль «Песня-87». В Рясненском доме культуры давали свои концерты многие артисты Большого театра, Святослав Рихтер, хор имени Пятницкого, ансамбль Советской Армии, выступали поэты А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, актеры М. Ульянов, И. Мирошниченко, ряд других знаменитостей [15, с. 260–298].

К 1975 г. в районе успешно работали районная библиотека в г. Каменце, две городские библиотеки, одна детская районная, одна городская и одна сельская детские библиотеки. К середине 1980-х гг. количество сельских библиотек возросло до 61. Библиотеки наряду с другими учреждениями клубного типа играли важную роль в развитии культуры Каменецкого района и продвижении политически-идеологической и научно-атеистической пропаганды среди местного населения. С этой целью они проводили различные культурно-массовые мероприятия, конференции, утренники, громкие читки, устные журналы, детские утренники и др.

Так, в 1955–1985 гг. средняя сменяемость работников культуры составила 40,7 %, за это время 643 человека ушли со своих мест работы. Самые распространенные причины этой тенденции – призыв в армию, нахождение иной работы, поступление в учебные заведения. Как следствие, плановая, правильно выстроенная с точки зрения идеологии работа учреждений культуры в конце 1970-х гг. начала давать сбой, мероприятия, посвященные исключительно памятным и юбилейным датам, наглядно свидетельствовали о застое в культурной жизни страны, которой нужны были перемены во всех сферах жизни общества.

Список использованной литературы

1. Отчеты о работе библиотек района за 1970 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 107.
2. Годовой текстовый отчет отдела культуры о работе культурно-просветительных учреждений района за 1971 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 117.
3. Отчет о работе Каменецкого районного Дома культуры за 1971 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп.1. Д. 118.
4. Годовой текстовый отчет отдела культуры о работе культурно-просветительных учреждений района за 1971 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп.1. Д. 117.
5. Отчет о работе Каменецкого районного Дома культуры за 1971 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 118.
6. Годовой текстовый отчет отдела культуры о работе культурно-просветительных учреждений района за 1972 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 130.
7. Отчет о работе Каменецкого районного и Высоковского дома культуры за 1973 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 143.
8. Отчет о работе Каменецкого районного и Высоковского дома культуры за 1974 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 161а.
9. Отчет о работе культурно-просветительных учреждений района за 1976 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 213.
10. Отчет о работе культурно-просветительных учреждений района за 1978 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 250.
11. Отчет о работе культурно-просветительных учреждений района за 1981 г. // ГАБр. – Ф. 1075. Оп. 1. Д. 299.
12. Отчет о работе комитета за 1977 г. // ГАБр. – Ф. 157. Оп. 1. Д. 36.
13. Лис, А. В. Бедуля Владимир Леонтьевич / А. В. Лис // Заря. – 2017. – 1 авг. – С. 3.
14. Субат, У. Усе яшчэ лятаючы мужык / У. Субат // Сельская газета. – 2017. – 23 мая. – С. 1, 8–9.
15. Юренев, А. Летающий мужик / А. Юренев. – Минск : Торгово-финансовый союз «БТФС», 2014. – 359 с.

УДК 947,6

В. П. ГАРМАТНЫ

Беларусь, Мінск, Інстытут парламентарызма і прадпрымальніцтва

КРЫНІЦЫ ПА МАДЭРНІЗАЦЫІ СЕЛЬСКАЙ ГАСПАДАРКІ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 гг.

Мадэрнізацыя сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства, якая ажыццяўлялася польскімі ўладамі ў 1921–1939 гг., знайшла сваё адлюстраванне ў крыніцах, якія можна ўмоўна падзяліць наступным чынам: праграмныя; заканадаўчыя; справаводчыя; статыстычныя; архіўныя; публіцыстычныя.

Пытанне ажыццяўлення ў міжваеннай Польшчы (і ў прыватнасці на Палессі) аграрных пераўтварэнняў было вельмі актуальным пытаннем і востра абмяркоўвалася ў тагачасным грамадстве, перш за ўсё ў шэрагах польскай эліты і пераважна прадстаўнікамі палітычных партый і арганізацый. Палітычныя лідары, многія з якіх самі былі буйнымі землеўласнікамі, у барацьбе за ажыццяўленне аграрных мерапрыемстваў карысным для сябе чынам, а таксама за сялянскія галасы на чарговых выбарах, прапаноўвалі разнастайныя варыянты рэалізацыі аграрнай рэформы, якія знаходзілі адлюстраванне ў партыйных праграмах, дзе аграрнае пытанне займала адно з галоўных месцаў. Варта заўважыць, што пры гэтым польскія кіруючыя колы падкрэслівалі выразна сельскагаспадарчы характар Палескага ваяводства і слабую нацыянальную свядомасць мясцовага насельніцтва, у сувязі з чым лічылі, што ажыццяўленне тут аграрных пераўтварэнняў магло карэнным чынам палепшыць стаўленне палешукоў да польскага панавання.

Сярод такіх крыніц неабходна вылучыць выдадзены польскімі вучонымі зборнік праграмных дакументаў палітычных партый і арганізацый Польшчы міжваеннага перыяду [10]. Дзякуючы прыведзеным у зборніку праграмам можна прааналізаваць адносіны палітычных партый да ажыццяўлення аграрных мерапрыемстваў. Сабраныя даследчыкамі дакументы аб узнікненні і дзейнасці палітычных партый, а таксама пералік выдаваемых імі перыядычных органаў і біяграфічныя звесткі пра іх лідараў спрыяюць складванню цэласнага ўяўлення аб грамадска-палітычным жыцці міжваеннай Польшчы, сацыяльнай базе і праграмных устаноўках палітычных арганізацый, аб фактарах, якія паўплывалі на выпрацоўку пазіцыі партый адносна вырашэння аграрнага пытання.

У працы пад рэдакцыяй С. Скульскага [4] паказана дзейнасць палітычных партый міжваеннай Польшчы, прааналізаваны іх праграмныя дакументы, у тым ліку і адносна ажыццяўлення аграрных мерапрыемстваў. Складальнікамі падкрэслена, што правядзенне ўрадавай аграрнай рэформы пры пэўных умовах падтрымлівала большасць тагачасных партый, не выключаючы і заходнебеларускія нацыянальна-вызваленчыя арганізацыі, адзіным выключэннем была Камуністычная партыя Польшчы і яе складовая частка Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), якія выступалі за бясплатную перадачу ўсёй зямлі працоўным сялянам.

Неаднаразовыя абмеркаванні ў Сейме міжваеннай Польшчы аграрных законапраектаў нязменна суправаджаліся гарачай і працяглай дыскусіяй. Найбольшую інфармацыю сярод заканадаўчых крыніц утрымліваюць спецыяльныя зборнікі законаў. Варта падкрэсліць, што сеймавыя пастановы набывалі сілу закона толькі пасля іх апублікавання ў такіх выданнях. Сярод гэтых крыніц неабходна перш за ўсё назваць законы

ад 17 снежня 1920 г. аб насаджэнні вайсковага асадніцтва, ад 31 ліпеня 1923 г. аб аб'яднанні сялянскіх надзелаў і ад 28 снежня 1925 г. аб правядзенні аграрнай рэформы [11–14].

Вышэй узгаданыя законы рэалізаваліся пад кіраўніцтвам мясцовых улад, дакументацыя якіх пры ажыццяўленні мадэрнізацыі аграрнай сферы носіць характар справаводчых крыніц. Да іх ліку адносяцца дакументы Палескай ваяводскай зямельнай управы, справаздачы палескіх ваяводаў і павятовых старастаў аб сялянскім руху і становішчы ў краі, інструкцыі па выкананню неабходных работ; уставы і статуты “Саюза асаднікаў”, звароты і скаргі палешукоў, пададзеныя ў органы дзяржаўнай адміністрацыі пры правядзенні вызначаных мерапрыемстваў у рамках аграрнай рэформы і г.д.

Вельмі важную інфармацыю ўяўляюць статыстычныя крыніцы, дзякуючы якім можна вызначыць колькасныя паказчыкі ажыццяўлення мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства ў міжваенны перыяд. Сярод іх неабходна назваць спецыяльныя штогадовыя зборнікі статыстычных дадзеных, пры дапамозе інфармацыі з якіх можна параўнаць паказчыкі аграрнай мадэрнізацыі Палескага ваяводства ва ўзаемасувязі з іншымі рэгіёнамі [9].

Падчас даследавання аўтарам манаграфіі выкарыстаны матэрыялы ў першую чаргу з фондаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці (фонд 1 “Полесское воеводское управление, г. Брест, 1921–1939 гг.”, фонд 60 “Полесское окружное земельное управление Министерства сельскохозяйственных реформ”, фонд 372 “Поветовые земельные управления Полесского воеводства”), дзе адлюстравана правядзенне аграрных пераўтварэнняў на Палессі ў міжваенны перыяд. У азначаных фондах утрымліваюцца такія дакументы, як планы і справаздачы па ажыццяўленні ў рэгіёне неабходных работ, службовыя дзённікі землямераў, справы аб камасацыі мясцовых вёсак, насаджэнні вайсковага асадніцтва і г. д. [3]. Варта падкрэсліць, што ў параўнанні з іншымі архівамі Рэспублікі Беларусь самая поўная і каштоўная інфармацыя па ажыццяўленні аграрнай палітыкі польскіх уладаў у Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. у цэлым змешчана менавіта ў Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці.

Сярод іншых айчынных архіваў, у якіх утрымліваюцца матэрыялы па разглядаемай праблематыцы, можна назваць Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, дзе захоўваюцца справаздачы камуністычных функцыянераў Заходняй Беларусі аб сацыяльна-эканамічным і грамадска-палітычным развіцці рэгіёна ў 1921–1939 гг. і перш за ўсё пра сялянскі рух, але пададзеная імі інфармацыя патрабуе верыфікацыі і ўдакладнення ў сувязі з рэзка негатыўным стаўленнем камуністаў да тагачасных польскіх уладаў і з-за гэтага імкнення паказаць становішча самым адмоўным чынам.

Вялікую цікавасць пры правядзенні даследавання ўяўляе таксама Архіў Актаў Новых у Варшаве (Рэспубліка Польшча), у якім змешчана шмат дакументаў, што датычуць ажыццяўлення мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі на Палессі ў 1921–1939 гг., перш за ўсё вопісы многіх мясцовых маёнткаў і справаздачы задзейнічаных у ходзе рэалізацыі аграрнай рэформы асоб, шэраг крыніц па праблеме асадніцтва, якія патрабуюць класіфікацыі і выпрацоўкі метадалагічных падыходаў да іх выкарыстання [8, с. 199].

Цікавыя звесткі ўтрымліваюць публіцыстычныя крыніцы, да шэрагу якіх адносяцца сялянскія лісты пра сваё становішча, апублікаваныя ў тагачасным перыядычным друку і ў зборніках дакументаў і матэрыялаў [5–6]. Напрыклад, гісторыкамі савецкага перыяду падрыхтавана выданне грунтоўнага двухтомнага збору дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Заходняй Беларусі з красамоўнай назвай “Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР” [1–2], у якім падабраны акты дзяржаўных устаноў міжваеннай Польшчы па аграрнаму пытанню, сялянскія прашэнні і скаргі на сваё цяжкае становішча (у тым ліку і з Палескага ваяводства). Разам з тым варта адзначыць, што да прапаноўваемых дакументаў неабходна ставіцца даволі крытычна, бо ў многіх выпадках сяляне пры звароце за дапамогай у дзяржаўныя ўстановы з гэтай мэтай спецыяльна перабольшвалі вастрыню сітуацыі. Акрамя таго, у большасці апублікаваных у зборніку зваротах вяскоўцы скардзіліся менавіта на празмернае зацягванне работ па рэарганізацыі сельскай гаспадаркі, але не адмаўляліся ад іх катэгарычна, што сведчыць аб разуменні імі мэтай аграрнай рэформы і адпаведна яе падтрымцы. Такім чынам, азначаны зборнік пры ўмове прымянення сучасных падыходаў айчыннай гістарычнай навукі з’яўляецца вельмі каштоўнай факталігічнай крыніцай.

Сярод найбольш свежых выданняў можна адзначыць зборнік дакументаў і матэрыялаў пад рэдакцыяй аднаго з галоўных сучасных даследчыкаў заходнебеларускай праблематыкі, доктара гістарычных навук, прафесара А. М. Вабішчэвіча, у якім з сучасных навуковых пазіцый падаецца становішча Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., раскрываюцца многія да гэтага слаба асветленыя аспекты яе сацыяльна-эканамічнага развіцця, перш за ўсё рэалізацыя на Палессі аграрных пераўтварэнняў, даецца ацэнка ўрадавай палітыкі ў азначаным рэгіёне [7].

Нельга таксама абмінуць увагай тагачасны перыядычны друк, на старонках якога часта разглядаліся пытанні напярэмаў далейшага развіцця сельскай гаспадаркі міжваеннай Польшчы. Выкарыстанне крыніц гэтага тыпу становіцца асабліва важным, калі ўлічваць неабходнасць асветлення падзей на мясцовым узроўні. Разам з тым пры выкарыстанні звестак з

перыядычнага друку трэба ўлічваць верагоднасць палітычнага ўплыву, магчымасць скажэння інфармацыі і пераправяраць гэтыя звесткі па іншых крыніцах [8, с. 202–203]. Сярод такіх газет, напрыклад, неабходна асобна назваць “Чырвоны сыцяг” – друкаваны орган КПЗБ, на старонках якога ажыццяўляемыя аграрныя пераўтварэнні паказваліся з самага негатыўнага боку, адзначалася, што яны не толькі не маглі выправіць сітуацыю да лепшага, а толькі яшчэ больш яе пагаршалі, што было абумоўлена стаўленнем да ўладаў камуністаў і падтрымкай правядзення аграрных пераўтварэнняў па савецкаму прыкладу. У цэлым неабходна падкрэсліць, што палескія сяляне ў 1921–1939 гг. у адрозненне ад сваіх сучаснікаў з Савецкай Беларусі мелі магчымасць і не баяліся публічна выказаць сваё меркаванне (часам рэзка крытычнае) адносна дзяржаўных уладаў і іх дзейнасці.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што мадэрнізацыя сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. знайшла адпаведнае адлюстраванне ў шматлікіх разнастайных крыніцах, якія яскрава і ўсебакова паказваюць становішча сялянства і ход рэалізацыі аграрных пераўтварэнняў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: док. и материалы : в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Госиздат БССР, 1962–1972. – Т. 1 : 1921–1929 гг. / сост.: В. И. Жигалов [и др.]. – 1962. – 620 с.
2. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: док. и материалы : в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Госиздат БССР, 1962–1972. – Т. 2 : 1929–1939 / сост.: И. П. Ховратович [и др.]. – 1972. – 560 с.
3. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919–1939 / сост.: А. В. Теребунь [и др.] ; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2010. – 130 с.
4. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине / Белорус. акад. наук, Комис. по изучению Зап. Белоруссии ; под ред. С. Скульского. – Минск : Изд-во Белорус. акад. наук, 1935. – 333 с.
5. Польская деревня во время кризиса / С. Влодавский [и др.] ; под общ. ред. В. Коларова. – М. : Междунар. аграр. ин-т, 1935. – 221 с.
6. Польские крестьяне о своей жизни : письма крестьян, изданные Ин-том соц. экономики в Варшаве. – М. : Междунар. аграр. ин-т, 1936. – 253 с.
7. Польша – Беларусь (1921–1939 гг.) : сб. док. и материалов ; сост.: А. Н. Вабищевич [и др.] / НАН Беларуси, Ин-т истории, Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 422 с.

8. Сцяпанавы, А. Ф. Аналіз крыніц па праблеме ваеннага і цывільнага асадніцтва / А. Ф. Сцяпанавы // Сучасныя падыходы да вывучэння крыніц па гісторыі Беларусі: да 1000-годдзя летапіснай Літвы : матэрыялы рэсп. навук.-тэар. канф., Мінск, 18 снеж. 2009 г. – Мінск : БДПУ, 2009. – С. 199–203.

9. Mały rocznik statystyczny, 1939. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1939. – 424 s.

10. Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego : w 4 t. / Zakł. Historii Ruchu Lud. przy NK ZSL ; zebra. i oprac.: St. Giza, St. Lato. – Warszawa : Lud. Spółdz. Wydaw., 1966–1967. – Т. 2 : 1918–1931. – 1967. – 542 s.

11. Ustawa z dnia 17 stycznia 1920 r. o nadaniu ziemi żołnierzom Wojska Polskiego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP). – 1921. – № 4. – Poz. 18. – S. 38–39.

12. Ustawa z dnia 17 stycznia 1920 r. o przejęciu na własność Państwa ziemi w niektórych powiatach Rzeczypospolitej Polskiej // DURP. – 1921. – № 4. – Poz. 17. – S. 40–41.

13. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // DURP. – 1923. – № 92. – Poz. 718. – S. 1050–1056.

14. Ustawa z dnia 28 grudnia 1925 r. o wykonaniu reformy rolnej // DURP. – 1926. – № 1. – Poz. 1. – S. 2–19.

УДК [94(476)+94:378.147.091.313(476)(091)]

В. С. ГЛИНКА

Беларусь, Брест, ГУО «БОЦТиКДиМ»

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ В ГРГУ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ (КОНЕЦ 1980–1990-е гг.)

Малая родина важна в судьбе каждого человека. Данный вопрос в последнее время приобрел еще большую актуальность в связи с тем, что 2019 год, как и 2018, объявлен в Республике Беларусь Годом малой родины. Отдать долг памяти, проявить уважение к истории и культуре своей родной местности – долг каждого гражданина Республики Беларусь. Нашей земле нужны поддержка и забота всех ее жителей, в том числе детей и молодежи. Подрастающее поколение должно помнить о своих корнях, о родном кусочке земли, который навсегда останется в памяти.

Научно-исследовательская работа ученых-историков по краеведческой тематике ведется в нашей республике на протяжении длительного периода времени. Изучение родного края особенно активизировалось на рубеже 1980–1990-х гг., когда шло становление государственной независимости Беларуси. Опыт научных изысканий по историческому краеведению тех лет представляет большую ценность, что

можно проследить на примере Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Значительное внимание в рассматриваемый период уделялось обобщению и распространению опыта историко-краеведческой работы. В 1986 г. кафедра истории БССР организовала республиканскую научно-практическую конференцию на тему «Изучение и пропаганда историко-культурного наследия Принеманского края в свете решений XXVII съезда КПСС» [3, л. 5]. В 1988 г. В. Н. Черепица (в соавторстве) издал «Методические материалы по краеведческой работе» [13, л. 33]. В том же 1988 г. состоялась республиканская научно-методическая конференция «Развитие исторического краеведения в вузах БССР в свете перестройки высшего образования» [4, л. 38].

В ноябре 1991 г. состоялась республиканская научно-практическая конференция «Памятники археологии Гродненщины: поиск, изучение, охрана», организованная кафедрой истории Беларуси [11, л. 40]. 27–28 октября 1994 г. на базе факультета истории и культуры ГрГУ кафедрой истории Беларуси была проведена республиканская конференция «Историческое краеведение – действенный фактор интенсификации учебного процесса в школе и вузе» [5, л. 33].

Весомый вклад в изучение Гродненщины внес В. В. Швед. В 1993 г. была издана его монография «По следам Гродненской старины» [12, л. 46], в 1995 г. – еще одна монография «Падзеі і постаці Гродзенскай даўніны». Вторая из этих книг стала первой попыткой научного обобщения истории Гродненской губернии в XIX веке [14, л. 194–195, 204]. А в 1998 г. была издана брошюра В. В. Шведа «Вялікі Гарадзенскі сабор II тысячагоддзя: Партрэтная галерэя славутих гістарычных асоб XII–XX ст.» [16, л. 119].

В 1997 г. вышла в свет монография В. Н. Черепицы «Дай нам руку в непогоду: деятели русской культуры XIX – начала XX вв. и Гродненщина. Исторические очерки и публицистика» [15, л. 141]. В 1995 г. было опубликовано подготовленное С. А. Пивоварчиком (в соавторстве) научно-методическое пособие для учителей «Мінулае Гродзеншчыны» [14, л. 61]. В 2000 г. увидело свет справочное издание «Людзі культуры з Гродзеншчыны: энцыклапедычны даведнік», подготовленное А. М. Петкевичем. Справочник содержал информацию о деятелях культуры, которые родились или творили на Гродненщине. Книга стала первым подобного рода изданием о западном регионе Беларуси [18, л. 135].

Детальное рассмотрение исторического развития регионов Гродненской области с древнейших времен практически до конца XX в. нашло отражение в хроникально-документальных изданиях «Памяць». Их написание представляло собой длительный и кропотливый процесс. В 1992 г. для книг «Памяць» преподавателями исторического факультета

был подготовлен целый ряд материалов: по Ивьевскому району И. П. Крень подготовил статьи объемом 3,1 п.л., по Дятловскому району И. О. Федоров написал статьи «Дятловщина в годы Первой мировой и гражданской войны», «События Октябрьской революции на Дятловщине»; по г. Гродно В. В. Швед написал статьи «Гродно в 1812 г.», «Первенцы свободы и Гродно». К тому же И. П. Крень являлся руководителем по подготовке книги «Памяць» по г. Гродно, а И. О. Федоров был членом редколлегии хроники «Памяць» по Дятловскому району [11, л. 61].

В 1993 г. И. П. Крень и И. И. Ковкель разработали научно-методические рекомендации по сбору материалов и написанию хроник «Памяць» по Гродненской области, которые были розданы рабочим комиссиям по подготовке соответствующих изданий. В январе 1993 г. И. П. Крень выступил на Всебелорусской конференции историков с докладом «Использование краеведческого материала при создании историко-документальной хроники «Памяць». В 1993 г. преподавателями-историками ГрГУ были проведены консультации по подготовке книг-хроник «Памяць» в Сморгонском, Мостовском, Лидском, Вороновском районах. Помимо этого, преподавателями исторического факультета был написан ряд статей в книгу «Памяць» по Гродненскому району [12, л. 45].

В 1994 г. была продолжена работа по сбору, обработке и написанию материалов для книг «Памяць». Кафедры факультета истории и культуры ГрГУ поддерживали постоянные научные контакты с организационно-методическим центром по изданию историко-документальных хроник «Памяць» при Министерстве информации Республики Беларусь, а также с обществом охраны памятников истории и культуры Гродненской области [5, л. 12, 48]. В 1995 г. в минских издательствах уже находились хроники «Памяць» по Дятловскому и Ивьевскому районам [14, л. 195].

В 1997 г. исследователями кафедры истории Беларуси (руководитель – профессор И. П. Крень) был сделан значительный шаг в создании хроники «Памяць» по г. Гродно. Были написаны обобщающие статьи, подобран иллюстративный материал и документальные источники [15, л. 140]. В 1998 г. многолетний труд над историко-документальной хроникой «Памяць» по г. Гродно был завершен. В данной работе детально раскрывались все важнейшие вопросы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития города с древнейших времен до издания работы. В ней были приведены многочисленные документальные источники, большая часть которых впервые вводилась в научный оборот, содержались списки людей, которые сражались, погибли и похоронены в Гродно. Были указаны и гродненцы, создававшие славу города своим самоотверженным трудом [16, л. 10–11]. Через год книги «Памяць» по г. Гродно были изданы [18, л. 144].

В 1999 г. вышла в свет и историко-документальная хроника «Памяць» Берестовицкого района. В книге была исследована богатая история района с древнейших времен до конца 1990-х гг.: социально-экономические, политические, духовные аспекты. В монографии были представлены многочисленные документы, в том числе ранее неопубликованные, фотографии, отрывки из книг, научных и публицистических статей, воспоминания участников исторических событий. Особое внимание было уделено периоду Великой Отечественной войны: опубликованы списки воинов Красной Армии, погибших в 1941 и 1944 г. и похороненных на территории района, а также списки воинов-земляков, подпольщиков и партизан, мирных жителей – жертв фашистского террора. Кроме того, в издание вошли списки необоснованно репрессированных, погибших в Афганистане воинов, были помещены сведения о передовиках производства, образования, науки, культуры, медицины, которые были удостоены высоких наград и званий [17, л. 136].

Подготовке книг «Памяць» на высоком качественном уровне способствовали региональные краеведческие конференции и издание литературы, посвященной историческому развитию населенных пунктов Гродненщины. В 1987 уч. г. Я. Н. Мараш опубликовал книгу «Гродно. Путеводитель на русском и французском языках» для города-побратима Лиможа [6, л. 4; 10, л. 149]. В 1988 г. в издательстве «Полымя» вышла монография «Гродно. Историко-экономический очерк», в числе авторов которой были преподаватели ГрГУ Я. Н. Мараш и И. П. Крень [13, л. 32]. В 1988 г. были написаны рецензии на макет и 16 статей энциклопедического справочника «Гродно» [13, л. 33]. В 1989 г. в минском издательстве «Полымя» это издание вышло в свет. Кроме того, была опубликована книга «Щучин. Историко-экономический очерк» [7, л. 4]. В первую из них 55 статей подготовили преподаватели исторического факультета Гродненского государственного университета им. Я. Купалы [8, л. 19]. В 1999 г. вышла брошюра А. Н. Чернякевича «Беларускі нацыянальны рух у Гародні (1918–1920 гг.)», которая, по сути, являлась кандидатской диссертацией, выполненной на кафедре истории Беларуси [17, л. 137].

Не только областной центр являлся предметом научных изысканий ученых-историков. В 1986 г. была издана книга «Мосты. Историко-экономический очерк», авторами которой выступили Я. Н. Мараш, И. И. Ковкель, А. С. Себастьян [8, л. 19]. В 1991 г. в издательстве «Беларусь» вышла книга «Ивье. Историко-документальный очерк», авторами которой являлись М. В. Василючек, И. П. Крень, Я. Н. Мараш [9, л. 11].

В 1993 г. было проведено две региональные научные конференции: в Наче (Вороновский район) и Ошмянах. Материалы первой из них были напечатаны в сборнике «Знакамiтыя людзi Воранаўшчыны» [12, л. 46].

В октябре 1995 г. состоялась конференция «Ошмянщина: история и современность» [14, л. 196]. В декабре 1995 г. кафедра истории Беларуси провела в Волковыске региональную научно-краеведческую конференцию «Волковыщина: прошлое и современность» [14, л. 7]. Материалы этих конференций представляли собой первые крупные обобщения истории этих двух регионов Гродненской области [14, л. 204]. В 1995 г. кафедрой истории Беларуси был подготовлен сборник научных материалов «Ашмяншчына: гісторыя і сучаснасць», велась подготовка аналогичного издания по истории Волковыщины [14, л. 195].

В 1997 г. кафедрой истории Беларуси совместно с Институтом истории НАН Беларуси и Гродненским областным отделением общества охраны памятников истории и культуры были проведены две региональные историко-краеведческие конференции: в феврале в Ивье и в мае в Мостах [15, л. 146]. Были изданы сборники научных материалов «Шчучыншчына: мінулае і сучаснасць. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі «Знакамітыя людзі, помнікі гісторыі і культуры» и «Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лесу людзей. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі». Составителем и научным редактором обоих сборников выступил профессор И. П. Крень [15, л. 142]. В мае 1997 г. кафедра белорусской культуры участвовала в организации международной конференции «Адам Мицкевич и мировая культура» [15, л. 147].

В 1998 г. кафедра истории Беларуси участвовала в проведении региональных краеведческих конференций: в мае в Свислочи (50 выступавших) и в декабре в Зельве (37 докладчиков). Среди участников этих историко-краеведческих конференций были преподаватели факультета истории и культуры ГрГУ, ученые НАН Беларуси, местные краеведы, работники областных и республиканских музеев и архивов, представители органов власти. Многие докладчики акцентировали внимание на «белых пятнах» истории регионов, новых подходах и оценках событий и явлений нового и новейшего времени. Впервые был введен в научный оборот ряд новых документов [2, л. 60, 66]. В 2000 г. был издан сборник материалов научно-практической краеведческой конференции «Из истории веков и поколений Ивьевского края» [18, л. 133].

Не ослабевал интерес и к событиям Великой Отечественной войны. В 1995 г. вышла коллективная монография «Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны», подготовленная авторским коллективом под руководством профессора И. П. Креня. В этой историко-документальной книге была обобщена и систематизирована история города во время оккупации и освобождения, впервые были опубликованы точные списки жертв немецко-фашистских захватчиков, погибших антифашистов, воинов-защитников (1941 г.) и воинов-освободителей (1944 г.), земляков, павших

на фронтах Великой Отечественной войны [14, л. 194, 204]. Через год вышло второе, исправленное и дополненное издание этой книги [1, с. 132].

В 1997 г. с участием двух преподавателей кафедры истории Беларуси была опубликована книга «В июне 1941: воспоминания участников первых боев на Гродненщине» [15, л. 142]. Кафедрой теории и истории государства и права в 1998 г. впервые в исторической науке были исследованы причины создания Новогрудского котла в начале Великой Отечественной войны, освещены стратегические и тактические условия, которые привели к его образованию. Была установлена последовательность его создания, действия вермахта по его ликвидации, а также выход из окружения оставшейся части советских войск [2, л. 11].

Имело место изучение и конфессиональной истории Гродненщины. В 1999 г. профессор В. Н. Черепица осуществил комплексное рассмотрение истории православной церкви на Гродненщине. Составной частью его исследования, проводившегося в рамках подготовки к празднованию 2000-летия христианства, стал сделанный им синодик (список) несправедливо репрессированных священнослужителей Гродненской епархии. В 1999 г. была издана монография «Гродненский Св. Рождество-Богородичный женский монастырь», написанная В. Н. Черепицей (в соавторстве). Данная книга вышла в свет в серии работ по истории белорусских монастырей, которая издавалась Московской патриархией [17, л. 135–136].

В 2000 г. была опубликована монография В. Н. Черепицы «Очерки истории Православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Часть I». Издание было приурочено к 2000-летию христианства и 100-летию Гродненской православной епархии. Книга получила положительную оценку в периодической печати Беларуси, России, Польши, Франции, Канады, Аргентины за высокую информативность и новые подходы к изучению данной темы. В. Н. Черепицей были выявлены основные тенденции в развитии православия, проанализированы его духовные течения, находившие себе почву в Принеманском крае, составлены жизнеописания священнослужителей. Основной вывод издания – без глубокого и всестороннего изучения истории церкви и конфессиональных отношений невозможна адекватная реконструкция исторического прошлого Беларуси, в основе которого на протяжении столетий лежала борьба западной (польско-униатско-католической) и восточной (русско-православной) цивилизаций. Изучение этого противостояния могло бы выступить фундаментом нового концептуального прочтения отечественной истории [18, л. 131–132, 135].

Преподавателями-историками рассматривались и иные проблемы и вопросы, касающиеся краеведческой тематики. В 1997 г. учеными кафедры

белорусской культуры были сформулированы концептуально-методологические основы изучения некоторых аспектов культуры Гродненщины: индивидуально-творческой деятельности деятелей культуры и духовенства, культовой и светской архитектуры, национально-религиозных проблем развития культуры в XIX–XX вв. Продолжалась работа по созданию системы компаративного анализа исследуемых аспектов культуры Гродненщины с другими регионами (Виленщина, Смоленщина, Полесье) [15, л. 141].

В 1998 г. доценты кафедры истории славянских государств М.Я. Колоцей и Н.Л. Улейчик проследили основные этапы становления и развития национального образования этнических меньшинств Гродненщины. Они изучили динамику польского и литовского образования в 1980–1990-е гг. от факультативов и кружков по изучению национальных языков – через классы с изучения языка как предмета – к общеобразовательной школе с польским или литовским языком обучения. Изучение опыта национального образования позволяло выбрать в каждом конкретном случае наиболее приемлемый и действенный вариант развития всей образовательной системы. Результаты исследования вызвали интерес в управлении образования Гродненского облисполкома, Службе государственного контроля, Союзе поляков Беларуси [2, л. 11; 16, л. 118].

В 1998 г. сотрудниками кафедры белорусской культуры была разработана этностатистика Гродненщины с древнейших времен до середины XX в. Благодаря данному исследованию стала видна динамика этнической структуры региона, его историческая поликультурность. Изучение общего и особенного в культурном развитии народов Гродненщины привело к разработке первых в отечественной науке теоретических моделей этносозидательных процессов у различных национальных общностей региона [16, л. 118–119].

В 1998 г. и 1999 г. на кафедре белорусской культуры создавались компьютерные банки данных по темам «Люди культуры Гродненщины», «Усадебная архитектура Гродненщины», «Культовая архитектура Гродненщины», «Этноконфессиональная статистика Гродненщины XIX–XX вв.». В 1998 г. исследовательский коллектив под руководством доцента Л. В. Берейшик приступил к созданию автоматизированного банка исторических данных на основе структурированных текстовых материалов музеев и архивов г. Гродно. В 1999 г. эта работа была продолжена. Она проводилась совместно с математиками-программистами и на то время фактически не имела аналогов в Беларуси [16, л. 124; 17, л. 141].

Научный интерес гродненских преподавателей по краеведческому направлению вызывали и другие регионы Беларуси [14, л. 195]. В 1987 г. М. А. Ткачевым был опубликован ряд статей в «Зводзе помнікаў гісторыі і

культуры Беларусі. Мінская вобласць» [6, л. 5]. В 1995 г. была издана научно-популярная брошюра С. А. Пивоварчика «Брэст на старых паштоўках» [14, л. 195].

Научно-исследовательская работа преподавательского состава Гродненского государственного университета имени Янки Купалы по историческому краеведению способствовала воспитанию как у обучающихся, так и в целом у граждан Беларуси патриотизма как глубокого чувства любви к своему Отечеству, а также как системы знаний, ценностей, практических действий личности, общества и государства, направленных на развитие и процветание нашей Родины. Научные конференции и издания содействовали усвоению гуманистических ценностей, культурных, духовных традиций белорусского народа.

Список использованной литературы

1. Габрусевіч, С. А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы: гістарычны нарыс / С. А. Габрусевіч, І. П. Крэнь. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 174 с.
2. Отчет о научно-исследовательской работе университета за 1998 год // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 991. Оп. 5. Д. 722. – 106 л.
3. Отчет о НИР за 1986 г. // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 3. Д. 785. – 41 л.
4. Отчет о НИР за 1988 г. // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 3. Д. 936. – 49 л.
5. Отчет о НИР университета за 1994 г. // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 258. – 59 л.
6. Отчет о НИР университета за 1987 г. // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 3. Д. 863. – 51 л.
7. Отчет университета о НИР за 1989 г. // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 3. Д. 1007. – 52 л.
8. Отчет университета о НИР за 1990 г. // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 3. Д. 1083. – 76 л.
9. Отчет университета о НИР за 1991 г. // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 14. – 25 л.
10. План работы, протоколы заседаний деканата и Совета, отчет о работе исторического факультета. 03.09.1986–10.07.1987 // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 3. Д. 793. – 167 л.
11. План работы, протоколы заседаний Совета и отчеты о работе исторического факультета. 28.10.1991–08.06.1992 // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 21. – 65 л.
12. План работы, протоколы заседаний Совета факультета и отчеты о работе исторического факультета. 10.09.1992–02.07.1993 // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 100. – 51 л.
13. План работы, протоколы заседаний Совета и отчет о работе истфака. 21.10.1988–23.05.1989 // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 3. Д. 941. – 81 л.
14. План работы, протоколы заседаний Совета и отчеты о работе факультета истории и культуры. 31.08.1995–28.06.1996 // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 346. – 204 л.

15. План работы, протоколы заседаний Совета и отчеты о работе факультета истории и культуры. 19.09.1997–25.06.1998 // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 550. – 159 л.

16. План работы, протоколы заседаний Совета и отчеты о работе факультета истории и культуры. 18.09.1998–28.06.1999 // Архив УО «ГрГУ имени Янки Купалы». – Ф. 991. Д. 656. – 133 л.

17. План работы, протоколы заседаний Совета и отчеты о работе факультета истории и культуры. 23.09.1999–29.06.2000 // Архив УО «ГрГУ имени Янки Купалы». – Ф. 991. Д. 768. – 155 л.

18. Протоколы заседаний Совета факультета истории и культуры и документы к ним (планы, отчеты и др.). 08.09.2000–22.06.2001 // ГАГО. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 878. – 148 л.

УДК 930(476)+357.71

А. А. ГУГНЮК

Беларусь, Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

**ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ КАМІСІІ
ПА ПАЛЯПШЭННІ БЫТУ ВУЧОНЫХ:
АГЛЯД АЙЧЫННАЙ НАВУКОВАЙ ЛІТАРАТУРЫ**

Наступствы Першай сусветнай вайны, Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. ставілі навукоўцаў на мяжу фізічнага выжывання. Пытанне паляпшэння матэрыяльнага (рэчавага, грашовага, прамысловага) становішча навуковых кадраў стаяла востра, у тым ліку для ўлады, якая планавала выкарыстаць інтэлектуальны патэнцыял краіны для сацыялістычнага пераўтварэння грамадства. У адпаведнасці з дэкрэтам СНК РСФСР прадугледжваліся мерапрыемствы, скіраваныя на падтрыманне існавання інтэлігенцыі праз узмоцненае харчовае забеспячэнне, вызваленне ад розных павіннасцяў, стварэнне прыстойных жыллёвых умоў. Для рэалізацыі мерапрыемстваў, прадугледжаных пастановай, стваралася адмысловая камісія пры СНК – Цэнтральная камісія па паляпшэнні быту вучоных (ЦэКПБВ). ЦэКПБВ мела свае рэгіянальныя органы ў выглядзе мясцовых КПБВ. Як мясцовая, была створана Беларуская камісія па паляпшэнні быту вучоных (БелКПБВ).

Захады ўлады ў дачыненні да навуковай эліты ў значнай ступені абумоўлівалі сістэму арганізацыі, а значыць, і ўзровень развіцця навукі ў краіне. Знаёмства з гісторыяй стварэння і дзейнасці БелКПБВ павінна дапамагчы рэканструяваць дзейнасць органаў улады ў галіне навуковай палітыкі і яе вынікі ў азначаны адцінак часу. Акрамя таго, даследаванне дадзенай праблемы стварае магчымасць выйсці на мікрасацыяльны

ўзровень, вывучаючы асаблівасці паўсядзённага жыцця асобнай сацыяльнай групы – навукоўцаў.

Стварэнне і дзейнасць Беларускай камісіі па паляпшэнні быту вучоных (БелКПБВ) не разглядалася ў якасці асобнага прадмету даследавання ў айчыннай гістарыяграфіі. Толькі некаторае асвятленне пытання ўпершыню стала атрымліваць у 2000-х гг. Гэтая тэма, якая мае сутнаснае значэнне для разумення навукова-арганізацыйных працэсаў у Беларусі, настолькі слаба распрацавана, што сціслая інфармацыя адсутнічае нават у абагульняльных, даведачных і энцыклапедычных выданнях такіх, як шасцітомныя “Гісторыя Беларусі”, “Энцыклапедыя гісторыі Беларусі”, 18-томная “Беларуская энцыклапедыя” і інш.

Некаторыя бакі дзейнасці камісіі разглядаліся аўтарамі толькі ў рэчышчы распрацоўкі асобных тэм. Так, заслугоўвае ўвагі навукова-папулярная праца А. М. Лукашука пра дзейнасць на Беларусі Амерыканскай адміністрацыі дапамогі (American Relief Administration, ARA) [8]. Даследаванне выканана на базе архіўных крыніц Гувераўскага інстытута. У кантэксце разгляду дабрачыннай дзейнасці ARA, знайшлі адлюстраванне некаторыя пытанні функцыянавання БелКПБВ. А. М. Лукашук падае звесткі аб сувязях і супрацоўніцтве камісіі са згаданай арганізацыяй у пытаннях матэрыяльнай дапамогі беларускім навукоўцам. Пра амерыканскі ўнёсак у падтрымку развіцця беларускай культуры і навукі, сведчыць прыведзеная даследчыкам копія архіўнага фотаздымка спісу навуковых дзеячаў, якія атрымалі араўскія пасылкі, шэраг іншых арыгінальных дакументаў.

У такім жа кірунку, разглядаючы дзейнасць дабрачыннай, толькі ўжо падкрэслена нацыянальнай яўрэйскай арганізацыі Джойнт (American Jewish Joint Distribution Committee), выкананы артыкул М. Б. Батвінніка [1], манаграфія Э. Р. Іофе і Б. А. Мельцэра [6]. Аўтарамі была зроблена спроба прадставіць асноўныя вяхі дзейнасці Джойнта ў БССР. У працы Э. Г. Іофе і Б. А. Мельцэра, напісанай на аснове архіўных дакументаў, у адным з раздзелаў акрэсліваецца ўдзел Джойнта ў развіцці і матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні сярэдняй, прафесійна-тэхнічнай і вышэйшай адукацыі на Беларусі ў 1920-я гг. Навукоўцы акцэнтуюць увагу на аказанне Джойнтам значнай дапамогі (рэчавай, харчовай, грашовай) праз БелКПБВ многім прадстаўнікам навукі і культуры Беларусі.

Агульныя звесткі на ўзроўні кароткай даведкі аб стварэнні, складзе, ліквідацыі камісіі змяшчае зборнік дакументаў і матэрыялаў, прысвечаны дзейнасці Я. Купалы і Я. Коласа [7]. Варта зазначыць, што аснову зборніка складаюць матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Праца змяшчае пераважна пратаколы пасяджэнняў камісіі, якія дазваляюць рэканструяваць асобныя бакі дзейнасці БелКПБВ.

Пры вывучэнні арганізацыйнай гісторыі гуманітарных навук на Беларусі, гісторыю беларускай КПБВ некалькі шырэй прадставіў І. І. Шаўчук [16]. У рамках пытання матэрыяльнага забеспячэння дзейнасці цэнтраў гуманітарных даследаванняў і вышэйшай адукацыі, былі разгледжаны прычыны, абставіны і ўмовы стварэння БелКПБВ, прыведзены звесткі пра асабовы склад камісіі на пачатку яе існавання. Аўтар засяродзіўся на вызначэнні часу стварэння, самастойнай актыўнай дзейнасці і ліквідацыі камісіі.

Абагульненая ўвага праблеме надаецца ў працах, прысвечаных надзвычайным формам забеспячэння навукоўцаў на ўзроўні прафсаюзных арганізацый. Так, пры асвятленні асобных момантаў дзейнасці секцый навуковых работнікаў (СНР) прафсаюза работнікаў асветы ў артыкуле А. А. Дубовік, знайшла некаторае адлюстраванне гісторыя БелКПБВ [5]. Даследчыца канстатуе, што са стварэннем прафсаюзнай арганізацыі навукова-педагагічнай інтэлігенцыі адбываецца паступовае згортванне дзейнасці мясцовых камісій па паляпшэнні быту вучоных.

Зазначаная праблема закранаецца беларускімі вучонымі ў кантэксце даследавання гісторыі інтэлігенцыі БССР у 20–30-я гг. ХХ ст., у прыватнасці такіх тэм, як станаўленне савецкай інтэлігенцыі [9], гістарыяграфічныя і метэдалагічныя аспекты гісторыі інтэлігенцыі, яе ўзаемадзейнасці з уладай [2, 4], спецыфіка фарміравання прафесарска-выкладчыцкага складу вышэйшых адукацыйных устаноў [17], гістарыяграфія гісторыі фарміравання інтэлігенцыі [10]. У рамках вышэй пералічаных праблем часам сустракаюцца дробныя намінацыі згадкі пра БелКПБВ.

У адрозненні ад беларускай гістарыяграфіі пытання расійская надае больш значную ўвагу вывучэнню дзейнасці КПБВ. Даныя пра дзейнасць і асаблівасці функцыянавання Цэнтральнай і мясцовых камісій, у тым ліку рэспубліканскіх, прадстаўлены ў артыкулах [3; 13–15], манаграфіі [11], кандыдацкай дысертацыі [12].

Такім чынам, агляд навуковай літаратуры дае падставу зрабіць выснову аб тым, што заўважнага асвятлення праблема стварэння і дзейнасці БелКПБВ у айчыннай гістарыяграфіі не атрымала. Самастойнай увагі пытання не надавалася. Тэма толькі эпизадычна закраналася ў рамках асобных прац па сумежных пытаннях. У сувязі з паказаным уяўляецца магчымым зрабіць выснову пра нявывучанасць у беларускай гістарыяграфіі важнага аспекта арганізацыйнай гісторыі навукі на этапе яе інстытуцыяналізацыі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Ботвинник, М. Первые шаги Джойнта в Беларуси / М. Ботвинник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jewishfreedom.org/page625.html/>. – Дата доступа: 04.12.2018.
2. Вирская, В. П. Интеллигенция Беларуси как исследовательская проблема: историографический аспект / В. П. Вирская // Образы прошлого в историографии: белорусского-французский диалог : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 мая 2008 г. – Минск : Веды, 2008. – С. 32–44.
3. Гришина, Н. В. Социально-бытовые условия жизни отечественных гуманитариев в 1920-е годы / Н. В. Гришина, А. М. Скворцов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 24 (379). – С. 190–196.
4. Денисов, А. В. Историографические и методологические аспекты изучения отношений интеллигенции и власти в БССР второй половины XX века / А. В. Денисов // Труды БГТУ. – Минск : БГТУ, 2016. – № 5 (187). – С. 56–60.
5. Дубовік, А. А. Стварэнне і дзейнасць прафсаюзнай арганізацыі навукова-педагагічнай інтэлігенцыі БССР у перыяд НЭПА / А. А. Дубовік // Высшее образование в Беларуси: истоки и современность : сб. науч. ст. по итогам Респ. науч.-теор. конф., Минск, 4 дек. 2015 г. / Белорус. нац. техн. ун-т ; под ред. В. А. Божановой, С. В. Боголейши. – Минск : БНТУ, 2015. – С. 76–83.
6. Иоффе, Э. Джойнт в Беларуси / Э. Иоффе, Б. Мельцер. – Минск : Мэджик Бук, 1999. – 94 с.
7. Купала і Колас, вы нас гадавалі : дак. і матэрыялы : у 2 кн. – Кн. 1 : 1909–1939 / уклад.: В. Д. Селяменеў, В. У. Скалабан. – Мінск : Літ. і маст., 2010. – 320 с.
8. Лукашук, А. Прыгоды АРА ў Беларусі / А. Лукашук. – Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. – 499 с.
9. Малиновская, Э. Л. Основные тенденции формирования интеллигенции в 20–30-е гг. XX в. на территории БССР / Э. Л. Малиновская // София. – 2017. – № 1. – С. 113–118.
10. Малиновская, Э. Л. Современное состояние историографии вопроса формирования интеллигенции Беларуси в 20–30-х гг. XX в. / Э. Л. Малиновская // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. – Вып. 11 ; рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2016. – С. 115–127.
11. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 271 с.
12. Хабибрахманова, О. А. Деятельность комиссий по оказанию помощи ученым Татарстана в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. А. Хабибрахманова ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006. – 28 с.
13. Хабибрахманова, О. А. Научная интеллигенция 20–30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности / О. А. Хабибрахманова // Ученые зап. Казан. гос. ун-та. – 2010. – Т. 152, кн. 3, ч. 2. – С. 122–129.

14. Хабибрахманова, О. А. Социальная трансформация научной интеллигенции 1920-х гг.: казанские ученые-беженцы / О. А. Хабибрахманова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2014. – № 378. – С. 155–158.

15. Хабибрахманова, О. А. Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920-1930-е гг. // Вестн. Вят. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 36–40.

16. Шаўчук, І. І. Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады ХХ ст.) : манаграфія / І. І. Шаўчук ; Бэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : Выд-ва БрДУ. – 279 с.

17. Яновский, О. А. Тернистая дорога к марксизму, или российская интеллигенция в белорусских реалиях 1920-х годов / О. А. Яновский // Интеллигенция и мир : рос. междисц. журн. социал.-гуман. наук. – 2010. – № 1. – С. 27–43.

УДК 726.825.6: 355.44(476.7)

Е. Э. ЕЛЕНСКАЯ

Беларусь, Пинск, ПолесГУ

НАДПИСИ НА СТЕНАХ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ КАК ИСТОЧНИК ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Надписи, нацарапанные на кирпичах либо штукатурке, которые были обнаружены после войны на стенах Брестской крепости, представляют особую группу исторических источников. Некоторые из этих кратких текстов стали знамениты и устойчиво ассоциируются с тем местом, где появились – с Брестской крепостью.

Все 12 выявленных в период с 1949 по 1958 гг. надписей на стенах Брестской крепости опубликованы с научным комментарием в сборнике документов и материалов «Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии» [2, с. 163–169]. Приведем прежде всего тексты тех надписей защитников Брестской крепости, оригиналы которых или снятые копии (в том числе фотокопии) сохранились:

1. 1941 год. 26-го июня нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умираем как герои.

2. Умрем, но из крепости не уйдем.

3. 1941 г. Июнь. Нас было пятеро. Мы умрем!! За Сталина.

4. Нас было трое москвичей – Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву – не уйдем отсюда. 1941 год.

5. Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII-41.

6. Нас было пятеро Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.6.1941 г. 3.15. Умрем, но не уйдём!

7. Умираем не срамя.

Имеются сведения о еще пяти надписях и фрагментах надписей на стенах Брестской крепости, ни оригиналов, ни фотографий, ни информации о месте расположения которых не сохранилось:

8. Умира...

9. Не сдаюсь. Бондарюк

10. Я остался один, Жунтяев и Степанчиков погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дамся. Товарищи, отомстите за нас. 1941 г.

11. Мы еще вернемся!

12. Смерть фашистам!

Подробная история обнаружения надписей на стенах Брестской крепости и проведения внешней критики этого источника приведена в работе старейшего сотрудника музея обороны Брестской крепости Е.В. Харичковой [4]. Заметим, что надписей на стенах крепости могло быть изначально больше, логично предположить, что часть из них была безвозвратно утрачена в ходе немецких артиллерийских обстрелов и дальнейших работ по расчистке территории крепости.

Подытожим основные данные, касающиеся внешних признаков этих материалов. Все надписи созданы в период с 22 июня до конца июля 1941 г. (т.е. в тот период, когда в крепости находились бойцы Красной Армии). Надписи создавались в условиях и обстоятельствах, определивших лаконичность источника и его внешний вид. Все силы бойцов и командиров Красной Армии были направлены на то, чтобы продержаться в ожесточенных боях под натиском противника как можно дольше, поэтому написание текстов могло осуществляться лишь в минуты коротких передышек, спонтанно. Специфика использования подручных средств для создания надписей на поверхностях, не предназначенных для письма, обусловила то, что большинство текстов защитников крепости – это короткие предложения, иногда просто фразы или отдельные слова.

Следует отметить, что одним из самых сложных вопросов является проблема атрибуции (установления авторства). В общей сложности в приведенных текстах указаны 9 фамилий защитников. Однако, несмотря на все усилия сотрудников музея обороны Брестской крепости, занимавшихся поиском героев, идентифицировать их личности не удалось. Предположительно, одним из авторов мог быть рядовой 84-го стрелкового полка Петр Никифорович Седов [1]. Безусловно, определение персональных данных об авторах и привлечение дополнительных материалов – документов и воспоминаний о героях, оставивших важные письменные свидетельства периода начала Великой Отечественной войны, – позволило бы рассматривать каждую надпись сквозь призму

личности автора и его биографии. Но следует принять во внимание, что 8 из 12 надписей анонимны, не имеют подписей и не содержат упоминаний имен и фамилий. Не менее характерно, что 7 из 12 надписей составлены с использованием местоимений или глаголов множественного числа («мы», «нас», «умрем», «умираем»). В большинстве случаев автор выступал не от собственного имени, вернее, не только от своего имени, а являлся выразителем коллективных мыслей и чувств. К индивидуальным в этом смысле надписям можно отнести лишь две.

Особое внимание привлекает надпись, датированная 20 июля 1941 г., как свидетельство нахождения в крепости уцелевшего защитника почти спустя месяц после начала войны: «Умираю, но не сдаюсь. Прощай Родина. 20/VII-41 г.». В данном тексте могла быть отражена ситуация, когда автор писал эти прощальные строки, оставшись единственным уцелевшим в своей группе товарищей. Текст надписи и точная датировка как будто определяют логическое завершение – проставление подписи автора. Но подпись отсутствует. В этом кажущемся противоречии, на наш взгляд, скрыт глубинный смысл. Автор выразил те главные мысли и чувства, которыми жили защитники крепости все дни и недели, пока длилось героическое сопротивление бойцов Красной Армии, запертых в крепости. Краткая надпись с подписью фамилии «Не сдаюсь. Бондарюк» – пожалуй, единственный пример индивидуально выраженной позиции, без соотнесения с другими участниками событий.

Общим происхождением связаны две надписи: «Нас было трое москвичей – Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву – не уйдем отсюда. 1941 год» и «Я остался один, Жунтяев и Степанчиков погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дамся. Товарищи, отомстите за нас. 1941 г.». Автор в обоих случаях, очевидно, Иванов, хотя ни первый, ни второй текст не подписаны. В первом тексте автор прямо указывает на сплоченность группы бойцов, объединенных одной идеей, скрепленной клятвой – не уйти, не отступить, сражаться до последнего. Во втором тексте боец Иванов сообщает о трагической судьбе своих товарищей и подтверждает верность общей клятве. Призыв-обращение отомстить – это еще одно указание на индивидуальный характер текста, который начинается с местоимения «я». Содержание текста подчеркивает приверженность автора тем общим ценностям, значение которых остается неизменным и после гибели товарищей. Таким образом, автор прямо заявляет о своей принадлежности коллективу, причем одна часть членов коллектива уже погибла, а другой части адресуется призыв о мщении. Не исключено, что автором текста «1941 год. 26-го июня нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умираем как герои» также является

Иванов. К такому выводу приводит упоминание состава группы (во всех случаях в составе группы 3 человека) и манера изложения. Все три приведенные текста более многословны, чем большинство остальных (за исключением надписи, в которой поименно упоминаются 5 бойцов). Обращает на себя еще одна символическая деталь – фамилия автора надписей. Одна из самых распространенных фамилий красноречива сама по себе, она как будто указывает на типичность поведения и чувств автора, делая соавторами надписей многих и многих Ивановых, которые сражались в Брестской крепости.

Интересно, что аналогичные источники периода войны, сопоставимые с надписями на стенах Брестской крепости, показывают другие настроения авторов и фиксируют иные признаки. Надписи на стенах нацистских тюрем, оставленные узниками на стенах камер, зачастую обращены к родным, сообщают об авторах сведения личного характера [3]. Практически все надписи победителей на стенах рейхстага содержат краткую информацию об их авторах, это в большинстве случаев именно автографы в узком смысле этого слова [4].

Обращение к содержанию надписей позволяет выделить главные темы, представленные в изучаемых источниках:

1. Тема смерти. В большинстве надписей содержится прямое указание на неизбежность гибели. Это, безусловно, главный лейтмотив надписей. Важно правильно понять психо-эмоциональное состояние авторов оставленных потомкам текстов, чтобы сделать объективные выводы о смыслах, заключенных в источнике. В скупых прощальных строках нет чувства обреченности, подавленности, пессимизма. В одной из надписей об этом сказано буквально: «...мы не пали духом...». О готовности к смерти в бою свидетельствуют восклицательные знаки, которые выполняют интонационно-экспрессивную функцию и передают силу чувств и решительный настрой бойцов. Приходилось сталкиваться с мнением о том, что защитники Брестской крепости находились в депрессивном состоянии и надписи, где обозначена готовность к смерти, это подтверждают. Подобная интерпретация источника не соответствует результатам лингвистического анализа текстов. Не следует вырывать слова «умрем», «умираем» из контекста. Мы видим присутствие фактически в каждой фразе со словами «умрем», «умираем» отрицание. И в этом скрыта истина. Приведем примеры для того, чтобы наглядно продемонстрировать, что мысль о близкой гибели совмещалась в сознании защитников крепости с идеей продолжения борьбы: «Умрем, но...», «Я умираю, но...». В группу надписей на тему смерти не вполне вписывается надпись с текстом «Смерть фашистам!», поскольку затрагивает вопрос о цели действий защитников крепости, а не о собственной гибели. Нельзя не отметить, что

данная фраза является с одной стороны идеологическим штампом, а с другой – сильным императивом, направляющим на выполнение глобальной задачи уничтожения фашизма и его носителей. По сути, единственной надписью из всех двенадцати, где тема смерти ни прямо, ни косвенно не обозначена, является надпись «Мы еще вернемся!». Она носит принципиально жизнеутверждающий характер и выражает оптимизм автора, уверенность в победном исходе войны для Советского Союза. В тяжелейших обстоятельствах ведения боевых действий, в которых оказались защитники крепости, надписи в своей совокупности транслируют то состояние, которое обозначается военными специалистами как боевой дух. Исходя из содержания сохранившихся надписей, можно сделать вывод о том, что надписи отражают умонастроение не только авторов, но и их боевых товарищей, могут быть рассмотрены как выражение общей атмосферы боевой сплоченности, моральной и физической нацеленности на борьбу. Надписи убедительно показывают, что авторы и их товарищи не питали иллюзий и отлично понимали сложившуюся ситуацию при полном отсутствии связи с внешним миром. И это еще более возвышает подвиг защитников Брестской крепости в наших глазах.

2. Тема воинского долга. Обязанность защищать Родину и сам факт противостояния врагу на рубежах Отечества придавали рядовым бойцам и командирам Красной Армии решимость сражаться до последнего патрона. Слова, которые рефреном звучат во многих надписях: «не уйдем», «не сдаюсь», «живым не дамся» свидетельствуют о твердом решении бойцов быть верными воинской присяге. В этих словах чувствуется оппонирование тем боевым товарищам, которые согласились на предложение немецкой стороны и сдались в плен. Защитники Брестской крепости, по-мужски немногословно обозначая свою непреклонную позицию остаться в крепости, тем самым категорически отвергают для себя вариант капитуляции. Слова о неизбежности гибели тесно переплетены с решением остаться, иногда эти смыслы настолько связаны, что представляют единый сплав мыслей и чувств: «Умрем, но из крепости не уйдем».

3. Тема героизма. В словах одной из надписей «...умираем как герои» сформулирована квинтэссенция осознания защитниками крепости своей исключительной роли в военных действиях первых дней и недель войны, причастности к историческим событиям мирового масштаба, уверенность в правильности принятого решения продолжать сопротивление. Ситуация была безнадежной – защитники Брестской крепости не могли одержать военную победу над врагом, но они одержали бесспорную нравственную победу. Надписи на стенах Брестской крепости

свидетельствуют, что бойцы и командиры Красной Армии действовали, отдавая себе отчет в том, что совершают подвиг, который оценят современники и потомки. Думаю, не будет преувеличением сказать, что подобная мысль придавала силы защитникам крепости, помогая преодолевать невероятные лишения и страх. Высшая военная доблесть проявляется в готовности пожертвовать своей жизнью. Для настоящих воинов во все времена отрадной была мысль о сохранении воинской чести перед лицом близкой смерти на поле брани. Есть особая гордость в словах: «Умираем не срамя», хотя современному человеку, далекому от всего, что связано с военным делом, эти слова могут показаться слишком высокопарными. В этой надписи заключена высокая, но вместе с тем скромная самооценка своих действий на пределе возможного. Мы можем расшифровать смысл этой надписи следующим образом: погибает не зря, сделали все, что могли, не подвели, не запятнали, не предали.

Анализ содержания надписей позволяет сделать вывод о том, что данный источник не отличается полнотой и высокой степенью точности (т. е. детализацией в описании событий). В надписях отсутствует информация по целому ряду вопросов. Поскольку благодаря другим источникам мы достаточно хорошо представляем события лета 1941 г. в Брестской крепости, мы видим отсутствие в надписях целого ряда тем:

1. Никак не представлена бытовая сторона событий: нехватка продуктов, воды, медикаментов.
2. Отсутствуют характеристики и оценки боевых действий.
3. Нет проклятий и ругательств в адрес врага.
4. Полностью отсутствуют упоминания о родных и близких.

Подобная ситуация объясняется, на наш взгляд, тем, что авторы были полностью сосредоточены на главной идее, которую своими словами мы можем выразить формулой: «Сражаться, пока есть силы, погибнуть с честью, себя не жалеть». Все душевные и физические силы защитников были направлены в это русло. Любые другие мысли и чувства, по-видимому, были вытеснены из сознания.

В чем феномен надписей защитников Брестской крепости как исторического источника? В чем его особая ценность? Почему столь несовершенный с точки зрения полноты и точности источник представляет исключительный интерес для историков и людей, пытающихся понять истоки героизма защитников Брестской крепости и их неподдающееся рациональному объяснению решение погибнуть в бою, но не сдаться в плен? Поверхностному читателю надписи могут показаться обезличенными и неинформативными. Но как любой источник личного происхождения, надписи на стенах Брестской крепости несут на себе отпечаток личности автора. Просто авторы надписей находились в

экстремальной ситуации, когда личное усилием воли отодвигалось в глубину сознания, на первый план у каждого защитника крепости были выдвинуты общие, высшие интересы.

Ценность этого источника в том, что он создавался непосредственно в эпицентре событий, в нем нет ретроспективности, т.е. временного разрыва между пережитым и изложением пережитого в письменной форме (временной разрыв в источниках личного происхождения может составлять десятилетия, если речь идет о мемуарах). Поэтому мы рассматриваем надписи как моментальный отпечаток менталитета того поколения советских людей, на долю которого выпало участие во второй мировой войне. Это уникальный источник высокой степени достоверности: каждая надпись – это словесный автопортрет того сознательного и бессознательного, логического и эмоционального концентрата мышления, идеологии и веры, который редко в столь неразбавленном виде встречается в других, более многословных источниках личного происхождения. Краткие надписи на стенах Брестской крепости заключают в себе многозначную информацию: о принятом решении сражаться до последнего, об отказе от сдачи в плен, о понимании неизбежности гибели. Надписи содержат эмоциональную составляющую: в них запечатлены патриотические чувства, преодоление страха, героический пафос, стремление с честью выполнить воинский долг. Эти послания отражают желание авторов не быть забытыми, оставить о себе память. И, наконец, это ярчайшее свидетельство беспрецедентного мужества защитников Брестской крепости.

Список использованной литературы

1. Антонов, В. Один из пятерых / В. Антонов // Красная Звезда. – 1966. – 11 мая.
2. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – 723 с.
3. Литвин, А. М. «Кто может, передайте родным...»: тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941–1943) / А. М. Литвин. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 223 с.
4. Харичкова, Е. В. Свидетельства подвига / Е. В. Харичкова // Историческое наследие 1941 года в исследованиях и экспозициях музеев : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию обороны Брестской крепости (Брест, 9–11 июня 2011 г.) / Мин-во культуры Респ. Беларусь, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» ; редкол.: Г. Г. Бысюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2013. – С. 140–144.
5. Шульман, М. Жизнь, отданная солдатам / М. Шульман. – Брест : Вечерний Брест, 2011. – 136 с.

УДК 316

С. Т. КАВЕЦКИЙ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ГЛОБАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ КАТАСТРОФ

На рубеже тысячелетий в широком спектре интересов социологии и других социальных наук доминантой все более явственно становится проблема глобализации. Ей посвятили свои работы виднейшие зарубежные социологи Дж. Александер, И. Валлерстайн, Н. Луман, А. Мартинелли, А. Буравой, М. Абрахам и др. Эта проблема разрабатывается отечественными учеными Е. М. Бабосовым, А. Н. Даниловым, С. А. Шавелем и др., а также российскими обществоведами А. Г. Володиным, Г. П. Орловым, А. С. Панариным и др.

Глобализация – это постепенное преобразование разнородного мирового социального пространства в единую глобальную систему, в которой беспрепятственно перемещаются информационные потоки, идеи, ценности и их носители, капиталы, услуги, стандарты поведения и мода, видоизменяя миропредставление, деятельность социальных институтов, общностей и индивидов, механизмы их взаимодействия.

А. С. Панарин отметил: «XXI век только начался, а он уже окрещен в целом как стратегически нестабильный – то есть непредсказуемо пертурбационный в самых существенных моментах» [1, с. 5].

Среди основных факторов глобализации современного мира следует выделить следующие:

1) Деятельность транснациональных корпораций (ТНК)

Поляризация современного мира особенно видна при анализе деятельности ТНК. В течение последних десятилетий она становится все более глобальной: в 1950 г. дочерние предприятия имели только три из 315 крупнейших компаний мира, а в настоящее время они контролируют до 30 % общемирового промышленного и сельскохозяйственного производства. «Около 54 триллионов долларов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) приходится на ТНК, они контролируют более 70 % мировой торговли, а на предприятиях корпораций трудится более 73 млн человек, производящих ежегодно продукции на 1 трн 15 млн долларов» [2, с. 1–2].

2) Финансовые операции международных банков, страховых компаний и других организаций

Они способны оказывать давление на национальные государства, так как это было сделано в отношении многих государств всех континентов, в том числе Россию в августе 1998 г. и Беларусь в декабре 2008 г.

3) Превращение в 90-е гг. XX в. биполярного мира в однополярный

Среди основных факторов нестабильности современного мира следует выделить геополитический глобализм, а конкретнее – распад СССР. Среди некоторых причин распада СССР можно назвать следующие объективные причины.

а) Экономические

Развитие экономики в СССР шло в большей степени экстенсивно, а не интенсивно. В 1960–1980 гг. был достигнут военно-стратегический паритет между СССР – США, однако гонка вооружений продолжалась, что привело к истощению финансовых ресурсов в Советском Союзе.

Победившая сверхдержава не остановилась после победы в «холодной войне» и преследует свои далеко идущие многоуровневые планетарные цели:

«Уровень первый – ресурсный. Речь идет, в конечном счете, о том, чтобы дефицитнейшие из планетарных ресурсов изъять из рук недостойных, не умеющих и не желающих цивилизованно ими распорядиться и передать в руки достойных.

Уровень второй – геостратегический. Речь идёт о том, чтобы закрыться в пространстве бывшего Великого шёлкового пути, соединявшего Атлантику с Тихим океаном, и тем самым взять на контроль центральную коммуникационную систему Евразии.

Уровень третий – военно-стратегический. Речь идёт о том, чтобы получить доступ к той ключевой точке евразийского пространства, откуда можно непосредственно угрожать стратегическим противникам – Китаю и Индии, без нейтрализации которых американское планетарное господство на долговременную перспективу не может состояться» [1, с. 46].

б) Территориальные претензии

В СССР в силу объективных и субъективных причин существовали, накапливались и расширялись территориальные споры, претензии и конфликты. Наиболее острыми из них были события в Нагорном Карабахе (конфликт между Арменией и Азербайджаном), противостояние между Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией, события на Украине (Крым, Донбасс), Приднестровский конфликт и т. д.

в) Языковые проблемы

В СССР проживало более ста наций и народностей. С одной стороны русский язык как язык межнационального общения, стал государственным для всех республик Советского Союза, но фактически он не смог утвердиться в полной мере у всех народов. С другой стороны, шло забвение национальных языков (Башкортостан, Татарстан, Беларусь, Украина, Казахстан, Киргизия и т. д.).

г) Конфессиональные проблемы

Наличие многочисленных конфессий в СССР, воинствующий атеизм, ограничение свободы совести не способствовали консолидации социума.

д) Геополитические причины

С одной стороны, СССР – самая большая страна в мире: площадь 22,4 млн км², наличие 12 часовых поясов, различные климатические зоны и др. – создавали условия для неравномерного экономического развития. При этом есть другая сторона распада СССР. «Речь идет не просто о сохранении политического и геополитического статус-кво. На деле СССР и советский человек играли роль силы, удерживающей перед лицом подступающих сил мирового хаоса. СССР не только сдерживал США от мировой авантюры, которая оказалась возможной только сегодня и ведет мир к трагедии, а агрессора – к гибели. СССР как специфический тип государственности сдерживал, словно обручем, сложившуюся цивилизационную структуру, подтачиваемую разными центробежными силами» [3, с. 19].

Субъективные причины

а) Национальные проблемы

Постсоветский мир с обретением бывшими республиками суверенного статуса привел к совершенно иным последствиям, чем ожидалось его инициаторами. Трагические события в Украине – яркое тому подтверждение. Реализация собственных национальных амбиций и построение жизни по чужому образцу не дали ожидаемого результата, разворошив лишь давно зарубцевавшиеся раны. Теперь они, как неожиданно оживший старый вулкан, с новой силой дали о себе знать, неся новым государствам, народам и людям горе, беды и новые лишения. Мир от этого не стал более безопасным и стабильным, вступив в фазу повышенных рисков.

б) Последствия культа личности И.В. Сталина

Все народы СССР пострадали от культа личности «вождя народов». По данным Р. Медведева в СССР в 30–50 гг. XX в. было репрессировано от 16 до 18 млн человек, в Беларуси – от 600 тыс. до 1 млн человек, в Грузии – 137 тыс. человек.

в) Бытовой уровень национализма

Мифы, слухи, прогнозы, анекдоты. Анализируя последний период духовной сферы советского общества, необходимо подчеркнуть, что жизнь расслоилась на две внутренние, несвязанные части – официальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных законов и правил.

4) Планетарная система торговых сетей

Эффективно действующим аспектом глобализации являются торговые сети, которые действуют как проводники экономического обмена, связывающие национальные государства, регионы, международные организации, компании. Например, Всемирная торговая организация (ВТО) объединяет на 01.01.2018 г. 162 страны, еще 20 являются наблюдателями (в том числе Беларусь). Крупные зоны свободной торговли созданы в странах ЕС, Евразийского экономического сообщества, в Юго-Восточной Азии (Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань). Крупнейшими игроками мировой торговли являются США, Китай, Япония.

5) Глобализация социокультурного поля

Ускорителем глобального развития являются социокультурные изменения. Идет процесс переориентации культуры, за которым часто скрываются претензии на создание новоявленной культуры «транснационального структурного капитализма», ориентированного на формирование американоподобной среды в мировом масштабе для бизнеса и продуктов массовой культуры, тиражирования миллионами и миллиардами копий при помощи кинематографа, телевидения, видеопроката, Интернета.

б) Расширяющееся компьютерное поле, в первую очередь Интернет

Глобальный Интернет, оснащенный новыми технологиями и подконтрольными информационными потоками, охватывает на 01.01.2016 г. более 3,3 млрд пользователей планетарного социума. С другой стороны, глобальные аномалии современного общественного развития провоцируют под влиянием научно-технической революции неравенства в социальных сетях и Интернете. Есть несколько причин, из-за которых меньшинство извлекает выгоду из растущего технологического сектора. Начнём с того, что 60 % населения планеты всё ещё находится вне телекоммуникационных сетей: около 4 млрд человек не имеют доступа в Интернет, еще у двух миллиардов нет мобильных телефонов, а 500 млн человек живут слишком далеко от ближайшей передающей вышки, чтобы поймать сигнал.

Еще М. Кастельс показал, что «неравенства имманентно присущи социальным сетям, ибо их распространение «крайне неравномерно и на планете, и внутри стран»; при этом повсюду и любой их участник подвержен «инклюзии и эксклюзии одновременно, варьирующимся для каждого общества, что зависит от институтов политики и политической практики» [4, с. 161].

На первый взгляд Интернет представляет собой самую открытую и демократичную социальную сеть: практически каждый может стать членом одного из виртуальных сообществ. Однако явные неравенства

возникают в разных возможностях производить и распространять информацию и, что особенно значимо, задавать ей определенные смыслы, касающиеся как видения политических реалий, так и повседневной жизни. Соответственно возникают доминирующие и доминируемые в сфере производства символического капитала в Интернете. При этом стираются различия между адекватными объективными реалиями, смыслами и теми, которые по существу представляют симулякры. Есть и латентные неравенства Интернета, в частности, проявляющиеся в реальной возможности определенных институциональных структур осуществлять надзор не только за контентом информации, но и за личными данными пользователей.

«Цифровая социология» раскрывает существенное расширение предметной сферы данной области социологического знания. Еще в начале XXI в. ее представители практически занимались только изучением влияний цифровых реалий на социальные и культурные аспекты функционирования средств массовой информации. Сегодня же социологи, по существу, предлагают новые подходы к анализу социальной жизни в целом, видя в них «локомотив» развития социальных трансформаций, делая при этом акцент на помощь в решении конкретных проблем жизнедеятельности людей. Среди них следующие: 1) «новая цифровая форма социального исследования», опирающаяся на инструментарий материалистического поворота, нацеленная, прежде всего, на изучение социотехнических гибридов» [5, с. 149]. Речь идет о «человеке-компьютере», «человеке-автомобиле» и т. д.; 2) «обоснован инструментарий «нешкаловой формы социального исследования, позволяющий быстро двигаться от конкретной «информационной точки» к целой информационной сети и обратно»; 3) исследуется роль мобильных телефонов, смартфонов и других «умных» инфраструктур, «имеющих двойную природу» [5, с. 149]. Т.е. они не только передают/принимают информацию, но выступают как средство аккумуляции информации о социальной жизни и делают её доступной для анализа; 4) создаются новые «мосты» между изучением общества на макроуровне и социальными практиками, осуществляемыми на микроуровне, что дает шанс «увидеть общество во всей сложности через миллионы сетей обменов, осуществляемых между людьми»; 5) открываются новые возможности для «междисциплинарности и общественных дискуссий»; 6) «сокращается дистанция между исследователями и участвующими в цифровой социальной жизни» [6, с. 149]. Этому способствует разделяемая инфраструктура социальной жизни и социального исследования; 7) «переоткрываются возможности теоретико-методологического инструментария феноменологии и этнометодологии – если прежде он предполагал «понимание» индивидов,

главным образом, по культурным составляющим их жизненных миров и, соответственно, по производству «методологических аккаунтов» о них, то теперь он дополнительно включает в себя «социо-технические модификации социальных практик», что делает это понимание более валидным; 8) иначе видится концепция «закрытой триады» Г. Зиммеля (если один человек знает двух, то весьма вероятно они знают друг друга). Сегодня она используется не столько для интерпретации межличностных отношений, сколько для изучения характера организации акторов и их контента; 9) расширяются границы публичной социологии, чему способствует постоянно функционирующая связь социологов, респондентов и общественности; 10) практическая значимость – изучение суицидальных рисков, психических проблем: по характеру аккаунта индивида можно судить о его предрасположенности к самоубийству» [6, с. 149–150].

7) Феномен аномии в развитии современного сообщества, проявляющийся в рамках мегааномалий

Мегааномалии – это угрозы глобального социума во всех областях общественной жизни.

1. Мегааномалией современной цивилизации, начиная со второй половины XX в., являются проблемы войны и мира, «горячие точки» планеты, возрастающая продажа обычного вооружения и т. д.

2. Экологические мегааномалии, связанные с процессами как загрязнения окружающей среды, так и «загрязнения мозгов».

3. Зависимость «бедного» Юга от «богатого» Севера.

4. Планетарной мегааномалией стал международный терроризм, прошедший эволюцию от индивидуального террора до криминально-террористических государств.

5. Мегааномалией современной глобализации является обострившийся миграционный процесс.

6. Одной из мегааномалий глобального мира является дефицит продуктов питания, необходимых для нормального развития человечества.

7. Глобальной мегааномалией нового мироустройства является углубление неравенства.

8) Сотрясающие мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до глобальных.

Важное значение имеет типологизация катастроф. Е. М. Бабосов, исходя из причинной вовлеченности общественных отношений и взаимодействий, выделяет пять типов катастроф: 1) природные (землетрясения, извержения вулканов, засухи); 2) экологические (гибель определённых видов экосистем); 3) технологические (аварии самолётов, поездов, космических кораблей, взрывы нефтепроводов); 4) социальные

(войны, революции, контрреволюции, распад государств); 5) личные (смерть близких людей, крах мировоззрения, убийства).

По масштабам действия катастрофы можно классифицировать следующим образом: 1) локальные; 2) региональные; 3) страновые; 4) глобальные. По характеру развёртывания катастрофы подразделяются на 1) эволюционные, детерминированные спецификой динамики того или иного объекта (например, крах бывших социалистических режимов в странах Восточной Европы); 2) функциональные, возникающие в тех случаях, когда социальная система утрачивает деятельную соразмерность с кризисно изменяющимися внутренними и внешними условиями своего существования, что приводит к её разложению и цивилизованному самоубийству (что произошло с Римской империей и Советским Союзом) [6, с. 22].

Территория Беларуси, ее население в XX в. испытали множество катаклизмов. Особенно острыми были социальные катастрофы: Первая мировая война (1914–1918), революции (1905–1907, 1917), гражданская война (1918–1921), раздел страны в 1921 г. по Рижскому договору, сталинские репрессии (1930–1950-е гг.), Великая Отечественная война (1941–1945), распад Советского Союза в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., глобальная катастрофа в Чернобыле в 1986 г.

Авария на Чернобыльской АЭС «для Беларуси обернулась подлинно национальным бедствием. Радиоактивное загрязнение охватило 23 % территории республики, под мрачной тенью которого оказалось 2,1 млн человек (около 20 % населения), в том числе 800 тыс. детей. А экономический ущерб, нанесённый катастрофой, превысил 32 республиканских годовых бюджета 1985 г.. За время, прошедшее после взрыва ядерного реактора, из радиационно-загрязнённых районов переселено более 132 тыс. человек, что потребовало огромных материальных затрат, превысивших 5 млрд долларов США. Главное же в том, что заболеваемость злокачественными образованиями (раком) возросла на 32 %, в 3,1 раза увеличилось число инфарктов миокарда, в 3 раза – различных аномий, почти в 5 раз – болезней щитовидной железы у малышей. Катастрофа в Чернобыле по своему содержанию явилась комплексной радиоэкологической, а по масштабам воздействия на окружающую среду – глобальной» [6, с. 23].

С 1970-х гг. мировая общественность осознала и стала широко обсуждать глобальные риски и вызовы современной эпохи» [7, с. 62]. Анализируя современное общество, можно констатировать его сложность и неопределенность. Президент МСА Альберто Мартинелли заявил: «Социальный мир в конце XX века все больше становится единым, оставаясь расколотым, конфликтным, иерархичным и неравным. Он

одновременно и глобальная система, и расколотый мир с беспрецедентными возможностями большей справедливости и благосостояния для всех и беспрецедентных угроз ядерной войны и экологической катастрофы» [6, с. 20].

Немецкие социологи У. Бек и Н. Луман, английский социолог Э. Гидденс определили современный социум как «общество риска». Благодаря работе «Общество риска. На пути к другому модерну», вышедшей в 1986 г., У. Бек сразу получил широкую известность. Эта книга привлекла большое внимание еще и потому, что появилась в год аварии на ЧАЭС и тем самым практически «подтвердила тенденции развития общества риска» [8, с. 63]. «Мы, – писал У. Бек, – являемся свидетелем – субъектом и объектом – разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классового индустриального общества и обретающего новые очертания (индустриального) риска» [8, с. 2]. В условиях начавшегося в XXI в. кризиса и начинающегося застоя можно выделить новые тенденции в развитии общества, которые касаются всех социальных страт:

1. «Современное общество стало “обществом риска”, потому что новые риски, продуцируемые современным производством, затмили все прежние социальные и классовые конфликты и потеряли значение, так как новые конфликты касаются всех, невзирая на социальные различия, и защиту от них можно искать только на надклассовом, наднациональном уровне. Новые риски уравнили классы и сословия перед их лицом.

2. Резкий рост индивидуализма привел к тому, что прежние субкультуры потеряли свое значение: теперь каждый отдельный человек является приверженцем своего собственного набора культурных норм и ценностей, что свидетельствует о неадекватности разделения культуры по классам, сословиям, социальным группам.

3. Современное общество является рефлексивным: происходящая рефлексивная модернизация радикально изменила взаимоотношения политики и науки. Так, «живя в “кризисном обществе”, люди могут осознать новые риски только с помощью научной экспертизы, научных расчетов, так как эти риски часто невидимы, неоощуяемы (например радиация), поэтому надо либо самим повышать свой научный уровень, либо доверять ученым» [7, с. 63–64].

Список использованной литературы

1. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность XXI в. / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2004. – 139 с.
2. Кузнецов, А. Транснациональные корпорации / А. Кузнецов // Мировое и нац. хозяйство. – 2014. – № 2. – С.1–7.

3. Селиванов, А. И. Познание будущего развивающихся социальных объектов / А. И. Селиванов // Социс. – 2015. – № 11. – С. 13–22.

4. Кравченко, С. А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более ровного мира / С. А. Кравченко // Социс. – 2015. – № 2. – С. 29–38.

5. Кравченко, С. А. К итогам конференции европейской социологической ассоциации / С. А. Кравченко // Социс. – 2015. – № 4. – С. 147–154.

6. Бабосов, Е. М. Социология катастроф / Е. М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 4. – С. 19–25.

7. Титаренко, Л. Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм : пособие / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2015. – 215 с.

8. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 384.

УДК 94(100)«1941/1942»(476)

С. Л. КАЗЛОВА

Беларусь, Мінск

ГАЛАНДСКАЯ КАЛАНІЗАЦЫЯ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЙ ТЭРЫТОРЫІ ВОСЕННЮ 1941 – ВЯСНОЙ 1942 ГГ.

Важнейшай часткай нацысцкіх акупацыйных планаў, якія яны збіраліся ажыццявіць на захопленай беларускай тэрыторыі, былі агульныя планы каланізацыі, а таксама перспектывы германізацыі, высялення і вынішчэння мясцовага насельніцтва. Да апошняга часу гісторыкі сцвярджалі, што дадзеныя планы нацысты збіраліся ажыццявіць пасля заканчэння вайны. Аднак гэты тэзіс абвяргаюць знойдзеныя намі ў Федэральным архіве Германіі, архіве Нідэрландскага інстытута вывучэння вайны, Халакосту і генацыду, а таксама ў галандскай гістарыяграфіі дакументы і факты, якія сведчаць якраз аб пачатку рэалізацыі нацысцкіх каланізацыйных планаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўжо ў першыя гады акупацыі.

Згодна з планамі нацысцкай дактрыны пангерманізму, якая ўзнікла яшчэ ў кайзераўскай Германіі перад Першай сусветнай вайной, усе германскія народы павінны былі быць аб’яднаныя ў тысячагадовым Трэцім Рэйху. У 1910 г. некаторыя прадстаўнікі “Пангерманскага саюзу” адкрыта заявілі, што выступаюць за аб’яднанне немцаў і прадстаўнікоў іншых германскіх народаў на ўсім еўрапейскім кантыненте і за стварэнне адной буйной германскай дзяржавы з мэтай забеспячэння дастатковай “прасторы” [1, с. 28].

7 кастрычніка 1939 г. А. Гітлер сваім дэкрэтам “Аб умацаванні нямецкай нацыі” прызначыў рэйхсфюрэра войск СС Г. Гімлера імперскім

камісарам па кансалідацыі нямецкай расы і даў яму ўсе паўнамоцтвы па рэалізацыі планаў каланізацыі. Гэты дэкрэт даваў апошняму неабмежаваную ўладу ў вызначэнні тэрыторый для каланізацыі. Адказваючы на пытанне, у чым сутнасць каланізацыйнай палітыкі, Г. Гімлер сцвярджаў: “Наша задача заключаецца ў тым..., каб насяліць Усход людзьмі з сапраўды нямецкай, германскай крывёй”. У маі 1940 г. у сваёй запісцы “Некаторыя меркаванні аб стаўленні да мясцовага насельніцтва ўсходніх абласцей” ён пісаў, што важнейшай задачай “усходняй палітыкі” будзе ачышчэнне далучаных тэрыторый на Усходзе ад людзей “чужой расы”. Пазней ён сцвярджаў: “У бліжэйшыя 20 гадоў мы павінны засяліць немцамі германскія ўсходнія правінцыі ад Усходняй Прусіі да Верхняй Сілезіі, усё генерал-губернатарства, павінны анямечыць і засяліць Беларусь, Эстонію, Літву, Латвію, Інгерманландыю... і Крым...” [2, с. 10–15].

У канцы лістапада 1941 г. рэйхсмаршалам III Рэйха Г. Герынгам была праведзена нарада з прадстаўнікамі ўсходняга міністэрства, міністэрства эканомікі, а таксама міністэрства прадукцыі, на якой было вырашана, што “практычнае супрацоўніцтва германскіх народаў павінна ажыццяўляцца не толькі на фронце праз замежныя легіёны, але і таксама праз рашэнне эканамічных задач на Усходзе”. Гэта, на думку нямецкіх спецыялістаў, вызначалася перш за ўсё ў тым, што “патрабаванні ў людзях для гаспадарчага засваення захопленых савецкіх тэрыторый адной нацысцкай Германіяй на той момант не маглі быць забяспечаны”. Адзначалася, што замежнае супрацоўніцтва магло ажыццяўляцца пры даволі жорсткай умове: гаспадарча-палітычным кіраўніцтвам на акупаванай савецкай тэрыторыі павінна была займацца ў любым выпадку толькі нацысцкая Германія. Была тут таксама і арыентацыя на будучую каланізацыю захопленай усходняй тэрыторыі. Прычым мова ішла перш за ўсё пра “адзінства” германскіх народаў – Германіі, Нідэрландаў, Бельгіі, Даніі, Швецыі, Нарвегіі – у эканамічным выкарыстанні акупаваных савецкіх раёнаў.

Асабліва падкрэслівалася, што забеспячэнне еўрапейскага замежжа з захопленых усходніх тэрыторый за кошт Рэйха нават не разглядаецца. Хутчэй трэба было зыходзіць з таго, што “Германія захапіла савецкія вобласці з дапамогай іншых еўрапейскіх краін, і апошнія маюць права патрабаваць сабе долю іх гаспадаркі”. На нарадзе было вырашана, што дырэктывы і ўказанні па супрацоўніцтву замежных краін у гаспадарчым выкарыстанні захопленых усходніх тэрыторый павінны будавацца Г. Герынгам і А. Розенбергам разам з удзелам іншых міністраў [3, л. 6, 9]. Такім чынам, кіраўніцтвам нацысцкай Германіі робяцца захады па падрыхтоўцы замежнай працоўнай сілы, выкарыстоўваючы для гэтай мэты

калабарацыянісцкі рух. Былі выпрацаваны планы па каланізацыі акупаваных усходніх тэрыторый “узорнымі замежнымі фермерамі германскай крыві” [4, s. 12]. Як трапна заўважае галандская даследчыца Геральдына Драбэ Кунцель, германізацыя тэрыторый, заваяваных у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, была толькі першым элементам стварэння новай нацысцкай імперыі. Другім элементам стала ўстанаўленне так званага “альянсу крыві” паміж немцамі і прадстаўнікамі іншых германскіх народаў за межамі старога Рэйха [1, с. 2, 6–7].

Найбольш рэальна планы па эканамічнай каланізацыі захопленай савецкай тэрыторыі нацыстам удалося ажыццявіць толькі з Нідэрландамі. Ні ў аднай іншай краіне свету гэта праграма не атрымала такой падтрымкі. Тэрыторыя Нідэрландаў і яе народ павінны былі стаць часткай “Вялікай Германіі”, “сваёй правінцыяй” для Берліна. Немцы адчувалі сваю роднасць з галандцамі, невыпадкова “старажытнагерманская” – адна з назваў галандскай мовы. Вялікая колькасць людзей, якія жылі ў гэтай краіне, называлі сябе “германа-галандцамі” [5, с. 1].

Пасля захопу і акупацыі нацыстамі Нідэрландаў тут распаўсюдзіла свой уплыў арганізацыя “Аненербе” (“Нямецкае аб’яднанне па вывучэнню старажытнай германскай гісторыі і спадчыны продкаў”), якая была створана для вывучэння агульных традыцый германскай расы з мэтай акультурна-ідэалагічнага забеспячэння функцыянавання Трэцяга рэйха. Яе кіраўнік Ханс Эрнст Шнайдэр працаваў у акупаваных Нідэрландах у 1940-1942 гг., дзе наладжваў супрацоўніцтва з галандскімі вучонымі-этналагамі, якія пачалі казаць аб агульным германскім паходжанні немцаў і галандцаў, аб’яднаўшы такім чынам свае даследаванні з нямецкай “расавай” тэорыяй. Нацысцкая акупацыя Галандыі была прадстаўлена імі як “рэстаўрацыя старажытнай германскай дзяржавы”. У прыватнасці галандскі вучоны прафесар дэ Фрыз у сваіх навуковых працах падкрэсліваў важнасць агульнага паходжання галандцаў і немцаў, даказваў іх культурнае і лінгвістычнае падабенства, якія называў праяўленнямі адной і той жа расавай ідэнтычнасці. Ён сцвярджаў, што падчас меднага веку продкі старажытных германцаў жылі на тэрыторыі Усходняй Еўропы, але пасля былі адсунуты на захад продкамі славянскіх плямёнаў. Таму вучоны быў перакананы ў неабходнасці выканання важнай «гістарычнай місіі» германскіх народаў у Еўропе і выступаў за эміграцыю галандцаў у акупаваную Усходнюю Еўропу [1, с. 46–47].

У пачатку ліпеня 1941 г., праз некалькі дзён пасля нападу нацысцкай Германіі на Савецкі Саюз, у галандскім дэпартаменце прадукцыі і сельскай гаспадаркі пачаліся першыя перамовы па пытанні ўдзелу Нідэрландаў у “эканамічным адкрыцці” захопленых савецкіх тэрыторый. Ініцыявалі гэтыя перамовы статс-сакратар германскага імперскага міністэрства

прадукцыі і сельскай гаспадаркі Герберт Бакке і кіраўнік аддзелу прадукцыі і сельскай гаспадаркі галандскага акупацыйнага ўрада Фрыдрых Гротэ. Абмяркоўвалася пытанне вярбоўкі галандскіх фермераў для эксплуатацыі акупаванай савецкай тэрыторыі.

7 ліпеня 1941 г. адбылася сустрэча Фрыдрыха Гротэ з генеральным сакратаром дэпартаменту па сельскай гаспадарцы Хансам Хіршфельдам, генеральным дырэктарам па прадукцыйнаму забеспячэнню Стэфанасам Лувесам, а таксама з прэзідэнтам урадавай арганізацыі “Хайдэмія” (якая адказвала за барацьбу з беспрацоўем у сельскай гаспадарцы) Сеесам Стафам, на якой абмяркоўвалася пытанне аб тым, што ў абмен на эканамічнае супрацоўніцтва з нацысцкай Германіяй Галландыя будзе атрымліваць частку сельскагаспадарчага ўраджаю з захопленых савецкіх тэрыторый. Галоўнымі прычынамі адпраўкі галандскіх фермераў на ўсход называліся неабходнасць прадухілення беспрацоўя ў сельскай мясцовасці і аграрнага перанасельніцтва. Сцвярджалася, што галоўнай мэтай накіравання галандцаў на працу ў акупаваныя савецкія тэрыторыі будзе забеспячэнне прадукцыйнай бяспекі ў Еўропе.

Праз некалькі дзён пасля гэтай сустрэчы Х. Хіршфельд праінфармаваў аграрныя прафсаюзы Нідэрландаў пра планы па вярбоўцы галандскіх фермераў для працы на захопленай савецкай тэрыторыі. Прафсаюзы выразілі сваю згоду на падтрыманне дадзенай ініцыятывы пры выкананні наступных умоў: добраахвотным характары гэтага прадпрыемства; магчымасці праўдзівай інфармацыі аб дадзенай ініцыятыве для фермераў-добраахвотнікаў, часовае нераспаўсюджванне дадзенай інфармацыі ў прэсе [1, с. 57–58].

Такім чынам, была створана арганізацыя, якая атрымала назву “Камісія па перасяленні фермераў ва Усходнюю Еўропу” (“CULANO»). Прычынай стварэння дадзенай фермерскай арганізацыі былі чыста эканамічныя тэндэнцыі: аграрнае перанасельніцтва галандскай сельскай тэрыторыі і ў сувязі з гэтым недахоп зямлі. Планавалася адправіць каля 3 000 галандцаў на працу на акупаваныя савецкія тэрыторыі ў якасці сельскагаспадарчых кіраўнікоў, упраўляючых аграрнымі прадпрыемствамі, сельскагаспадарчых спецыялістаў (трактарыстаў, механікаў) і г.д. На той момант масавая галандская каланізацыя не абмяркоўвалася, да гэтага працэсу больш ставіліся як да эксперыменту.

Пасля афіцыйнага стварэння арганізацыі “CULANO” пачалася актыўная прапагандысцкая кампанія па распаўсюджванню гэтай інфармацыі сярод галандскіх фермераў. Акрамя таго, арганізацыя гэтага працэсу была перададзена ў распараджэнне раённых служб занятасці. Апошнія і павінны былі растлумачыць усім добраахвотнікам, што іх

будучая праца на акупаваных усходніх тэрыторыях ніякім чынам не будзе звязана з удзелам у ваенных аперацыях.

Кіраўніцтва гэтым працэсам адразу пасля нападу нацысцкай Германіі на СССР узяло на сябе нямецкае Земляробчае таварыства (LO) са штаб-кватэрай у Берліне, у функцыі якога ўваходзіла кантраляванне працэсу выкарыстання і эксплуатацыі сельскагаспадарча-карыснай зямлі на акупаваных савецкіх тэрыторыях. У верасні 1941 г. у якасці філіялаў таварыства былі створаны на тэрыторыі адпаведных рэйхскамісарыятаў Земляробчае таварыства “Остланд” і Земляробчае таварыства “Украіна”. У пачатку кастрычніка 1941 г. з мэтай больш дакладнай каардынацыі працэсу нямецкае Земляробчае таварыства адчыніла свой офіс у Гаазе [1, с. 60–61].

Ужо ў канцы ліпеня 1941 г. першыя галандскія фермеры пачалі падаваць заяўкі на ўступленне ў “CULANO”. Большасць дабраахвотнікаў была завербавана Галандскім аграрным фронтам. У першы тыдзень жніўня стала вядома, што заяўкі падалі 363 галандскіх фермера. Біяграфіі кожнага з іх вывучаліся вельмі скрупулёзна, і толькі пасля зацвярджэння кандыдатур іх прозвішчы накіроўваліся ў раённыя службы занятасці. Пасля гэтага іх запрашалі прыехаць на суразмоўе з супрацоўнікам па працаўладкаванні раённай службы, а пазней і з кіраўніком міжрэгіянальнай службы занятасці. На кожнага кандыдата складалася асабістая справа і дасылалася кіраўніцтву “CULANO”. Сярод іншых прэтэндэнты на працу на ўсходзе павінны былі падаць медыцынскую даведку аб добрым стане здароўя і дакумент “Аб выдатных маральных паводзінах”. Калі кандыдат прэтэндаваў на больш высокую пасаду ў галіне сельскай гаспадаркі на акупаваных савецкіх тэрыторыях, яго запрашалі для правядзення трэцяга інтэрв’ю ў галоўны офіс арганізацыі. Пасля кіраўніцтва арганізацыі давала свае рэкамендацыі да кожнай справы і адсылала гэтыя матэрыялы ў Земляробчае таварыства [1, с. 62].

Неабходна адзначыць таксама, што гэтыя першыя галандскія фермеры-дабраахвотнікі не былі перакананымі нацыянал-сацыялістамі, яны проста спадзяваліся набыць зямлю, якой ім так не хапала на радзіме. На той момант іх клопатам была выключна сельская гаспадарка, яны не прытрымліваліся ніякай ідэалогіі.

Зацверджаным кандыдатам прапаноўвалася спецыяльная ўніформа, якая павінна была гарантаваць бяспеку падчас працы на акупаваных усходніх тэрыторыях: форменнае паліто, фуражка, кашуля, камізэлька, сподні, капялюш, гальштук, пальчаткі і абутак. Акрамя таго, яны атрымалі таксама некаторыя гаспадарчыя рэчы: посуд, пасцельную бялізну, коўдры і г. д. У фінансавым плане аперацыя была вельмі выгаднай для Галандыі, бо ўся арганізацыйная праца адбывалася цалкам за кошт нацысцкай Германіі.

Земляробчае таварыства клапацілася аб транспарціроўцы і фінансавым забеспячэнні галандскіх дабраахвотнікаў [1, с. 62–63].

Аднак ужо на першапачатковым этапе правядзенне гэтага мерапрыемства сутыкнулася з некаторымі складанасцямі. Па-першае, па розных прычынах пастаянна скарачалася колькасць ужо зацверджаных дабраахвотнікаў: шмат хто з іх ці цалкам адмовіўся ад жадання ехаць на працу ці папрасіў адтэрміноўку. У выніку гэтага замест запланаваных 3 000 пачалі гаварыць толькі аб 500 галандскіх дабраахвотніках. Але нават гэтая колькасць кандыдатаў у выніку так і не была дасягнута, бо ўсяго каля 450 фермераў, адабраных “CULANO”, патрапілі на працу на акупаваныя ўсходнія тэрыторыі. Разам паехала чатыры групы: дзве ў лістападзе 1941 г., дзве ў сакавіку 1942 г. Па-другое, паміж арганізатарамі адразу пачаліся спрэчкі адносна характару дадзенай ініцыятывы. Немец Ф. Гротэ выступаў за яе нацыянал-сацыялісцкі акцэнт, а яго галандскія партнёры жадалі, каб гэтае прадпрыемства было чыста эканамічным і не насіла адкрыты нацыянал-сацыялістычны характар.

22 лістапада 1941 г. на акупаваныя савецкія тэрыторыі з г. Олдзензал павінен быў адправіцца першы цягнік з галандскімі фермерамі [7]. Напярэдадні для правядзення ўрачыстасцяў у мясцовым гатэлі была заказана і ўпрыгожана зала. Падчас святочнага абеду слова ўзялі арганізатары мерапрыемства Ф. Гротэ і С. Стаф. І калі галандец Стаф гаварыў пра выключна эканамічны характар дадзенага прадпрыемства, то немец Гротэ асабліва падкрэсліваў салідарнасць двух “выбраных германскіх народаў” і неабходнасць пашыраць іх “жыццёвую прастору” [1, с. 63].

Спачатку галандскіх фермераў адпраўлялі на навучанне сельскагаспадарчым дысцыплінам у польскі горад Лодзь (Litzmannstadt). Там іх засялілі ў казармы былога транзітнага лагера для этнічных нямецкіх перасяленцаў. У пачатку снежня іх наведваў прадстаўнік Зямельнага таварыства, які паведаміў кіраўніцтву ў сваім лісце, што галандцаў трэба хутчэй адсылаць на іх працоўныя месцы, бо яны “зусім дэарганізаваліся”. Каля 25 чалавек галандскіх дабраахвотнікаў з’ехалі назад у Нідэрланды, бо ім не спадабаліся ўмовы пражывання.

18 снежня падчас сустрэчы кіраўніцтва “CULANO” і Зямельнага таварыства ў Берліне было прынята рашэнне аб тэрміновай адсылцы галандцаў на працу ў генеральны камісарыят Беларусь, дзе яны павінны былі пачаць працаваць на тэрыторыі былых калгасаў ці дзяржаўных маёнткаў. Аднак працаваць яны павінны былі не самастойна, а спачатку знаходзіцца ў падпарадкаванні ў нямецкіх аграрных спецыялістаў. Уся гэтая аперацыя павінна была кантралявацца Зямельным таварыствам “Остланд”. Такім чынам, планы былі зменены, бо замест запланаванага

раней масавага засялення галандцаў у адным месцы было вырашана іх раскіданьне па розных мясцовасцях.

Наступным крокам было прыбыццё галандцаў у Рыгу. Аднак і тут у іх пачаліся праблемы з дысцыплінай, шмат хто адмаўляўся падпарадкоўвацца патрабаванням кіраўніцтва. Напрыклад, пяць галандскіх фермераў з'ехалі з Рыгі назад у Нідэрланды пасля таго, як ім прыгразілі расстрэлам за адмову ад выезда на месца працы ў “небяспечнае”, па іх меркаваньню, месца. Нарэшце ў канцы лютага 1942 г. значна зменшаная група дабраахвотнікаў была накіравана на месцы працы ў дзяржаўныя маёнткі. З моманту іх адсылкі з Галандыі прайшло чатыры месяцы [1, с. 65–66].

28 лютага 1942 г. у Гаазе адбылася чарговая нарада на чале з генеральным камісарам па асобных даручэннях захопленых нідэрландскіх тэрыторый Фрыцам Шмідтам па праблеме працы галандцаў у сельскагаспадарчай сферы акупаваных савецкіх тэрыторый. Абмяркоўвалася пытанне далейшага ўдзелу галандскіх арганізацый у “засваенні захопленых усходніх земляў”. Было вырашана, што ад супрацоўніцтва з гандлёва-сельскагаспадарчай фірмай “CULANO”, нягледзячы на складанасці, адмаўляцца не будуць. Была таксама дасягнута дамоўленасць аб тым, што галандскія сяляне, якія будуць падрыхтаваны для працы на захопленых усходніх тэрыторыях, спачатку павінны будуць размясціцца ў Галандыі ў лагеры горада Эммен, адкуль іх планавалася адправіць на акупаваныя ўсходнія тэрыторыі [7, л. 48–49].

У красавіку 1942 г. А. Розенберг, глава “ўсходняга міністэрства”, выдаў інструкцыі для рэйхскамісарыятаў “Остланд” і “Украіна”, так званую “Карычневую папку”, у якой выразна сцвярджалася, што “прызначэнне ўсходніх абшараў не ў тым, каб развіваць уласнае, незалежнае ад еўрапейскіх патрэбаў, жыццё, яны хутчэй з'яўляюцца толькі часткаю вялікагерманскай і еўрапейскай жыццёвай прасторы і маюць у гэтай галіне свае акрэсленыя задачы...” [8, с. 108].

Каб падняць колькасць дабраахвотнікаў, у гэты час у галандскай прэсе пачалася моцная прапагандысцкая кампанія. Размова ішла аб тым, што Нідэрланды – краіна занадта малая, каб пракарміць усіх сваіх жыхароў. У друк выходзіць прапагандысцкая брашура, у якой сцвярджалася наступнае: “Там, у Беларусі, Украіне, Літве ў сельскай гаспадарцы ўжо дзейнічаюць тысячы замежных працоўных. Вы павінны далучыцца да іх. З якой мэтай вы паедзеце туды? Канешне, не толькі, каб зарабіць грошы, а ў першую чаргу дзеля лепшай еўрапейскай будучыні. У гэтым сэнсе роля Нідэрландаў вельмі важная, мы павінны далучыцца да гэтага працэсу усіх лепшых галандскіх працаўнікоў. Такім чынам, Нідэрланды не могуць застацца з боку, бо мы працуем на будучыню Еўропы, на забеспячэнне яе прадукцыйнай бяспекі. Нямецкі народ і

вермахт, іх саюзнікі і легіёны дабраахвотнікаў маюць вялікія ахвяры і льюць кроў на гэтай зямлі. А вы ў сваю чаргу павінны дадаць туды сваю працу...» [6].

Наступныя групы галандскіх сялян, якія прыбылі ў сакавіку і ў маі 1942 г., прыехалі адразу на тэрыторыю генеральнага камісарыята Беларусь. 12 сакавіка некалькі соцен галандскіх фермераў былі накіраваны ў Вілейку. Праз два дні яшчэ адну групу дабраахвотнікаў адаслалі адразу цягніком у Мінск, але па прычыне кепскай арганізацыі працэсу іх ніхто не сустрэў, і яны вымушаны былі начаваць на вакзале, пакуль пра іх не даведаліся прадстаўнікі Зямельнага таварыства “Остланд”. Іх накіравалі на працу ў асноўным у нядаўна арганізаваныя на месцы былых калгасаў дзяржаўныя маёнткі пад Мінскам. Праз некалькі дзён яшчэ адна група галандскіх фермераў у складзе 30 чалавек прыбыла ў Глыбокае. Апошняя група, у якую ўваходзілі 159 дабраахвотнікаў, прыбыла ў Рыгу 22 мая 1942 г. З гэтага складу 115 чалавек атрымалі працу ў селькагаспадарчых маёнтках каля Вілейкі ў якасці намеснікаў кіраўнікоў, а астатнія ўладкаваліся ў будаўнічыя арганізацыі [1, с. 66–67].

Такім чынам, галандскія фермеры, якіх накіравала на працу ў захопленыя савецкія тэрыторыі “CULANO”, сутыкнуліся на месцы з шэрагам складанасцяў. Шмат хто з іх не быў падрыхтаваны да працы такога кшталту. Умовы жыцця першых перасяленцаў не былі ідэальнымі, некаторыя з іх доўгі час жылі у так званых перасыльных лагерах, што і прымусіла іх хутка вярнуцца на радзіму.

На наступных перамовах паміж прадстаўнікамі нямецкага ўсходняга міністэрства і галандскімі ўладамі прадстаўнікі “CULANO” паведамлілі пра тыя складанасці, якія ўзніклі ў першых галандскіх перасяленцаў на ўсход. Асноўнымі прычынамі адмоўных вынікаў перасялення і працы былі названы, сярод іншага, кепская арганізацыя самога працэса, адсутнасць зацікаўленасці ў ім, нязгода і непадрыхтаванасць мясцовых нямецкіх акупацыйных улад на тэрыторыі рэйхскамісарыятаў “Остланд” і “Украіна”.

На гэтых перамовах было вырашана адмовіцца ад “CULANO” і стварыць новую структуру, якая была б лепш арганізавана і больш забяспечана фінансава [1, с. 70]. А каб вынік супрацоўніцтва з мясцовай нямецкай акупацыйнай уладай у будучым быў станоўчы, было вырашана спачатку адаслаць ў рэйхскамісарыяты дэлегацыі на перамовы з удзелам прадстаўнікоў нямецкага ўсходняга міністэрства.

Такім чынам, згодна са знойдзенымі намі дакументамі і фактамі з архіва Нідэрландскага інстытута вывучэння вайны, Халакосту і генацыду, Федэральнага архіва Германіі і галандскай гістарыяграфіі, мы можам канстатаваць, што ўжо восенню – вясной 1941–1942 гг. на тэрыторыю

акупаванай Беларусі пры дапамозе “CULANO” прыбылі першыя галандскія каланізатары. Усяго каля 450 фермераў, адабраных “CULANO”, патрапілі на працу на акупаваныя ўсходнія тэрыторыі. Аднак дадзеная першая спроба галандскай каланізацыі заходнебеларускай тэрыторыі скончылася няўдала. Галандскія фермеры-дабраахвотнікі сутыкнуліся з кепскай арганізацыяй працэсу і непаразуменнем з боку мясцовых нямецкіх акупацыйных уладаў, шмат хто з іх быў звольнены і адасланы назад за непадпарадкаванне ўпраўленчым органам. Выправіць сітуацыю таксама аказалася складанай справай, бо Ф. Гротэ, які адказваў за ажыццяўленне гэтага працэсу, быў у студзені 1942 г. адасланы на ўсходні фронт, дзе праз некалькі месяцаў і загінуў [1, с. 67–68].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Geraldien von Frijtag Drabbe Kunzel. Hitler's Brudervolk. The Dutch and the Colonization of Occupied Eastern Europe, 1939–1945. – New York, 2015.
2. Generalny plan Wschodni : zbiór dokum. / Główna komisja badania zbrodni hitlerowskich w Polsce ; pod red. Cz. Madajczyka. – Warszawa, 1990. – 442 s.
3. Рэйхсміністэрства па занятых усходніх абласцях // Федэральны архіў Германіі (ВА). – Р. 6. Спр.443.
4. Barnouw, D. Oostboeren, zee-germanen en turfstekers. Kolonisatietijdsde Tweede Wereld Oorlog. – Amsterdam, 2004.
5. Люлечкин, В. Голландия и нацизм / В. Люлечкин // Каскад. – 22 апр. 2010.
6. Архіў Нідэрландскага інстытуту вывучэння вайны, Халакосту і генацыду (NIOD) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.niod.nl/nederlandsche-oost-compagnie>. – Дата доступу: 12.02.2016.
7. Рэйхсміністэрства па занятых усходніх абласцях // ВА. – Р. 6. Спр.440.
8. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.

УДК 331.108.262:331(476)

А. Г. КАРАПУЗОВА

Беларусь, Брест, ГАБр

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Брестской области, обладают богатым информационным потенциалом и служат ценным источником по изучению истории Брестчины, общественно-политического, социально-экономического, культурного развития региона с 1919 г. и до настоящего времени.

Кроме этого, архивные документы могут служить источником для проведения генеалогических исследований, по изучению истории отдельно взятых семей, установлению фактов биографии отдельных их представителей. Следует оговориться, что речь идет о генеалогии в широком смысле этого слова (а не только об установлении родственных связей и составлении родословной (генеалогического древа)).

В составе многих архивных фондов отложились документы, которые могут быть использованы для поиска сведений генеалогического и биографического характера. Наибольший интерес представляют документы межвоенного периода, как самые ранние документы, хранящиеся в архиве.

Государственный архив Брестской области хранит богатый комплекс документальных материалов польских органов власти, местного самоуправления, различных учреждений и организаций, действовавших на территории Брестчины в межвоенный период.

Исходя из компетенции этих учреждений и организаций, выполняемых функций, в их делопроизводстве откладывались документы, касающиеся конкретных людей. Для проведения генеалогических изысканий, прежде всего, следует привлекать документы органов местного самоуправления.

По административно-территориальному делению в 1921–1939 гг. территория Польши, в том числе входившие в ее состав западно-белорусские земли, делилась на воеводства, которые в свою очередь делились на поветы, а поветы – на гмины. Гмина охватывала либо территорию одного города – городская гмина, либо территорию нескольких населенных пунктов (поселков, деревень, хуторов и т. д.) – сельская гмина.

Органы местного самоуправления всех уровней делились на распорядительные и исполнительные. На уровне повета это поветовый

сеймик (с 1933 года – поветовая рада) и поветовый отдел (председателем которых выступал поветовый староста), на уровне города – городская рада и магистрат (с 1933 года – городское управление) во главе с президентом (или бургомистром), на уровне гмины – гминная рада и гминное правление во главе с войтом [38, s. 171–179; 39, s. 124–131; 40, s. 1–8; 41, s. 693–722].

На хранении в архиве находятся документы архивных фондов ряда органов местного самоуправления, действовавших на территории Полесского воеводства: поветовых рад и отделов (Брестского, Дрогичинского, Лунинецкого, Пинского, Столинского), городских управлений (Береза-Картузского, Брестского, Высоко-Литовского, Городнянского, Давид-Городокского, Каменец-Литовского, Коссовского, Логишинского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского), а также гминных правлений Брестского, Дрогичинского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского поветов Полесского воеводства за 1919–1939 гг. Всего 53 фонда общим объемом свыше 27 тысяч единиц хранения [1, с. 26–34].

Кроме того, что отложившиеся в указанных фондах документальные материалы служат полноценным источником по изучению истории органов местного самоуправления, общественно-политического, социально-экономического развития Полесья на уровне отдельно взятых поветов, городов, сельских гмин, деревень в период между двумя мировыми войнами, они могут быть использованы для проведения генеалогических исследований.

Исходя из выполняемых органами местного самоуправления функций, в их делопроизводстве отложились документы, которые могут быть использованы для поиска сведений о конкретных людях.

Так, функция организации выборов в органы местного самоуправления, участие в подготовке выборов в Сейм и Сенат Польши требовала составления списков избирателей [2–3], в которых содержались биографические сведения о местных жителях (фамилия, имя, год рождения (либо возраст), место жительства, род занятий и др.).

Поскольку магистраты и гминные правления осуществляли учет и регистрацию населения на подведомственной территории, в составе их фондов отложились разнообразные документы, содержащие сведения о конкретных жителях: посемейные карточки (*karta rodziny*) [4]; домовые книги (в городах) [5]; списки, книги регистрации жителей отдельных гмин, городов, деревень [6], протоколы опроса свидетелей по установлению постоянного места жительства граждан [7]; анкеты о регистрации в гмине, перемене места жительства, о проживании в гмине [8]; заявления жителей о выдаче паспортов и удостоверений личности [9]; копии, выписки из актов

гражданского состояния, метрических книг (о рождении, браке, смерти), копии военных билетов, паспортов [10] и др.

Рассмотрим более подробно некоторые из них, представляющие наибольший интерес при проведении генеалогических исследований:

посемейные карточки (karta rodzinna) – типографская карточка установленной формы, заполняемая на семью, в которой имелись следующие реквизиты: фамилия, имена мужа и жены, имена их родителей, девичья фамилия жены, даты и места рождения, место жительства, вероисповедание, профессия, семейное положение, гражданство, отношение к воинской службе, паспортные данные, имена и годы рождения детей [4];

домовые книги – книги учета прописки граждан в городах, в них указывались фамилия, имя, дата и место рождения, семейное положение, вероисповедание, профессия, отношение к воинской службе, гражданство, имелись регистрационные отметки [5];

анкеты о регистрации в гмине (zgłoszenie zamieszkania (kwestjonariusz)), о проживании в гмине (ankieta dla osób zamieszkujących w gminie), перемене места жительства (zgłoszenie zmiany miejsca zamieszkania), заполняемые на конкретных лиц, в которых указывались фамилия, имя, дата рождения, имена родителей, профессия, место предыдущего проживания, вероисповедание, семейное положение, отношение к воинской службе, гражданство и др. [8];

заявления жителей о выдаче паспортов и удостоверений личности, как правило, оформлялись на типографском бланке установленной формы, содержали следующие сведения: фамилия, имя, дата и место рождения, имена родителей, вероисповедание, профессия, семейное положение, место проживания, отношение к воинской службе, описание внешности (рост, цвет глаз и волос, форма лица, рта, носа), грамотность, владение языками. Заявление подписывалось заявителем. В некоторых случаях на заявление наклеивалась фотография, а также могли прикладываться старые паспорта и удостоверения личности и др. [9];

протоколы опроса свидетелей по установлению постоянного места жительства граждан – такие документы составлялись в 1919–1924 гг. при возвращении из эвакуации местных жителей, покинувших родные места в 1915 г. в ходе Первой мировой войны. Беженцы предъявляли местным властям свидетельства, подтверждающие их прежнее место жительства, восстанавливающие их имущественные права, гражданское состояние и т. п. Такие свидетельства основывались на показаниях двух свидетелей. Как правило, форма протокола была в виде типографского бланка. В документах архивных фондов встречаются разные варианты таких протоколов [7].

Безусловно, большой интерес представляют копии, выписки из актов гражданского состояния, метрических книг (о рождении, браке, смерти), копии военных билетов, паспортов, как правило, предъявляемые гражданами в органы местного самоуправления для каких-либо целей (учет населения, получение паспорта и др.) и, как следствие, отложившиеся в составе архивных фондов [10]. Но надо понимать, что такие категории документов сохранились фрагментарно, далеко не на всех жителей.

При выполнении функции учета военнообязанных и проведении призывных мероприятий в составе фондов органов местного самоуправления отложились: индивидуальные карточки призывников [11], списки призывников по годам рождения [12], списки военнообязанных (находившихся в запасе) [13].

Например, списки призывников составлялись по установленным формам, как правило, в них приводились следующие данные о призывнике: фамилия, имя, дата и место рождения, имена родителей (с указанием живы ли они), профессия отца, место фактического проживания, национальность, вероисповедание, род занятий, образование, семейное положение, был ли судим, физические особенности и др. [12].

Вопросы строительства, в том числе частного, также находились в ведении органов местного самоуправления, в связи с чем, в составе фондов имеются документы в отношении конкретных граждан: разрешения на строительство жилых домов и хозяйственных построек, заявления граждан о выдаче разрешений на строительство [14], проекты строительства домов и построек [15], дела о выдаче ссуды на строительство [16] и др.

В компетенции органов местного самоуправления находились и вопросы социального обеспечения, оказания материальной помощи жителям, в связи с чем в составе изучаемых архивных фондов имеются: заявления граждан об оказании материальной помощи (деньгами, продуктами), выдаче ссуд, пособий [17], протоколы обследования материального положения просителей [18], списки граждан, которым оказана помощь [19] и др.

При решении вопросов землепользования, для учета недвижимого имущества, землевладений, крестьянских хозяйств, домашнего скота и т. д., в составе фондов органов местного самоуправления отложились такие документы как: дела о владении недвижимым имуществом (в отношении конкретных граждан) [20]; списки владельцев недвижимого имущества [21]; списки землевладельцев с указанием размера земельного участка [22]; заявления о приобретении земли [23], а также списки жителей, имеющих лошадей [24], владельцев пасек (пчеловодов) [25] и др.

Для организации гминными правлениями выполнения населением гмин дорожной повинности (по ремонту дорог и мостов) велись книги учета жителей гмины по отработке дорожной повинности, составлялись списки жителей на отработку повинности [26]. Для выполнения функции налогообложения и сбора налогов велись книги учета, списки налогоплательщиков; а граждане обращались с заявлениями об освобождении (уменьшении) от уплаты налогов и платежей [27].

Кроме того, в составе фондов городских управлений и гминных правлений сохранились многочисленные справки и свидетельства различного содержания: о месте жительства, семейном положении, составе семьи, гражданстве, роде занятий, ведении ремесла, материальном положении, наличии (отсутствии) недвижимого имущества, об источниках доходах, отсутствии задолженности по уплате налогов и др. Выдавались такие справки на основании заявлений граждан для предоставления в различные компетентные органы (поветовые староства, банки, учреждения здравоохранения, образования, судебные органы, эмиграционные учреждения и др.) в связи с решением каких-либо вопросов (выезд за границу, получение заграничного паспорта, покупка земли, получение кредита, направление в больницу и др.) [28]. Кроме содержания по существу справки, отражающего отдельные факты биографии граждан, они содержат, как правило, биографические данные конкретных людей (как минимум, фамилия, имя, год рождения, имена родителей, место жительства, как максимум, гражданство, вероисповедание, национальность, семейное и имущественное положение, род занятий и др.).

Безусловно, перечисленные виды документов – далеко не весь спектр материалов, которые могут быть использованы для генеалогических изысканий. Следует также привлекать следующие фонды:

Окружные избирательные комиссии по выборам в Сейм и Сенат Польши по Полесскому воеводству, в составе которого имеются списки избирателей практически по всем населенным пунктам Полесского воеводства [29];

фонды судов и прокуратуры, в состав которых входят уголовные дела (по обвинению граждан в коммунистической деятельности, участии в забастовках, оказании сопротивления органам власти, уголовных преступлениях и др.) и гражданские дела (по наследственным, имущественным вопросам и др.) [30];

фонды полиции (протоколы допросов, следственные дела по обвинению граждан в принадлежности к КПЗБ и КСМЗБ, участии в вооруженных выступлениях, в уголовных преступлениях, розыскные листы, характеристики моральной устойчивости и политических взглядов граждан, списки жителей по различным вопросам) [31];

Пинский отдел общества с ограниченной ответственностью «Эмиграционный синдикат» (заявления граждан о выдаче паспортов, транспортные листы эмигрантов, личные дела эмигрантов) [32];

Брестская, Лунинецкая, Пинская поветовые комендатуры пополнения армии (списки и учетные дела военнообязанных) [33];

фонды общественно-политических, военизированных, культурно-просветительных, профессиональных, молодежных общественных организаций, объединений, союзов и т. п. (списки, анкеты членов этих обществ и союзов, заявления граждан о вступлении в ряды того или иного общества или союза) [34];

Барановичское отделение Варшавского распределительного эвакуационного пункта Польской делегации по делам репатриации (списки беженцев, возвращавшихся из восточных областей Беларуси и РСФСР в Польшу) [35];

Оценочные комиссии по учету ущерба, причиненного в годы Первой мировой войны населению г. Бреста и Брестского повета, г. Пинска и Пинского повета (декларации о нанесенном ущербе с подробной описью утраченного имущества (постройки, домашний скот, запасы зерна, сена, сельхозинвентарь и т. п.), заявления, акты об изъятии у владельцев имущества русскими, польскими, немецкими властями и войсками и др.) [36];

Попечительство Брестского школьного округа, поветовые школьные инспектораты Брестского школьного округа, учреждения образования (списки учащихся учебных заведений, личные дела, послужные списки учителей и др.) [37] и др.

Следует отметить, что степень сохранности архивных фондов различная, в первую очередь, в зависимости от территории. В связи с чем, не в каждом фонде отложились в полном объеме названные выше документы, не по каждому населенному пункту, а в сохранившихся может не быть сведений в отношении искомым лиц.

Кроме того, надо понимать, что для поиска информации о своих предках необходимо знать минимальный набор сведений – их фамилии, имена, отчества, ориентировочные годы рождения и место жительства. Причем место жительства обязательно, т.к. в основу поиска положен территориальный признак. Полезными будут также дополнительные известные сведения о предках: род занятий, участие в общественной жизни, владение имуществом и т. д.

В документах иных исторических периодов, хранящихся в архиве (период оккупации, советский период) также можно найти сведения биографического характера, но в рамках одной статьи охарактеризовать

все фонды архива с точки зрения источниковой базы для генеалогических поисков не представляется возможным.

Таким образом, в Государственном архиве Брестской области находится на хранении богатый комплекс документов, которые могут быть использованы в качестве источника по генеалогическим исследованиям, для изучения истории семей, установления фактов биографии отдельных лиц.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919–1939 / Науч.-метод. учреждение «Гос. архив Брест. обл.» ; сост.: А. В. Теребунь [и др.] ; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2010. – 130 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 31; Ф. 10. Оп. 1. Д. 581; Ф. 13. Оп. 1. Д. 13 и др.
3. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 290–308; Ф. 7. Оп. 1. Д. 19; Ф. 10. Оп. 1. Д. 71 и др.
4. ГАБр. – Ф. 11. Оп. 2. Д. 26; Ф. 37. Оп. 1. Д. 198 и др.
5. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 5915–6345; Ф. 6. Оп. 3. Д. 1–883 и др.
6. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 60; Ф. 7. Оп. 1. Д. 4; Ф. 11. Оп. 1. Д. 3; Ф. 14. Оп. 1. Д. 4; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 3; Ф. 2030. Оп. 1. Д. 48 и др.
7. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 25, 26, 322; Ф. 10. Оп. 1. Д. 14, 24, 118; Ф. 11. Оп. 1. Д. 5; Ф. 2021. Оп. 1. Д. 5 и др.
8. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 7028; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1; Ф. 2005. Оп. 2. Д. 4664 и др.
9. ГАБр. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 99; Ф. 8. Оп. 1. Д. 21; Ф. 10. Оп. 1. Д. 137, 138, 549; Ф. 14. Оп. 1. Д. 14; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 283–316 и др.
10. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 899, 939, 946, 5469–5910; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1, 249; Ф. 37. Оп. 1. Д. 197а; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 266–282, 317–340 и др.
11. ГАБр. – Ф. 11. Оп. 2. Д. 27; Ф. 12. Оп. 2. Д. 2а; Ф. 13. Оп. 1. Д. 19.
12. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 16; Ф. 14. Оп. 1. Д. 7а; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 106; Ф. 2021. Оп. 1. Д. 37, 57; Ф. 2030. Оп. 1. Д. 28, 29 и др.
13. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 193; Ф. 14. Оп. 1. Д. 7а; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 186; Ф. 2021. Оп. 1. Д. 72–75 и др.
14. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 189; Ф. 15. Оп. 1. Д. 29 и др.
15. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1356, 1936; Ф. 7. Оп. 1. Д. 63, 64; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1204–1223 и др.
16. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1377–1408; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1224–1225.
17. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 413; Ф. 17. Оп. 1. Д. 51; Ф. 49. Оп. 1. Д. 4; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1346–1385 и др.
18. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1061–1071 и др.
19. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1100; Ф. 7. Оп. 1. Д. 59; Ф. 11. Оп. 1. Д. 59; Ф. 15. Оп. 1. Д. 39; Ф. 49. Оп. 1. Д. 4; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 28; Ф. 2021. Оп. 1. Д. 18 и др.
20. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 2490–5106 и др.
21. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 520, 5408–5413 и др.
22. ГАБр. – Ф. 14. Оп. 2. Д. 26; Ф. 15. Оп. 1. Д. 45; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 113; Ф. 2030. Оп. 1. Д. 185 и др.

23. ГАБр. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 50; Ф. 18. Оп. 1. Д. 46 и др.
24. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 548; Ф. 37. Оп. 1. Д. 173; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 129 и др.
25. ГАБр. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 36; Ф. 20. Оп. 1. Д. 57 и др.
26. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 243; Ф. 37. Оп. 1. Д. 28 и др.
27. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 98, 104, 572; Ф. 6. Оп. 1. Д. 129; Ф. 10. Оп. 1. Д. 37;
Ф. 12. Оп. 1. Д. 49 и др.
28. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 22, 369, 564, 843; Ф. 6. Оп. 1. Д. 48; Ф. 10. Оп. 1.
Д. 140; Ф. 13. Оп. 1. Д. 2; Ф. 37. Оп. 1. Д. 19; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 11, 127, 208–315 и др.
29. ГАБр. – Ф. 493.
30. ГАБр. – Ф. 68, 69, 70–75, 2031, 2042 и др.
31. ГАБр. – Ф. 92–96, 2025–2028 и др.
32. ГАБр. – Ф. 2082.
33. ГАБр. – Ф. 269, 2079, 2080 и др.
34. ГАБр. – Ф. 58, 105, 115, 390, 2156 и др.
35. ГАБр. – Ф. 723.
36. ГАБр. – Ф. 54, 2125.
37. ГАБр. – Ф. 59, 310, 374, 392, 401, 2066 и др.
38. Dziennik Praw Państwa Polskiego. – Warszawa : Drukarnia Państwowa,
1919. – № 13. – Poz. 141. – 1089 s.
39. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – Warszawa,
1919. – № 12. – Poz. 99. – S. 125–136.
40. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – Wilno, 1919. –
№ 21. – Poz. 215. – S. 1–11.
41. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : Drukarnia
Państwowa, 1933. – № 35. – Poz. 294. – 864 s.

УДК 930.2(474)«1941/1944»

А. П. КАСПЕРАВИЧЮС

Литовская Республика, Вильнюс, Вильнюсский университет

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И НЫНЕШНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ставшее банальным от частого повторения выражение Джорджа Оруэлла можно сформулировать и следующим образом: тот, кто владеет настоящим, ради сохранения своего положения старается завладеть прошлым. При смене государственного и общественного строя пришедшие к власти предпринимают усилия по дискредитации не только свергнутых предшественников, но также многих сторон существовавшей тогда действительности. Не вдаваясь в теоретические рассуждения и рассмотрение широкого контекста, ограничимся примером Литвы.

Как известно, в 1940 г. Литва была включена в состав СССР на правах союзной республики, произошла, говоря словами американского

историка литовского происхождения, «революция сверху» [7]. Именно революция, а не только ликвидация независимого государства. Скоротечные и жесткие социалистические преобразования лишили полностью или частично собственности помещиков, «кулаков», владельцев промышленных и торговых предприятий. Закрыты были все «буржуазные» газеты и журналы, запрещены политические, общественные и религиозные организации, проведена чистка центральной и местной администрации. Чистка, за исключением отдельных случаев, не проводилась в системе народного образования и высших школ.

Репрессии были, если здесь подходит такое слово, «умеренными», по сравнению с теми, которым подверглось с конца 1939 г. польское население Западной Белоруси и Западной Украины (Восточной Малопольши). Тем не менее, до 14 июня 1941 г. было арестовано по политическим обвинениям 6 606 человек, среди них 3 835 литовца (58,1 %), 1 664 поляка (25,2 %), 334 еврея (5,1 %), 262 русских (4,0 %) [6, с. 137]. Незначительное число из них было освобождено, что общей картины не меняет. Среди арестованных абсолютное большинство составляли обвиняемые в «контрреволюционной деятельности» до лета 1940 г., т.е. в «буржуазной» независимой Литве. Высылка (депортация) в Литве проводилась перед самой войной – нападением нацистской Германии на СССР. По уточненным данным всего было выслано 17,6 тыс. лиц, из них около 3 тыс. мужчин заключены в лагеря [6, с. 140]. Депортации вызвали ужас и смятение среди населения Литвы всех национальностей, поскольку среди высланных литовцы составили 71,6 %, евреи – 12,5 % (значительно больше, чем доля евреев среди всего населения Литвы), поляки – 11,4 %, русские – 1,1 % [2, с. 140]. Неудивительно, что многие литовцы с облегчением и даже радостью встретили немецкое вторжение, которое началось уже 22 июня 1941 г. Естественно, что о чувстве советского патриотизма у большинства литовцев говорить не приходится. Советская власть не стала и не могла для них стать своей, даже если бы не было июньских депортаций. Слишком коротким в историческом масштабе был срок ее существования, перемены проводились часто без оглядки на специфику подвергнутого им общества. В 1941 г. в Литве не сложилась такая ситуация, как в 1914 г. в начале Первой мировой войны. Тогда не только литовцы, но и поляки «русской» Польши (т.н. Царства Польского или Привисленского края) не уклонялись от мобилизации в армию Российской империи, считали ее как бы своей.

В июне же 1941 г. поспешно отступающие части Красной армии сопровождали выстрелы отрядов в основном стихийно образовавшихся повстанцев, которые захватили власть во многих местностях еще до

прихода немецких войск. При этом они проводили аресты и расстрелы без суда и следствия коммунистов и комсомольцев, а также некоторых служащих советских учреждений и известных левыми взглядами интеллигентов в провинции. Поскольку партийные и административные руководители, тем более сотрудники НКВД, успели эвакуироваться, то террор обрушился на оставшихся на родине рядовых партийцев, комсомольцев и других активных сторонников бывшей власти, иногда же просто получивших наделы благодаря земельной реформе 1940–1941 гг. безземельных и малоземельных крестьян.

Современный литовский историк Р. Зизас подсчитал, что в период нацистской оккупации Литвы было убито около 2 000 коммунистов, комсомольцев и других так называемых советских активистов. Историк резюмировал: «Антикоммунистический террор предопределяли сложные исторические обстоятельства, события периода 1940–1941 гг., однако в большинстве случаев он был неоправданно жестоким, беспощадным, незаконным. <...> Масштабами этого террора и их трагичностью Литва, по видимому, выделялась среди всех стран Восточной Европы. А поскольку антикоммунистический террор осуществлялся сначала вооруженными отрядами повстанцев, а позже в основном литовской полицией, то широкий круг родственников их жертв, естественно был настроен против так называемых буржуазных националистов и ждал возвращения Красной армии. То же самое можно сказать о получивших при «большевиках» землю» [1, с. 108–109]

Величайшей же трагедией стало массовое поголовное истребление еврейства Литвы. Всего в годы нацистской оккупации погибло около 195 тыс. литовских евреев, более 80 % из них на территории самой Литвы [2, с. 222]. Хотя Холокост являлся следствием нацистской оккупации, однако без содействия литовской полиции, местной администрации и части населения он не мог быть проведен так стремительно и в таких масштабах. Это было вне всякого сомнения, самое большое истребление людей на территории Литвы за всю ее историю.

Прямым исполнителем истребления евреев стала значительная часть т.н. повстанцев с июня 1941 г. Мне пришлось в Бресте в декабре 2012 г. выступать на конференции с докладом о Холокосте в Литве, который был опубликован в соответствующем сборнике [2, с. 5–20], поэтому не стану повторяться. Отмечу только, что уничтожение евреев проводилось открыто, на виду у всего остального населения.

Все же нацистская оккупационная политика в отношении литовского населения отличалась от проводимой на захваченных территориях славянских республик СССР. В Литве она была нацелена на максимальное использование ее людских и экономических ресурсов. Литва была нужна

немцам в основном как спокойный край, снабжающий военную машину III Рейха продовольствием и сырьем. Такая установка и массовый террор были несовместимы. Однако нацисты отнюдь не помышляли о предоставлении Литве статуса вассального квазигосударства или даже автономной территории III Рейха, наподобие протектората Богемии – Моравии. Германизация «расово-полноценной» части и выселение на Восток остального большинства литовцев – такая судьба ожидала литовский народ в случае победы нацистской Германии в войне.

В современной Литве о Холокосте издано много работ литовских и еврейских авторов, проводятся официальные мероприятия, посвященные памяти его жертв, тема Холокоста рассмотрена в школьных учебниках истории. Тем не менее, все литовцы, за исключением прямых участников истребления евреев, служивших в годы нацистской оккупации Литвы в различных структурах самоуправления, полиции и воинских подразделениях в многочисленных публикациях прессы и заявлениях многих политиков считаются своими, часто достойными светлой памяти и даже подражания. В то же время лица, воевавшие в рядах Красной армии, в лучшем случае подвергнуты забвению, а иногда осуждению.

В июне 1941 г. в Литве мобилизация не проводилась, не успели. Из эвакуированных литовцев и евреев была создана, по политическим мотивам, 16-я Литовская стрелковая дивизия. При занятии Литвы Красной армией во второй половине 1944 г. проводилась мобилизация мужчин 1909–1926 г.р. Советские газеты писали тогда о большом количестве добровольцев, но их были единицы. Сейчас в Литве мобилизация в Красную армию называется насильственной, хотя мобилизация, как таковая, не может быть добровольной по определению. Правда, в конце 1944 г. – начале 1945 гг. возросло количество лиц, которые уклонялись от нее, и тогда стали применяться облавы и обыски для задержания таких лиц.

Сложный и трагичный период истории Литвы с 1940 по 1953 г. действительно принес много страданий и утрат, понятно, что его оценки бывают различными, а иногда противоположными в зависимости от жизненного опыта современников. Совсем другое явление – нынешнее тотальное отрицание любых положительных аспектов жизни литовского общества на протяжении всей половины столетия 1940–1990 гг., внедрение в сознание, прежде всего подрастающего поколения, отрицательных, иногда прямо абсурдных стереотипов через средства массовой информации.

Почти 30 лет спустя после восстановления Литовской республики и распада СССР постоянно в масс-медиа муссируются унижительные, а часто издевательские замечания о разных сторонах повседневной жизни и быта советского периода. Тут и пустые полки продовольственных

магазинов, в которых «ничего не было» и выдаваемые 2 раза в год только членам коммунистической партии сосиски, «страшные» дома из силикатного кирпича в городах и деревнях, где жили нищие колхозники. Последнее более менее соответствовало действительности в начале 1950-х гг., но отнюдь не позднее, начиная с 1960-х гг. В силикатных домах, как говорится в масс-медиа, жили так называемые «совки», или «ватники», которые почему-то испытывают теперь «ностальгию по советскому прошлому».

Поражает изобретательность и энтузиазм ведущих телевизионных передач и комментаторов. Ведь ими не руководит какой-нибудь отдельный сектор агитации и пропаганды. Когда существовали такие учреждения, пропагандисты о быте и плохих жилищных условиях рабочих и крестьян распространялись лишь в 1940–1941 гг. После войны эту тематику они уже почти никогда не поднимали. Нынешние же поступают иначе.

С большой настойчивостью литовские комментаторы и ряд политиков внедряют в сознание населения специфический образ событий Второй мировой войны: ее начали два союзника – Германия и СССР, которые потом передрались между собой. Для литовцев основным врагом являлся Советский Союз, войска которого в 1944 г. оккупировали (реоккупировали) Литву, а Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль не пытались избавить литовцев от такой участи. Красная Армия воевала прежде всего числом, мобилизация в ее ряды литовцев была бесправной, почти все старались ее избежать, укрывающихся ловили, а их семьи терроризировали войска НКВД и СМЕРШа. Преступления нацистов были ужасными, но они бледнеют перед преступлениями Сталина и мирового коммунизма вообще. Холокост в Литве не отрицается, однако его упоминают от случая к случаю.

Изложенное выше понимание трагических 40-х гг. XX в. имеет и внешнеполитическое измерение. В концептуальной статье трех литовских историков и политологов находим такую оценку: «Кампания так называемого осуждения коммунизма ведет, очевидно, не к осознанию коммунизма, как трагического явления в истории всего человечества, но к борьбе с современной Россией как государством. Особенно следует отметить, что Литва, форсируя такую кампанию, одновременно провокационно пренебрегает исторической реальностью, поскольку только из-за существования коммунизма литовцы могли вернуть себе Вильно и Клайпеду» [5, с. 104]. Навязываемые новые стереотипы искажают картину прошлого не меньше, а может быть даже больше, чем официальная история Литовской ССР в годы ее существования. Свидетельства так сказать не ангажированных современников позволяют лучше представить и понять минувшее, бурных и трагичных 1940-х гг.

Почти 20 лет назад я ближе познакомился и много раз беседовал с дальним родственником, пожилым архитектором, однофамильцем Йонасом, 1922 г.р. Он любил рассказывать о своей жизни, а я не только внимательно слушал, но также задавал вопросы и побуждал писать воспоминания. Наверное, не только я один, и Йонас написал не очень объемные фрагменты воспоминаний [4]. Родители Йонаса – крестьяне, у него было две младших сестры и один брат. Отец Юзас (Иосиф) был грамотным, знал русский и немецкий языки. Насчет немецкого Йонас не знал, каким образом отец его выучил. Возможно, что перед Первой мировой войной ему приходилось работать батраком в Восточной Пруссии... В начале 1919 г. Юзас пошел добровольцем в только что образованную литовскую армию и участвовал в боях. Позже в мирное время он вступил в парамилитарную организацию шаулисов и политическую партию «Союз таутининков» – опору авторитарного президента Литвы А. Сметоны. В 1934 г. его выбрали сельским старостой, пришлось сочетать работу в хозяйстве (8 га обрабатываемой земли и 5 га леса) с исполнением не слишком обременительной должности.

Йонас после окончания начальной школы учился в мужской гимназии г. Паневежис. Учился хорошо, увлекался рисованием. За учебу в гимназии его родителям не надо было платить, поскольку дети добровольцев по закону обучались бесплатно. Наступило лето 1940 г., отца сняли с должности сельского старосты, утратил силу закон о льготах для детей добровольцев. Однако новая власть ввела в Литве бесплатное обучение в средних и высших учебных заведениях, как это было в Советском Союзе. Правда, именно осенью 1940 г. решением Совета Народных Комиссаров СССР была установлена плата за обучение в старших классах средних школ, университетах и институтах, по-видимому, в связи с ростом бюджетных расходов на военные нужды. Это создало неприятную ситуацию для новой власти в Литве. После соответствующих обращений к инстанциям в Москве обучение в Литовской ССР осталось бесплатным.

Высылка «антисоветских элементов» семьи Йонаса не затронула. 21 июня он сдал последний экзамен на аттестат зрелости, а 22 июня началась война. Красная армия отступала, во многих местах Литвы началось что-то вроде восстания. Ни Йонас, ни его отец и младший брат (1924 г. рождения) в этих действиях не принимали никакого участия. Уже «при немцах» Йонас забрал из гимназии аттестат зрелости и, уклонившись от участия в составлении описи имущества согнанных в гетто евреев, вернулся домой.

Специфика оккупированной Литвы была и в том, что нацисты оккупанты разрешили существование литовской системы просвещения и

даже высшего образования. Йонас окончил в Паневежисе курсы по подготовки учителей начальных школ и получил назначение заведующим школы в Мариамполе, вблизи Вильнюса. Потом работал в Вильнюсе в центральном ведомстве народного образования, поступил на учебу в Художественную академию. Учеба прервалась весной 1943 г., когда немцы закрыли все высшие учебные заведения. Избегая угона на работы в Германию, весной 1944 г. возвратился в родное село.

Военные действия село не затронули, но исчез отец, который с августа 1941 г. вновь выполнял обязанности сельского старосты. Спустя десятилетие он дал о себе знать из Чикаго... Красная армия заняла без боя Паневежис 22 июля 1944 г., и в первых числах августа была начата мобилизация. В селе Берчюнай мобилизуемые мужчины сами отправились в военный комиссариат в городе. Служивших в литовской армии отправили прямо на фронт в Литовскую 16-ю стрелковую дивизию, других – в Вильнюс.

Среди них оказался Йонас с младшим братом. Колонна мобилизованных двинулась в сторону Вильнюса. Вскоре ее догнали армейские грузовики – мощные «студебеккеры» американского производства и отвезли в Игналину – станцию на железной дороге Двинск – Вильнюс. Оттуда поездом на платформах отправили в Вильнюс. Там перед тысячной толпой мобилизованных из разных мест Литвы с речью выступил председатель президиума Литовской ССР Ю. Палецкис. После этой официальной части Йонас попросил у непосредственного начальника разрешения отлучиться с места сбора в город, где в снимаемой комнате оставались некоторые его вещи и книги. Разрешение он получил, но прозвучала команда «шагом марш» к вокзалу. Так и не удалось ему тогда посмотреть, как там, на квартире и не разрушен ли вообще этот дом.

С вокзала поездом мобилизованных отвезли в старый военный лагерь недалеко от станции Пабраде. Запомнилось ему то, что когда вошли на территорию лагеря и ждали распределения, к ним подходили молодые литовские офицеры и, прикладывая ладонь ко рту, тихо говорили: «Держите здесь язык за зубами». Несомненно, что это было предупреждение тем, кто между собой обсуждали: следует ли служить в Красной армии или бежать и скрываться до «лучших времен» [3, с. 3].

Йонас не питал симпатии к советской власти, но ему претили многие варварские стороны нацистской оккупации, он понимал какую силу представляет Красная армия. Кроме того его беспокоила судьба матери, мобилизованного брата и двух младших сестер. Поэтому о бегстве он не думал. Офицеры обратили внимание на образованного и исполнительного, хотя и не служившего в армии молодого человека. Его назначили старшим, но вскоре Йонас заболел инфекционной болезнью. Лечили его в одной из

вильнюсских больниц, где его посетила с трудом добивавшаяся посещения сестра. Выписанный из больницы он посетил знакомого – старого вильнюсского интеллигента, литовского педагога М. Шикшниса. При обсуждении положения в Литве и вокруг нее М. Шикшнис говорил, что неразумно и пагубно скрываться от мобилизации или бежать из армии. Против такого могущества нельзя сопротивляться [6].

В республиканском военном комиссариате Йонас получил задание: в качестве старшего сопровождать в Пабраде группу литовских новобранцев из примерно 20 человек. Оружия ему не дали, поезд часто останавливался. Некоторые «опекаемые» рассуждали, что следует воспользоваться случаем и бежать. Йонас их убеждал, говоря, что «на фронте может быть уцелеем, а дезертировав, наверняка погибнем» [3, с. 4]. В Пабраде прибыли все, но там уже случились дезертирства. Двое покинувшие лагерь с оружием были схвачены и расстреляны перед строем... В январе большой контингент военнослужащих из Пабраде был отправлен в Ярцево, оттуда – в Козельск Калужской области.

Тут было хуже, чем в Пабраде, – полевые занятия в тридцатиградусный мороз, плохое питание. Более менее обученных отправляли на фронт, просился и Йонас, посчитав, что там хоть кормить будут лучше. На свою просьбу получил от командира примечательный ответ: «Товарищ сержант, Вы здесь более нужны, чем на фронте. Нельзя посылать туда необученных... А Вы неплохо помогаете обучению своих земляков, которые совсем не понимают по-русски». Другой командир, на подобную просьбу Йонаса пригрозил ему Сибирью [3, с. 4]. Следует заметить, что в Паневежской гимназии в последний год обучения Йонас относительно хорошо выучил основы русского языка, а раньше освоил немецкий. В Козельске командиры, заметив его художественные способности, часто поручали ему также оформление различных стендов наглядной агитации. В награду Йонаса включили как учителя и студента в списки первых подлежащих демобилизации.

Вернулся он в Литву в ноябре 1945 г. Брат Казимир находился на фронте, был ранен в боях при Одере, демобилизовался в конце 1946 г.. Йонас в родной деревне нашел живыми и невредимыми мать с сестрами и отправился снова в Вильнюс. Там был принят в художественный институт, шестигодичный курс которого окончил за 5 лет. Получив диплом с отличием архитектора-художника, начал трудиться в Вильнюсском институте проектирования городского строительства.

Во время учебы Йонаса вместе с другими лучшими студентами направляли для прохождения практики на строительство в Ленинград (1948) и Москву (1949). В Ленинграде ему предложили один месяц поработать, как знающему немецкий язык, «прорабом» на строительстве объекта, который

возводили военнопленные немцы. Перед началом работы русский инженер его предупредил, чтобы с немцами общался только по деловому, поскольку среди них есть информаторы «органов» [3, с. 6]. Йонас внял предупреждению, а немцы трудились исправно.

Поэтому ему удавалось находить время для культурного досуга: «В послеобеденное время посещал Эрмитаж и Русский музей, вечерами сидел в библиотеке Академии художеств. В воскресенье ездил в Петергоф, Пушкин, а один раз пешком добрался до Павловска. Водил как гид прибывшую в Ленинград экскурсию нашего института. Тогда были белые ночи, и я любовался городом» [4, с. 14–15]. Во время практики в Москве Йонас также посещал музеи и архитектурные достопримечательности не только в самом городе, но и его окрестностях. По окончании института он трудился на разных должностях в проектных институтах почти сорок лет.

Подытоживая уже после 2000 г. свой жизненный путь Йонас писал: «Я никогда не сочинял никаких доносов и клевет, не вступил в партию, но не считаю, что работал под ярмом власти не для своей Родины» [4, с. 1]. Его младший брат Казимир, демобилизованный из армии, поступил рабочим на один из заводов Паневежиса. Окончил среднюю школу для взрослых, был послан учиться в одном из техникумов в городе Киеве. Получив диплом с отличием, был направлен на работу на один из Вильнюсских заводов. Заочно окончил соответствующий институт. Потом до выхода на пенсию работал на том же предприятии главным инженером.

Список использованной литературы

1. Dickmann, C. Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje 1941–1944 m / C. Dickmann, V. Toleikis, R. Zizas. – Vilnius : Margi raštai, 2005 – 327 p.
2. Касперавичюс, А. П. Геноцид в Литве: историческая память и историография / А. П. Касперавичюс // Нацистская политика геноцида на оккупированных территориях СССР : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / Е. С. Розенблат [гл. ред.]. – Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2014. – 224 с.
3. Kasperavičius, A. Pokalbių su J. Kasperavičium užrašai. Rankraštis / A. Kasperavičius. – Vilnius. – 6 p.
4. Kasperavičius, J. Prisiminimai. Rankraštis / J. Kasperavičius. – Vilnius, 2006.– 17 p.
5. Laurinavičius, Č. Kritinis požiūris į Lietuvos užsienio politiką : kas pasikeitė nuo Augustino Voldemaro laikų / Č. Laurinavičius, R. Lopata, V. Sirutavičius. – Politologija, 2009. – № 2. – P. 91–122.
6. Lietuva 1940–1990: okupuotos Lietuvos istorija / vyriausias red. A. Anušauskas // Vilnius: Genocido ir rezistencijos tyrimo centras, 2009. – 712 p.
7. Senn, F. T. Lietuva 1940: revoliucija iš viršaus / F. T. Senn. – Vilnius : Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras, 2009. – 488 p.

УДК 93(41/99)

П. А. КОНЬКОВ

Россия, Домодедово, филиал РГГУ в г. Домодедово

КРАТКИЙ ОЧЕРК ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СССР И КНДР

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), в обиходе называемая Северной Кореей, до сегодняшнего дня является, пожалуй, самым закрытым государством мира. По словам известного российского корееведа А. Н. Ланькова, даже СССР сталинского периода 1940–1950-х гг. выглядит по сравнению с современной КНДР чуть ли не открытым обществом [5, с. 7].

КНДР была образована в сентябре 1948 г. на севере Корейского полуострова в бывшей советской зоне оккупации со столицей в Пхеньяне. Она сразу же была провозглашена социалистической страной, строящей коммунистическое общество. Еще до официального объявления независимости, в 1946–1948 гг. в Северной Корее были осуществлены радикальные социалистические (или, как тогда их называли, «народно-демократические») преобразования: проведена аграрная реформа с созданием коммун и совхозов, национализирована промышленность, введена всеобщая трудовая повинность, фактически запрещена деятельность буржуазных прозападных партий и религиозных институтов (правда, в отличие от СССР периода 1920-х или 1950-х гг. буддийские храмы и монастыри не разрушались, а были объявлены «памятниками народного искусства» и превращены в музеи). Главой же КНДР почти на полвека стал «великий вождь» Ким Ир Сен – бывший руководитель корейских партизан, сражавшихся с японскими захватчиками и любимец И. В. Сталина.

По официальным данным, Ким Ир Сен родился 15 апреля 1912 г. в селе Мангёнде близ Пхеньяна. Его родители – отец Ким Хен Чжик (1894–1926) и мать – Кан Бан Сок (1892–1932) были представителями «сельской интеллигенции». Отношение большинства корейцев к японской оккупации страны в те годы было крайне негативным. Как утверждает официальная биография северокорейского вождя, его родители принимали самое деятельное участие в антияпонской борьбе. В 1925 г. семья будущего лидера КНДР, опасаясь репрессий со стороны японских властей, перебирается в Маньчжурию [2, с. 17]. Согласно официальной биографии Ким Ир Сена, уже в 1926 г. (т.е. в возрасте 14 лет) он становится одним из основателей подпольной антияпонской организации – «Союз свержения империализма» [2, с. 31]. С 1932 г. Ким Ир Сен начинает активную партизанскую деятельность против японских захватчиков и становится командиром отряда, действующего на территории Маньчжурии и

Северной Кореи. В 1940 г. он со своим отрядом переходит на территорию СССР, где и оставался до 1945 г. В сентябре 1945 г. Ким возвращается в Корею, освобожденную советскими войсками от японских захватчиков. Уже осенью 1945 г. он фактически становится главой Северной Кореи, оккупированной тогда советскими войсками. Практически сразу же в Северной Корее по «советскому образцу» начался массовый культ личности Ким Ир Сена как «великого вождя и учителя», впоследствии по своим масштабам далеко обогнавший не только восхваления Ленина и Сталина в СССР или Мао Цзэдуна в Китае, но и всех мировых правителей-королей, президентов и диктаторов вообще [5, с. 84].

Тогда же в августе 1948 г. на юге Корейского полуострова была образована Республика Корея (Южная Корея) со столицей в Сеуле под контролем американской оккупационной администрации, президентом которой стал престарелый Ли Сын Ман, в годы японской оккупации Кореи возглавлявший буржуазно-демократическое правительство корейцев в изгнании [2, с. 96].

Сразу же после образования «двух Корей» между ними началась борьба за объединение полуострова под своей властью. И КНДР, и Южная Корея уже с 1949 г. стали активно готовиться к наступательным боевым действиям. При этом Ким Ир Сен весной 1950 г. встретился в Москве со Сталиным и получил от него согласие на силовое объединение Корейского полуострова под властью Пхеньяна [3, с. 339]. В июне 1950 г. между двумя государствами началась полномасштабная и кровопролитная война, в которой на стороне Южной Кореи приняли участие войска стран НАТО во главе с США (официально именовавшиеся «войсками ООН»), а на стороне КНДР – регулярные китайские войска («народные добровольцы») и подразделения советской авиации, прикрывавшие китайцев и северокорейцев с воздуха. Корейская война длилась три года и явилась, пожалуй, самым кровопролитным конфликтом после Второй мировой войны. В ней погибло свыше трех миллионов корейцев, сотни тысяч китайцев и солдат США и стран НАТО, а также свыше 300 советских летчиков и военных специалистов. Это было, по сути, первым «горячим» столкновением противоборствующих лагерей в «холодной войне». Несмотря на чудовищные потери с обеих сторон, результаты войны ни к чему не привели: Корея так и осталась разделенной, и раскол этот продолжается до сих пор. При этом СССР, КНР и страны «народной демократии и социализма» (Польша, Чехословакия, Румыния, Монголия и др.) оказали в 1950–1953 гг. огромную материальную помощь КНДР [7, с. 272–273].

Окончание Корейской войны совпало по времени со смертью И. В. Сталина в СССР и началом радикальных преобразований Н. С. Хрущева, получивших название «оттепели». Разоблачение «культа

личности Сталина» на XX съезде КПСС в 1956 г. вызвало глубокий кризис в рядах мирового коммунистического движения и «социалистического лагеря». Китай и Албания выступили резко против разоблачения Сталина Хрущевым, видя в этом угрозу как собственным режимам сталинистского типа, так и престижу коммунистической («марксистско-ленинской») идеологии в целом.

В самой же КНДР летом 1956 г. сторонники десталинизации попытались сместить Ким Ир Сена и заменить его более «демократической фигурой» вроде В. Гомулки в Польше или Я. Кадара в Венгрии, однако их попытка провалилась [4, с. 178–196]. Часть заговорщиков бежала в Китай или СССР, остальные были репрессированы, некоторые казнены [2, с. 153–156]. После расправы над заговорщиками Ким Ир Сен получил фактически неограниченную власть в КНДР.

В период советско-китайского раскола 1960–1980-х гг. Северная Корея заняла выгодную позицию: она поддерживала хорошие отношения с обеими странами, и Ким Ир Сен умело, в духе «хитрых азиатских правителей» лавировал между противоборствующими странами, получая щедрую помощь как от СССР, так и от КНР. В 1961 г. КНДР заключила договора о дружбе и взаимопомощи с этими странами, а Ким Ир Сен лично посетил Китай в 1967, 1975, 1978 и 1984 гг., а СССР – в 1966, 1984 и 1986 гг. [2, с. 158–161; 200–203].

В 1960–1980-е гг. благодаря экономической помощи со стороны СССР, Китая и социалистических стран северокорейская экономика развивалась достаточно бурными темпами. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. вызванный политикой «перестройки» М. С. Горбачева масштабный кризис, как СССР, так и социалистического лагеря в целом, привел к распаду и исчезновению последних. Это обусловило резкое сокращение экономической помощи КНДР со стороны вчерашних партнеров. К примеру, если в 1990 г. объем торговли между СССР и КНДР составлял 2,5 млрд долларов, то в 1991 г. он уже упал до 365 млн долларов и впоследствии продолжал снижаться [1]. Тогда же сократился и объем китайской помощи северокорейскому режиму.

В то же время Южная Корея, бывшая еще в начале 1970-х гг. азиатской страной с низким уровнем жизни и экономического развития (типа Индонезии или Филиппин), на рубеже 1970–1980-х гг. совершила резкий экономический рывок, представив миру «южнокорейское чудо», которое превратило эту страну в одного из основных мировых производителей электронной и автомобильной промышленности, а также разнообразных товаров массового потребления. К 1991 г. уровень жизни и экономического развития в Северной Корее был в 11 раз ниже, чем в Южной [6, с. 103]. В начале 1990-х гг. и СССР, и КНР установили

дипломатические отношения с Республикой Кореей и подписали с ней двусторонние договора об экономическом сотрудничестве, что вызвало негативную реакцию со стороны Пхеньяна.

После распада СССР и прихода к власти в России Б. Н. Ельцина российско-северокорейские связи были вообще фактически прекращены и поддерживались лишь на уровне посольств. Это проявилось даже в том, что высшее российское руководство не выразило официального соболезнования КНДР по случаю кончины «великого вождя» Ким Ир Сена в июле 1994 г., хотя лидеры западных капиталистических стран, в частности, США и Франции сделали это [2, с. 222]. На протяжении 1990-х гг. официальные «демократические СМИ» ельцинского режима рисовали саму Северную Корею и положение в этой стране исключительно в негативном свете, она изображалась «исчадием зла» и всех мыслимых и немыслимых пороков «ужасного тоталитарного режима».

Лишь после прихода к власти в РФ В. В. Путина в 2000 г. отношения между двумя странами вновь «воскресли из небытия». В настоящее время взаимоотношения России, Беларуси и других республик бывшего СССР с Корейской Народно-Демократической Республикой формируются не на базе идеологических симпатий или антипатий, а на основе взаимовыгодного экономического сотрудничества и стратегических интересов.

Список использованной литературы

1. Асмолов, К. В. Голод в КНДР. Причины и мифы / К. В. Асмолов [Электронный ресурс]. – Ч. 1. – Режим доступа: <https://remch-ch.livejournal.com/251724.html/>. – Дата доступа: 01.11.2013.
2. Балканский, А. Ким Ир Сен / А. Балканский. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 272 с.
3. История Кореи: новое прочтение / Моск. гос. ин-т междунар. отношений ; сост.: А. В. Торкунов. – М. : РОССПЭН, 2003 – 430 с.
4. Ланьков, А. Н. Кризис 1956 года в КНДР и его последствия / А. Н. Ланьков – М. : РОССПЭН, 2009 – 350 с.
5. Ланьков, А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня / А. Н. Ланьков. – М. : Восток – Запад, 2005. – 201 с.
6. Солоухин, В. А. При свете дня / В. А. Солоухин. – М. : Belka Trading Corporation, 1992. – 224 с.
7. Шабшина, Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953) / Ф. И. Шабшина. – М. : Госполитиздат, 1958. – 309 с.

УДК 94(476)

П. П. КРУСЬ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ДУХОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ А. В. СУВОРОВА

Действительное значение личности в историческом и культурном процессе не раскрывается сразу и требует длительного, пристального рассмотрения. Уже при первом приближении к вехам жизненного пути начинаешь чувствовать сырость информационного материала, его противоречивость и размытость, так называемая аберрация близости, по Л. Н. Гумелеву. При анализе явлений, расположенных в исторической дали исследователь сталкивается с другого рода трудностями, но также препятствующими четкости восприятия. В каждом случае требуется глубокая системная методологическая проработка, необходимая для получения достоверных объективных выводов, позволяющих использовать содержащееся в них знание для прояснения истинной картины, способной выстоять перед вызовами времени и не разочаровать пытливых наблюдателей.

Все сказанное получает особую актуальность, когда речь идет о личностях выдающихся, серьезно повлиявших на сам ход истории, вобравших в себя эту историю и продолжающих оказывать на нее самое непосредственное влияние, вызывая неподдельный интерес у потомков к своим делам и помыслам.

К таким личностям, безусловно, относится Александр Васильевич Суворов. Великий сын своего Отечества, гениальный практик и теоретик военного дела, которое он смог поднять до высот подлинной науки.

До сих пор не стихают споры о факторах, повлиявших на формирование, становление и необыкновенно успешную профессиональную карьеру легендарного полководца. По-прежнему различны и даже антагонистичны социально-политические оценки его деятельности, но все сходятся в одном: безусловном признании его действительно выдающихся полководческих и личностных качеств.

В самом деле, история Суворова-полководца достаточно хорошо изучена специалистами и отражена в многочисленных научных и публицистических изданиях. Ничего подобного нельзя сказать о процессе формирования мировоззрения, его высокой научной и философской культуры. По-видимому, эти вопросы еще долго будут вызывать интерес у мыслящих современников.

Очевидно, что без глубокого научного анализа духовных и социальных условий эпохи, мы по-прежнему будем обречены на обладание односторонними упрощенческими объяснениями, апеллирующими то к счастливому стечению внешних и внутренних обстоятельств, т. е., к удаче, то нисходящих к мистике, демонизирующих реального исторического человека и тем самым невольно искажающих его действительные заслуги.

Очевидно, что для понимания уникальных черт личности А. В. Суворова необходимо комплексно рассматривать широкий спектр сложных вопросов от истории до философии и методологии науки.

Практика всякой успешной деятельности, включая военную деятельность, отражает и выражает титанический труд, опирающийся на опыт и знания многих людей, так или иначе связанных друг с другом, иногда косвенным образом.

Так осуществляется синтез неопценного опыта и подлинной человеческой мудрости, позволяющий увидеть реальные причины происходящих явлений и понимать их действительную, а не вымышленную логику и выработать к ним соответствующее их сущности отношение. Отношение, опирающееся на познанные законы бытия, позволяющие эффективно использовать их в практической деятельности.

Именно практическая деятельность подтвердит или опровергнет подлинную истинность знания и включит его в определенные разделы неопценного опыта, опыта, лежащего в основе всякой эффективной и плодотворной работы.

Для усвоения этого опыта необходимо знать и уметь использовать научную и философскую методологию. Именно философская критическая рефлексия наделяет исследователя не только глубоким пониманием сути дела, но и поможет творчески развивать это знание, преодолевая догматизм и односторонность. Только творческий философский подход позволяет актуализировать исторический опыт, сделать его эвристически и практически значимыми для настоящего. Все сказанное в полной мере можно отнести к военной науке. Понимал ли это А. В. Суворов? Сейчас мы можем с уверенностью сказать: да, понимал и блестяще использовал в своей практике, а практика эта, по мнению большинства специалистов, намного опередила свое время.

Нам остается только задаться вопросом: как, занятый с малолетства военным ремеслом, молодой человек, смог получить такие глубокие, системные философские знания, чуждые догматизму и косности и при этом гармонично сочетать их в своей душе с принципами традиционной православной культуры и подлинной народности.

Этот вопрос по-настоящему удивляет, и не только специалистов. Как-то, на заседании одного круглого стола с участием студентов, было предложено им сформулировать вопросы, которые бы они хотели задать ряду выдающихся исторических личностей, среди которых был упомянут и А. В. Суворов. Студенты, получив уже некоторые уточняющие сведения, в первую очередь захотели узнать от полководца следующее: как ему удавалось, при такой занятости, изучить много иностранных языков, владеть современной ему европейской философией и литературой, использовать это в своей деятельности. В самом деле, более образованного полководца в то время найти было трудно.

По словам самого Александра Васильевича, а он был исключительно ответственным за свои изречения, важнейшими науками для него были математика, философия, история и языки. Список изученных языков действительно поражает: немецкий, французский, польский, турецкий. Изучил он, хоть и «малой частью» арабский, финский и персидский. Много ли просвещенных людей и не только той эпохи могли бы похвастаться сходным перечнем усвоенных знаний?

Безусловно, подобная «усвояемость» наук невозможна без особых способностей к учебе.

Однако, наличие природного дара недостаточный и далеко не основной аргумент в сторону обоснования причин блестящей образованности великого полководца.

Глубокий стратегический ум в сочетании с чувством величайшего гражданского долга и жизненной волей, позволявшей преодолевать самые серьезные преграды на пути к достижению главной цели, которую он отождествлял с благом Отечества.

Искать славу через истину и добродетель – вот авторское кредо Суворова, которому он не изменял до конца своего земного пути. Военное дело, таким образом, не исчерпывало смысл жизни этого человека, оно становилось важнейшим средством реализации высшей жизненной цели. Но это средство должно было стать совершенным, а это возможно только в том случае, если военное дело не только станет настоящей наукой, но и достигнет вершин подлинного искусства. Именно гармоничное сочетание науки и искусства характеризует в полной мере профессиональную деятельность великого мастера, позволяет глубоко понять суть его необыкновенного успеха.

Некоторые современники восприняли военные победы Суворова как чудеса, вызванные стечением различных, в том числе мистических обстоятельств, видели в нем «эдакого» баловня судьбы. Указанные подходы полностью не исчерпали себя даже в наши дни. Но нет, ничего общего с реальным положением дел они не имеют.

Титанический и постоянный труд, по совершенствованию своих профессиональных качеств, в том числе и героическая борьба по преодолению собственных физических недугов, непрерывная учеба и стремление к духовному совершенствованию – вот где нужно искать действительные причины славного жизненного пути А. В. Суворова. К ним, пожалуй, можно добавить еще один, но крайне значимый принцип деятельности: в познании дела и жизни нет мелочей. Все должно быть рассмотрено всесторонне, системно. И чтобы этого добиться, важно было изучать не только науки, но и философию, вооружившую пытливым ум эффективной методологией познания.

А. В. Суворов, как известно, тщательно изучал, хорошо знал и, что важно, блестяще применял философские знания и методы на практике, что позволило его военной теории опередить время.

Опираясь на труды представителей так называемой молодой европейской философии, а это в первую очередь работы Лейбница, Локка и Вольфа, Александру Васильевичу удалось и вполне успешно применить элементы диалектики и комплексный анализ при разработке системы «человек – оружие». Подобно известным ученым своего просвещенного времени он также стремился устанавливать объективные законы военной науки. В качестве подходящего здесь яркого примера можно привести сформулированный им закон равновесного отношения между пулей и ударом, огнем и штыком.

Оставаясь искренним приверженцем православной веры и высоких идеалов духовной культуры своего народа, Суворов был чужд духовной закостенелости и интеллектуального догматизма. Его душа, насколько позволяют нам так утверждать исторические материалы, не испытывала тяжких духовных терзаний выбора между ценностями западной и восточной культуры. Этот выбор был сделан им еще в юности, прочно и бесповоротно. Вместе с тем, как пытливый и образованный человек своей эпохи, эпохи, считавшей саму себя просвещенной, молодой офицер всегда стремился извлечь как можно больше пользы от достижений мировой науки и философии. Однако, относился к этим достижениям осторожно, всегда подвергая их тщательному критическому анализу и проверке.

Как человек исключительно творческий, Суворов стремился к диалектическому рассмотрению действительности. Опираясь на историю, которая, как известно, без философии слепа, а философия без истории «пуста», он великолепно видел тонкие динамические переходы возможностей военных подразделений в действительность посредством логически продуманных решений и действий. Мало кто из военных стратегов того времени мог сравниться с ним в понимании недостаточности исключительно военных учебных дисциплин для

воспитания успешного полководца. Высокий уровень гуманитарной подготовки позволял изучать историю, но никогда слепо ей не следовать.

Критичность мышления, системность анализа, стремление понять не приятеля в каждом эпизоде его маневра и диалектический метод рассмотрения – вот неполный список качеств, определивших гения военного искусства. Как тут не согласиться с мнением, которое не один раз высказывал А. А. Керсновский, о том, что наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных [1].

Разумеется, А. В. Суворов был, прежде всего, реальным человеком своей суровой противоречивой эпохи.

Он вобрал в себя эту эпоху ровно в той мере, в какой и выразил ее в своей деятельности. Будучи героем, не только своей Родины, но и ряда европейских государств, отношение к нему со стороны некоторых мыслителей и государственных деятелей всегда было неоднозначным. Это и понятно.

Являясь воином, он обязан был выполнять приказы августейших особ, которым присягал. Война дело жестокое само по себе. Но вся природа души этого человека не была направлена на жестокость саму по себе. Более того, имеется множество свидетельств об исключительном милосердии Суворова к побежденному противнику. Будучи человеком творческим и высоким профессионалом своего дела, А. В. Суворов не демонстрировал большого интереса к последствиям боевых действий, если, конечно, эти последствия не имели серьезного военного и политического значения. Точно так же совершенно спокойно относился он и к иным благам, в том числе и материальным, не имеющих прямого отношения к его главному жизненному делу – служить Отечеству.

Будучи человеком военным, он никогда не стремился быть воинственным, допуская военные операции только в интересах своей Родины, а, если это только возможно, то и рад был предупредить бессмысленное кровопролитие.

Нередко высказываются упреки Суворову за его «крепостные замашки». Действительно, являясь дворянином, обладателем имений и множества подневольных крестьян, Суворов не выделялся особенно в этом отношении от общей социальной картины той эпохи. Однако обвинить его в этом не корректно и совершенно не соответствует принципу историзма.

Пожалуй, не удивляют и примеры критики нашего героя как полководца со стороны некоторых современников. Успел высказаться о нем и Наполеон, который успел увидеть в Суворове «душу великого полководца», но так и не разгадал сути его военного искусства, особенно суворовского умения: действовать якобы без плана и расчета. Совсем иную характеристику представила история. Победы в 63 сражениях и

всегда с преобладающим значительно по числу противником, да и оставленная потомкам великолепная наука побеждать, навсегда закрепила незабываемую славу великого человека.

Достижения А. В. Суворова как полководца очевидны, и в этом отношении уже не может быть существенного пересмотра. Нам же, современным людям еще предстоит много и кропотливо изучать его как уникального мыслителя, народного мудреца, сумевшего впитать в себя самые современные идеи и знания, сочетать их в своем военном искусстве и претворить в жизнь на благо грядущих поколений и во славу Отечества.

Список использованной литературы

1. Керсновский, А. А. Философия войны / А. А. Керсновский. – М. : Изд-во Моск. Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. – 208 с.

УДК 94(47+57)«1941/45»+719(476)

Т. М. МИЛАЧ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1990-е гг. основная деятельность местных государственных органов по увековечению памяти жертв войны заключалась в сохранении памятников, установленных в советский период, их реконструкции и переводе в долговечные материалы, изготовлении и установке новых памятников. В 1993 г. под руководством Гродненского областного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета комиссией была проделана работа по изучению состояния памятников, стел, мемориалов, обелисков советского периода на территории области, собраны сведения по районам о необходимости реконструкции и установлении новых. Предложения по увековечению памяти были обработаны и составлен перечень памятников по районам области, которые необходимо реконструировать либо установить новые, предложены год реализации и ориентировочная стоимость работ в ценах 1991 г. Так, в деревнях Радунь, Песочная, Полужье требовалась замена памятников погибшим землякам, определена была сумма в 90 000 руб. и год исполнения – 1994–1995 гг. [1, л. 69], в д. Орля, Каменка, Рожанка, Василишки (реконструкция захоронения) – 1993–1995 – 160 000 руб. [1, л. 73]. Исполнительный комитет Гродненского областного Совета народных депутатов выслал в Государственный комитет при Совете Министров РБ предложение городов

и районов области по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войны [1, л. 66–73].

В 1993 г. в связи с принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь № 763 от 21 декабря 1992 г. «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн» [2] исполнительные комитеты районов Гродненской области собрали и предоставили в Государственный комитет при Совете Министров РБ по вопросам согласования законов, увековечения памяти жертв фашизма информацию с указанием мест захоронения и количества жертв, захороненных в могилах, а также тип надгробного сооружения. Для увековечения памяти еще в советский период (60-е гг. XX в.) были сооружены памятники с надписями имен жертв, стелы, обелиски: в Берестовице (урочище «Пороховня», гражданское кладбище) – могила жертв фашизма более 4 тыс. человек – 2 памятника и 4 обелиска [1, л. 298], д. Конюхи – 10 человек – стелла, д. Колонтаи – гражданское кладбище – 21 человек – обелиск, семья партизана Жавронкова – 5 человек – стелла [1, л. 300], д. Котьки (лесной массив) – 2 500, 2 500, 3 000 человек – обелиски, д. Пуца Липичанская – 90 человек – памятный знак, д. Городки (окраина) – 336 человек – памятник, д. Трахимовичи (центр) – 161 человек – памятный знак, д. Дубровка (окраина) – 101 человек – памятник, д. Роготно (кладбище) – 11 человек – памятных знаков, д. Большая Воля – 364 человек – памятник, д. Руда Яворская – 16 человек – памятный знак [1, л. 304], г.п. Вороново (юго-восток) – 1834 человек – обелиск, г.п. Вороново (северо-запад) – 800 человек – обелиск [1, л. 301], д. Пасека Дворчаны – 19 человек – стелла, г.п. Радунь – 1 137 человек – обелиск [1, л. 302], д. Бабино (центр) – 11 человек – обелиск, д. Бондари (лесной массив) – 50 человек – обелиск, 36 человек – обелиск, д. Новоселки (окраина) – 67 человек – обелиск, п. Сопоцкино (кладбище) – 70 человек – обелиск, г. Скидель (окраина) 40 человек – надгробие, д. Запурье (центр) – 48 человек – обелиск, д. Наумовичи (окраина) – более 3000 человек – памятник, д. Партизанская – 488 человек – памятник, д. Путришки (лесной массив) – более 300 человек – стелла, д. Синий камень – 50 человек – мемориал [1, л. 306], д. Бережки (окраина) – 60 человек – обелиск, г.п. Зельва (окраина) – 498 человек – памятник, д. Петревичи (окраина) – 17 человек – обелиск, д. Старая Голынка (кладбище) – 386 человек – обелиск [1, л. 307], д. Деречин (окраина) – 2500 человек – памятник [1, л. 308], д. Белый Берег (окраина) – 28 человек – обелиск, урочище Хованщина около Станевичи – 2524 человек – стелла, д. Ятолтовичи (окраина) – 95 человек – памятник, д. Субботники (кладбище) – 3 человек – обелиск [1, л. 309], д. Новое Село (центр) – 256 человек – памятник, г.п. Мир (юго-западная окраина) – 750 человек – памятник-obelisk, г.п. Мир (улица Октябрьская) – 700 человек – памятник-obelisk, г.п. Мир

(средняя школа) – 1700 человек – обелиск [1, л. 310], д. Еремичи (окраина) – 97 человек – обелиск, д. Турец (окраина) – 463 человека – обелиск, Новое Село (северная окраина) – 75 человек – обелиск [1, л. 311], г. Лида (окраина) – 5670 человек – обелиск, мемориальная плита [1, л. 311], г. Новогрудок (ул. Минская) – 1118 человек – обелиск, г. Новогрудок (северная окраина) – 4000 человек – обелиск, г. Новогрудок (западная окраина) – 18000 человек – памятник, г. Новогрудок (восточная окраина) – 6 000 человек – памятник, д. Воробтевичи – 950 человек – обелиск, д. Отминово – 5 человек – обелиск, г.п. Любча – 375 человек – обелиск, д. Щорсы (парк) – 7 человек – обелиск, д. Невда (окраина) – 56 человек – памятник, д. Нагневичи – 40 человек – памятник [1, л. 315], г.п. Свислочь (урочище Вишенник) – 1536 человек – обелиск, п. Юбилейный (окраина) – неизвестно [1, л. 316], г. Слоним (юго-восточная окраина) – 30 000 человек – стелла, г. Слоним (восточная окраина) – 2000 человек – стелла, д. Сзаричи – 14 человек – обелиск, д. Окуниново (кладбище) – 299 человек – стелла, Василевичи (кладбище) – 270 человек – мемориальный знак [1, л. 317], д. Петреленичи (южная окраина) – более 10 000 человек – обелиск, д. Низ (восточная окраина) – 296 человек – стелла, д. Верболаты (кладбище) – 40 человек – обелиск, д. Большая Кракотка (кладбище) – 25 человек – обелиск, д. Боровики (урочище Липники) – 17 человек – обелиск, д. Боровики (центр) – 84 человека – обелиск, д. Боровики (кладбище) – 19 человек – обелиск [1, л. 318], д. Горбачи (кладбище) – 25 человек – обелиск, д. Загорье (южная окраина) – 117 человек – стелла, д. Павловичи (юго-восточная окраина) – 120 человек – обелиск, д. Павловичи (южная окраина) – 107 человек – обелиск, д. Павловичи (кладбище) – 49 человек – обелиск, д. Рудня (сожженная деревня) – 17 человек – обелиск [1, л. 319], д. Завидиненты (кладбище) – 350 человек – надгробие, хутор Моговщина (окраина) – 1 200 человек – памятник, д. Ягеловщина (окраина) – 353 человека – памятник, хутор Углеево (окраина) – 800 человек – памятник, д. Новосады (окраина) – 42 человека – памятник [1, л. 320], г. Щучин – 2065 человек – обелиск, д. Василишки – более 2000 человек – обелиск, д. Желудок – 2000 человек – обелиск, д. Зеняки (центр) – 484 человек – обелиск, д. Зуброво (окраина) – 147 человек – обелиск, д. Якубовичи – 27 человек – памятник [1, л. 322].

Мемориальные комплексы стали наиболее масштабным способом увековечения памяти о жертвах войны как в советский период, так и после провозглашения независимости Республики Беларусь. Среди мемориальных комплексов, увековечивающих память жертв войны можно выделить: мемориалы, посвященные трагедии сожженных деревень, и мемориалы на месте лагерей смерти и гетто. Одним из крупнейших памятников Беларуси, посвященных трагедии сожженных деревень,

является мемориал «Хатынь», а также «Шауличи» в Волковысском районе Гродненской области. Деревня была сожжена немцами 7 июля 1943 г., 366 местных жителей были расстреляны. Рядом с братскими могилами убитых мирных жителей появились обелиск и скульптурная композиция «Воин и подпольщица», два скорбных креста... Во время реконструкции к 70-летию Великой Победы на месте сожженных домов установили 40 деревянных срубов-символов, гранитные плиты и памятные таблички с именами погибших. В сердце мемориала – бронзовый колокол печальным звоном напоминает о сотнях загубленных жизней... [3].

Религиозные организации также не остались безучастны в деле увековечения памяти жертв войны. Так, в 1991 г. представителями католической конфессии был осуществлен перенос из могилы возле фарного костела в г. Гродно костных останков 10 сестер, расстрелянных в 1943 г. возле лесничества «Батыровка» (в 5 км от города) в костеле. В 2000 г. Ватиканом сестры были причислены к лику святых.

30 марта 2005 г. прошло второе заседание Гродненской городской комиссии по определению объемов работ по ремонту памятников, мест захоронений, памятных знаков и мемориальных досок. Данная комиссия провела объезд памятников, разработала и утвердила Перечень мероприятий по ремонту памятников истории и культуры на территории г. Гродно в рамках подготовки к празднованию 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. В ряде районов Гродненской области в период с 2004 по 2005 г. были осуществлены ремонтные работы памятников. Ремонт и благоустройство осуществлялись на выделенные из республиканского бюджета средства [4]. По состоянию на 2005 г. Гродненский городской и районный исполнительный комитеты предоставили информацию в Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь о работе комитетов по реконструкции, ремонту памятников и благоустройству прилегающих к ним территорий [4, л. 19]. В целях поддержания надлежащего порядка, ремонта и благоустройства памятников, воинских захоронений райисполкомы области рассмотрели на заседаниях вопрос «О закреплении предприятий, учреждений, организаций за памятниками, воинскими захоронениями», в городе Гродно данное решение утверждено Гродненским городским Советом депутатов [4, л. 20].

В 2006–2007 гг. Гродненским городским исполнительным комитетом были определены мероприятия по выполнению Республиканской программы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн. [5]. Так непосредственно отделу идеологической работы Горисполкома было поручено содействовать работе по сбору информации о неучтенных воинских захоронениях и жертв фашизма с последующим оформлением

информационных листов. К этой работе предполагалось привлечь БРСМ. Для отдела идеологической работы была определена задача по оказанию помощи по созданию областного автоматизированного банка данных «Книга Памяти» и подготовке списка имен защитников Отечества и жертв войн, установленных в ходе поисковых работ 2006–2007 гг. [5].

Гродненским городским Советом депутатов в 2015 г. было принято решение за № 66 «О содержании памятников истории и культуры г. Гродно», а в приложении к решению был представлен список предприятий, учреждений и организаций г. Гродно закрепленных за братскими могилами воинов, памятниками, обелисками и мемориальными досками [6].

Отдел идеологической работы, культуры и по делам молодежи Гродненского городского исполнительного комитета во исполнение пункта 84 Республиканского плана мероприятий по проведению в 2016 г. «Года культуры», утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2016 г. № 51, предоставил информацию о состоянии мемориальных комплексов, мест боевой и воинской славы, а также воинских захоронений и захоронений жертв войн на территории г. Гродно [7].

В связи с обнаружением летом 2008 г. во время поисковой работы в г. Гродно в районе Фолюша останков военнопленных из шталага было принято решение создать мемориал погибшим во время Великой Отечественной войны. Ровно через год, 2 июля 2009 г., мемориал был торжественно открыт. На месте братской могилы был воздвигнут памятный знак в виде глыбы из красного гранита, символизирующий нерушимость памяти о героях и жертвах Великой Отечественной войны, по обе стороны знака были установлены памятные плиты с именами погибших, которые стали известны благодаря напряженной работе поисковиков и сотрудников военного комиссариата Гродненской области. На сегодняшний день благодаря поисковой работе найдено около 2 тыс. останков погибших, устанавливаются их имена. Хотя работы и продолжаются, но найти и перезахоронить еще более 10 тыс. пленных вряд ли удастся [8, с. 5].

Отдел идеологической работы, культуры и по делам молодежи Гродненского городского исполнительного комитета во исполнение пункта 84 Республиканского плана мероприятий по проведению в 2016 г. Года культуры, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2016 г. № 51, предоставил информацию о состоянии захоронений жертв войн на территории г. Гродно. Из предоставленных материалов следовало, что всего на учете 32 захоронения жертв войны, и они находятся в удовлетворительном состоянии и не требуют ремонта [9].

25 июля 2018 г. Гродненским исполнительным комитетом было принято решение № 467 на основании Комплекса мероприятий по реализации Государственной программы на 2015–2020 гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти жертв войны, утвержденного решением Гродненского городского Совета депутатов от 15 декабря 2016 г. № 158, финансовому управлению Гродненского городского исполнительного комитета направить средства, предусмотренные в бюджете города Гродно на 2018 г., объединенному унитарному производственному предприятию «Гродненское городское жилищно-коммунальное хозяйство», на разработку проектно-сметной документации и начало строительно-монтажных работ на объекте «Памятный знак “Жертвам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”» на братской могиле на территории городского кладбища «Аульс» в городе Гродно» в сумме 10 067 (десять тысяч шестьдесят семь рублей) 83 коп. (восемьдесят три копейки). Контроль за исполнением решения был возложен на первого заместителя председателя Гродненского исполнительного комитета А. В. Жука и начальника финансового управления Гродненского городского исполнительного комитета П. М. Швеца [10].

В связи с провозглашением независимости Республики Беларусь в 1991 г. начался новый этап по увековечению памяти жертв Великой Отечественной войны. В советский период были сооружены наиболее выдающиеся для своего времени памятники и монументы. Главный акцент в обозначенный период делался на сооружении объектов, посвященных теме Победы и отображающих героические стороны войны. Важной составляющей стороной деятельности местных органов управления на территории Гродненской области является принятие решений и мероприятия по увековечению памяти гражданского населения – жертв Великой Отечественной войны.

Список использованной литературы

1. Переписка с Государственным комитетом при Совете Министров РБ по вопросам согласования законов, увековечения памяти жертв фашизма, финансирование строительства // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 1171. Оп. 5. Д. 2985.

2. Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 дек. 1992 г., № 763: в ред. постановления Каб. Министров Респ. Беларусь от 09.02.1996 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. Памятники Великой Отечественной войны в Беларуси // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/travel/military-history-tourism/memorials-great-patriotic-war>. – Дата доступа: 09.02.2019.

4. Протокол заседаний областного художественно-экспертного Совета по монументальному искусству за 2005 г. // ГАГО. – Ф. 1266. Оп. 3. Д. 413.

5. Программа по увековечению на 2006–2007 гг. // Текущий архив Гродненского городского исполнительного комитета, 2006 г.

6. О внесении изменений и дополнений в решение Гродненского городского Совета депутатов от 22 мая 2003 г. Приложение к решению Гродненского городского Совета депутатов 25.06.2015 № 66 // Текущий архив Гродненского городского исполнительного комитета, 2015 г.

7. Информация о благоустройстве воинских захоронений. Главное управление идеологической работы, культуры и по делам молодежи Гродненского областного исполнительного комитета // Текущий архив Гродненского городского исполнительного комитета, 2016 г.

8. Шталаг (документ) // Текущий архив Гродненского городского исполнительного комитета, 2008 г.

9. О предоставлении информации // Текущий архив Гродненского городского исполнительного комитета, 2016 г.

10. Списки известных, захороненных в учтенных воинских захоронениях 29.10.2009 // Текущий архив Гродненского исполнительного комитета, 2018 г.

УДК 94((476)“1939/1941”(371)

Е. В. РАДКОВИЧ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1939–1941)

Согласно пакту о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. территория Западной Беларуси включалась в состав СССР. В соответствии с этим, начиная с 17 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. проходил процесс советизации территории Западной Беларуси. Целью советизации являлась унификация западнобелорусских земель с Советским Союзом.

В рамках данного процесса политика в сфере школьного образования в Барановичской области подразумевала полную перестройку системы образования по советскому образцу. В декабре 1939 г. все школы объявлялись государственными, брались на содержание за счет государства, реорганизовывались в начальные, неполные средние и средние. В соответствии с принятой в декабре 1939 г. инструкцией НКП

БССР «О порядке реорганизации народного образования в Западных областях БССР», для всех детей вводилось обязательное семилетнее образование на родном языке (национальные школы: белорусские, русские, польские, еврейские, литовские), которые начали работу с 15 января 1940 г. по советской программе. В области было открыто 1 609 школ [1].

Таблица – Национальные школы на территории Барановичской области (1939–1941 гг.)

Школы	всего	белорусские	русские	еврейские	польские	литовские
начальные	1 286	1 254	7	2	20	3
неполные средние	304	324	17	37	16	–
средние	19	6	10	–	3	–
всего	1 609	1 494	34	39	39	3

Школьная сеть охватила 208 484 учащихся, что в 1,3 раза больше, чем в 1938–1939 гг. [2].

Также был выработан план по народному образованию, который предусматривал увеличение количества учебных заведений на протяжении 1940–1941 учебного года. Также в течение года школы претерпевали значительные изменения в связи с постройкой и приспособлением новых помещений для школ; изменением контингента учащихся.

Выполнялся план по школам за счет неполных средних школ, т.к. в сельской местности при польской власти они отсутствовали, а также средних, за счет приехавших из восточных областей БССР и других союзных республик, а также желающих продолжить образование [6].

Ввиду близкого расположения начальные школы сливались, вследствие чего план по начальным школам выполнен не был [6].

Из выписки из протокола № 29 Заседания Барановичского уездного исполкома от 20 декабря 1939 г. о реорганизации гимназий г. Баранович в средние школы, можно увидеть, что существующие 4 гимназии были реорганизованы в 4 полные средние школы для совместного обучения мальчиков и девочек: русская № 11, белорусская № 12, еврейская № 13, польская № 12. Также была открыта новая полная русская школа № 1 [8].

1940–1941 учебный год многие школы испытывали острую нехватку педагогических кадров, размещаясь в плохо приспособленных к занятиям помещениях [3]. Подавляющее большинство преподавателей не имело специального образования (так, по состоянию на февраль 1940 г. из

3 072 учителей высшее образование имели 277 человек, среднее педагогическое – 1 950, среднее – 1 067 [7]).

В связи с необходимостью большого количества педагогических кадров, в педагогические ВУЗы страны дополнительно принимались сотни молодых людей из Западной Беларуси. Прибывали учителя из восточных областей республики. Проводились одномесечные, трехмесячные и двухнедельные курсы учителей [4].

Также власти привлекали к работе старых специалистов, работавших в школах при польской власти (в 1940 г. 1 420 бывших учителей получили работу [9, с. 46]).

Власти отмечали, что преподавательский состав бывших польских школ «мало квалифицирован, идеологически неустойчив и советской педагогики не знает; для большинства этих учителей советские школы являются лишь местом отбывания времени, получения заработной платы и паспорта» [5].

Имело место неправильная расстановка кадров. Так, в постановлении бюро Барановичского обкома КП(б)Б от 25 февраля 1940 г. отмечалось, что «в г. Лида преподают польский язык педагог Дарецкая, хорошо владеющая русским языком, а в белорусской неполной средней школе № 1 преподают белорусский язык Стасевич, которая сама им не владеет» [6].

Область была укомплектована учебниками только на 10 %; тетрадями, при необходимости, 2,5 млн на 25000, полностью отсутствовали наглядные пособия, классные журналы и ученические дневники.

В Барановичах учительский институт начал набор студентов на русское и белорусское отделение. По постановлению Совнаркомом БССР от 17 января 1941 г. в городе был открыт Институт совершенствования учителей. Открыты педучилища в Лиде и Новогрудке.

С 20 июня по 20 июля 1940 г. по всей области были открыты курсы по переподготовке работающих учителей на 3000 человек (для учителей 1–4 классов – 750 человек, для учителей 5–7 классов – 200 человек [6]).

К сентябрю 1940 г. в области построено и приспособлено под школы 712 помещений, из которых 657 под начальные школы, 51 – неполные средние, 4 – средние. На ремонт и строительство потрачено 27 647 000 рублей [5].

В г. Барановичи насчитывалось 11 школ, из которых 2 с белорусским языком обучения, русским – 6, польским – 1, еврейским – 2 [4].

В 1940–1941 учебном году по области насчитывалось 1 645 школ, из них 24 средних, 325 неполных средних 1 276 начальных, в которых обучалось 213 626 учащихся [5].

Наблюдался перевод еврейских школ на русский язык обучения, в связи с отсутствием еврейских ВУЗов в СССР, также обучение на русском языке считалось более престижным и родители сами стремились отдавать своих детей в русскоязычные школы, для дальнейшего поступления в ВУЗы СССР.

Проблема нехватки учителей не утрачивала актуальности. Несмотря на то, что из восточных областей было прислано 1 069 человек, по состоянию на 15 января 1941 г. по области не доставало 165 учителей для классов начальных школ и 52 учителя для неполных средних и средних школ [5].

Из 5 560 учителей незаконченное высшее образование имели 2 362 человека, в 5–7 классах неполных средних и средних школ в основном работали педагоги со средним образованием [5].

Из работающих учителей некоторые не отвечали требованиям советского учителя: не готовились к урокам, не участвовали в общественной работе, посещали церковь в дни религиозных праздников, в связи с чем отсутствовали на работе [5]. Слабой была и методика преподавания, нередко дети подвергались физическому наказанию.

Школа была важнейшим средством идеологического воспитания молодежи, в связи с чем в школах была развернута пионерская и комсомольская работа. В 1940 г. по области в пионерскую организацию было вовлечено 11 609 учеников, комсомольская организация насчитывала 579 учащихся [5].

По состоянию на 20 декабря 1940 г. смежная со школьной идеологическая работа проводилась политпросвет учреждениями: ДСК (1 районный), районная библиотека (1), сельские библиотеки (2), избы-читальни (9), красные уголки (5), всего по району 18 учреждений.

Важной задачей была ликвидация неграмотности взрослого населения и в первую очередь беднейшего крестьянства. Эту работу начали в 1939 г. Временные управление и Крестьянские комитеты, а продолжили местные органы власти, используя опыт ликвидации неграмотности в восточных областях республики.

С 1 января 1940 г. в области работала 901 вечерняя школа для неграмотных и малограмотных с охватом в 63 000 человек [7].

За летний период 1940 г. было обучено 14 115 допризывников, а также 19 923 неграмотных и 27 463 малограмотных [6].

К этой работе были привлечены комсомол, профсоюзы, комиссии по работе среди женщин и другие общественные организации. К обучению неграмотных привлекались все имеющиеся силы: учителя, медработники, культработники, студенты, учащиеся старших классов.

Несмотря на приложенные усилия, проблема неграмотности среди населения не была решена окончательно, причиной этому послужила нехватка учителей, учебных пособий, помещений, отсутствие точного учета неграмотных и малограмотных, низкая посещаемость вечерних школ.

В целом, положение школьной системы образования в Барановичской области 1939–1941 гг. сложно назвать однозначным. Можно наблюдать, как и существенные положительные преобразования, так и широкий спектр проблем, которые не могли быть решены за столь короткий период.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 7580. Оп. 1. Д. 19.
- 2 ГАБр. – Ф. 7580. Оп. 1. Д. 87.
- 3 ГАБр. – Ф. 7580. Оп. 1. Д. 161.
- 4 ГАБр. – Ф. 7580. Оп. 1. Д. 162.
- 5 ГАБр. – Ф. 7580. Оп. 1. Д. 248.
- 6 ГАБр. – Ф. 7580. Оп. 1. Д. 307.
- 7 ГАБр. – Ф. 7580. Оп. 1. Д. 430.
- 8 Зональный государственный архив в г. Барановичи – Ф. 162. Оп. 1. Д. 167.
9. Царюк, И. О. КПБ – организатор культурного строительства в западных областях Белоруссии / И. О. Царюк. – Минск, 1969.

УДК 930(476)

А. А. САВІЧ

Беларусь, Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

У. А. ПАЛУЯН У ГІСТАРЫЯГРАФІІ ГІСТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921–1939 ГГ. ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ 1960-х ГГ.

Адзін з найбольш аўтарытэтных айчынных гісторыкаў, прызнаных і паважаных спецыялістаў па гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., Уладзімір Аляксандравіч Палуян па справядлівасці мае пачэсны навуковы статус бліскучага знаўцы гісторыі Беларускай сялянска-работніцкай Грамады (БСРГ). Гэтае сцвярджэнне будзе і надалей заставацца непахісным, нягледзячы на тое, што яго навуковая спадчына, у тым ліку і знакамітая манаграфія па гісторыі Грамады, у апошнія гады атрымлівае часам крытычна-скептычныя водгукі. Прынцып гістарызму патрабуе суадносіць адпаведныя навуковыя дасягненні, а таксама недахопы, з шырокім колам разнастайных акалічнасцей, у якіх адбываўся працэс

навукова-гістарычнай рэканструкцыі і інтэрпрэтацыі адпаведных гістарычных падзей. Задачамі ж сучаснай гістарыяграфіі заходнебеларускай гісторыі відавочна з'яўляецца карэктнае ўдакладненне раней атрыманых вынікаў, якое не будзе імкненнем абрынуць аўтарытэты, а забяспечыць вызначэнне і асэнсаванне шырокага кола гістарыяграфічных паказчыкаў, якія абумовілі канкрэтны навуковы вынік.

Для больш глыбокага і адэкватнага асэнсавання гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі другой паловы 1950–1960-х гг., як і іншых пытанняў гісторыі гістарычнай навукі, вялікае значэнне маюць мікрагістарычныя аспекты, якія могуць быць зафіксаваны ў разнастайных эга-дакументальных крыніцах. Вядома, што акрамя мемуараў, рэцэнзій, адозваў і іншых відаў крыніц асабістага паходжання, у мікрагісторыі вялікае значэнне мае эпістальная спадчына. У нашым выпадку аўтарамі ліставання выступаюць гісторыкі, аб'яднаныя навукова-прафесійнай цікавасцю да гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы, – Уладзімір Аляксандравіч Палуян і Мікалай Сямёнавіч Арэхва, якія былі на той час аднымі з самых актыўных даследчыкаў заходнебеларускай гісторыі.

М. Арэхва ў пачатку 1960-х гг. – паважаная ў дзяржаўна-партыйных колах БССР асоба як адзін з кіраўнікоў КПЗБ, аўтарытэтны знаўца гісторыі Заходняй Беларусі, меў вопыт навукова-арганізацыйнай працы ў першай палове 1930-х гг., удзельнік Вялікай Айчыннай вайны, галоўны кадравік польскіх спецслужбаў у пасляваенны час. Пасля рэабілітацыі КПЗБ на XX з'ездзе КПСС, стаў старшым навуковым супрацоўнікам Інстытута гісторыі партыі (ІГП) пры ЦК КПБ, паступова замацаваўшы за сабой статус самага аўтарытэтнага спецыяліста гісторыі КПЗБ ды і гісторыі Заходняй Беларусі ў цэлым. Цяжка знайсці дысертацыі ці кнігі таго часу ў БССР па гэтай тэматыцы, якія б абмінулі скрупулёзнага і патрабавальнага рэцэнзента – М. Арэхву. Ён карыстаўся вялікім аўтарытэтам і павагай сярод ветэранаў КПЗБ, праводзіў на працягу 1950–1980-х гг. вялікую арганізацыйна-каардынацыйную і асабістую навуковую працу ў рэчышчы заходнебеларускай гісторыі [1–3].

У параўнанні з ім У. Палуян – малады таленавіты вучоны, супрацоўнік Інстытута гісторыі АН БССР, у 1951 г. з адзнакай скончыў Беларускі педінстытут, а ў 1954 г. і аспірантуру пры ім, пад навуковым кіраўніцтвам І. Краўчанкі ажыццяўляў навуковае даследаванне гісторыі Заходняй Беларусі, у першую чаргу БСРГ, да якой у тагачасным беларускім грамадстве і ў навуковых колах захоўвалася падазронае стаўленне. У навуковым плане У. Палуян шчыльна супрацоўнічаў з Ц. Гарбуновым, яшчэ адным партыйна-навуковым аўтарытэтам, які не быў прыхільнікам паглыблення гістарыяграфіі БСРГ. З'яўляючыся аўтарам

раздзела па гісторыі Заходняй Беларусі ў абагульняльных выданнях па гісторыі Беларусі 1958 г. і 1961 г. [4–5], якія былі значным крокам наперад у параўнанні з публікацыямі другой паловы 1930-х – першай паловы 1950-х гг., у тым ліку і яго самога, Ц. Гарбуноў лічыў, што пра Грамаду “всё ўжо ім напісана, нечого ўжо пісаць”, пры гэтым не грэбаваў магчымасцю скарыстацца фактаграфічнымі напрацоўкамі У. Палуяна, карыстаючыся славай чалавека, які “мог кога ўгодна «зарезаць»” [6]. У такіх умовах маладому даследчыку У. Палуяну было няпроста рэалізаваць свой навуковы патэнцыял, апублікаваць вынікі сваіх даследаванняў, атрымаць навуковую ступень кандыдата гістарычных навук і, як вынік, палепшыць свой навуковы і сацыяльны статус, а таксама матэрыяльнае становішча.

Выяўлены ў фондзе 1440 “Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ” Нацыянальнага дзяржаўнага архіва Рэспублікі Беларусь ліст У. Палуяна ад 28 чэрвеня 1962 г. да М. Арэхвы на васьмі старонках фармату А-4, аздоблены рэмаркамі М. Арэхы, з’яўляецца змястоўнай крыніцай па гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі мікрагістарычнай скіраванасці [1, арк. 112–115]. Дакумент істотным чынам раскрывае “кухню” ўзаемадзянняў паміж гісторыкамі, якія вывучалі Заходнюю Беларусь міжваеннага часу, выяўляе матывацыю ўзаемаадносін і ўчынкаў, з аднаго боку насцярожанасць У. Палуяна і неадназначнасць яго сітуацыі, з другога боку – перакананасць маладога гісторыка ў праваце сваёй справы, высокую ступень матывацыі і прафесійнай адказнасці, навуковую смеласць, якая падмацоўвалася грунтоўным валоданнем прадмета даследавання. Ліст напісаны адразу пасля выхаду ў друк знакамітай на той час сумеснай манаграфіі У. Палуяна і І. Палуяна [7], у ім аўтар прыводзіць аргументы ў сваю абарону перад абвінавачваннем М. Арэхвы за “паспешлівасць” у напісанні і выданні кнігі.

Ад значнай долі крытыкі творчасці У. Палуяна і І. Палуяна не абмінула тое, што У. Палуян разам з М. Арэхвам супрацоўнічалі ў складзе навуковага калектыву па падрыхтоўцы першага тома зборніка дакументаў “Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР” [8]. Для аўтара ліста сітуацыя ўскладнялася тым, што ён рыхтаваўся да абароны кандыдацкай дысертацыі па гісторыі БСРГ, напэўна атрымліваючы перасцярожлівыя словы і парады ў сувязі з вастрынёй тэмы свайго дысертацыйнага даследавання. І хоць кандыдацкую ступень У. Палуян атрымаў у 1963 г., у лісце ў распачы паведамляў М. Арэхву аб суб’ектыўных цяжкасцях на шляху да абароны.

Упершыню выяўленае і дакументальна пацверджанае крытычнае стаўленне і заўвагі М. Арэхвы да У. Палуяна і І. Палуяна былі выказаны ім сумесна з П. Пышкіным (старшым навуковым супрацоўнікам ІПІ,

кандыдатам гістарычных навук) 27 лістапада 1958 г. у трынаццаці-старонкавай машынапіснай рэцэнзіі на сумесны артыкул “Компартия Западной Белоруссии и революционное движение в Западной Белоруссии в 1930–1939 гг.”. Агульную негатыўную танальнасць рэцэнзіі красамоўна ілюструе першая фраза: “Авторы рецензируемой статьи глубоко не изучили материал и допустили при изложении вопросов серьезные ошибки”. Пры тым, што рэцэнзенты па многіх фактаграфічных паказчыках крытыкавалі справядліва, іх канчатковая выснова гучала як прысуд: “... статья... не может быть опубликована. Она нуждается в коренной переработке” [1, арк. 1–13].

Дзеля справядлівасці адзначым, што прынцыповасць М. Арэхвы тлумачылася яго імкненнем забяспечыць высокі навуковы ўзровень публікацый па гісторыі КПЗБ. “Я точно так же поступаю и ко всем научным работам, которые попадают в наш институт на рецензию по этой теме: поддерживаю, но делаю критические замечания и добиваюсь, чтобы автор исправил, доработал рукопись”, – распавядаў М. Арэхва ветэрану-аднапартыйцу В. Ласковічу, даючы тлумачэнне свайго крытычнага стаўлення да значнай “дозы вымысла” ў яго творах [9, арк. 86].

Але прычыну адмоўнага водгука можна разглядаць, верагодна, і ў тым, што М. Арэхва, атрымаўшы ў партыйна-навуковых колах статус галоўнага спецыяліста па гісторыі КПЗБ [6], хацеў і надалей заставацца першым і галоўным, меў выдавочны намер напісаць гісторыю КПЗБ пры сваім кіруючым актыўным удзеле, у яго былі падставы для хвалявання з-за ўзнікшай канкурэнцыі ад маладых вучоных. Верагодна, гэта падштурхнула ў 1960 г. М. Арэхву да афіцыйнага замацавання пад яго кіраўніцтвам абагульняльнага даследавання па гісторыі КПЗБ у ІГП, бо І. Палуян і У. Палуян сваім шасцідзесяцідзесяцістаронкавым машынапісным артыкулам стварылі працу па КПЗБ з выдавочнымі атрыбутамі абагульняльнай манаграфіі.

Нягледзячы на перашкоды, артыкул І. Палуяна і У. Палуяна без КПЗБ у назве быў у 1962 г. апублікаваны ажно ў маскоўскім зборніку [10], за год да гэтага яны падрыхтавалі сваю згаданую сумесную манаграфію. Яе рукапіс у хуткім часе лёг на стол М. Арэхвы для кампетэнтнага рэцэнзавання. Як і ў папярэдні раз, М. Арэхва 16 жніўня 1961 г. быў грунтоўны ў сваёй дваццацічатырохстаронкавай рэцэнзіі. У сваім выдавочна не надта добразычлівым імкненні да аб’ектыўнасці ён у чарговы раз рэзка прайшоўся па тэксце, дзеля справядлівасці адзначым, выяўляючы фактаграфічныя, стылістычныя і канцэптальныя недахопы рукапісу, садзейнічаючы павышэнню навуковага ўзроўню будучай публікацыі. Аднак многія заўвагі сёння можна трактаваць як прыдзіркі, у прыватнасці, вітаючы ўключэнне ў геаграфічныя межы прадмета даследавання Вільні і

Віленскага краю, неабгрунтавана сцвярджаючы, што гэта “коренная тэрыторыя Литвы”, М. Арэхва абавязваў гісторыкаў паказаць літоўскі нацыянальна-вызваленчы рух: “Без гэтага в работе будет изъян, и литовские товарищи будут в законной претензии, что авторы как бы “аннексировали” их коренную территорию вместе с их исторической столицей Вильнюсом, включив ее в общее понятие Западной Белоруссии” [1, арк. 86].

Відавочна, што заўвагі і рэкамендацыі можна было б хутка выправіць, у гэтым суаўтары былі зацікаўлены, і кнігу можна было б накіраваць у друк. Тым больш, што рэцэнзент палічыў, па-першае, магчымым выданне кнігі пасля дапрацоўкі з улікам выказаных ім заўваг, звяртаючы ўвагу на тое, што “работа Полуянов” уяўляе сабой больш шырокае абагульненне вопыту развіцця рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху ў параўнанні з усімі папярэднімі публікацыямі. Аднак гэтая акалічнасць, напэўна, з-за адсутнасці ў яго самога буйных публікацый больш за ўсё і непакоіла М. Арэхву. Таму ён, па-другое, патрабаваў выдання кнігі толькі пасля выхаду падрыхтаванага да друку першага тома названага вышэй зборніка дакументаў, якія “были широко использованы авторами для написания своей работы” [1, с. 107].

Аднак І. Палуян і У. Палуян сумесную кнігу ў першай палове 1962 г. надрукавалі да выхаду згаданага зборніка і напэўна хваліліся адносна магчымай рэакцыі М. Арэхвы. Асабліва яна непакоіла У. Палуяна, які рыхтаваўся да абароны кандыдацкай дысертацыі, і абвастрэнне адносін з “галоўным гісторыкам КПЗБ” не было яму на руку. Як паказваюць дакументы, гісторыкі нездарма былі занепакоены. Адпаведныя намеры скрупулёзны М. Арэхва, які практыкаваў весці запісы адносна хваліваўшых яго пытанняў, напэўна выказваў у прыватных ці нават афіцыйных размовах з калегамі.

Таму ў трывозе адносна ўзнікшай сітуацыі У. Палуян з гонарам і падкрэслена паважліва звярнуўся да М. Арэхвы з неабходнымі тлумачэннямі. Як бы апраўдваючыся за сябе і стрычнага брата, У. Палуян даводзіў, што яны і так затрымалі выхад сваёй кнігі, каб зборнік не выйшаў раней, нават атрымалі штраф ад выдавецтва. Пры гэтым У. Палуян наўпрост і намёкам гаварыў пра суб’ектыўныя цяжкасці яго асабістай навуковай працы над грамадоўскай тэматыкай, намёкам пацвярджаючы вышэй адзначаныя своеасаблівыя адносіны з Ц. Гарбуновым: “А работа эта ни в коем случае не является результатом скоропалительного наскока. Я работаю над этой темой в общей сложности вот уже 10 лет. Вы, должно быть, также знаете (я об этом Вам говорил), как писалась глава о Западной Белоруссии во втором томе истории БССР и кто фигурирует ее автором. Несмотря на это вот уже 4 года мою диссертацию о Громаде в Академии

не пускают в печать, а кто не пускает, Вам нетрудно догадаться” [1, арк. 112].

Як сведчыць чарнавік адказу М. Арэхвы ад 2 ліпеня 1962 г. на публікуемы ліст, У. Палуян змог палепшыць яго стаўленне да сябе [1, арк. 116–117]. Аднак адносіны М. Арэхвы да ўчынка “непаслухмяных” маладых гісторыкаў і кнігі былі рашуча крытычнымі. Сведчаннем гэтага з’яўляецца рэмарка М. Арэхвы ад 20 ліпеня 1962 г. пад назвай “МОИ ЗАМЕЧАНИЯ на книгу Полуянов”. У ёй аўтар змясціў агучаныя вышэй заўвагі і паўтарыў асноўныя прэтэнзіі адносна таго, што кніга выйшла раней, чым зборнік, а аўтары, якія занадта шмат на сябе ўзялі, не ўлічылі цалкам заўвагі М. Арэхвы [1, арк. 109–111].

Цяжка выявіць сапраўднае навуковае і эмацыянальнае стаўленне М. Арэхвы да акрэсленай сітуацыі, але відаць шчыры ліст У. Палуяна і значнасць навуковай працы маладых гісторыкаў яго змякчылі. Ва ўсялякім выпадку ў наступным годзе адбылася паспяхова абарона кандыдацкай дысертацыі У. Палуяна, а пасля выхаду ў 1967 г. манаграфіі па Грамадзе М. Арэхва быў адным з актыўных аўтараў станоўча-прывітальных і ўзнёслых рэцэнзій кнігі У. Палуяна пра БСРГ [1, арк. 188–132].

Што да адносінаў У. Палуяна з Ц. Гарбуновым, то адзначым, што менавіта Уладзімір Аляксандравіч пераняў ад Цярэнція Сазонавіча аўтарства заходнебеларускіх раздзелаў у абагульняльных публікацыях па гісторыі БССР і Беларусі [11–13], выдаўшы ў 1978 г. сваю знакамітую манаграфію [14], абараніўшы праз год па ёй доктарскую дысертацыю [15].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1100.
2. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1103.
3. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. – 288 с.
4. Гісторыя Беларускай ССР / АН БССР, I-т гісторыі : у 2 т. – Т. 2 ; пад. рэд. М. С. Краўчанкі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1958. – 605 с.
5. История Белорусской ССР : в 2 т. – 2-е изд., доп. – Т. 2 ; под общ. ред. Л. С. Абецедарского [и др.]. – Минск : Изд-во АН БССР, 1961. – 702 с.
6. Запіс гутаркі ад 21 красавіка 2016 г. з доктарам гістарычных навук, прафесарам І. Палуянам, жыхаром г. Мінска, стрыечным братам і навуковым папалечнікам У. Палуяна // Асабісты архіў А.А. Савіча.
7. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. – Минск : Госиздат, 1962. – 222 с.

8. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы : сб. : в 2 т. – Т. I (1921–1929 гг.). – Минск : Госиздат БССР, 1962. – 620 с.
9. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 500. Воп. 1. Спр. 79.
10. Полуян, В. Революционное движение в Западной Белоруссии в 1930–1939 гг. / В. Полуян, И. Полуян // Из истории польского рабочего движения : сб. ст. к 20-летию Пол. рабочей партии, 1942–1962 ; под ред. А. Я. Манусевича и И. А. Хренова. – М. : Соцэкгиз, 1962. – С. 410–458.
11. Палуян, У. А. Уз’яднанне беларускага народа ў адзінай савецкай дзяржаве / У. А. Палуян // Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Т. 4 / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – С. 53–90.
12. Палуян, У. А. Заходняя Беларусь у 1921–1939 гг. / У. А. Палуян // Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Ін-т гісторыі АНБ ; рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – С. 214–264.
13. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
14. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 359 с.
15. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / В. А. Полуян ; АН БССР. Ин-т истории. – Минск, 1979. – 56 с.

УДК 271.2-36 “17”

В. Н. САВЧЕНКО

Российская Федерация, Петрозаводск, ПетрГУ

РЕЛИГИОЗНЫЙ НОНКОНФОРМИЗМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЕПИСКОПА АНДРЕЯ УФИМСКОГО О ПРИЧИНАХ И ЗНАЧЕНИИ РАСКОЛА РУССКОЙ ЦЕРКВИ В СЕРЕДИНЕ XVII В.¹

В русском обществе всегда наблюдалось многообразие религиозных течений, которые, в свою очередь, привлекали исследователей разных категорий: профессиональных историков, представителей господствующей Русской Православной Церкви (РПЦ), чиновников из центра и провинции и многих других. Старообрядчество как одна из крупнейших религиозных групп привлекала к себе внимание исследователей, начиная практически с момента своего оформления и вплоть до падения Российской империи. К концу XIX – началу XX в. многие исследователи, историки и церковные

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058мол_а.

деятели обратились к переосмыслению данного явления народной жизни, т. к. его оценка со стороны официальных структур оставалась весьма исчерпывающей и антагонистической, что лишало возможности найти компромисс и решение по данному вопросу.

События начала XX в. (Февральская и Октябрьская революции, гражданская война, длительный период политических репрессий) стали сложными испытаниями для Русской Православной Церкви. Однако кроме явно трагических последствий, мы все же можем отметить некоторые положительные моменты для Русской церкви, которые также являлись прямыми следствиями прихода к власти сначала Временного правительства, а затем большевиков.

Во-первых, Православная церковь получила независимость от государственных структур, которая окончательно была закреплена Декретом советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. [2]. Благодаря этому стало возможным избрание патриарха еще в конце 1917 г. 18 ноября в московском Храме Христа Спасителя участниками Священного Собора новым патриархом был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон [5].

Во-вторых, появились все необходимые условия для решения исторически сложившихся насущных внутрицерковных проблем. Некоторые православные иерархи, например, архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский, 1872–1937), увидели в низложении монархического строя и ликвидации синодальной системы управления Русской Православной церковью устранение главных преград в деле преодоления внутреннего раскола РПЦ, оформившегося во второй половине XVII вв.

Согласно наблюдениям исследователя второй половины XIX – начала XX в. А.С. Пругавина, количество людей среди всего населения Российской империи, обратившихся в раскольнические и сектантские объединения, стремительно возрастало в этот период, т.к. церковный раскол и стремление выйти из-под контроля официальной церкви отразили в себе религиозный, политический и социальный протест народной массы, а также их тяготение к духовному просвещению [4]. Попытки государственной власти ликвидировать раскол путем гонений на старообрядцев, создания единоверческих общин, успехом не увенчались, а наоборот стимулировали развитие данного религиозно-социального народного движения [4].

Данный доклад посвящен рассмотрению концепции владыки Андрея (Ухтомского) по вопросам причин и следствий раскола Русской Православной Церкви, произошедшего во второй половине XVII в.

Несколько слов следует сказать о самом архиерее: князь Александр Алексеевич Ухтомский, будущий Уфимский епископ родился 26 декабря в

1872 г. в селе Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда в семье канцелярского служащего при ярославском губернаторе [3, с. 24]. Семейство Ухтомских имеет очень древнее дворянское происхождение: владыка Андрей в двенадцатом колене потомок князя Глеба Васильевича, получившего во владение удел в Белоозере в середине XIII в. и ведущего свое происхождение от призванного на Русь князя Рюрика. Князь Глеб Васильевич был женат на татарке из рода Чингизидов, дочери хана Сартака (в крещении получила имя Феодора), что, соответственно, роднит Ухтомских с потомками Чингисхана. Все эти сведения отображены в семейных архивах Ухтомских, а также в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийския империи» [3, с. 21–23].

После окончания Нижегородского кадетского корпуса имени графа Аракчеева, юноша решает поступить в Московскую духовную академию. На его выбор повлияла судьбоносная встреча с о. Иоанном Кронштадским. В академии он слушал лекции широко известных тогда преподавателей, историков: В. О. Ключевского, Е. Е. Голубинского, Н. Н. Субботина и Н. Ф. Каптерева [3, с. 26–27].

2 декабря 1895 г. князь Александр Алексеевич Ухтомский был пострижен в монахи под именем Андрей, а спустя несколько дней он был рукоположен в иеромонахи. 22 октября 1913 г. он рукополагается епископом Уфимской епархии [3, с. 29].

Еще до революций 1917 г. владыка Андрей весьма критически оценивал состояние Русской Православной Церкви, усматривая причиной ее разложения и повреждения нравов в церковной иерархии прежде всего в самой порочной синодальной системе управления, установленной в период петровских преобразований. Священники переставали беспокоиться о духовных нуждах своей паствы, превращаясь в элементы государственной бюрократическо-полицейской машины. Ему был очевиден контраст между приходской жизнью «официальной» церкви и внутренним духовным единством старообрядческих общин, явно вызывавших у него симпатию. Архиепископ считал, что корень всему этому лежит в событиях середины XVII в., ставших причиной раскола Русской православной церкви.

Главным источником исторических воззрений архиепископа Андрея Ухтомского по вопросу содержания и последствий событий раскола XVII в. являются его «Десять писем о старообрядчестве» [3, с. 705–711]. В них он пишет, что причиной раскола Русской церкви является ересь «никонианства», связанная с преобразовательной деятельностью патриарха Никона. Это самое «никонианство», по его мнению, зародилось с того момента, когда царь Алексей Михайлович назвал патриарха «великим государем». Таким образом, было положено начало единоличной и самочинной деятельности патриарха Никона, стремившегося установить

свою власть над другими церковными иерархами и принимавшего важные решения без созыва поместных церковных соборов. Когда же патриарх в ответ на свои действия получал сопротивление в лице других епископов, священства, монашествующих и мирян, он обращался за помощью к государственной силе принуждения, от которой сам впоследствии и пострадал [3, с. 707]. Такое тесное сближение государя и его «собинного друга» – патриарха, их взаимодействие по подавлению сопротивления церковным новинам создало прецедент для дальнейшего вмешательства государства во внутренние дела церкви и частную жизнь верующих, стремясь лишить их религиозной свободы. Таким образом, суть «никонианства» заключалась в установленном затем цезарепапизме, апогеем которого стало принятие Петром I реформы об упразднении патриаршества и введение синодальной системы управления церковью. Тем самым, государь делался главой Русской православной церкви, а церковный клир превращался в чиновников одной из государственных структур. И, конечно же, это стало главной причиной начала секуляризации сначала в высших слоях российского общества, затем обмирщение постепенно проникало в средние и низшие сословия, разрушая многовековые традиционные устои.

Старообрядчество в таком случае становилось оплотом борьбы за религиозную свободу и ревностное отношение к истинному православию. Старообрядцы сохранили понимание православной общины, объединяющей в себе искренне верующих во Христа, готовых в случае необходимости пожертвовать собой, отстаивая свои убеждения. Поэтому архиепископ Андрей категорически не соглашается с мнением о старообрядчестве, сложившемся в церковных кругах, как о проявлении народного невежества, «тупого упрямства», необоснованного бунтарства, религиозного фанатизма и обрядоверия [1, с. 706]. Приходы «официальной» церкви, по мнению владыки Андрея, утратили живую религиозность, внутреннее единство, элементы самоуправления, изначально присущие христианской общине, зато взамен приобрели черты официоза и казенщины. Начиная с низложения патриарха Никона вплоть до отречения императора Николая II от власти, церковные архиереи стали послушными исполнителями царских приказов, а сама «официальная» структура РПЦ стала обслуживать идеологические потребности государства [1, с. 707].

Однако архиепископ не скрывает и главную проблему старообрядчества – каноническую. Она заключается в том, что у старообрядцев, в отличие от господствующей церкви, сомнительное происхождение церковной иерархии и, по сути, у них не может быть собственных епископов, если те, конечно, не захотят перейти из Московской патриархии в старообрядчество. А без епископа нет

священства, без священства – нет таинств. Поэтому владыка Андрей видит единственную возможность решения насущных проблем как «официальной» церкви, так и старообрядчества, только в совместном преодолении раскола и в восстановлении утраченного в XVII в. единства, тем более в 1917 г. появились все необходимые для этого условия. По этому поводу архиерей пишет: «После февральской революции первая моя печальная статья была о старообрядчестве... В этой статье я писал, что с падением петербургского полицейского режима пала главная стена, отделявшая старообрядчество от господствующей Церкви. К 1917 г. уже определилось, что император Николай лично не желает созыва Церковного Собора и предпочитает общество Распутина и распутинских прихвостней всякому “Собору” честных людей. И вот этот враг русской соборности сошел с дороги... Дорога оказалась свободною» [1, с. 709]. Будущее единство архиепископ видел «не на основании буквы канонов, а на основании их духа христианской любви» [1, с. 709].

Таким образом, владыка Андрей (Ухтомский) оказался одним из тех деятелей Русской Православной Церкви, кто считал необходимым пересмотреть содержание раскола церкви в XVII в. и сложившиеся в «официальных» церковных кругах взгляды на старообрядчество с целью реального преодоления внутрицерковного разделения, воспользовавшись сложившимися для того условиями после революционных событий 1917 г. Более того, он руководствовался данными принципами и взглядами в своей практической деятельности по преодолению противоречий между господствующей церковью и староверием, содействуя их возможному воссоединению.

Список использованной литературы

1. Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский) Десять писем о старообрядчестве // Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды. – СПб., 2013. – С. 705–711.
2. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.m.wikisource.org/wiki/>. – Дата обращения: 09.04.2016.
3. Зеленогорский, М. Л. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского) / М. Л. Зеленогорский. – М., 2011. – 448 с.
4. Пругавин, А. С. Значение сектантства в русской народной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_0090.shtml. – Дата доступа: 30.08.2018.
5. Священный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Деяние 36 // Деяния Священнаго Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovo.russportal.ru/index.php?id=council_1917_1918.act36. – Дата доступа: 09.04.2016.

УДК 93/476(1921–1939)

Н. В. САМОСЮК

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА РУССКИХ МЕНЬШИНСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Возрожденное польское государство было многонациональным и многоконфессиональным. В весьма специфической социокультурной ситуации оказались русские, так как в период господства Российской империи они занимали привилегированное положение. Во вновь воссозданном государстве, апеллировавшем к социально-политическим и культурным традициям Речи Посполитой, насильственно разделенной, их положение порой было очень сложным. Вместе с тем русская общественность была довольно сплоченной, обладала значительным людским потенциалом, а ее отдельные представители и материальным капиталом для отстаивания своих прав и свобод.

Наиболее активной организацией, чьи планы были весьма конструктивными, а их реализация способствовала улучшению положения русской общественности в Польше, являлось «Русское благотворительное общество». Оно ставило перед собой задачи по оказанию «материальной и моральной поддержки и помощи в нуждах культурно-просветительных, как равно и правовой помощи польским гражданам русской национальности, а также лицам, хотя и не имеющим польского гражданства, но принадлежащим к русской национальности» [1, л. 2]. Основным принципом, на котором основывалось общество, являлся принцип взаимопомощи. Члены общества разделялись на действительных членов и членов соревнователей, разницу в статусе определял размер ежемесячного взноса. В 1935 г. общество имело разветвленную структуру и состояло из 36 отделов [3, л. 1].

Другой наиболее активной организацией русской общественности являлось «Русское народное объединение» (РНО). Ее представители находились под пристальным вниманием административных властей, считавших всех ее членов яркими монархистами, враждебными и естественно опасными для польской государственности. Так, например, брестский отдел РНО возник 26 мая 1926 г. и, по мнению воеводского управления, насчитывал до 3 200 человек, хотя членские взносы платило только 10 %. Члены правления отдела находились под особым контролем властей [2, л. 6, боб.]. Верховный совет РНО неоднократно во время своих заседаний обсуждал сложное положение русской общественности в Польше: «Несмотря на неизменно проявляемую русским населением

абсолютную лояльность и законопослушность, отношение к нему всех бывших правительств, крайне разнообразных по политической окраске, не исключая и настоящего, было и остается отрицательным – до сих пор существование русского меньшинства в Польше официально не признано, несмотря на то, что на последних выборах в законодательные учреждения оно свое существование реально доказало» [4, л. 123].

28–29 июня 1931 г. в Варшаве на съезде представителей русских организаций был организован «Союз русских меньшинственных организаций» (СРМО) в Польше, а также избран его исполнительный орган в лице Совета. Первой маленькой победой, означавшей официальное признание на государственном уровне, было приветствие министра внутренних дел. 20 августа 1931 г. устав Союза был утвержден государственной властью. Это событие имело огромное историческое и политическое значение, так как показало, что по крайней мере на официальном уровне правительство перестало относиться к русскому населению Польши как к несуществующему. Таким образом были сделаны первые шаги к отстаиванию национальных и культурных прав русского населения Польши, содействию в удовлетворении его нужд и потребностей. В тот момент и в том контексте это было очень сложной задачей. Во-первых, администрация на местах не везде признавала справедливые права русского меньшинства. Во-вторых, в польском обществе не совсем еще было изжито известное предубеждение против русских, унаследованное от исторического прошлого, и, в третьих, среди самих русских часто обнаруживался недостаток национального самосознания и отсутствие сплоченности [6, л. 18].

Союз при каждом удобном случае напоминал, что никакая общественная работа невозможна без средств. Сила и мощь каждой организации, по мнению его лидеров, прямо пропорциональна находящимся в ее распоряжении средствам: «Русские люди! Совет СРМО обращается к Вам с горячим призывом, в ваших же собственных интересах помочь ему в создании материального фонда. Помните, что нам надеяться не на кого. Никто извне не придет к нам на помощь. Создавая материальные фонды для Совета СРМО, Вы творите капитал, процентами от которого сами же когда-либо воспользуетесь. Если не каждый из Вас нуждается в настоящее время в услугах Союза, то может наступить момент, когда помощь Союза Вам понадобится» [6, л. 19].

Постановлением от 19 марта 1932 г. брестский отдел РБО был принят в число действительных членов «Союза русских меньшинственных организаций»: «Сообщая Вам об этом и приветствуя Вашу организацию с формальным вступлением в Союз, считаем при этом уместным высказать свой взгляд на характер взаимоотношений между Советом СРМО и

членами Союза. Надеемся, что все вступившие в Союз организации будут не только формально носить это звание, но и активно сотрудничать с Советом на пользу русского дела в Польше» [6, л. 17]. Правление Союза предполагало, что формы взаимного сотрудничества могли быть весьма разнообразными. Так, предполагалось, что не только брестский отдел будет регулярно информировать правление об особенностях национально-культурной жизни русского населения, но и отдельные члены будут делиться своими радостями и проблемами. В свою очередь, Союз обещал по мере сил оказывать помощь путем возбуждения надлежащих ходатайств в столичные правительственные учреждения. Свою высокую миссию перед русской общественностью Союз видел в том, что он мог оказывать действенную помощь в административных делах, так как отношение к русскому вопросу центральной власти часто бывало совершенно иное, чем среди представителей низовой администрации на местах. Кроме того, Союз просил помочь в пропаганде его идей, сущность которых сводилась к следующему: «пробуждение интереса к русскому делу в русском обществе, часто еще инертном, запуганном и безразличном» как на уровне всего брестского отдела, так и его отдельных членов, а также всех сочувствующих [6, л. 17].

Союз русских меньшинственных организаций принял на себя функции координатора деятельности русских организаций как на территории Польши, так и за ее пределами. Главной задачей для сохранения русской социокультурной общности, проживающей в чужом государстве, являлось сохранение культурной преемственности между поколениями. Таким образом необходимо было обеспечить воспитание подрастающего поколения в традициях своей родной культуры. Лучшим способом для осуществления этой задачи было эффективное функционирование русских учебных заведений в Польше.

Министерство вероисповеданий и народного просвещения на протяжении всего межвоенного периода стремилось к улучшению качества преподавания. Многие инициативы действительно повышали уровень образования. Однако в таких ситуациях сам факт существования русских учебных заведений, не получавших дотаций от министерства, ставился под угрозу. В начале 30-х гг. XX в. всем учебным заведениям было предписано использовать новые комплекты учебников. Русским учебным заведениям для исполнения этого постановления в первую очередь необходимо было издать за свой счет новые комплекты учебников по всем предметам. В 1933 г. совет СРМО приступил к организации общенационального «Фонда русской школы» (ФРШ). Его главными задачами явилось оказание материальной помощи учебным заведениям, укрепление и развитие родной культуры, сохранение молодежи от

денационализации. Таким образом, мы видим, что с помощью фонда СРМО планировал решить все образовательные и культурно-просветительские проблемы. Планировалась, что на местах ФРШ будут представлять собой своеобразную надстройку, объединяющую все русские организации в конкретном регионе [3, л. 80]. В действительности же создание фонда столкнулось с рядом проблем. Предполагалось, что накопление средств в нем будет происходить постепенно путем самообложения, то есть регулярных отчислений отдельных представителей русской общественности на этот проект. Были разработаны инструкции для сборщиков, созданы комитеты, печатались специальные обращения как на страницах русской периодической печати, так и в виде отдельных листовок [3, л. 16]. Так, например, из обращения ровенского комитета ФРШ «... Существование наших русских школ, нашего родного языка, нашей культуры всецело зависит только от нас, русских людей, и ясно, что русским людям на чуждые заботы, на помощь извне, на подачки рассчитывать нельзя» [3, л. 74]. Постановлением от 8 февраля 1933 г. были установлены обязательные отчисления в пользу ФРШ от всех доходных антерприз, вечеров, балов и концертов, устраиваемых русскими общественными организациями в Польше [3, л. 83].

К Рождеству и Пасхе издавались специальные подписные листы. По «рождественским» и «пасхальным» подписным листам, выпущенным правлением брестского отдела, за январь и апрель 1935 г. поступило 111 злотых и 10 грошей [3, л. 43]. Совет СРМО даже предложил устроить конкурс плакатов, которые бы отражали идеи и задачи фонда [3, л. 57, 57об.]. Брестский отдел РБО предложил следующие лозунги на плакатах: «Долг каждого русского – поддержать Фонд Русской Школы», «Участвуете ли Вы в работе Фонда Русской Школы?», «Если в Вашей местности нет уполномоченного Фонда Русской Школы, то в этом виноваты Вы – связывайтесь с ближайшим комитетом при русском учебном заведении», «Поддерживая, Фонд Русской Школы, Вы участвуете в национальной самодеятельности» [3, л. 57, 57об.].

Стало очевидно, что инициатива создания фонда не имеет широкой поддержки среди русского населения Польши. Основной формой работы являлось самообложение ежемесячным взносом минимум в 10 грошей. Это приносило около 500 злотых в месяц, но суммы этой было недостаточно для удовлетворения даже части русских культурно-просветительских нужд. В то время как задача издания новых учебников для русских учебных заведений требовала сразу больших затрат денег.

Руководство ФРШ для создания материальной базы решило провести книжную лотерею. Исполнительное бюро фонда запланировало устроить в 1935 г. вторую большую книжную лотерею, с 6 000 билетов по 50 грошей в

надежде, что это позволит собрать единовременно более крупную сумму. Сама форма проведения сбора средств в виде лотереи предполагала розыгрыш подписок на литературу и периодику на русском языке, что также способствовало распространению русского печатного слова.

По ходатайству президиума совета СРМО в Польше варшавская казенная палата разрешила отложить розыгрыш второй книжной лотереи ФРШ, который должен был состояться 20 октября, на воскресенье 8 декабря 1935 г. Такое ходатайство пришлось возбудить, так как продажа билетов, вследствие летнего времени продвигалась очень слабо. Только некоторые лица и организации очень энергично отнеслись к просьбе исполнительного бюро и не только распространили высланные им билеты, но затребовали дополнительное количество [3, л. 27]. Идея фонда не встречала поддержки не только со стороны широких слоев русской общественности, но даже среди родителей школьников и гимназистов русских учебных заведений. Так, например, за январь – март 1935 г. г. Холм представителю родительского комитета начальной школы и гимназии И.О. Боркусевичу удалось распространить марок всего на 3 злотых [3, л. 53об.].

В адрес руководства ФРШ неоднократно звучала критика. Статья «Нерационально», размещенная в газете «Русское слово», вызвала такой общественный резонанс, что вынудила руководство ФРШ поместить в этой же газете опровержение [3, л. 60]. Однако даже подробные отчеты о деятельности фонда, в данном контексте выглядевшие как публичное самооправдание, существенно улучшить ситуацию не могли. По сравнению с аналогичной польской инициативой «Macierz szkolna», а особенно украинской «Рідна Школа» вся деятельность фонда была малоэффективной [3, л. 59].

На торжественном открытии общего собрания 29 июня 1934 г. СРМО в Вильно председатель Б.А. Пимонов весьма радужно обрисовал перспективы русской общественности: «Если русское меньшинство и далее будет стремиться с одной стороны укрепить и углубить русское национальное самосознание, с другой же – практически войти как органическая часть в жизнь польского государства, то мы можем высказать твердую уверенность, что эти усилия, безусловно, приведут к полному устранению существующих до сих пор всевозможных исторических и политических препятствий к разрешению русского вопроса в Польше» [3, л. 68].

Д. Д. Гуимлин зачитал приветствие председателя Верховного совета «Русского народного объединения» барона В.Ф. Штейнгеля, в котором рассматривались итоги трехлетней деятельности СРМО и положение русского меньшинства. В.Ф. Штейнгель указывал на отсутствие признания

русского меньшинства в законодательной форме и на зависимость положения на местах от усмотрения или настроений местной административной власти, что и являлось причиной ухудшения положения в некоторых районах. Вместе с тем, В.Ф. Штейнгель полагал, что в жизни русского меньшинства в Польше наметился некоторый прогресс, «выражавшийся в выработывании настоящей меньшинственной идеологии и органическом вхождении в государственную жизнь Польши, при росте национального самосознания» [7, л. 68об.].

На съезде среди прочего обсуждались вопросы финансирования русских школ. Для этой цели был создан Фонд русской школы в качестве своеобразного банка для русских учебных заведений. Вместе с тем, не все были согласны с распределением средств. В частности, Т. Г. Криницкая, представлявшая Брест, выступила с претензией, что брестская русская гимназия осталась в стороне от линии интересов центра, и «Фонд русской школы» оказал ей незначительную помощь [7, л. 69]. Однако Б. А. Пимонов в ответ на замечания делегатов о распределении помощи из Фонда отметил, что оно осуществлялось по принципу неотложности. Так, Луцкой гимназии выделили помощь в тот момент, когда сообщили, что существует продажа с торгов. Варшавская гимназия не имела никакой школьной мебели, когда ей предстоял переезд в собственное помещение, условием которого являлось оборудование нужных лабораторий и кабинетов [7, л. 69].

Директор виленской русской гимназии отметил, что работа по организации «Фонда русской школы» требует значительных усилий и средств. Кроме того, наиболее убедительным способом защиты русской школы было бы издание хотя бы части учебников к 1 января 1935 г., то есть подтверждение своей дееспособности конкретными фактами, а не абстрактными рассуждениями [7, л. 69].

А. А. Мютень, раскрывая положение барановичского РБО, констатировал, что «... слова об объединении не вполне отвечают действительности...», так как отдел попытался наладить работу в деревне. Однако эта инициатива не встретила поддержки из центра, несмотря на просьбы. Деревня жаждет доступного ей печатного слова, но барановичская общественность не в силах это сделать. В Барановичах имеется школа, которая силами барановичской русской общественности пробила себе дорогу. Усилиями Н. М. Седляевича дети школы организованы в «Дружине Витязей» и получают в ней национальное воспитание. Была предпринята попытка организации содружества молодежи при барановичском РБО, которое, по мнению А. А. Мютеня, распалось из-за «злой воли некоторых лиц...» [7, л. 69об.]. Делегат настаивал на вмешательстве центра в барановичские дела.

По окончанию речей депутатов съезда Б. А. Пимонов отметил, что многие депутаты понимают деятельность СРМО исключительно односторонне – только как помощь центра периферийным отделам. «Некоторые делегаты сделали упрек Совету в том, что он не реагировал на те или иные события на местах. Эти упреки неосновательны. Не следует злоупотреблять словом “ничего”, когда следует сказать “недостаточно”» [7, л. 70].

По поводу перевода богослужений на украинский язык Б. А. Пимонов отметил, что правительство не стремится к украинизации Православной церкви, но в тоже время и не препятствует переходу на украинский язык тех приходов, которые сами предъявляют такие требования, тем более, что на это последовало разрешение церковных властей [7, л. 70].

Русские учебные заведения находились в очень сложном положении, их количество сокращалось. Русская общественность часто жертвовала различными проектами, так как содержание учебных заведений было приоритетным. В условиях, когда в русские учебные заведения вкладывалось очень много сил и средств, очень часто вопреки возможностям, улучшение их состояния становилось делом принципа. В преддверии 1934–1935 учебного года правление РБО обратилось в министерство вероисповеданий и народного просвещения с просьбой о придании Брестской частной русской гимназии прав государственной школы, так как она соответствовала всем требованиям, предъявляемым к учебным заведениям этого типа [5, л. 9]. До рескрипта министра от 12 июня 1933 г. гимназия частично пользовалась правами государственных гимназий. Правление брестского отдела РБО, повторно обратившись в главное правление СРМО, состояние гимназии после лишения ее прав государственного учебного заведения оценило как критическое. В письме явно звучал упрек, что правление после рассмотрения первого письма не предприняло никаких конкретных шагов, а брестский отдел, будучи его структурной частью, просто не был уполномочен напрямую обращаться в вышестоящие органы. Поэтому правление даже не ответило официально на первое письмо [5, л. 10].

Существуют основания полагать, что СРМО не всегда справлялся со своими обязанностями координатора действий русских общественных организаций. В ноябре 1935 г. председатель брестского отдела РБО обратился к председателю культурно-просветительской комиссии СРМО Л. Л. Белевскому, председателю СРМО депутату В. М. Пимонову, председателю ФРШ С. М. Кельничу, председателю РБО В. К. Сонину с письмом, в котором предъявил ряд претензий к деятельности в первую очередь совета СРМО, а также исполнительного бюро РБО. Глава

бrestского отдела причину создавшегося положения видел в крайне невнимательном отношении к делу со стороны руководящих органов, что, в свою очередь вредит совместной работе всей русской общественности: «Кроме задержки чисто канцелярского характера подобное ведение дела вредно влияет на общественную психику» [3, л. 20].

Брестский отдел РБО смог создать и содержать русскую начальную школу и гимназию. В других отделах положение русских учебных заведений было гораздо хуже, чем в Бресте. Однако это вовсе не означало, что у брестских учебных заведений дела шли хорошо, скорее дело было в том, что руководство брестского отдела могло конструктивно решать свои проблемы, в том числе и финансовые, самостоятельно. Вместе с тем, централизованная структура РБО, а также сам факт наличия СРМО, взявшего на себя координирующие функции в организации всех русских инициатив, предполагали оказание равномерной материальной помощи всем регионам. 27 сентября 1935 г. правление брестского отдела РБО предоставило в СРМО и главному правлению РБО бюджет брестских учебных заведений на 1934–1935 учебный год с мотивированной просьбой назначить субсидию. Дефицит выражался в нескольких тысячах злотых и был покрыт за счет отдела РБО и средств родителей. Если бы и ФРШ со своей стороны оказал поддержку, то учебный год, несмотря на непредвиденное увеличение расходов в течение учебного года, закончился бы, в смысле финансовом, почти нормально. Между тем в течение всего 1934–1935 учебного года от ФРШ поступило только 100 злотых в пользу начальной школы. В свою очередь брестский отдел рассчитывал на помощь, тем более, что ФРШ должен был равномерно распределять средства между всеми учебными заведениями, имеющими долги. Отдел в свою очередь аккуратно переводил в фонд собранные средства: «Правда, по книгам ФРШ будет фигурировать большая сумма, но это те же средства, собранные исключительно отделом и только формально проведенные через ФРШ в порядке общественной дисциплины, в исполнение директив центра...» [3, с. 23]. Поэтому отдел просил руководство установить для всех учебных заведений определенный процент от фактических свободных поступлений.

Русские организации в Польше вопреки сложным условиям стремились показать своим членам, да и всей общественности, свои тесные контакты со всем миром. В этой связи на страницах периодики регулярно публиковались статьи о русских организациях в Европе и США. Так, например, «Общерусское объединение в Америке» было создано как союз семи карпаторусских и русских обществ, объединившихся для защиты русских национальных меньшинств в Европе, усиления влияния русских в Америке и сохранения и развития русской культуры в Новом Свете.

Правление объединения было образовано из лидеров от каждого объединяющегося общества. Организацию закрытого съезда правления нового общества и делегатов, а также народного митинга в Нью-Йорке взяла на себя «Русская национальная лига», являвшаяся объединением русских. В то время как те, кто идентифицировал себя карпатскими и галицийскими русскими, представляли собой самостоятельное объединение. Так называемые карпаторуссы проживали в Питтсбурге, Скретоне, Вилкес Барре, Мейфилде и Филадельфии. Толчком к объединению стало соединение русских братств в США. На съезде выяснилось, что представители всех объединений вполне готовы к совместной работе. Торжественная часть в виде народного митинга прошла успешно в переполненном зале русского клуба. На платформе, украшенной русскими национальными флагами и эмблемами, заседал съезд объединения. Вступительное слово адвоката П.М. Дзвончика, родившегося в Америке, произнесенное на русском языке, вызвало интерес и уважение к человеку, прекрасно говорившему на родном языке, но не видевшем никогда Россию. Сильное впечатление произвела речь секретаря объединения отца Иоанна Янчишина, указавшего на то, что новое общество обладает огромным потенциалом, так как объединяет более сорока тысяч человек с совместным капиталом более трех миллионов долларов [4, л. 260]. Таким образом, русская общественность, кроме отстаивания идеи объединения всех русских, разбросанных по миру, рассчитывала на материальную поддержку своих для решения многочисленных проблем.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Союз русских меньшинственных организаций» позиционировал себя как особый объединительный центр сил всей русской общественности в Польше. Для действительной реализации этой весьма непростой задачи у Союза не хватало как управленческих кадров, так и материальных возможностей. «Русское благотворительное общество» и «Русское народное объединение», как организации, обладавшие наибольшими людскими и материальными ресурсами, не стремились всецело подчиняться Союзу. Вместе с тем, в противоречивых ситуациях, когда к помощи СРМО невозможно было не прибегнуть, эта организация не могла решить поставленные перед ней задачи. Проекты русского народного объединения, безусловно, в целом были конструктивны, однако в существовавшей ситуации у них было недостаточно потенциала для реализации, тем более если принять во внимание, что подавались они в форме критики. В такой ситуации «Русское благотворительное общество» выглядело наиболее деятельной организацией. Вместе с тем необходимо отметить, что эффективность на уровне отделов напрямую зависела от

организаторских способностей руководства. Зарубежные русские организации стремились к взаимовыгодному сотрудничеству, а русская общественность в Польше постоянно выступала исключительно в роли просителя. В этой связи, констатировать равное партнерство русской общественности в Польше и их заграничных соотечественников невозможно.

Список использованной литературы

1. Устав Русского Благотворительного общества; переписка с библиотеками о приобретении книг; список учеников русских школ // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 114. Оп. 1. Д. 1.
2. Сведения об образовании, структуре и функциях Русского благотворительного общества // ГАБр. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 1а.
3. Отчет о деятельности Холмского отдела Русского благотворительного общества; протоколы заседаний русских общественных организаций // ГАБр. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 2.
4. Отчет о деятельности отдела и переписка с представителями русского духовенства об организации комитета по созданию «Русского дома» // ГАБр. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 10.
5. Устав Русского благотворительного общества; отчеты о деятельности правления Брестского отдела РБО за 1930–31 гг.; указы последнего секциям и учреждениям Брестского отдела; переписка с организациями, учреждениями о благотворительности; правовой и иной помощи // ГАБр. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 11.
6. Сведения о Союзе Русских Меньшинственных организаций в Польше // ГАБр. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 16.
7. Отчеты о деятельности отдела, протоколы и резолюции съездов, общих собраний Союза русских меньшинственных организаций и ревизионной комиссии РБО; списки членов отдела // ГАБр. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 19.

УДК 328.132.7.091

Л. В. ХАРИЧКОВА

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИПОЛИТО ИРИГОЙЕНА: ПОПЫТКА МОДЕРНИЗАЦИИ АРГЕНТИНЫ

В первые десятилетия XX в. в наиболее развитых странах Латинской Америки на смену консервативным олигархическим режимам пришли конституционные либерально-демократические правительства. Проведенные ими реформы стали новым явлением в истории региона. Одним из ярких примеров либерал-реформистских преобразований

является деятельность правительства Иполито Иригойена (1916–1922, 1928–1930), самого популярного политика Аргентины до Х. Д. Перона.

В начале прошлого столетия Аргентина представляла собой наиболее развитое и богатое государство Латинской Америки. Ее процветание было достигнуто в рамках агроэкспортной модели, базировавшейся на многоотраслевом сельском хозяйстве. Около 95 % аргентинского экспорта составляли мясо (говядина) и зерновые (пшеница, кукуруза). Аргентина входила в группу ведущих государств-экспортеров продовольствия. К началу 1920-х гг. на ее долю приходилось 40 % всех мировых поставок мяса. По экспорту зерновых в 1910 г. страна заняла третье место после США и России [4].

Благоприятная для товаров аргентинского экспорта конъюнктура вывела страну в ряд наиболее динамично развивающихся государств. В период 1870–1914 гг. ВВП Аргентины рос на 5,61 % в год, тогда как у Канады этот показатель составлял 3,77 %, у США 3,66 %, у Австралии 3,35 % [4]. По объему душевого ВВП она опережала многие ведущие державы (в том числе Австрию, Голландию, Италию, Испанию, Францию, Японию, Россию). В 1910 г. на долю Аргентины приходилось 50 % совокупного ВВП стран Латинской Америки [5]. В то время Аргентину часто называли «роллс-ройсом» государств и народов.

В рамках сложившейся в Аргентине экономической модели (т. н. «модели стимулируемого экспортом экономического роста») главными хозяйственными агентами наряду с латифундистами выступали иностранные компании. В начале XX в. страна являлась главным реципиентом иностранных инвестиций в латиноамериканском регионе (порядка 1/3 всего объема капиталовложений). К 1913 г. 62,1 % от них приходилось на британский капитал. Английским компаниям принадлежали 90 % всех аргентинских железных дорог, почти половина мясохладобойных предприятий, большинство предприятий коммунального хозяйства, страховые общества, банки, а также значительные земельные угодья. Так, на юге Аргентины англичане владели 15 из каждых 20 поместий. Свыше 25 % товаров аргентинского экспорта поступало на британский рынок. Британские промышленные товары составляли более 30 % аргентинского импорта. Располагая рефрижераторным флотом, англичане фактически монополизировали перевозки мясопродуктов. Не удивительно, что в литературе того периода за Аргентиной закрепилось название «пятого британского доминиона», «британской неформальной колонии». С 1918 г. Англия стала постепенно утрачивать свои ведущие позиции в аргентинской экономике, уступая первенство североамериканскому капиталу [3, с. 252–253, 282, 287].

Несмотря на благоприятную в целом для Аргентины в начале XX ст. экономическую ситуацию, уже в годы Первой мировой войны и послевоенного мирового экономического кризиса 1920–1921 гг. проявилась уязвимость агроэкспортной модели аргентинской экономики. В нарождавшемся научном сообществе и среди прогрессивно мыслящих представителей политической элиты отчетливо осознавалась необходимость диверсификации экономики и развития национальной индустрии [4; 5]. Однако существовавший в стране с 1880 г. консервативный олигархический режим представлял интересы латифундистов и иностранных компаний, не заинтересованных в кардинальном изменении экономической модели хозяйствования.

Борьбу за демократизацию политической жизни и модернизацию страны возглавил Иполито Иригойен – лидер самой массовой оппозиционной партии Гражданский радикальный союз (ГРС). Политические противники называли его «идолом толпы». Будучи не только лидером, но и идеологом ГРС, Иригойен рассматривал радикализм как концепцию жизни и предназначение аргентинской нации, реализовать которую можно было только в рамках общенационального движения. Поэтому радикалы объединяли в своих рядах представителей практически всех общественных классов и социальных групп. Они выступали за демократизацию политической жизни, светское образование, ограничение позиций иностранного капитала в экономике страны и развитие национальной промышленности, отстаивали независимость Аргентины во внешних делах [1, с. 168; 3, с. 268, 285].

Серьезной победой радикалов в борьбе за демократизацию стало принятие в 1912 г. закона о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании. По новому закону участие в выборах наряду с воинской повинностью объявлялось основной обязанностью каждого гражданина страны, достигшего 18 лет. Принятие закона сопровождалось введением паспортной системы с отметкой в паспорте места и времени участия его владельца в выборах. За неучастие без уважительных причин избиратели наказывались денежным штрафом [2, с. 36; 3, с. 267]. Первые же президентские выборы, проведенные в 1916 г. в соответствии с этим законом, принесли победу лидеру радикалов. Сотысячная толпа приветствовала первого демократически избранного президента страны на площади Конгресса. Собравшиеся распрягли лошадей из парадной кареты Иригойена и сами провезли ее по улицам к президентскому дворцу [1, с. 170].

Придя к власти, Иригойен приступил к реализации программы «исправления» в политической, социально-экономической и культурной

сферах под лозунгами «классовой гармонии» и «национальной солидарности» [2, с. 52].

В экономической сфере Иригойен отошел от основополагающих принципов экономического либерализма, взяв курс на вмешательство государства в экономику. Стремясь поставить ее на службу национальным интересам, осуществлял меры по ограничению позиций иностранного капитала. В 1917 г. был учрежден Национальный Банк. В целях уменьшения иностранного контроля над внешней торговлей страны в 1921 г. был создан национальный торговый флот Аргентины. Правительство стремилось увеличить сеть государственных железных дорог. Были аннулированы железнодорожные концессии, срок действия которых истек, и пересмотрены размеры капиталов действующих частных компаний. Президент наложил вето на утвержденный конгрессом законопроект об организации смешанной железнодорожной компании, ибо небезосновательно опасался того, что ее создание может привести к поглощению иностранным капиталом государственных железных дорог. С целью расширения государственного участия в нефтедобыче в 1922 г. была создана первая в Латинской Америке государственная нефтяная компания ЯПФ («Ясимьентос Петролиферос Фискалес») [2, с. 53].

Правительственная политика по аграрному вопросу не была нацелена на кардинальное изменение положения в сфере землевладения. Иригойен осознавал значение агроэкспортных латифундий для экономики страны. Правительство разработало законопроекты о колонизации пустующих земель, создании сельскохозяйственного банка для кредитования колонистов. Конгресс утвердил закон о сельскохозяйственной аренде, продлевавший срок действия арендного договора с 1–2 до 3–5 лет, и закон об оплате труда батраков деньгами [1, с. 172].

Более результативной была рабочая политика Иригойена. В отличие от сложившейся ранее практики, он был сторонником внедрения государственных регулирующих начал в отношениях между трудом и капиталом и стремился к мирному урегулированию классовых конфликтов. В связи с подъемом забастовочного движения в 1917–1922 гг. правительство Иригойена ввело 8-ми часовой рабочий день, отпуска для рабочих, пенсии для работников ряда категорий, ограничения труда подростков и детей, установило минимальную зарплату, предоставило свободу деятельности профсоюзов. По сути речь шла об ограниченно трудовом законодательстве. После долгих дискуссий в 1919 г. Конгресс одобрил закон об арбитраже, предусматривавший участие в разрешении конфликтов между рабочими и предпринимателями правительственных чиновников [3, с. 295]. Однако представители имущих слоев населения в ответ на усиление забастовочной борьбы создали в 1919 г. правую

полувоенную организацию «Патриотическая лига», которая превратилась во влиятельную политическую силу. Всячески препятствуя Иригойену добиваться мирного урегулирования трудовых конфликтов, она вынуждала правительство прибегать к репрессиям. Так, в 1921 г. регулярные войска жестоко подавили выступление батраков в Патагонии, расстреляв 1,5 тыс. пеонов. Вынужденный отход Иригойена от политики классового сотрудничества был также своего рода уступкой представителям складывавшегося в ГРС правого крыла [2, с. 59].

На фоне забастовочной борьбы в 1918 г. страну охватили выступления студентов за проведение университетской реформы. Правительство Иригойена пошло навстречу требованиям студентов, предоставив университетам автономию и возможность самим разрабатывать программы обучения, одновременно расширился социальный состав студентов. В дополнение к уже существовавшим университетам в Буэнос-Айресе, Ла-Плате и Кордове были открыты новые в Санта-Фе и Тукумане. Видя во всеобщем просвещении народа залог существования демократического строя, Иригойен содействовал открытию новых школ. С 1916 по 1922 гг. в строй были введены 3 126 новых школ. По мнению Иригойена, задача начальной школы заключалась не только в ликвидации неграмотности, но и в привнесении в сознание ребенка понятия гражданственности и патриотизма. Реализации этой задачи призван был содействовать правительственный декрет 1919 г., обязывавший учителей проводить уроки, посвященные знаменательным датам страны. Осознавая роль учителя в процессе формирования граждан, патриотов страны, правительство стремилось обеспечить учителям достойные условия существования и повысить их общественный статус. Об эффективности политики в области народного образования свидетельствует тот факт, что за годы президентства Иригойена доля неграмотных среди детей школьного возраста сократилась с 20 до 4 % [1, с. 172; 2, с. 55–56; 3, с. 293, 294].

Ключевым вопросом в годы второго президентства Иригойена (1928–1930) был вопрос о национализации нефти и введении государственной монополии на ее добычу и переработку. Создание нефтяной промышленности Иригойен связывал с развитием гидроэнергетики и государственной железнодорожной сети во внутренних провинциях для связи с соседними странами. По существу он планировал создать собственную топливно-энергетическую базу и инфраструктуру, что позволило бы заложить основу для успешного проведения индустриализации и вывести Аргентину за рамки агроэкспортной модели, открыв тем самым перед страной перспективу самостоятельного экономического развития [1, с. 175].

В августе 1929 г., без санкции Конгресса, государственная компания ЯПФ установила контроль над производством и распределением нефти. В феврале 1930 г. правительство ввело единые для всей страны цены на керосин и бензин [3, с. 325].

Иригойен и его сторонники понимали, что национализация нефти задевала интересы частных иностранных компаний, г.о. американских, которые занимали лидирующее положение в нефтедобыче. Для успешной реализации поставленной цели важно было разъединить его политических противников. Учитывая растущее англо-американское соперничество, Иригойен заручился поддержкой влиятельного британского капитала и связанной с ним аргентинской олигархии, чьи интересы находились преимущественно в агроэкспортной экономике, а не в сфере нефтедобычи и переработки. В условиях, когда США закрыли доступ аргентинскому мясу на свой рынок, правительство поддержало выдвинутый Сельскохозяйственным обществом лозунг «Покупай у тех, кто покупает у нас». Осенью 1929 г. было подписано торговое соглашение с Англией. Аргентина обязалась в обмен на экспорт в Англию своей сельскохозяйственной продукции увеличить закупки британского оборудования для нефтяной промышленности и строительства государственных железных дорог. Не исключая возможность введения со стороны иностранных монополий нефтяного бойкота, правительство Иригойена пошло на превентивный шаг. В 1930 г. оно заключило контракт с советским акционерным обществом «Южамторг» о закупке по твердым ценам советской нефти в обмен на продукцию аргентинского сельского хозяйства. Таким образом, в лице СССР Аргентина приобрела альтернативный источник нефтеснабжения. [1, с 175].

В результате предпринятых действий были созданы благоприятные условия для национализации нефтяной отрасли. Однако мировой экономический кризис 1929–1933 гг. подорвал позиции правительства радикалов, и в сентябре 1930 г. Иполито Иригойен был свергнут в результате военного переворота. Пришедшее к власти консервативное правительство отказалось от идеи государственной нефтяной монополии. Попытка модернизации страны потерпела фиаско, в результате чего была прервана едва наметившаяся тенденция к независимому развитию страны.

В целом деятельность правительства Иригойена отвечала интересам национального развития, отличалась антиолигархической и антиимпериалистической направленностью. Ограниченный масштаб политики «исправления» объясняется сильным противодействием со стороны агроэкспортной олигархии, иностранных монополий, представители которых преобладали в Конгрессе, и оппозиции внутри ГРС. Вместе с тем, проявившиеся в деятельности правительства Иригойена

впервые в истории Аргентины некоторые национал-реформистские черты (усиление роли государства в экономике и сфере социальных отношений, ограничение позиций иностранного капитала, развитие национальной промышленности) получили дальнейшее развитие в годы перонистского режима 1946–1955 гг.

Список использованной литературы

1. Казаков, В. П. Иполито Иригойен: президент-реформатор Аргентины (20-е годы XX века) / В. П. Казаков // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2. – С. 164–176.
2. Казаков, В. П. Политическая история Аргентины XX века / В. П. Казаков. – М. : Высш. шк., 2007. – 168 с.
3. Очерки истории Аргентины. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 588 с.
4. Яковлев, П. П. Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине) / П. П. Яковлев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/knigi/knigi/b/6370?format=read>. – Дата доступа: 12.12.2018.
5. Яковлев, П. П. Пути модернизации: аргентинский опыт / П. П. Яковлев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48584>. – Дата доступа: 12.12.2018.

УДК 94(476)«1939/1941»

О. П. ХАРЧЕНКО

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Интерес к деятельности религиозных конфессий в Беларуси в различные периоды истории все больше привлекает внимание общественных наук. Дело в том, что в Беларуси, особенно в ее западных районах, исторически складывались полиэтничное и поликонфессиональное общество. Бок о бок с титульной народностью (нацией) – белорусами – проживали поляки, литовцы, евреи, русские, татары и многие другие. Извечной специфической особенностью истории Беларуси был стык двух культурных слоев – византийского и латинского, которые оказывают до сих пор огромное влияние на многие стороны общественно-политической, культурной жизни народа, межнациональные и конфессиональные отношения.

Социальная и политическая борьба после Октябрьской революции 1917 г., шедшая под лозунгом «Освобождения общества от эксплуатации,

от насилия государства», объединяла в революционном порыве не только рабочих, но и крестьян. Смена монархического строя республиканским предполагала дать больше возможностей и для деятельности церкви, прежде всего предоставить свободу исповедовать религию и верующим, не только членам Русской Православной Церкви (РПЦ), но и другим религиозным объединениям, возможность управляться в церковной жизни не светской, а духовной властью, собираться на представительные соборы, выбирать своего духовного главу. Однако новая власть, положив в основу своей деятельности общественные и политические теории, выработанные в кабинетах ученых-материалистов и идеологов классовой борьбы, стала проводить их в жизнь силой. Религия и все то, что с ней связано – будь то храм, культовое действие, либо верующий, – оценивались большевиками негативно, исключительно по одному признаку – «Религия выполняла роль идеологии, направленной на укрепление эксплуататорского строя».

Известно, что гонения на католиков в СССР являлись составной частью общей государственной политики в отношении с религиозными организациями. И если богоборческая власть вела особенно упорную борьбу с РПЦ как основой духовного сопротивления, то с 1929 г. под молот жесточайших гонений попали все конфессии [13, с. 29]. Судьба Католического костела в СССР была достаточно трагичной. По данным, составленным в 1936 г. могилевским католическим епископом Неве, из 853 католических священнослужителей в СССР осталось 16, более 300 епископов и ксендзов были расстреляны, действовало только 30 костелов и каплиц [20, с. 303]. В 1938 г. Костел был ликвидирован как институт публичной жизни: исчезли парафии, были закрыты храмы, за исключением двух французских приходов – Святого Людовика в Москве и Пресвятой Богородицы Лурдской в Ленинграде. Обе церкви сохранились лишь потому, что числились как учреждения Французской Республики, а советская власть пыталась сохранить добрые отношения с Францией [16, с. 161]. Ни один местный католический ксендз, если даже не находился в тюрьме или в лагере, не имел уже в это время возможности заниматься пастырской деятельностью.

В результате политических и военных действий советских властей в 1939–1940 гг. государственная граница СССР была отодвинута на запад: в состав СССР вошли западные области Беларуси и Украины, были присоединены страны Прибалтики, Бессарабия, Северная Буковина. Безусловно, что события 17 сентября 1939 г. явились важной вехой в истории Беларуси. После вхождения Западной Беларуси в состав СССР главной заботой советского партийного руководства являлась унификация этой территории в административном, экономическом, финансовом, социальном и идеологическом отношении со всем Советским Союзом, ее

хозяйственное освоение, искоренение там малейшего сопротивления советизации, внедрение в умы населения социалистических идей [15, с. 44; 11, с. 483–506].

Присоединенная к СССР обширная территория на западе, с осени 1939 до лета 1940 г. оказалась с вполне благоустроенной церковной жизнью и преимущественно православным населением. На основании отчетов областных комитетов партии было зарегистрировано 446 костелов, 542 церкви, 387 синагог, 14 монастырей, православных священнослужителей – 606, 617 ксендзов и 293 раввина [8, л. 26]. Руководство православными церквями осуществлялось церковными епархиями. Только Гродненская церковная епархия объединяла 356 православных общин, которые разделялись на 33 благочестивых округа. В 100 км от г. Слонима, в дер. Жировичи Барановичской области, находился Свято-Успенский монастырь, основанный еще в 1470 г. [21, с. 228, 230]. Наместником обители, фактически администратор епархиальных дел при престарелом архиепископе Пантелеймоне (Рожновском), «бывшем адмирале царской армии» [10, л. 15], являлся архимандрит Венедикт (Бобковский) [1, л. 73]. К 1941 г. РПЦ имела 3 021 действующий храм, причем около 3 тыс. из них находились как раз на территориях, вошедших в состав СССР [12, с. 82].

Осенью 1939 г. в состав были включены территории трех предвоенных римско-католических диоцезий – Виленская, Пинская и Ломжинская [14, с. 144]. Среди верующих, католиков по вероисповеданию, в западных областях Беларуси преобладали поляки [15, с.40]. Вместе с тем в Виленской и Пинской диоцезиях значительную часть католиков составляли белорусы.

Советское руководство осознавало, что ликвидировать тысячи приходов и десятки монастырей в обозримые сроки нереально, поэтому от обычной «силовой политики» пришлось отказаться, и намечено было проводить политику «относительной терпимости» по отношению к верующим. На основе законодательных актов о национализации церковного имущества в западных областях Беларуси равным образом, как и на просторах всего СССР, развернулась кампания по закрытию церквей. Правда, проводилась она «более осторожно», нежели на восточных землях. Прежде всего, учитывалось пограничное положение вновь присоединенных территорий и все еще сильное влияние духовенства на население.

В целом можно констатировать, что на протяжении всего рассматриваемого периода с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. советскими властями не предпринималось попыток огульного закрытия православных церквей. Объясняется это тем, что, во-первых, РПЦ в лице своих высших

иерархов заверила советскую власть в своей лояльности. Во-вторых, по сообщению партийных органов влияние Церкви на православное население западных областей Беларуси, а в большинстве своем, представленное белорусами, был, значительно слабее, нежели костела на католиков и синагоги на иудеев [3, л. 77]. Как правило, закрывающиеся культовые здания становились кинотеатрами, складами. Так, «в Слонимском районе после закрытия двух церквей в одной из них был устроен клуб». Любые действия местных органов по закрытию православных церквей, а еще вдобавок обжалованные местным населением, осуждались. Об этом как раз констатирует документ: «Закрытие церквей осуществилось без проведения соответствующей работы среди верующих, в результате чего ими был поднят вопрос о возобновлении службы» [2, л. 112]. Виновные привлекались к ответственности.

Из записки секретаря Ганцевичского РК КП(б)Б З.К. Бейненсона от 4 мая 1940 г. следует, что «в дер. Локтыши Ганцевичского района во время религиозного праздника пасхи сельсовет незаконно закрыл церковь», а «учитель Чудинской школы П. П. Рулинский пошел в церковь, а затем административно выгнал детей из церкви». В результате чего было большое нареkanie со стороны родителей, т.к. «он детям не разъяснил, а действовал административно. Или в другом сообщении, что «в связи с религиозным праздником пасхи крестьяне на поле почти не выходили» [4, л. 11–12].

Как и православное духовенство, католические ксендзы стремились найти поддержку у своих прихожан. Как следовало из специальных сообщений органов НКВД, «особенно сильное влияние ксендзы оказывали на поляков, чьи религиозные чувства доходили до фанатизма». Поэтому, видимо, поддержка верующими католического духовенства в борьбе с притеснениями со стороны советских властей была более активной и существенной, нежели православного. Помимо сбора средств на уплату налогов и посылки жалоб в органы советской власти верующие организовывали шествия, отправляли делегации в защиту своих священников. Например, «в Ганцевичах к секретарю райкома партии явилась делегация верующих с требованием отпустить арестованного ксендза» [5, л. 220]. «Католики города Несвижа намеревались послать в райисполком многочисленную делегацию с требованием снижения налогов, правда, своего согласия на осуществление этого мероприятия не дал сам ксендз» [6, л. 169].

Со всех школ, после их реорганизации были убраны все религиозные символы. В Белостоке это осуществляли комиссии, созданные из коммунистов разных национальностей, в том числе еврейской. Они

следили за учителями и детьми, проверяя соблюдение запрета моления в школе. Подобного рода запрет встречался сопротивлением как со стороны детей, так и со стороны молодежи. До декабря 1939 г. запрет на обучение религии в школах не всегда соблюдался.

Несмотря на низкий уровень проводимой антирелигиозной пропаганды, высмеивающей веру в Бога, такая пропаганда все-таки травмировала религиозные чувства верующих: «Мне в молитве мало проку, не горит моя свеча, не хочу Ильи-пророка, дайте лампу Ильича. Три старушки-побирушки, два тухлявых старика, пусто – пусто в церквушке, не сберешь и пятака» [19, с. 116].

Проводимая антирелигиозная пропаганда в целом не приносила желаемых результатов, тем более, что большевики ничем не могли заинтересовать [18, с. 78].

Хотя, следует заметить и то, что в рассматриваемом регионе встречались приходы, где с установлением советской власти «верующие» сами отказывались от религии. И такие факты вовсе не по сообщениям партийных и советских органов в целях агитации и показа своих успехов, а по свидетельствам самих священнослужителей. В рапорте священника из местечка Лахва своему архиепископу в г. Пинск в начале 1941 г. говорилось: «Хотя Лахвиский приход имеет около 12 000 душ прихожан, в религиозном отношении он не был хорошим и в прошлые времена, тем более не стал сейчас...». Или «В селе Озерище, где имеется около 3 000 душ, с приходом советской власти прихожане вовсе не обращаются за исполнением религиозных треб крещения, бракосочетания и т. п., а браки только регистрируются в сельском совете» [17, с. 81]. «В некоторых сельсоветах Ганцевичского района Пинской области (Денисковичский, Люсинский, Будченский, Чудинский, Рожанский) были отмечены случаи, когда крестьяне добровольно снимали иконы, водружая на их место портреты вождей и правительства» [3, л. 83]. «В деревне Детковичи Барановичской области граждане деревни с первых дней прихода советской власти сами закрыли имевшуюся у них церковь, которая в мае 1940 г. была переустроена под колхозный клуб» [5, л. 13].

Таким образом, на присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. территориях находилось более 90 % всех приходов РПЦ, религиозная жизнь существовала в легальных формах. Советскими властями было сделано все, чтобы помешать ее нормальному функционированию. Несмотря на множество запретов, окутывавших церковную жизнь со всех сторон, жесточайшие гонения, репрессии, преследования, связанные непосредственно с Постановлением ЦК КП(б)Б от 10 февраля 1941 г., церковь как Институт сумела выстоять и выжить. В 1941 г. в западных областях Беларуси продолжало действовать 542 православных храма

[9, л. 150]. При этом число насельников в монастырях Западной Беларуси значительно сократилось, одних удалили из обителей насильно, другие покинули сами. По данным, на январь – апрель 1941 г. в Жировицкой обители, как «одного из больших очагов мракобесия», осталось 20 монахов и 4 монахини [8, л. 30].

Политика советской власти по отношению к католическому духовенству, как и к католическому костелу в целом, была однозначной – полное его уничтожение. Используя антипольские настроения местного населения и играя на этих чувствах, советская власть объявила всех ксендзов и поляков шпионами, а верующих католиков – их пособниками. Само советское законодательство о религии, применявшееся ко всем конфессиям в равной степени, особенно жестко было направлено как раз против католиков.

Таким образом, партийно-государственная политика и идеи, укоренившиеся в практике социалистического и коммунистического строительства, не сумели вытеснить из сознания народа корни религиозности. Немалая часть людей, сознательно или по традиции, оставалась приверженной религиозному мировоззрению, а такой постулат «Чья Власть – того и Вера» не прижился в западных областях Беларуси в рассматриваемый период – сентябрь 1939 – июнь 1941 г.

Список использованной литературы

1. Архив Жировичского Свято-Успенского монастыря. «Летопись. Софийский Собор в гор. Гродно». Начато: в январе 1914 года. – Л. 67–74.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 673. Оп. 3. Д. 393.
3. ГАБр. – Ф. 2219. Оп. 1“а”. Д. 40.
4. ГАБр. – Ф. 2219“П”. Оп. 1“а”. Д. 13.
5. ГАБр. – Ф. 7581«П». Оп. 1. Д. 19.
6. ГАБр. – Ф. 7581«П». Оп. 1. Д. 26.
7. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6991. Оп. 1. Д. 153.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 21. Д. 2355.
9. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 27. Д. 328.
10. Российский государственный архив современной политической истории – Ф. 17. Оп. 125. Д. 44.
11. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР : док. и материалы. – Т. 2 : 1929–1939 гг. – Минск : Беларусь, 1972. – 560 с.
12. Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. : дис. ...докт. ист. наук / О. Ю. Васильева. – М., 1998.
13. Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор / О. Ю. Васильева. – М. : Лепта-Пресс, 2004. – 382 с.

14. Sword, K. Politzka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi zachodniej w latach 1939–1941 / K. Sword // Społeczeństwo Białorusie, Litewskie i Polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. – Warszawa, 1995. – S. 141–160.
15. Lebediewa, N. S. Komitetu Centralnego WRP(b) i sowietuzacja Polski / N. S. Lebediewa // Sowietuzacja kresow wschodnich II Rzeczypospolitej po 17 wrzesnia 1939 / pod red. A. Sudola. – Bydgoszcz, 1988. – S. 33–54.
16. Gnatowski, M. W radzieckich okoncach (1939–1941) / M. Gnatowski. – Łomża, 1977. – S. 61–62; S. 161–162.
17. Надольский, Р. Религия и атеизм в Западной Белоруссии / Р. Надольский // Атеизм в наступлении. – Минск, 1973.
18. Православный литературный Календарь на 2014 год «Нет в мире слова без значенья...». – М. : Приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище, 2013. – 368 с.
19. Dzwonkowski, R. Represje wobec polskiego duchowieństwa katolickiego na ziemiach północno-wschodnich II RP 1939–1941 // R. Dzwonkowski. – S. 75–93.
20. Протько, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протько. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
21. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939–1956 г. : дак. і матэрыялы : у 2 кн. – Кн. 1 : Верасень 1939 – 1941 г. / склад.: У. І. Адамушка [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 340 с.

УДК 930(476)+357.71

І. І. ШАЎЧУК

Беларусь, Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

ІНБЕЛКУЛЬТ У ПАПУЛЯРНАЙ І НАВУЧАЛЬНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Згадкі пра Інстытут беларускай культуры (ІБК) як інстытуалізацыйную аснову акадэмічнай навукі ў Беларусі, якія нярэдка прысутнічаюць у перыядычным друку, знайшлі пэўнае месца ў шматлікай навукальнай літаратуры. Таму ёсць сэнс кратак звярнуцца да іх зместу, паколькі падобнага кшталту публікацыі ўяўляюць сабой люстра навуковай распрацоўкі праблемы.

Спачатку разгледзім, як адбываецца папулярызацыя гісторыі Інстытута. Напрыклад, Радыё Свабода ў 2005 г. паведаміла: “29 студзеня 1922 г. у Менску быў створаны Інстытут беларускай культуры, які пазней рэарганізуюць у Акадэмію Навук” [1], Wikipedia: “Інстытут быў заснаваны 30 студзеня 1922 г. у Мінску на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі Наркамасветы БССР” [7]. Адназначна ацаніць апошнюю інфармацыю

нельга. Справа ў тым, што даныя пра пачатковы перыяд існавання ІБК літаральна перапісаныя з публікацый аўтара гэтага тэксту.

Нічога кепскага ў гэтым не бачу. Як няма нічога кепскага ў тым, каб не былі прастаўлены спасылкі. Але яны ёсць. І тут справа горш. Складальнік спасылаецца на матэрыялы, спасылкі на якія зробленыя аўтарам арыгіналу, без яго згадвання [18, с. 21–23]. За выключэннем паказанага, кампілятар, грунтуючыся на выбарачных даных рэальнага аўтара, зрабіў, тым не менш, супрацьлеглую арыгіналу “традыцыйную” выснову пра час стварэння і Навукова-тэрміналагічнай камісіі (НТК) як папярэдніцу ІБК. Значыць, стваральнік адпаведнага артыкула знаёмы з вузкаспецыяльнымі публікацыямі. Выходзіць, ён прафесійна, можна меркаваць, займаецца навуковай дзейнасцю. Зазначанае, у сваю чаргу, дадае даволі цікавыя нечаканыя рысы да спосабу функцыянавання некаторых асоб у беларускай навуцы.

Супярэчную інфармацыю падае А. Ф. Мяснікоў у другім выданні сваёй кнігі “Сто асоб беларускай гісторыі”. Так, у нарысе, прысвечаным У. М. Ігнатоўскаму, зазначана: “... у лютым 1922 г. у Мінску адбылася яшчэ адна надзвычай важная і вялікая падзея: адкрыццё Інстытута беларускай культуры (Інбелкульты). Спачатку яго ўзначальваў Сцяпан Некрашэвіч, а з 1926 г. старшынёй стаў Усевалад Ігнатоўскі” [11, с. 159]. Не патрабуе тлумачэння відавочная памылка адносна старшынства У. М. Ігнатоўскага, паколькі заняў ён гэтую пасаду пасля абрання агульным сходам ІБК 31 студзеня 1925 г.

Зусім не суадносіцца яго папярэдняя інфармацыя з данымі, змешчанамі ў нарысе пра С. М. Некрашэвіча: “І зусім невыпадкава 20 сакавіка 1922 года Савет Народных Камісараў БССР на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі стварае Інстытут беларускай культуры” [11, с. 177]. Зазначу, што падобных рашэнняў СНК не прымаў. Прынамсі да сёння ніхто не выявіў пацверджанняў дадзенай заяве. Калі прыняць на веру напісанае, то рацыянальнага тлумачэння яму знайсці немагчыма: на адной старонцы – адкрыццё 20 лютага, на іншай – стварэнне 20 сакавіка. Калі ж дапусціць, што ў другім выпадку зроблена апіска, то тэксты губляюць і логіку, і сэнс. Тады атрымліваецца: у адным выпадку 20 лютага – адкрыццё, у другім – стварэнне. Але гістарычны і гісторыка-навуковы кантэксты не дазваляюць атаясаміць ні дадзеныя падзеі, ні дадзеныя словы.

Апошнюю дату А. Ф. Мяснікова пацвердзіў у газеце акадэмічны супрацоўнік І. Л. Капылоў: “У гэты перыяд урад маладой Савецкай Беларусі асэнсваў важнасць для рэспублікі не толькі прамысловасці і сельскай гаспадаркі, але і адукацыі, навукі. У выніку 20 сакавіка 1922 года рашэннем Савета Народных Камісараў БССР на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі быў створаны Інстытут беларускай культуры...”

[8]. Праблематычным уяўляецца катэгарычная заява пра ўсведамленне ўрадам рэспублікі важнасці навукі і адукацыі выключна на пачатку 1920-х гг. Ды й яно не адпавядае рэчаіснасці. Безумоўна, памылковым ёсць сцвярджэнне зазначаных аўтараў і пра 20 лютага, і пра 20 сакавіка, і пра рашэнне СНК. За два месяцы да з’яўлення цытаванага артыкула, змяшчаючы матэрыял свайго журналіста пра М. І. Каспяровіча, “Звязда” сцвярджала, што ІБК стаў “першай беларускай навуковай установай, утворанай у 1922 г.” [17].

Такім чынам, патлумачыць з’яўленне ў друку даты стварэння (адкрыцця) ІБК, 20-сакавіка не ўяўляецца магчымым. Сказаць можна толькі адно: яна не адпавядае рэчаіснасці. Прасцей з датамі Радыё Свабоды і Wikipedia. Іх пазіцыю хаця бы можна зразумець, паколькі 28–30 студзеня мела месца першае пасяджэнне ІБК, што зафіксавана ў адным з варыянтаў справаздачы ІБК за 1922 г. [13, арк. 14]. Да таго, 30 студзеня дамiнуе ў навуковай літаратуры. Сустрэкаюцца таксама 28 і 29 студзеня. Так што сучасныя папулярызатары, калі не заглябляцца ў разгляд пытання, маюць пэўныя падставы для сцвярджэння пра паказаныя даты як даты “заснавання, арганізацыі, стварэння” і г.д. Разам з тым звернем увагу на адначасовую прысутнасць у папулярных творах некалькіх лічбаў: 28, 29, 30 студзеня, 20 лютага. Як зазначалася, дадзеная сітуацыя цалкам адпавядае падыходам, што ўтрымліваюць навуковыя творы, у тым ліку і спецыяльныя.

У папулярных выданнях сустракаецца і іншы варыянт апісання падзей. Так, журналіст Д. Ісайчук у 2012 г. паведаміў: “30 студзеня 1922 года заснаваны Інстытут беларускай культуры – першая шматгаліновая навукова-даследчая ўстанова Рэспублікі... Новая ВНУ была створана на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі, у задачы якой уваходзіла распрацоўка навуковай тэрміналогіі на беларускай мове. Сярод першых супрацоўнікаў Інбелкульты былі Яўхім Карскі, Вацлаў Ластоўскі, Язэп Лёсік, Іван Луцэвіч (Янка Купала), Канстанцін Міцкевіч (Якуб Колас), Антон Грынцэвіч і іншыя дзеячы навукі і культуры [6].” Сам тэкст не выклікаў бы цікавасці, паколькі перапісаны з Wikipedia, але фраза пра Інбелкульт як вышэйшую навучальную установу – безумоўна, новае слова. Праблематычна ўспрыняць і прысутнасць сярод першых супрацоўнікаў Антона Грынцэвіча. Дадзенае прозвішча адсутнічае і ў публікацыях 1920-х гг., і ў архіўных матэрыялах. Верагодна, меўся на ўвазе фалькларыст і кампазітар Антон Антонавіч Грыневіч. Ён таксама не ўваходзіў у склад першых членаў ІБК, а яго праца ў Інстытуце фіксуецца з 1925 г. Дадзены тэкст не адзінкавы і прадстаўлены ў некалькіх падобнага роду публікацыях.

Тое ж адбываецца і ў працэсе выкладання. Не буду звяртацца да школьнага навучання, таму што ў адпаведных падручніках для 10 і 11 класаў пра навукова-арганізацыйную гісторыю прысутнічае толькі тэзісная фраза стандартнага зместу пра тое, што “1920-я гг. сталі часам нараджэння беларускай навукі. У 1922 г. быў створаны Інстытут беларускай культуры... У 1929 г. ён быў рэарганізаваны ў Беларускаю акадэмію навук, якая стала цэнтрам навуковага жыцця рэспублікі” [15, с. 68; 5, с. 144]. У дадзеным выпадку падкрэсліваю карэктнасць падачы інфармацыі Я. К. Новікам пра пераўтварэнне ІБК у БелАН. Падкрэсліванне абумоўлена даволі частымі выказваннямі пра БАН як АН БССР у 1929–1936 гг.

Значна большай колькасцю прадстаўлены дапаможнікі для студэнтаў, што абумоўлена спецыфічнымі патрабаваннямі да выкладання ў айчынных вышэйшых навучальных установах. Зразумела, у гэтым выпадку не ставіцца на мэце ўлік усіх такога кшталту выданняў. Тут прыведзены тыя, у якіх нададзена адметная ўвага пытанням, што даследаваліся папярэдне. Дарэчы, існуюць і такія працы, што цалкам ігнаруюць тэму.

Думаецца, у дадзеным выпадку справа выглядае больш сур’ёзна ў параўнанні са школай і папулярызаванай. Меркаванне абумоўлена спецыфікай вышэйшай адукацыі, асабліва гуманітарнай. Сцісла разгледжу некалькі прыкладаў у бібліяграфічнай паслядоўнасці. Гэты падыход абумоўлены праблематычнасцю іх тэматычнага аб’яднання, паколькі мной выбраны тэксты, што маюць як агульныя, характэрныя для іх даныя, так і відавочныя “арыгінальнасці”. Улічаны працы, якія пабачылі свет за працяглы 20-гадовы перыяд (1996–2018 гг.).

На пачатку звярнуся да адной з першых такіх работ, напісаных Л. М. Лычом і У. І. Навіцкім (на апошняй старонцы кнігі пазначана: “Вучэбнае выданне”). Другі аўтар у адпаведным раздзеле сцвярджаў пра стварэнне ІБК на базе НТК 30 студзеня 1922 г. Ёсць у яго тэксце і шэраг іншых памылак, пазначаных вышэй (колькасць супрацоўнікаў НТК, назвы пасад ІБК, пасада Я. Ю. Лёсіка, перакручванне сітуацыі праз недакладнае перапісванне арыгінальных тэкстаў), што абумоўлены некрытычным успрыяццем папярэднікаў [12, с. 234]. Але у цэлым ён ішоў у рэчышчы агульнапрынятых у навуцы меркаванняў. Незразумела толькі, чаму не азнаёміўся з артыкулам (1992 г.) кіраўніка сваёй кандыдацкай дысертацыі П. Ц. Петрыкава.

Праз некалькі гадоў да тэмы Інбелкульта коратка звярнуліся І. І. Коўкель і Э. С. Ярмусік: “20 лютага 1922 г. на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі, створанай яшчэ ў лютым 1921 г., быў адкрыты Інстытут беларускай культуры (Інбелкульт). Праца інстытута арганізавалася па секцыях. Спачатку былі створаны дзве секцыі – гуманітарная і прыродазнаўчая. У 1926 г. ужо дзейнічала 5 секцый:

лінгвістычная, літаратурна-мастацкая, гісторыка-археалагічная, прыродазнаўчая і сацыяльна-эканамічная. Правы секцый мелі таксама іншыя падраздзяленні інстытута: камісіі, аддзелы, асацыяцыі і іншыя” [9, с. 376]. Пазначаную імі ў 2000 г. дату адкрыцця Інбелкульта навуковая літаратура ўжо не ўтрымлівала. А прадстаўленыя падобным чынам секцыі ўстанова ёсць падменай паняццяў, паколькі арганізацыйная сутнасць секцый у 1922 г. (секцыя як асноўная структурная адзінка) і 1926 г. (секцыя як навукова-грамадскае таварыства) была зусім адрознай. Таму сталыя камісіі і аддзелы (нацыянальныя), дзе адбывалася асноўная навукова-даследчая дзейнасць, ніяк не маглі мець правоў секцый. Дадзеная неадпаведнасць не можа спрыяць фарміраванню адэкватных ведаў студэнтаў.

Даволі арыгінальны погляд утрымліваюць дапаможнікі К. І. Баландзіна і Д. М. Хромчанкі. Так, у 2014 г. К. І. Баландзін канстатаваў: “... стварэнне ў лютым 1921 г. Навукова-тэрміналагічнай камісіі... Камісія працавала вельмі эфектыўна. За два гады было выпрацавана амаль 3 тыс. навуковых тэрмінаў... Але камісія не магла цалкам вырашыць праблемы навуковага вывучэння гісторыі, эканомікі, геаграфіі, культуры... Гэтыя задачы ... магла выканаць толькі спецыяльная навукова-даследчая ўстанова. Ёю стаў Інстытут беларускай культуры, заснаваны ў пачатку 1922 г...”. Першае, пра вельмі эфектыўную працу НТК. Час яе існавання вызначаўся ў тры месяцы, а праіснавала яна ў самастойным выглядзе у межах года. Самімі ўдзельнікамі падкрэслівалася недастаткова высокія вынікі працы. Другое, перад Камісіяй не ставілася задача “навуковага вывучэння гісторыі, эканомікі, геаграфіі, культуры”. Трэцяе, паводле аўтара НТК дзейнічала два гады, але ў пачатку 1922 г. заснаваны Інбелкульт. Такім чынам, Камісія існавала да лютага 1923 г., а ІБК – з 1922 г. Відавочны нонсенс. Ніякімі архіўнымі і апублікаванымі дакументамі, тэкстамі дадзенае не пацвярджаецца.

Далей К. І. Баландзін працягнуў: “Згодна статута Інбелкульта, зацверджанага 25 ліпеня 1924 г. ... Інстытут і яго супрацоўнікі працавалі і жылі ў вельмі кепскіх умовах. З гэтай нагоды (не прычыны. – *I. Ш.*) былі прыняты спецыяльныя меры... Па запрашэнню кіраўніцтва рэспублікі ў БССР прыехалі працаваць...”. Далей ідзе пералік прозвішчаў у наступнай паслядоўнасці І. І. Замоціна, М. В. Доўнар-Запольскага, М. М. Нікольскага, У. М. Перцава, М. М. Шчакаціхіна, Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Пабудаваныя гэтакім чынам абзац і сказ, абумоўліваюць скажэнне сітуацыі, паколькі вынікае, што акрэсленыя асобы прыехалі а) працаваць у Інбелкульт, б) у другой палове 1924 г. Лагічная пабудова выглядае наступным чынам: паколькі супрацоўнікі ІБК мелі вельмі кепскія ўмовы жыцця і працы, таму сюды ехалі працаваць ва ўніверсітэт іншыя. Аднак, вядома, што якраз

умовы, у т. л. палітычныя, не спрыялі сталай працы ў Беларусі, напрыклад, Ф. Ф. Турука, Д. П. Канчалюскага, С. З. Кацэнбогена і інш. Разам з тым, у красавіку 1925 г. У. І. Пічэта пісаў: “Наша прафесура – гэта прышэльцы. Нам трэба стварыць сваю прафесуру ...”. Аднак гэта не азначае, што сітуацыя была адназначнай і посталінейнай. Як неадназначна і “хрэстаматыйная” фраза пра тое, што на 1 кастрычніка 1926 г. “у інстытуце налічвалася 224 супрацоўнікі” і г. д. [2, с. 132, 133].

У выніку атрымліваецца, што пералічаныя ў тэксе навукоўцы прыехалі для працы ў ІБК. Але ж вядома памылковасць такога меркавання. Перш за ўсё яны арыентаваліся на БДУ. Былі і непаразуменні ў рэаліях таго часу. Мною зазначалася, што пры запрашэнні на працу ў Мінск М. М. Дурнава, неўзабаве пасля прыезду зацверджаны ў ліку першых акадэмікаў БАН, не разумеў, якая арганізацыя запрашае на працу – БДУ ці Інбелкульт. Спатрэбілася тлумачэнне П. А. Бузука. 1 чэрвеня 1928 г. яго кандыдатура была ўхвалена на пасаду прафесара кафедры славянскага мовазнаўства БДУ. Гэта пры тым, што ініцыятарам запрашэння выступіў Інбелкульт [19, с. 80, 81]. Такім чынам, з тэксту дапаможніка вынікае, што прыведзеныя ў ім вучоныя запрашаліся для працы ў ІБК, нават тыя, хто прыехаў у той час, калі Інстытут знаходзіўся на стадыі арганізацыйнага афармлення восенню 1921 г.

Праясняе пазіцыю аўтара наступны дапаможнік, напісаны ў суаўтарстве з Д. М. Хромчанкам. У ім сцвярджаецца: “20-я гады сталі часам нараджэння беларускай савецкай навукі. *Яе асновай стала вузаўская навукa.* Менавіта прафесарска-выкладніцкія кадры аб’ядноўвалі навукоўцаў, у першую чаргу гуманітарных напрамкаў. Першым жа самастойным навуковым цэнтрам стаў утвораны ў 1922 г. Інстытут беларускай культуры” [3, с. 124–125]. Такім чынам, тут прынята ў якасці канцэптуальнай пазіцыі навукова-арганізцыйнага развіцця ІБК памылковае меркаванне групы выкладчыкаў БДУ (С. У. Абламейка, А. А. Яноўскі, С. М. Ходзін, былая аспірантка БДУ А. В. Баранова) пра ўніверсітэт як фундамент стварэння і развіцця ў 1922 г. Інстытута беларускай культуры. Пры тым ніхто не звярнуў увагу на ханалогію падзей і немагчымасць падобнага ні ў 1921, ні ў 1922 г.

У вучэбна-метадычным комплексе для студэнтаў гістарычнага факультэта адзначана: “Важнай падзей стала адкрыццё ў 1922 г. Інстытута беларускай культуры... на аснове Навукова-тэрміналагічнай камісіі...”. У раздзеле “Паняцці” сцвярджаецца іншае: Інбелкульт – вышэйшая навуковая ўстанова, заснаваная на базе НТК у 1922 г. [4, с. 103, 111]. Дык адкрытая ці заснаваная? Якімі датамі? Дзе сведчанні пра “базу”? Адказы на гэтыя пытанні адсутнічаюць, хаця ў літаратуры, з

якой могуць пазнаёміцца не толькі студэнты, але і сам аўтар, прадстаўлены розныя пазіцыі па зазначаных пытаннях.

Напрыканцы прывяду яшчэ адно “адкрыццё”, зробленае ў навучальных матэрыялах. У 2018 г. былі прапанаваны наступныя, незразумела, факт ці ідэя: “Дваццатага студзеня 1922 г. на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі быў адкрыты Інстытут беларускай культуры (Інбелкульт)”. Не буду звяртаць чарговы раз увагі ні на “базу”, ні на год, ні на адкрыццё. Толькі на дату: 20 студзеня. Гэта насамрэч новае слова ў навуцы і выкладанні. Шкада, адсутнічае аргументацыя. Таму такую канстатацыю адназначна можна ацаніць як памылковую [10]

Такім чынам, некаторыя аўтары фактычна дэзарыентуюць студэнтаў пры выкладанні курсаў “Гісторыя Беларусі” і “Гісторыя культуры Беларусі”. Гэта пры тым, што новыя доказы меркаванні па гісторыі ІБК сталі з’яўляцца з пачатку 1990-х і 2000-х гг. (П. Ц. Петрыкаў, І. І. Шаўчук), якія фактычна развівалі ідэі, закладзеныя яшчэ ў снежні 1928 г. старшынёй Інбелкульту і першым прэзідэнтам БелАН У. М. Ігнатоўскім.

Падобных прыкладаў можна налічыць багата. Якраз яны даволі выразна сведчаць пра адсутнасць паглыбленага сістэматычнага спецыяльнага даследавання арганізацыйнай гісторыі Інстытута беларускай культуры. Зазначу, што кніга “Інстытут беларускай культуры” (1993), напісаная на пачатку 1980-х гг., пасля з’яўлення артыкулаў П. Ц. Петрыкава [16] і З. В. Шыбекі [20], апублікаваных у 1992 г., ужо на час выхаду спазнілася сваёй публікацыяй і фактычна не адыграла ў навуцы той ролі, якую б магла ў час планаванага выдання (1982 г.). Большасць аўтараў, якія звярталіся да арганізацыйнай гісторыі Інстытута, за выключэннем лічаных адзінак, грунтавалі свае погляды выключна публікацыямі 1920-х гг. альбо бяздоказнымі меркаваннямі на ўзроўні дэкларацый. Стварылася сітуацыя, трапна характарызуемая з іншай нагоды Д. М. Драздом: цяжар канчатковай вывучанасці. “Гэта калі даследчыкі, упэўненыя, што “ўсё ўжо знойдзена”, нават не браліся за новыя пошукі... і не ўдакладнялі факты... , якія ўжо трапілі ў энцыклапедыі і падручнікі” [14].

Гістарыяграфічнае вывучэнне наяўнага даробку дастаткова наглядна характарызуе ўзровень навуковай распрацоўкі праблемы ў цэлым, які не дае магчымасці папулярызатарам і кампілятарам ясна, аргументавана і лагічна наблізіцца да максімальна верагоднай рэканструкцыі падзей з арганізацыйнай гісторыі айчыннай навукі. Тым самым яны яскрава характарызуюць шматгадовы плён эпоздычнай працы ў дадзеным кірунку. Зробленыя ў кнізе назіранні сведчаць пра неабходнасць далейшага вывучэння, хаця б на грунце беларускіх архіваў, што даюць больш

магчымасцяў, як прынята зазвычай лічыць, першай шматпрофільнай навуковай установы Беларусі найноўшага часу.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. 29 студзеня 1922 году ў Менску быў створаны Інстытут беларускай культуры [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.svaboda.org/content/article/791813.html>. – Дата доступу: 31.01.2012.
2. Баландзін, К. І. Гісторыя культуры Беларусі : дапам. / К. І. Баландзін. – Мінск : БНТУ, 2014. – 239 с.
3. Баландзін, К. І. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай цывілізацыі : дапаможнік / К. І. Баландзін, Д. М. Хромчанка. – Мінск : БНТУ, 2015. – 215 с.
4. Вабішчэвіч, А. М. Гісторыя культуры Беларусі : вучэб.-метадыч. комплекс / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2017. – 194 с.
5. Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст. : вучэб. дапаможнік для 11-га класа агульнаадукац. устаноў з бел. мовай навучання / Я. К. Новік [і інш.]. – Мінск : Выд. цэнтр Беларус. дзярж. ун-та, 2009. – 238 с.
6. Исайчук, Д. 90 лет назад основан Институт белорусской культуры / Д. Исайчук [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://news.tut.by/culture/271317.html?crnd=39058>. – Дата доступу: 12.01.2012.
7. Інстытут беларускай культуры [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://be.wikipedia.org/wiki/Інстытут_беларускай_культуры. – Дата доступу: 04.02.2013.
8. Капылоў, І. Сцяпан Некрашэвіч – грамадскі дзеяч і арганізатар беларускай навукі / І. Капылоў // Звязда. – 2013. – 22 кастр.– С. 3.
9. Ковкель И. И. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик. – Минск : Аверсэв, 2000. – 592 с.
10. Культура БССР в 20-е гг. XX в. // История Беларуси. Дистанционное обучение УО “ГГАУ” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moodle.ggau.by/mod/page/view.php?id=2574>. – Дата доступа: 12.04.2018.
11. Мяснікоў, А. Ф. Сто асоб беларускай гісторыі: гістарычныя партрэты / А. Ф. Мяснікоў. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2009. – 344 с.
12. Навіцкі, У. Паслярэвалюцыйнае нацыянальна-культурнае адраджэнне: дасягненні, супярэчнасці, абрыў (1917 – пачатак 30-х гг.) / У. Навіцкі // Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1996. – Гл. 5. – С. 196–266.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 130.
14. Невядомы Дунін-Марцінкевіч: гутарка са Змітром Драздом // Крыніца.info. Хрысціянскі інфармацыйны партал [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://krynica.info/be/2018/01/17/nevyadomy-dunin-marcinkevich-gutarka-sa-zmitrom-drazdom/> – Дата доступу: 19.01.2018.
15. Новік, Я. К. Гісторыя Беларусі, 1917–1945 гг. : вучэб. дапам. для 10-га кл. / Я. К. Новік. – Мінск : Нар. асвета, 2012. – 182 с.

16. Петрыкаў, П. Ц. Інстытуту беларускай культуры – 70 гадоў / П. Ц. Петрыкаў // Весці АНБ. – Сер. гуманітар. навук. – 1992. – № 5–6. – С. 52–70.

17. Пукшанскі, А. Ён пацярпеў за праўду і любоў да Радзімы / А. Пукшанскі // Звязда. – 2013. – 6 жніўня. – С. 6.

18. Шаўчук, І. І. Інбелкульт як інстытуалізацыйная аснова навукі Беларусі найноўшага часу / І. І. Шаўчук // Інстытут беларускай культуры і становленне науки в Беларусі: к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. наука, 2012. – С. 21–29.

19. Шевчук, И. И. Минский период в жизни Н. Н. Дурново / И. И. Шевчук // Славяноведение. – 2011. – № 2. – С. 78–85.

20. Шыбека, З. Сямігадовы шлях Інбелкульту ў нікуды і да нашых сэрцаў / З. Шыбека // Голас Радзімы. – 1992. – 9 крас. – С. 6, 8.

УДК 327(87:476)

М. Г. ЮРУТЬ

Беларусь, Минск, БГУ

ВЕНЕСУЭЛА – КИТАЙ: РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТНОЙ (ПЕРСОНАЛИСТСКОЙ) ДИПЛОМАТИИ

Своего рода промоутером личностной (персоналистской) дипломатии современности стал бывший президент Боливарианской Республики Венесуэла Уго Чавес. В статье предпринята попытка проанализировать особенности проявления и оценить эффективность дипломатии У. Чавеса в отношениях с Китайской Народной Республикой. Актуальность темы заключается в том, что оценку венесуэло-китайским отношениям в XXI в. под углом зрения личностной дипломатии У. Чавеса (тем более, его последователя Николаса Мадуро) латиноамериканцы пока не давали. Для достижения поставленной задачи применен метод когнитивного картирования, используемый в исследованиях международных отношений.

Проведенное когнитивное картирование (определение особенностей и способности того или иного лидера видеть политическую проблему и принимать адекватные решения в той или иной международной ситуации [2]) подтверждает, что У. Чавес отличался повышенной предрасположенностью к установлению и поддержанию личных контактов с лидерами государств, особо важных официальному Каракасу, для поддержания двустороннего сотрудничества и решения программных задач преобразований в Венесуэле. В особой степени его качества проявились в процессе венесуэло-китайского сближения.

Уго Чавес являлся лидером Венесуэлы с 1999 по 2013 г.: четыре неполных президентских срока (в 2002 г. пережил кратковременную отставку, а четвертый срок продлился лишь несколько месяцев и был прерван смертью в возрасте 58 лет). Он зарекомендовал себя уникальным харизматичным лидером. Данный факт и признание его неоднозначной личностью отмечали его соотечественники, не только сторонники, но и оппоненты.

Сторонники рассматривали его как «социалистического освободителя», приветствуя и выражая признательность за содействие латиноамериканской интеграции, борьбу с империализмом и неолиберализмом, расширение прав и возможностей бедных и коренных общин Венесуэлы и сокращение масштабов нищеты и безработицы. Противоположные оценки звучали от его оппонентов: авторитарный и тоталитарный коммунист, милитарист и демагог, который не выполнил свои обещания, нарушал основные гражданские права, вмешивался в дела других латиноамериканских стран, угрожал экономике и демократии Венесуэлы, дестабилизировал мировые цены на нефть. У. Чавеса обвиняли в стремлении превратить страну в диктатуру путем централизации власти и требования все больших полномочий. За установление однопартийной власти его называли «авторитарным популистом-транжирой», чей курс вредил стране.

Суждения обеих сторон, последователей и противников, мало свидетельствуют об объективности оценок, но недвусмысленно – о способности У. Чавеса привлекать внимание. Более того, его харизму признавали не только венесуэльцы, но и мировая общественность. Его речи были всегда просты, а значит, понятны обычным людям [3].

В плане реализации персоналистской дипломатии У. Чавеса отдельного внимания заслуживают его визиты в Китай. Встречи на высшем уровне дали импульс развитию отношений на двусторонней основе и укрепили влияние Венесуэлы. Многие латиноамериканисты характеризуют двусторонние отношения обоих государств как «особые». Одним из подтверждений данного определения выделяется тот факт, что У. Чавес является единственным латиноамериканским президентом, который за время пребывания у власти шесть раз посещал Китай. Уже в 2001 г. венесуэльский лидер заявил о том, что социально-экономическое развитие Китая представляет собой наиболее точный пример, как должна развиваться не только Венесуэла, но и Латинская Америка в целом. Например, У. Чавес назвал «героическим подвигом» выход народа азиатской державы из состояния бедности. По его мнению, латиноамериканским государствам необходимо присматриваться к процессам, происходящим в Китае, что в дальнейшем поможет определить

будущее Венесуэлы и других государств региона на основе использования успешного опыта китайского управления.

Еще на начальном этапе выстраивания отношений двустороннего стратегического сотрудничества приоритетной сферой экономического взаимодействия обеих стран обозначилась энергетика. Но только после визита У. Чавеса в 2004 г. в результате всех заключенных торговых соглашений Китай на практике стал крупнейшим торгово-экономическим партнером Венесуэлы за пределами Западного полушария.

Здесь необходимо отметить и политический успех Чавеса в Китае. Китайцы высоко оценили выступление венесуэльского президента в Пекинском университете в декабре 2004 г., в котором он заявил о приверженности политике «одного Китая» (являющейся для китайского руководства одним из столпов государственно-политического строительства) и необходимости присоединения Тайваня к КНР любым путем, даже вооруженным, в случае необходимости. Тогда же У. Чавес обозначил понимание исторической роли личности, пророчески проведя венесуэло-китайскую параллель и вспомнив «в связке» двух выдающихся личностей – Мао Цзэдуна и Симона Боливара – для истории Китая и Венесуэлы соответственно. Более того, он признался, что сам с детства был маоистом [4]. В Пекине благосклонно воспринимали его политическую гуттаперчивость, выраженную в заявлении: «Я не марксист, но я не против марксистов. Я не коммунист, но я не против коммунистов» и высказанной решимости строить «социализм XXI века».

Тем не менее, персоналистскую дипломатию Чавеса нельзя считать самоцелью и ставить во главу угла в отношениях Пекина и Каракаса. Прежде всего, визиты У. Чавеса в КНР содержали ярко выраженную идеологическую направленность, подкрепленную талантом трибуна и популиста. Венесуэльский президент назвал Китай «образцом для лидеров, правительств и экономик Запада, которые пытаются внушить нам, что единственная альтернатива – это капитализм и неолиберализм» [1]. Отсюда понятно, что все визиты У. Чавеса в Поднебесную окрашивались в антиамериканские тона. Он регулярно высказывался о прекращении поставок нефти в США, прозрачно давая понять, что у Венесуэлы существуют и другие потенциальные покупатели, в первую очередь Китай. У Китая же преобладали более прагматичные интересы, не направленные столь явно против какой-либо третьей страны.

Характерно, что визиты высших руководителей Китая в Венесуэлу носили ответный характер, что свидетельствует о том, что прежде всего Каракас был более заинтересован в венесуэло-китайском стратегическом альянсе не только в экономическом, но и политическом плане. Ярким примером может служить идея У. Чавеса, предложенная

латиноамериканским региональным руководителям и компартии Китая. Суть ее заключалась в создании альянса в формате диалога стран латиноамериканского региона с КНР, как это делают США и ЕС.

Таким образом, персоналистская дипломатия У. Чавеса многократно усиливала к нему внимание китайского партнера, сгладила прежнюю отчужденность между странами, активизировала двустороннее сотрудничество, укрепив тем самым ее региональное влияние, снизив зависимость от США. Безусловно, она привлекала к сотрудничеству с Венесуэлой и лидеров других стран, тяготеющих к авторитаризму. Однако она все же не стала определяющим фактором достигнутого успеха в сотрудничестве Каракаса и Пекина. Асимметричность двусторонних отношений, нефтяной вопрос и прагматичный подход китайского руководства выступали ограничителями на пути личностной дипломатии У. Чавеса. В содержание двусторонних соглашений закладывались не его пламенные идеологизмы, а просчитанные китайской стороной варианты сотрудничества.

Список использованной литературы

1. Дабагян, Э. Партнеры XXI века. Китайская «экспансия» в Латинскую Америку [электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/geopolitika/partneri_veka.htm. – Дата доступа: 02.12.2018.
2. Ланцова, С. А. Мировая политика и международные отношения : учеб. пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб. : Питер, 2005. – 448 с.
3. Русакова, Т. Ю. Венесуэла: радикал-популизм и формирование политического курса У.Чавеса : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Т. Ю. Русакова ; Учреждение Российской АН Институт Латинской Америки РАН. – М., 2010. – 23 с.
4. Стратегическое партнерство Китая и Венесуэлы: нефть, оружие, социальные программы [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <https://topwar.ru/6811-strategicheskoe-partnerstvo-kitaya-i-venesuely-neft-oruzhie-socialnye-programmy.html> – Дата доступа: 02.12.2018.

УДК 94(3)

А. А. ЯРОШЕНКО

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

СКАНДИНАВСКИЕ КУПЦЫ НА ПОЛОТЧИНЕ

Одним из феноменов эпохи средневековья была экспансия викингов за пределы своего региона. Влияние скандинавов росло и укреплялось, охватывало огромные территории. Белорусские земли также входили в сферу интересов норманнов в связи с выгодным географическим положением, определяемым реками Днепр, Неман и Западная Двина, а точнее этим водным торговым путем «из варяг в греки», который соединял бассейны Балтийского и Черного морей. Тема является очень актуальной, поскольку эти процессы предполагали мультикультурность, вопрос о которой в современном мире все чаще и чаще поднимается на обсуждение общественностью. Ведь несмотря на существующий миф о том, что скандинавы только лишь воевали, исследователями давно доказано то, что они являлись также и купцами, что в свою очередь предполагает взаимодействие с представителями других народов и поиск общих точек соприкосновения [1].

Полоцк являлся важным торговым центром, что следует из его географического положения. Там происходила встреча людей из абсолютно разных регионов, в том числе и из Скандинавии. Подтверждений этому факту существует множество, но стоит сконцентрироваться на основных археологических артефактах, доказывающих выдвинутое положение.

Первым типом археологических находок служат клады в Полоцкой земле, датируемые в среднем IX–XI вв. Наличие в них североевропейских вещей (скрученные в спираль серебряные гривны, которые представляли собой платежный эквивалент) и арабских дирхем указывают на торговый обмен на территории современной Беларуси. Яркими примерами таких кладов являются клад в Баево (862–863); Добрино (841–842); Козьянки (944–954); Брили (890–891) и т. д. [1].

Так, у деревни Масковичи (Витебская область) была найдена бронзовая равноплечная фибула, которая датируется IX в. Считается, что такая форма и узор артефактов возникли в Северной Европе, вследствие влияния Франкской империи во время эпохи викингов. Фибулы служили сцепкой для верхней одежды, применяемой скандинавскими женщинами в раннем периоде эпохи. Чуть позже они распространяются и на территорию Древней Руси. Застежка имеет аналоги в североевропейских археологических артефактах, особенно много параллелей в находках у озера Меларен (Швеция), а в Дании помимо таких же фибул были найдены

литейные формочки для их изготовления. На территории Древней Руси подобные аналоги, в основном, представлены вдоль транспортных путей IX–XI вв. Украшения подобного плана были найдены также в Гнездове, в Великих Луках, Заозерье, Демидовском районе Смоленской области, около Пскова. Но, стоит отметить, что на территории современных Литвы и Латвии фибулы найдены не были [4, с. 163].

Отдельно стоит выделить такую разновидность застежек, которые представляли собой круглые, бронзовые, практически повсеместно позолоченные с лицевой стороны, крупные украшения. Поверхность данных фибул, как правило, с круглым выступом в центре, была орнаментирована элементами в стиле Борре, иногда – Еллинг. Артефакты такого типа известны в основном по шведским и норвежским материалам X в. [4, с. 163].

Е. и В. Голубовичи, описывавшие захоронения (по обряду кремации), курганного могильника около деревни Черневичи (бывший Дисненский уезд), как указывает С. Дернович, выделяют среди сохранившихся материалов: «фрагменты ажурной щитовидной, по всей вероятности, круглой фибулы» [4, с. 132]. Увы, эти слова порождают еще больше споров, так как более подробной информации не сохранилось, а изображение отсутствует. На территории Древней Руси, в списке подобных изделий обозначено 28 предметов [4, с. 163].

Следующей находкой, на которую необходимо обратить внимание, является булавка, найденная в верхних напластованиях селища в урочище Ровинки (Церковище) рядом с деревней Красная Зорька в пойме Березины [8, с. 130–138]. Сверху украшение представлено сомкнутым железным кольцом, по форме представляющее собой овал, а также круглое в сечении. Оно оснащено выступами, которые изготовлены специально для перемычки, которая закрепляет иглу. Особенностью булавки является кольцо, которое содержит на лицевой стороне особый орнамент, который выглядит как параллельные насечки [4, с. 164].

Подобного типа украшение, с определенными отличиями в виде пропорций, содержит в себе фрагмент булавки, который был найден в ходе изучения городища «Замок» в 1991 г. около деревни Прудники в Браславском Поозерье [4, с. 164].

Интересной находкой является фрагмент литого ладьевидного браслета, который был найден в Нижнем Замке в Витебске [2, с. 119]. Т. Бубенька отмечает, что «Определить точный размер браслета невозможно, так как один из концов сломан. В поперечном сечении он имеет форму сегмента. Внешняя поверхность украшена глубоким рельефным орнаментом в виде зигзагообразных линий, обрамленных вертикальными валиками с краю и в центре. Вокруг этих элементов можно

проследить пунктирную линию. Изображение отличается волнообразным характером и отсутствием острых углов. Такие артефакты широко встречаются в Скандинавии, а также есть параллели в Финляндии, Прибалтике и на северо-западе Руси в IX–XI веках» [2, с. 119].

Стоит обратить внимание на тот факт, что скандинавский город Бирка оказал большое влияние на наши земли, поскольку именно оттуда была заимствована система весов, основой которой являлась «бирковискъ» («берковец»), то есть мера весов, приблизительно равнявшаяся 10 пудам (160 кг) [5].

Купцы были особыми людьми: сообразительные, энергичные, склонные к авантюризму, прямые люди, которые не боялись опасностей, пренебрегали устоявшимися нормами своего времени. Эти люди были уважаемы в обществе, потому что для средневекового человека поставить все свои сбережения и даже жизнь на карту, являлось героизмом. Как правило, это были образованные и грамотные люди, потому что, отправляясь в путешествие в IX в., они должны были объясняться с покупателями тех стран, через которые проходил их путь. По сохранившимся данным при поездке из государства франков в Китай, купцы могли разговаривать на франкском, греческом, персидском, арабском и славянском языках. В. Даркевич в своей работе «Аргонавты Средневековья» указывает на такой момент в «Королевском зеркале» (Норвегия, XIII в.), где отец дает наставления сыну, собирающемуся в опасную торговую экспедицию: «Когда же ты прибыл в торговое место или куда-либо еще, ты должен выказать себя благовоспитанным и приятным человеком, чтобы завоевать всеобщее расположение. Надобно тщательно изучать обычаи тех мест, где ведешь торговлю. В особенности важно хорошо знать торговое право. Для того чтобы преуспеть в своей коммерции, купец должен владеть языками, и прежде всего латынью и французским, ибо эти языки наиболее общеупотребительны». Таким образом мы видим насколько большую роль играли эти люди в средневековом обществе [3].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод о значительной роли скандинавских купцов на территории Беларуси, а именно Полоцкой земли. Подтверждением этого служат многочисленные археологические данные. Данная тема нуждается в дальнейшей разработке и последующем применении.

Список использованной литературы

1. Белорусские земли на путях «из варяг в греки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/1047/t13>. – Дата доступа: 02.12. 2018.

2. Бубенька, Т. С. Ювелірныя ўпрыгожанні Віцебска X–XIV стст. (па матэрыялах даследаванняў Ніжняга замка) / Т. С. Бубенька // 3 глыбі вякоў. Наш край : гісторыка-культуралагічны зб. – Мінск : Навука і тэхніка, 1996. – Вып. 1. – С. 110–131.

3. Даркевич, В. П. Аргонавты Средневековья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/V_Darkevitsc_Argonavty_Srednevekovja.pdf. – Дата доступа: 03.12.2018.

4. Дернович, С. Д. «Из варяг в греки». Археологические находки эпохи викингов на территории Беларуси / С. Д. Дернович // Беларус. думка. – 2009. – № 12. – С. 160–166.

5. Система и структура взимания торгово-проезжих пошлин в древнебелорусских княжествах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knowledge.allbest.ru/history/2c0a65635a2bc69a5c53b89521306c27>. – Дата доступа: 02.12.2018.

Раздел 2 ЛИЧНОСТЬ И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

УДК 94(476)

А. Ю. БОДАК

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ 1939–1941 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГАНЦЕВИЧСКОГО РАЙОНА)

Одной из важнейших составляющих любой нормально функционирующей экономики является развитая местная промышленность. Она призвана обеспечить самые конкретные ежедневные бытовые нужды местного населения, не претендует на роль крупного производителя высокотехнологической продукции и не представлена олигархами. Основная фигура данного сектора экономики – мелкий производитель, или «маленький человек», не обладающий мощными капиталами, на котором однако держится повседневная жизнь общества.

Система мелкого местного производства сложилась в рассматриваемом регионе еще со Средневековья. Её субъекты, как правило, относились к качеству товара более-менее тщательно, потому что в рамках довольно узкого сектора потребления контроль над качеством был более чем прозрачен, и ответственность на брак наступала моментально.

Пришедшая в 1939 г. в регион новая власть поначалу наломала в этой сфере дров – частников стали целенаправленно душить налогами и национализировать. Но результат оказался прогнозируемым – мелкое производство резко сократилось, частник либо начал саботировать производство, либо временно его прекращал, и начался тотальный дефицит всего, включая товары первой необходимости.

Власть решила снизить накал страстей, и частников стали оставлять в покое – просто организовали в артели (некоторые из которых существовали и при прежней власти), зачастую ставили во главе них прежних владельцев, которые проявили лояльность и категорически не хотели валить лес в Сибири. Так положение в районе постепенно начало выправляться. В этой статье мы попробуем рассмотреть деятельность таких артелей накануне войны.

Оговоримся, что огромный процент артельщиков составляли местные евреи. Очень многим из них на момент составления того или

иного документа, где они фигурируют, жить осталось недолго – до прихода сюда немецких оккупантов. Не цинизма ради, таковые будут в тексте помечаться значком (*) – тогда они трудились, строили свои планы, не зная о своём страшном будущем. Райком партии в 1941 г. доносил наверх: «Кустари нашего городского посёлка в прошлом отсталые, эксплуатируемые, подвергнутые национальным гонениям в вечных поисках работы, только при советской власти почувствовали радость полезного труда, почувствовали себя строителями лучшей будущности коммунизма. У наших кустарей возникло стремление влиться в семью социалистических строителей, объединиться в общий коллектив, в артель. Кустари портные и сапожники были первыми в Ганцевичах, которые объединились в артель. Никакого опыта и знания в деле организации артели ни у кого не было. Однако стремление к кооперированию было настолько сильно, что кустари, не дожидаясь организации сверху, начали организовываться сами» (5, л.13).

Артели были включены в структуру Многопромсоюза. В декабре 1939 г. состоялось первое собрание кустарей Ганцевичей. На нём был избран комитет в составе З. Пронько, Матус Ш. Андрусер (*), Б. В. Пацекольская (*), С. А. Дубицкий. Председателем стал Пронько – «восточник». Присутствовал на собрании представитель Пинского Многопромсоюза А. М. Долгопятый. Для членов был установлен пай в 50 рублей [5, л.13].

Самой ежедневно востребованной населением артелью района была артель «Красный пищевик». На январь 1941 г. там работало 7 человек, возглавлял ее бывший хозяин пищевого заводика, принадлежавшего артели, П. П. Змудяк. Ему было уже 65 лет, и он тяготился руководящей должностью. Там же трудились его сын, жена – уборщица, бухгалтер, заготовитель и два рабочих. На первый квартал 1941 г. они должны были выпустить продукции на 25 тыс. рублей – 400 кг кондитерских изделий, 7 000 литров безалкогольных напитков, 7 000 литров разных квасов, завезти в столовые продуктов на 10 тыс. рублей и заготовить 3 тонны квашеной .капусты. Задания, учитывая малочисленность штата, были явно завышены – за время своего существования с 1 июля 1940 г. по 1 января 1941 г. артель заготовила тонну капусты, которую передали в военную часть, и 24 190 л. напитков. На производство последних артель получила 1 200 кг. сахара из Пинска, 671 кг и 800 гр. сахарина из Ганцевичского сельпо. Изготовление 100 л. напитков требовало 3,5 кг сахара т 7,5 гр. сахарина [2, л. 6]. Сбыт напитков шел с трудностями. Во всем власти обвиняли начальника артели, ставя на вид безынициативность. На деле квас просто быстро портился, и в столовых элементарно не было кранов.

Артели было предписано наладить выпечку кондитерских изделий и заняться переработкой огурцов, грибов и ягод [2, л. 6]. Дело в том, и это отметил политрук военной части Лавров на партийном собрании 1 февраля 1941 г., в районе заготовительные организации собрали «море» клюквы и грибов, но их никто не переработал, и их отправили в другие районы [3, л. 60]. Итоги работы артели за 1 квартал 1941 г. районное начальство подвело в конце марта 1941 г. Вместо 3 т капусты наквасили 900 кг (не на 1 200 руб., а на 400), из 70 запланированных гектолитров напитков – 66,34 (3 150 – 4 806, 95), квасов – вместо 70 гектолитров – 70,96 (5 300 – 5 471, 41).

Выполнение плана по колбасным изделиям в 1,5 т (10 350 руб.) и сокам в 250 л (5 000 руб.) осталось тайной для потомков – сведений по ним нет [5, л. 11–12]. На весь 1941 г. артели довели план по промышленности в 148 тыс. руб., по общепиту – в 100 тыс. руб. (через полгода война этот план перечеркнёт). В феврале 1941 г. райком довёл до артели откорректированный план. Согласно ему, в 1941 г. артели предписывалось открыть в Ганцевичах чайную, 2 ларька для продажи вод и мороженого, выпустить 12 000 гектолитров безалкогольных напитков, выпустить 10 центнеров мороженого, заготовить 50 тонн клюквы, 15 тонн брусники, наквасить 4 тонны капусты и 1 тонну помидоров, засолить 2 тонны огурцов, выпустить 5 000 литров натуральных соков, поставить для общественного питания 2 коровы, приобрести машину для выработки газов [4, л. 31].

В помощь артели Райпотребсоюз получил распоряжение открыть 10 грибоварных пунктов на 370 ц грибов, в т.ч. засолить 300 ц, заготовить 30 ц сушёных грибов, выпустить 15 ц мороженого, 500 ц колбасных изделий, 300 ц хлебобулочных изделий, заготовить 50 ц ягодного и фруктового повидла, 60 ц помидоров в томатной заливке, разных ягод 50 ц., 500 ц. огурцов (в т. ч. 100 ц засолить), 370 ц капусты (в т.ч. засолить 300 ц), поставить на откорм для общественного питания 6 коров и 30 свиней и открыть рыболовецкую бригаду с выловом рыбы в 200 ц [4, л. 31]. Получалось, что всего несколько человек, бывшие «частники», производили внушительное количество пищевых продуктов, обходясь узким коллективом и не раздувая штаты.

Вначале артель раскачивалась, и в январе 1941 г. план выполнили только на 42 %, в феврале – на 44 %, зато в марте работники рванули план аж на 144 % за счет общепита. Но в их работе присутствовали трудности – из семи имевшихся машин работало только две, две машины для закупоривания бутылок не работали, потому что отсутствовали специальные пробки, из-за отсутствия электроэнергии не использовались машина для газирования воды и электромотор [5, л. 12]. Не хватало сырья – сахара, муки и крахмала, и на складе, где они хранились, было

сыро и много льда. Клюква практически не охранялась – замок на складе был маленьким. На 13 работников в январе 1941 г. фонд зарплаты составлял 2 500 руб., а в феврале – 5 046 руб. Себестоимость продукции артели в феврале 1941 г. составила 4 157 руб., а отпускная цена – 5 046 руб.

Весной запланировали заново открыть цех по производству мороженого. Ранее там работали вручную, а теперь должны были на специальных машинах. Тогда же предположили подготовить цех по производству повидла и кондитерских изделий, но этого сделано не было. Все стрелки за недостатки соответствующие органы перевели на начальника артели Жмудяка. Тем более, тот запустил учёт казённого имущества и пытался «зажать» весы и бочки, требуя с нового начальника В.Мурашко за них деньги [5, л. 12].

Работу артели, как, впрочем, и аналогичных других, тормозил и бюрократизм. В марте 1941 г. председатель Райпотребсоюза Элькин на районном партийном собрании жаловался на артель: «Когда воды и квас были в руках Райпотребсоюза, дело было лучше. Теперь, чтобы получить от них напитки, нужно обращаться в райисполком. Они припрятали 2 машины – одна ржавеет без эксплуатации, а вернуть нам не хотят» [3, л. 84]. Последнее собрание артели состоялось 17 мая 1941 г. Обсудили работу чайной, находившейся в ведении артели (для тех, кто не знает, в советские времена в чайной пили очень часто не чай). Заведующий чайной Гутман жаловался, что он не знает, кто из начальников для него главный – Мурашко говорил, что чайная должна работать до 8 часов вечера, а главбух артели Тёмкин – что до 9 часов. Помещение же, которое за день посещает до 400–500 человек, маленькое и грязное, и в него не проведён свет (хотя заведение работало с 6 марта), скатертей мало, и они быстро пачкаются. Нужны были клеёнки, но их не было [5, л. 31]. Уборщица Славинская жаловалась, что вместо 8 положенных часов ее заставляют работать с утра до вечера, спрашивают за чистоту, но не дают ни ведра ни тряпок. Работники жаловались на низкие зарплаты – буфетчица Хайман заявляла: «Мы работаем на проценты, а зарплаты низкие», П.А.Змудяк (*) вторил: «В марте я заработал 19 рублей» [5, л. 41].

На собрании выбрали нового председателя правления – Софроненко Софью Петровну, в правление артели вошли Хайман Майя Белевна, Софроненко Софья Петровна, Киж(х)ель Давид Файвелевич, ревизионную комиссию составили Гиршен (ФИО неразборчиво в документе), Гольдберг ФейгаАроновна, Змудяк Пейсах Абрамович (*) [5, л. 42].

Очень серьезной артелью была швейная – «Знамя труда», учитывая традиционную тягу еврейских умельцев к швейному производству. Первое организационное собрание по созданию артели состоялось 7 марта 1940 г.

На нем избрали правление в составе: Долгопятый (в других источниках - Долгопятов) Давид Мордухович (председатель, 1912 г.р., еврей, кустарь, беспартийный, 3 класса образования) (*), И. А. Глейберзон (*), Я. А. Трибуховский, Ю. И. Деречинский (*), М. Ф. Бегун, Х. А. Сапожникова (*), и ревизионная комиссия – Иванов (представитель райкома партии и председатель), Д. Е. Милер (*), Д. С. Рубаха. Отмечалось, что подобрался дружный коллектив, который может выполнять до 120 % плана [5, л. 14]. Председатель артели 2 сентября 1940 г. лично был утвержден райкомом партии [1, л. 146].

Поначалу в артели насчитывалось 28 членов, которые работали в трёх цехах – женском, мужском и шапочном. Уже в мае 1940 г. здесь оказалось 11 «стахановцев». Правда, по Указу от 26 июня 1940 г. о трудовой дисциплине был привлечён к ответственности Я. М. Хаёт (*). Народный суд Ганцевичей дал ему 4 месяца исправительно-принудительных работ с вычетом 25 % зарплаты. Однако народный суд 1-го участка г. Лунинца дело прекратил. Качество продукции после этого резко возросло [5, л. 15]. Руководство артели заботилось о работниках – в 1940 г. двоих человек отправили в дом отдыха, в 1941 г. один человек успел пройти курортное лечение. Все работники получили отпуска [5, л. 19]. Сомнительно, что при польской власти работники представляли себе дом отдыха или санаторий. Райком отмечал, что в артели велась активная политическая работа, борьба с религиозными пережитками, и между цехами было налажено соревнование [5, л. 18]. В 1941 г. артель возглавлял Н. М. Шмуклер (*?). Он несколько подправил вырисовывавшуюся благостную картину работы – 27 февраля 1941 г. в артели прошло общее собрание, где присутствующим дали возможность выговориться начистоту. И началось. Работник Медрач заявил: «Шапочный цех стоит без работы 2 месяца – нет материала. Леспромхоз выписывает шапки из Гомеля, а мы могли бы сами делать». Ему вторил Долгопятый (*): «Пинскийпромсоюз обеспечивает только Пинск и Лунинец, а у нас зимой нужна была вата, и её не прислали. В декабре мы были загружены работой, так и план выполнили на 216 %, а в январе – на 75 %». Баранчук (*): «Есть только подкладочный материал. У местных организаций есть товар, но нет увязки с нами, они заинтересованы в работе с нами, но нужно указание облпотребсоюза». Дубицкий отмечал: «Нет хороших ниток. Рабочие хотят работы, но нет работы...за год были загружены полностью только 2 месяца. Имеются низкие расценки, а с заказчика берут хорошие деньги за пошив (т.е. если для заказчика сшить юбку обходится в 45 рублей, то мастер получит только 5 рублей)». Ружицкий жаловался: «Облместром и Наркомместпром не помогают – инженер Наркомместпрома Раппопорт приехал, дальше канцелярии не

пошёл, Наумович – начальник Облместпрома наобещал много и не сделал». Гарайс: «Здание Райпромкомбината, особенно мельницы грозит обвалом. Мы составили смету, чертежи и план перестройки здания, но ответа из области нет. Ещё бы и локомотив на 100 лошадиных сил дали». Инженер прядильного цеха сетовал: «Здание ввочёски и прядильного цеха не ремонтируется, крыша течёт, портятся станки» [5, л. 3–4].

Указанные недостатки сказывались на работе артели всю зиму и весну 1941 г. 28 марта 1941 г. отчёт райкома о работе артели сообщал, что в 1940 г. работники выполнили план на 102 % (не на 175 тыс. рублей, а на 179). На 1941 г. при суммарном плане в 280 тыс. рублей было выполнено в январе вместо 20 500 рублей – только на 75,8 %, в феврале вместо 21 000 рублей – на 62 %, в марте вместо 21 500 – на 54,4 %. Работников осталось 25 человек (при фонде зарплаты в 9 700 рублей), управленцев – 6 (фонд зарплаты – 1 600 рублей). Имелись проблемы с оборотом продукции [5, л. 8–9] а так же с нежеланием руководства артели заключать договоры с Райпотребсоюзом [3, л. 84], видимо, из-за предыдущей проблемы. Вместе с тем, райком запланировал в начале 1941 г., чтобы артель открыла цех по пошивке шубок), которых в этом году нужно было выпустить 2 500 штук [4, л. 31].

10 апреля 1941 г. плановая комиссия Пинского Многопромсоюза проверила финансы артели и выявила перерасход в 5,2 тыс. рублей (по командировкам и разъездам – 2,6 тыс. руб., освещение и отопление – 1,1 тыс. руб., износ и восстановление инвентаря – 1,1 тыс. руб., текущий ремонт основных средств – 0,4 тыс. руб.). Перерасход был допущен из-за нереальной сметы, отпущенной Пинском – на отопление и освещение – 400 рублей и на разъезды – 1 тыс. рублей (явно недостаточно). Среднегодовая зарплата в 1940 г. на одного человека составила 2 698 рублей. [5, л. 18]. Кроме того, артель была разбросана по частным квартирам, а так же нужно было приобрести пять новых машин и произвести текущий ремонт имевшихся, которые работали уже полтора года без обслуживания [5, л. 19].

14 мая 1941 г. состоялось последнее общее собрание артели. На нем выступали бракер и клабовщик Ковенский, Дубицкий, портные Зингер (*), Дорочинский (*), Вишлицкий, Берман, главбух Баранчук (*), шапочник Бегун и представитель райкома Пугачев. Последний отмечал, что в районе есть много пустых домов (очевидно, репрессированных – авт.), и нужно просить деньги у Облмногоместпрома на их перевозку в райцентр. Отмечали, что артель могла бы базироваться на использовании местных источников сырья, но сверху этого не видят и заставляют пользоваться неместным сырьём, а это стоит денег. Говорилось и о случаях брака, о тупых ножницах, о том, что шапочный цех стоит больше половины времени из-за отсутствия картона и верха, а в дамском цехе не хватает

машин (пока один работает, остальные ждут своей очереди), о том, что отсутствует кружок самодеятельности, а кружки ПВХО и МОПРа работают плохо. На этом собрании выбрали делегата на областное совещание артельщиков – Шмуклера и избрали правление, в которое вошли Н. Шмуклер (*?), Бегун, Кербель (*), Пацекольская (*), Долгопятый (*), Клецкий, Деречинский и Рубаха [5, л. 20–30]. К 15 июня работники артели намеревались отремонтировать все машины. Сведения о том, получилось это ли нет, отсутствует. Через неделю началась война, и людей теперь будут тревожить совсем иные проблемы.

Список использованной литературы

1. Государственный Архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 17.
3. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 91.
4. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 92.
5. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 113.

УДК 93/94 «19/20»

О. А. БУНДАК

Україна, Луцьк, Луцький інститут розвитку людини
Університету «Україна»

ДО ПИТАННЯ ПРО УЧАСТЬ В. Г. БОГОРАЗА У ОРГАНІЗАЦІЇ ТА ДІЯЛЬНОСТІ ВСЕРОСІЙСЬКОГО СЕЛЯНСЬКОГО СОЮЗУ

Залишаючись актуальною і нині, суспільно-політична боротьба в Російській імперії в кінці XIX – на початку XX ст. є предметом наукового дослідження та обговорення в широких наукових колах, оскільки саме в рамках даної проблематики можливе вирішення важливої, на сьогоднішній день, проблеми впливу модернізації на політичні події, які нині відбуваються в нашій державі.

Одним із важливих аспектів даної теми є вивчення історії селянських організацій, які на політичній арені початку XX ст. були представлені рядом об'єднань, партій, організацій. Серед них виділявся Всеросійський Селянський Союз (ВСС), який відстоював інтереси як селянства, так і представників інших соціальних прошарків – робітників, інтелігенції, дрібних власників міста і села. В контексті існування якої ми і звертаємося до постаті В. Г. Богораза-Тана.

Російський письменник-фантаст, вчений-етнограф, революціонер-народоволець, етнокультуролог, лінгвіст, визначний політичний діяч початку XX ст., який прагнув не лише віднайти шляхи мирного, і за

можливістю, гуманного вирішення державних питань, але й боровся за здійснення власних ідей, які могли справити позитивний вплив на подальшу модернізацію самодержавної Росії.

Слід відзначити, що нині існують різнопланові дослідження життя, літературного та етнографічного спадку науковця. Так, Н. Кулешова, досліджуючи літературну творчість Богораза, в загальних рисах описує його біографію [1]. Окремі моменти біографії В. Богораза-Тана та пов'язані з ними події в історії отримали висвітлення в дослідницькій літературі, присвяченій вивченню народництва і неонародництва.

Народовольська діяльність політичного діяча отримала належне висвітлення у ряді публікацій В. Левицького, Л. Менициков, С. Валка та ін. [2–4]. Дослідницький характер мали також статті А. Кулакова, соратника Богораза по народовольству [5].

Історія взаємин енесів з близькою до них фракцією трудовиків простежена Д. Колесніченко, яка спочатку заперечувала зазначену Н. Єрофеевим основоположну роль народних соціалістів при розробці трудовиками аграрного законопроекту, але в пізніших роботах частково визнала цей факт [6]. При цьому, вказуючи на протидію енесів спробам деяких трудовиків оформити окрему партію, Д. Колесніченко наводила приклад виступів з критикою таких спроб Богораза-Тана. П. Маслов, де у досить стислому нарисі критикував енесів за поступки власницьким настроям селянства і за незначну роль в громадському русі [7]. М. Леонов, що доповнив історію есерів численними фактами, в тому числі що стосуються взаємодії цієї партії з енесами і Селянським Союзом, наводить цікаві відомості з біографії політика [8].

Важливу роль Богораза-Тана в процесі створення Союзу відзначено в книзі «Всеросійський Селянський Союз перед судом історії», написаній братами Мазуренко, які входили до складу керівництва цієї організації [9]. У дослідженні діяльності Всеросійського Селянського Союзу Е. Кірюхіної проводилася думка про ліберальність Богораза-Тана, який нібито заважав, поряд з іншими помірнo-буржуазними лідерами Союзу, прояву революційних устремлінь селянства [10].

Джерелом даних про діяльність Богораза-Танає тако ж періодична преса. Особливо це характерно для 1905–1907 рр., коли в звільненій від цензурних кайданів пресі висвітлювався хід різних громадських зібрань, в яких, поряд з іншими, брав участь і Богораз-Тан. Так, його участь в 1905 р. в з'їздах Спілки вчителів Московської області і Всеросійського Селянського Союзу описано в газеті «Русские ведомости». Спроби Богораза-Тана залучити на бік енесів демократичну інтелігенцію в ході передвиборних зборів під час виборчої кампанії в Другу Думу відбилися на сторінках газети «Товариш».

Неординарність особистості Богораза-Тана визначається не лише різнобічністю інтересів, уподобань, починань, а й підкреслюється яскравими прикладами особистого життя.

Адже саме для подальшої реалізації себе як суспільно-політичного діяча він у 22 роки приймає православ'я, про що пише: «Моє занурення в православну купіль свідбулося восени 1885 р. Був я Натан Менделєєвич Богораз, став Володимир Германович Богораз, – Германович по хрещеному батьку, як тоді належало. У той час прийняти православ'я означало перестати бути євреєм. Я, проте, євреєм бути не перестав, про що засвідчив багатьма вчинками. До речі, моє літературне ім'я «Тан» є розчленований підпис Н. А. Тан, т.б. ім'я «Натан». Вже після того підпис сам собою зв'язався з батьківщиною моєї – Таганрогом, вимовляється «Танагрог» (в давнину Дон був Танаїс, і біля гирла стояла грецька колонія Тана).

Говорити про моє православ'я або християнство, зрозуміло, смішно. Але з ранньої юності я себе вважав не лише євреєм, але також і росіянином. Не лише росіянином, російським громадянином, але саме росіянином. Вважаю себе росіянином і відчуваю росіянином. Людина може прекрасно мати дві національних свідомості: італієць з Тессина і швейцарець, валлієць і разом англієць. Адже, крім того, я почуваю себе людиною. Людина – це ім'я велике, всеоб'ємне, ясне» [11].

Натан народився у багатодітній сім'ї єврейського вчителя (5 дітей – 3 брати і сестра) в м. Овруч Волинської губернії у квітні 1865 р. Отримав гарне виховання та освіту: «Я народився в квітні 1865 р., точного дня не знаю, можливо, що 15-го, в маленькому містечку Овручі, в глушині Волинського Полісся. По паперах же моїм значилося, проте, що я народжений в Маріуполі в 1862 р.» [11]. Життя було складним, багато чого не вистачало, проте всі члени родини максимально намагалися долучитись до певного виду підробітку: «Так що голодувати ми ніколи не голодували. До того ж ми, діти, рано почали давати уроки. Я став давати уроки з 3-го класу, тобто. з 10-ти років. Учні мої були бурмила «грекосыпендоси». Ще козаки – куркули, вірмени, караїми. Інший розсердиться бурмило, схопить учителішку за комір і підніме на повітря. Я, втім, люто відбивався, – брикався і кусався. Устої в Таганрозі були степові, – суворі. Ми, гімназисти, жорстоко билися з уїздниками, билися на кулачки, ходили стіна на стіну. Вони нас називали «дришпаки»: жахливе слово, що воно, власне, значить, було невідомо, але це тим гірше. Вчився я легко. По-перше, вивозила пам'ять, а по-друге, гімназія була ліберальна, – вимагали мало» [11].

Отримавши гімназійну освіту в Таганрозі, вступає на природниче відділення Санкт-Петербурзького університету. Проте даний напрям не

задовольняв інтелектуальні потреби молодого і талановитого хлопця, і він переводиться на економічне відділення юридичного факультету цього ж навчального закладу.

Активна життєва позиція, прагнення до модернізації існуючого політичного режиму, а можливо, і вплив старшої сестри, підштовхнули молодого студента до участі в революційній боротьбі. Судячи з усього, революційними ідеями Богораза заразила його старша сестра Перль (Параска Шебаліна) (вищі жіночі курси в Петербурзі, схоже, зіграли з нею злий жарт, спрямували дівчину на радикальну боротьбу з царським режимом). Правда, для самої Параски ігри в політику закінчилися дуже плачевно: спочатку вона пішла під суд у київській справі, потім разом з немовлям потрапила до Московської пересильної в'язниці, де несподівано померла. Пізніше справу Параски намагалися продовжити її брати – Сергій і Микола. Сергій, як говорили, проявив себе у 1905 році під час Горлівського повстання робітників. Йому загрожувала страта. Врятувала його лише втеча за кордон. А ось Микола сповна упізнав і тюремний побут, і поневіряння заслань. Від політики він відійшов вже за радянських часів, прославившись вже на терені медицини, ставши досвідченим хірургом і професором Ростовського університету.

Богораз згадує: «У 1880 р. ми разом з сестрою поїхали до Петербурга, в університет. Був я по суті цуценя, і ще не дуже облизане. Що робити? Вчитися, читати або бігати на таємні зібрання? Грошей до того ж нам з дому зовсім не висилали. Я, все-таки, багато читав, навчався по-французьки, по-німецьки».

«Тут я все ж перейшов на II курс. Екзамени мені далися легко. Але до цього часу я встиг зав'язнути в політиці. Брав участь в студентському гуртку по вивченню Маркса. Ми узяли I том «Капіталу» і стали вигадувати реферати глава за главою. Спочатку повечеряємо, а потім читаємо до півночі. Були ми, правда, народники, але Маркса вивчили на зубок, досі не забувається, майже через півстоліття. Бував я і в інших гуртках, більш рішучішого спрямування. Зустрічався з Коганом-Бернштейном, бачив і чув Желябова, по прізвиську «Тарас». Був він людиною енергії невтомної. З одного боку, тримав в руках усі нитки царевбивства, що готувалося, з іншого боку, знаходив час возитися із студентами. Був він прекрасний оратор, темпераментний і твердий» [11].

За революційну діяльність у 1882 р. Натан був виключений зі складу студентів університету. Про тее спокійне життя було не для нього. Прагнення до суспільно-політичних змін, активна життєва позиція, літературно-мистецький хист привели молодого Натана до організації революційного гуртка в Таганрозі.

«Були вони такі ж молоді, як ми, і грошей заробляли більше, ніж ми. Ми, гімназисти і студенти, були загалом шантрапа різношерста, і навіть пожитейськи не було причин дивитися на робочих зверху вниз. Поставлять, наприклад, самоварчик, наріжуть ковбаси, хліб м'який, маслини, таранка, – нас же пригостять, не гірше буржуазного. Набралося їх відразу в гурток близько десятка, я їм читав курс по політекономії, і слухали вони надзвичайно уважно. Ще одна подробиця, – в той час ніхто з них не пив. Спільно з політекономією ми стали потроху планувати на заводі гарненський страйк. Але раніше цього страйку мене заарештували» [11].

Молодь організувала підпільну типографію по розповсюдженню нелегальної революційної літератури, за що потрапили під нагляд влади. Організатора – Н. М. Богораза арештували та кинули до в'язниці, а з годом відправили до Єйська. Слід відмітити, що протягом свого по дальшого життя він неодноразово арештовувався, сидів у в'язницях, засилався до різних міст та перебував на нелегальному становищі. Проте його це не зупиняло.

Бажання перемін, особиста участь у їх підготовці призвели до зміни релігійних поглядів. Зокрема, у 1885 р., відбувши черговий термін ув'язнення, Натан Богораз приймає православ'я.

Одружившись з росіяною, Богораз пізніше втрачає можливість проживати поряд з матір'ю. Зокрема про це він писав наступне: «Був віросповідання іудейського, але 22 роки тому прийняв православ'я. Точно так само вчинили мої інші брати і сестри. Всі ми вступили в шлюби з росіянами і маємо російські сім'ї. Батьки мої зберегли іудейське віросповідання і жили на Кавказі в м. Баку. Три роки тому батько помер. Залишилася мати, якій зараз 68 років від роду... Адвокат... пояснив мені, що в якості православного я не маю права тримати при собі матір єврейку, і що таке право можуть мати тільки особи іудейського сповідання поза межею осілости. Виходить, що з прийняттям православ'я пов'язана втрата права, в даному випадку для мене дуже істотного...» [11].

У 1885 р. став одним із організаторів катеринославського з'їзду «Народної волі» і редактором останнього номеру журналу «Народна воля». У 1886 р. заарештований та ув'язнений у Петропавлівській фортеці. Через три роки його вислано на 10 років у заполярний Колимськ.

З цього часу розпочинається наукова (етнографічна) і літературна діяльність Богораза. У літературі він отримав прізвисько «дика чукча». Його перу належить близько 130 друкованих праць з етнографії, фольклору та лінгвістики. Основні дослідження присвячені культурі народів Євразії та Америки. Богоразом виконана величезна робота з вивчення луораветлантської (чукотської) мови: складена граматики, опубліковані фольклорні тексти, виданий словник. Крім того, ним зібрані і

опубліковані тексти на німіланській (коряцькій) та ітельменській мовах. Видав також нарис граматики юїтської (ескімоської) мови; крім того, він займався вивченням евенської (ламутської) мови, матеріали щодо якої опублікував у вигляді граматичного нарису з додатком тексту і словника.

У 1898 р. за клопотанням Академії наук Богораз був звільнений із заслання і став співробітником Музею антропології і етнографії в Петербурзі. З кінця 1899 р. – учасник ряду етнографічних експедицій на Камчатку, Анадир, Чукотку, в Америку та Канаду. Входив, як і М. Туган-Барановський, входив до редакції легальних марксистських журналів «Начало» і «Жизнь» [12, с. 91].

Був одним із організаторів ВСС – найбільш масової організації селянства в період революції 1905–1907 рр. Самевіннаголошував, що ВСС – це самепрофесійна організація. «На селі, писав він, – політична робота лише тільки розпочата, і нам належить провести селянські масикрізь останню і найбільшу професійну спілку, щоб, висуваючимогу про передачу всієї землі народу, нейтралізувати підступи селянської чорної сотні і зробити селянство придатним для організації в демократичну партію, яка піде рука об руку з партією робітничого пролетаріату» [12, с. 20].

«У 1905 році розпочалася революція. У січні я зіткнувся з Гапоном, перезнайомився з гапонівськими робітниками, особливо з Кузіним, вчителем і слюсарем, гапонівським секретарем. Був він людиною кристальної чистоти, узяв на виховання єдиного сина голови Васильєва, убитого біля Нарвських воріт, коли вони лежали утрюх, розпластавшись на снігу, – посередині Гапон, ліворуч Васильєв, справа Кузін.

Потім був московський жовтень. Жовтень № 1. Я близько стояв до центрального страйкового комітету. Ще ближче до першого Селянського Союзу. Намагався все побачити, довідатися. Така була ненаситна жадність, немов в душі, в глибині провальна діра, – хапаєш кипляче життя жменями, рвеш к шматками і пхаєш в глибину. Наповнюєш внутрішню порожнечу і не можеш наповнити. Тут і обмірковувати ніколи, – писати і віддавати людям. Зімнеш, викинеш декілька клаптиків, – нате! І далі на лов, до нового, до нового. Це напевно через те, що довелося пережити одну за іодною цілих три революції. Гірка пінареволюції, солона, тепла кров. І нею ніяк не нап'єшся, тільки захлинешся, як піною морською. І сохнуть вуста, і спрага сильніша і наполегливіша».

В 1905–1907 рр. Богораз був також одним із організаторів та керівників ВСС, автором низки відозв ВСС, членом Бюро сприяння ВСС, членом Організаційного комітету правонародницької партії народних соціалістів. Під час першого засідання ВСС було обрано Організаційне бюро для організації Селянського союзу. Брати Мазуренки писали про цей процес: «До селянського об'єднання москвичів незабаром долучилася

революційна безпартійна демократія м. Москви в особі колишнього народовольця Богораза-Тана та його друзів. З цієї демократії і склалось перше бюро сприяння Селянському Союзу, що юрало участь в роботі двох Всеросійських з'їздів селян і розгромлене царським урядом 14 листопада 1905 р.» [12, с. 27; 9, с. 16].

Як один із організаторів ВСС публікував статті і вірші у більшовицьких газетах «Казарма» та «Голос солдата». Протесвітогляд і політична позиція Богораза не були чіткими. Він схилився до народницького лібералізму, став одним із засновників «Народно-соціалістичної партії».

Науковці по-різному оцінюють роль і значення діяльності як окремих організацій, так і окремих особистостей. Зокрема, Д. Колесниченко, аналізуючи склад Організаційного Бюро, говорить, що його члени були інтелектуалами. Деякі з них були в минулому народовольцями (Богораз-Тан), або пов'язаними з Народною волею (Блеклов), а потім з есерами. Це були люди яскравих обдарувань і демократичних переконань, які чимало зробили для політичної просвіти селянства. Тому важко погодитися з існуванням в нашій історіографії дещо зневажливими оцінками подібних діячів як буржуазних лібералів. Або, в кращому випадку як дрібнобуржуазних демократів [12, с. 28].

За оцінками Є. Кірюхіної, заслуги організаційного Бюро в розвитку союзницького руху не було. Воно «всю свою діяльність після з'їзду звело до розсилки через місцеву інтелігенцію ліберальних видань. По-суті Бюро прагнуло загальмувати розвиток селянського революційного руху і створення Селянського Союзу як масової революційно-демократичної організації селянства» [10, с. 98–99].

Д. Колесниченко наголошує, що «діяльність Організаційного бюро була хоча і скромною, але тим не менш успішною, тому що в результаті їм вдалося скликати і провести Установчий з'їзд, що відбувся 31 липня – 1 серпня 1905 р. Москві» [12, с. 29].

Діяльність організаційного Бюро не слід оцінювати однозначно. Адже виходячи з його завдань, – організувати населення, в основному селянські маси, провести роз'яснювальну роботу таким чином, щоб приїхали делегати від максимально віддалених та ближніх районів Російської імперії – на з'їзд, було надзвичайно складно. Серед методів, які вони мали в своєму арсеналі – розповсюдження листівок, газет, проведення бесід про війну, про селянське малоземелля тощо. В умовах царської цензури та постійного нагляду жандармів, організація будь-яких заходів – зборів, була надзвичайно важкою і кропіткою справою. Для цього використовувались приватні будинки, відкривались «чайні», де можна було почитати газети, а ніколи і отримати їх додому для подальшої гітації та поширення.

Організаційне бюро розсилало на адреси лікарів, вчителів, фельдшерів та працівників земських установ резолюцію травневої наради про утворення ВСС, яка була надрукована в газеті «Русь» та «Веснике сільського хозяйства», а також у вигляді окремої листівки. Ці дії мали практичніна слідки. І саме Організаційне бюро, на нашу думку, виконало свою функцію роз'яснення, агітації, залучення і організації.

А Куренишев у своїй монографії називає В.Г. Богораз «старим народником, який входив до складу Бюро сприяння організації Селянського Союзу». Крім того, саме склад бюро сприяння, саме ці люди були авторами «Приговора» про організацію ВСС, документа, складеного в довільній формі вироку сільського сходу, в якому викладалися програмні вимоги ВСС» [13, с. 25].

З активну політичну роботу у ВСС Богораз було арештовано в числі інших діячів, коли розпочався період репресій проти учасників ВСС. «14 листопада 1905 Володимир Германович був арештований в Москві як учасник з'їзду Селянського союзу. 4 грудня Боас отримав з Москви Каблограму про арешт Богораз і звернувся за допомогою до Радлова з проханням посприяти звільненню вченого-революціонера.

Звільнений за два тижні під заставу, Богораз ненадовго поїхав у Фінляндію, а потім знову повернувся в Петербург».

«За старого народника, відомого етнографа, одного з видатних діячів Селянського Союзу В.Г. Богораз (Тана) клопотало багато впливових осіб, і він практично unikнув будь-яких репресій. Ініціатори та особи, які співчували організації Селянського Союзу, які належали до вищих класів суспільства, взагалі unikли будь-яких покарань» [13, с. 232].

Він сам про себе писав «У мене репутація така – до війни «дикий чукча», а тепер – «більшовик»». У 1905–1907 рр., коли з'явилася і деякий час існувала надія домогтися у самодержавства поступок шляхом організованих масових протестів або парламентським шляхом, найбільш яскраво і повно проявилися помірні-соціалістичні погляди В.Г. Богораз-Тана, які і він пропонував у діяльності ВСС.

У 1910 р. вишло його 10 томне зібрання творів. «Під час Першої світової війни виїхав на фронт як начальник санітарного загону Союзу міст, був у Карпатах, в Польщі, Угорщині, друкував кореспонденції в газеті «Біржові відомості».

Видатний вчений і громадський діяч, Богораз в радянський час працював Хранителем Музею антропології та етнографії Академії наук, був професором спочатку Географічного інституту, а пізніше – Петроградського університету. Він автор перших підручників, словників і граматики чукотської мови, засновник Комітету для сприяння малим народам Півночі при Президії ЦК, засновник Ленінградського інституту

народів Півночі. У 1932 р. став директором Музею історії, релігії і атеїзму АН СРСР.

У 1987 р. його ім'ям названа Чукотська Окружна публічна універсальна бібліотека ім. В. Г. Тана-Богораза.

Загалом, оцінюючи свій життєвий шлях та політичну діяльність Богораз у своїй автобіографії зазначив наступне: «І мій грамофон записав: «Будувати, достатньо ламали, потрібно будувати». Після великої пожежі розкидаємо старі колоди, інколи досить безцеремонно, і тягнемо нові. Приладнуємо старі дошки, склеюємо бите скло. У новому господарстві і старе згодиться. Але більше потрібно нового.

І ми, інтелігенти, російські учені, спеці від науки прикладної і абстрактної, у власних душах своїх створюємо це нове. До великого щастя, революція оновила наші власні душі. І ми їх куємо і чеканимо, як метал, гостру зброю ми витягуємо з власних думок. Їх загострили минулі бурі і минулі страхи.

Переваливши на сьомий десяток, на 62 році я щасливий і задоволений не тим, що я пережив цілих три російських революцій, їх пережили і старі огорожі, які хоча покосилися, але ще не впали, – я щасливий тим, що після цих революцій я відчуваю разом з усіма, і тепер, коли будують, я будую з іншими» [11].

В. Г. Богораз-Тан вніс значний вклад в організацію і створення ВСС, розповсюдження серед селян ідей, іншого бачення власного майбутнього, що несло в собі формування нового світогляду.

Список використаних джерел

1. Кулешова, Н. Ф. В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество / Н. Ф. Кулешова. – Минск : БГУ, 1975. – 112 с.
2. Левицкий, В. Партия «Народной Воли» / В. Левицкий. – М.-Л. : ГИ, 1928. – 211 с.
3. Валк, С. Н. «Молодая партия Народной Воли» / С. Н. Валк // Проблемы марксизма. – 1930. – № 1.
4. Меньщиков, Л. Охрана и революция / Л. Меньщиков. – Ч. 1. – М. : Всесоюз. Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. – 431 с.
5. Кулаков, А. А. «Народная воля» на юге в половине 80-х гг. // Народовольцы после 1-го марта 1881 г. – М. : Изд-во Всесоюз. Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. – С. 140–144.
6. Колесниченко, Д. А. Трудовики в период первой российской революции / Д. А. Колесниченко. – М. : Наука, 1985. – 319 с.
7. Маслов, П. П. Аграрный вопрос в России / П. П. Маслов. – 6-е изд., доп. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. – Т.2. – 435 с.
8. Леонов, М. И. Партия эсеров в 1902–1907 годах / М. И. Леонов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 511 с.

9. Мазуренко [С.П., Мазуренко В.П.] Всероссийский крестьянский союз перед судом истории. – Отд. оттиск из журн. «Пути революции» [Полтава], 1926. – Т. IV (7).

10. Кирюхина, Е. И. Всероссийский Крестьянский Союз в 1905 г. / Е. И. Кирюхина // Исторические записки. – Т. 39. – М., 1955.

11. Автобіографія [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_0005.shtml. – Датат доступа: 04.11.2018.

13. Колесниченко, Д. А. Всероссийский Крестьянский Союз в 1905–1907 гг. // Д. А. Колесниченко. – М. : Изд. дом Ин-та рос. истории РАН, 2006. – 308 с.

14. Куренышев, А. А. Всероссийский Крестьянский Союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. – М. : АИРО-XX ; СПб., 2004. – 333 с.

УДК 324

В. П. ДЖИГИЛО

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

МОРИС ДЮВЕРЖЕ: ОСНОВОПОЛОЖНИК ТЕОРИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Идеи известного французского ученого Мориса Дюверже определили теоретические основания проведения избирательных кампаний. М. Дюверже – известный французский научный деятель в области политологии и социологии, теоретические работы которого позволили определить основные принципы современных избирательных систем [6, с. 62].

М. Дюверже не только теоретик, но и практик. В молодости он был членом французской партии фашистского толка – «Французской народной партии», но во время Второй мировой войны примкнул к французскому движению Сопротивления. В 1955–1985 гг. преподавал в Парижском университете. Некоторое время он был советником и консультантом многих послевоенных европейских правительств. Являлся одним из разработчиков Конституции французской Пятой республики. С 1989 по 1994 г. Морис Дюверже – член Европейского парламента [1, с. 203].

Мировая известность пришла к Дюверже после выхода труда «Политические партии» (1951), посвященного развитию и сущности политических партий, законам их функционирования и роли в контексте политических режимов и избирательных систем. Рассматривая структурно-организационные аспекты партий, ученый придерживался идей институционализированного развития, впервые в политологии актуализировал вопрос о взаимосвязи партийной, парламентской и

избирательной систем, четко обосновал взаимосвязь электората и политических кругов в государстве.

Сформировав понятие о генезисе политических партий, М. Дюверже определил основные механизмы этого процесса, выделил следующие факторы создания политических партий: общность политических доктрин; географическое соседство (локальный фактор), идеологический фактор, интересы объединений.

Выделенные факторы позволили в наибольшей степени структурировать политические партии, а также определить основные векторы их развития.

В своих трудах М. Дюверже акцентировал внимание на институциональных аспектах избирательных процессов и избирательных технологий, объясняя повышение роли избирательных компонентов в функционировании политических систем. Вторая половина XX в. – время активных демократических процессов в Западной Европе и США. От расширения демократических процессов, а следовательно, и процесса волеизъявления, возникает необходимость привлечения в слой электората новые слои населения. Иными словами, следование основным принципам всеобщего избирательного права. Например, предоставление избирательных прав женщинам (Франция и Италия – 1945 г., Греция – 1948 г., Швейцария – 1972 г. и т. д.) [4, с. 143].

В рамках разрабатываемой им политической теории М. Дюверже акцентировал внимание на партийной системе, обосновав «три социологических закона взаимосвязи избирательных и партийных систем», содержание которых раскрывается в следующих положениях: 1) пропорциональная избирательная система обуславливает возникновение многопартийной системы, характеризующейся существованием автономных партий с жесткой внутренней структурой; 2) абсолютная мажоритарная избирательная система порождает партийную систему, в которой партии занимают гибкие позиции и стремятся к взаимному компромиссу; 3) относительная мажоритарная избирательная система влияет на формирование двухпартийной системы.

Рассматривая генезис политических партий, французский ученый выделил три фактора, влияющих на их становление и развитие: религиозный, внутренний (парламентский), внешний.

М. Дюверже акцентировал внимание на том, что строй партии может сложиться посредством действия предшествующих ей институтов, собственная деятельность которых протекает за пределами парламента и выборов [5, с. 43].

В рамках классической политической теории значимое место занял «Закон Дюверже», отражающий взаимосвязь между числом партий в

государстве и его избирательной системой: «Принцип большинства и выборы, предусматривающие только одну баллотировку, ведут к возникновению двухпартийной системы». Наиболее известными примерами государств с двухпартийным законодательным органом являются США, Мальта, Британия и т. д. Нужно подчеркнуть, что немаловажным является территориальный принцип, то есть процедуры, применяемые партиями при определении политических позиций относительно политического курса государства, зависят в значительной степени и от страны, и конкретной партии, и ее идеологии [1]. К примеру, Британский парламент, где происходит борьба либералов с лейбористами за право составлять оппозицию консерваторам. На недавних парламентских выборах в Великобритании в 2017 г. тенденция, намеченная Дюверже, продолжилась. С небольшим перевесом победила консервативная партия, право быть оппонентами консерваторам получила лейбористская партия. Здесь работает территориальный принцип: консерваторы и лейбористы борются на севере страны, в частности, в городах, в то же время консерваторы и либерал-демократы на юге и в сельской местности страны.

Антиаргументом в своем роде может являться партийная ситуация в Канаде. На последних выборах в 2015 г. доминирующими стали три партии: либеральная, консервативная и новая демократическая партия, но на данных выборах ведется борьба между партиями либерального и консервативного толка. Основная борьба между консерваторами и либералами развернулась в центральной части страны, в то же время на окраинах велась борьба между консерваторами и демократами. Данная тенденция, которая наметилась в 1993 г., может быть обусловлена территориальным размером Канады [7, с. 142].

Таким образом, М. Дюверже, гармонично соединив теоретические и практические аспекты, обосновал значимость партийных и избирательных процессов в функционировании политической системы, дал импульс активизации политологических исследований в области избирательных процессов.

Список использованной литературы

1. Гудин, Р. Политическая наука: новые направления / Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. – М. : Вече, 1999. – 695 с.
2. Даниленко, В. Н. Дюверже Морис [Электронный ресурс] / В. Н. Даниленко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.scilib.com/article035793.html>. – Дата доступа: 28.11.2018.
3. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. – М. : Академический проект, 2002. – 560 с.

4. Мельник, В. А. Политология : пособие / В. А. Мельник. – Минск : Выш. шк., 2014. – 367 с.
5. Политика. Толковый словарь / Д. Андерхилл [и др.] ; под ред. И. М. Осадчей. – М. : Весь мир, 2001. – 287 с.
6. Политология : энцикл. словарь / общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. – М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. – 431 с.
7. Санжаревский, И. И. Политическая наука: словарь-справочник / И. И. Санжаревский. – 6-е изд., испр. и доп. – Тамбов, 2016. – 415 с.

УДК 94(450)

В. С. КУЗЮРИН

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

СЕРДЖИО ЛЕОНЕ – ОСНОВАТЕЛЬ СПАГЕТТИ-ВЕСТЕРНОВ

При жизни его называли «ловким ремесленником, цинично манипулирующий зрителем» и даже «разрушителем жанрового кино», после смерти – гением. Его кредо – «Лучшее и самое красивое зрелище – это хорошо снятая небылица». Серджио Леоне родился 3 января 1929 г. в кинематографической семье: отец был известным итальянским режиссером, мать актрисой. В 1925 г. его отцу предложил экранизировать свой роман Бенито Муссолини. Отец отказался, назвав его роман на редкость плохим. Бенито не забыл и, придя к власти, обвинил его в коммунистической пропаганде и запретил вести профессиональную деятельность. Детство Серджио прошло в бедности.

Начальное образование он получил в закрытой католической школе. Он плохо учился, часто прогуливал уроки, а в это время смотрел в кинотеатре американские фильмы, особенно любимые им вестерны, которые шли там постоянно. После школы, под давлением родителей он поступил на юридический факультет. Но Серджио хотел пойти по стопам отца, бросил юрфак и устроился на студию «Чинечита» помощником режиссера. В этой должности он принимал участие в создании главных пеплумовских картин (использование античных или библейских сюжетов, большая продолжительность и множественные батальные сцены) тех лет: «Камо Грядеши», «Бен Гур» и «Последний день Помпей», где состоялся в некоторой степени его режиссерский дебют. Марио Боннар, снимавший фильм, заболел, и доснимать фильм предложили Леоне, однако в титрах, как режиссер, он указан не был. Но его настоящим дебютом в этом звании стал пеплум «Колосс Родосский». Колосс Родосский – одно из семи чудес света, гигантская 36-метровая статуя Бога солнца – Гелиоса, установленная жителями острова Родос в благодарность за спасение от врагов. Однако продюсер данной картины узнал об этом всего за неделю до начала

съемок. Он думал, что Колосс Родосский – это античный герой как Геракл. Его огорчило, что он вложил деньги в фильм всего лишь о памятнике архитектуры, а забрать вложения назад было невозможно. Существовал лишь один вариант – переписать сценарий. И тут продюсер вспомнил, что Леоне когда-то предлагал создать фильм о том, как огромная статуя ходит по городу и давит людей. После чего назначил Леоне режиссером. В фильме статуя не ожила и не подавила людей, но фильм имел успех в Италии и окупил все затраты продюсера.

В начале 1960-х гг. Серджио переключил свое внимание на вестерны. В Италии вестерны снимали давно, но только для внутреннего просмотра, а Леоне вышел с ними на мировой рынок и сразу вызвал сенсацию, благодаря чему считается родоначальником «спагетти-вестернов», т.е. вестернов, снятых в Италии. В жанр «спагетти-вестернов» он вошел с фильмом «За пригоршню долларов», который также является первой частью «долларовой трилогии». Фильм является вольным ремейком самурайской драмы Акиры Куросавы «Телохранитель» (1961), действие которой перенесено на Дикий Запад. Фильм снимался на юге Испании, где снимать было дешевле всего, а ландшафты походили на Техас. На роль главного героя приглашались Чарльз Бронсон и Генри Фонда, но они оба отказались из-за маленького гонорара. В итоге «Человека без имени» сыграл малоизвестный тогда Клинт Иствуд. Леоне увидел его в роли ковбоя в сериале «Сыромятная плеть». По словам Серджио, у Иствуда есть всего два выражения лица – в шляпе и без нее. Роль Человека без имени сделала актера знаменитым. Человеком без имени его называют из-за того, что во всех фильмах трилогии его называют по-разному, но и одновременно никак. В частности в фильме «За пригоршню долларов» его один раз называют «Джо», в фильме «На несколько долларов больше» – Леворуким, а в фильме «Хороший, плохой, злой» – Блондинчиком. Композитором Леоне пригласил своего одноклассника Эннио Морриконе. Леоне прослушал его старые наброски, выбрал понравившуюся ему мелодию и велел записать ее в другой аранжировке: чтобы вместо голоса певца звучал свист. Творческий союз Леоне и Морриконе продлился до последнего фильма, снятого режиссером.

Этот фильм открыл эпоху популярности «спагетти-вестернов» и определил многие характерные черты жанра: фантастическая меткость персонажей, обилие насилия, очень крупные планы лиц героев, пронзительные музыкальные пассажи, длинные паузы, преобладание эффектного зрительного ряда над сюжетом. За день до съятия ключевой сцены Леоне дал всей съемочной группе выходной, и сам покинул съемочную площадку. Клинт Иствуд с коллегами решил проверить, насколько реально быстро выхватить пистолет и, не целясь, попадать. В результате было в щепки разнесено несколько декораций, а от

рикошетов даже пострадало режиссерское кресло. Будучи достаточно точным сюжетным ремейком «Телохранителя» Куросавы фильм в то же время никак не ссылался на первоисточник. Это вызвало судебный иск со стороны Куросавы о защите авторских прав. В письме Леоне японский режиссер написал: «Это очень хороший фильм, но это мой фильм». Судебное разбирательство создатели фильма проиграли и были вынуждены выплатить компенсацию в размере 100 тыс. долларов и 15 % от всех кассовых сборов фильма, а также уступить права на прокат фильма в Японии, Южной Корее и на Тайване. Еще одной особенностью фильма является то, что Леоне взял себе псевдоним «Боб Робертс». Это было обусловлено тем, что раньше в Италии люди не ходили на итальянские фильмы, а ходили исключительно на американские. Именно поэтому Леоне схитрил и взял себе псевдоним Боб Робертс.

Два продолжающих «долларовую трилогию» фильма «На несколько долларов больше» (в центре сюжета двое «охотников за головами» – отставной полковник армии конфедератов Дуглас Мортимер и мастерски орудующий пистолетом одной рукой блондин по прозвищу «Однорукий» (Клинт Иствуд). Их пути пересекаются во время охоты за Индейцем – опасным главарем банды, бежавшем из тюрьмы) и «Хороший, плохой, злой» (его принято считать приквелом первых двух фильмов «долларовой трилогии»), так как действие фильма происходит в разгар Гражданской войны. Таинственный стрелок по прозвищу «Блондинчик» скитается по просторам Дикого Запада. У него нет ни дома, ни друзей, ни компаньонов, пока он не встречает двоих незнакомцев, таких же безжалостных и циничных. По воле судьбы трое мужчин вынуждены объединить свои усилия в поисках украденного золота. Но совместная работа – не самое подходящее занятие для таких отъявленных бандитов, как они. Компаньоны вскоре понимают, что в их дерзком и опасном путешествии по разоренной войной стране самое важное – никому не доверять и держать пистолет наготове, если хочешь остаться в живых. Леоне ставил перед собой задачу показать абсолютную абсурдность войны и принципиальное отсутствие в ней «благих побуждений». В одном из интервью он признался, что все три главных героя воплощают разные стороны его личности). Картины приносили все большую популярность создателям. В конце 1960-х гг. Леоне снимает свои вестерны при участии американской компании Paramount Pictures.

На одну из главных ролей следующей кинокартины «Однажды на Диком Западе» был приглашен американский актер Генри Фонда, который на тот момент был кумиром американцев и играл добродетельных персонажей, а в этой картине ему предлагалось превратиться в бандита. От такой идеи он пришел в восторг и с удовольствием согласился. Над

сценарием фильма, помимо Леоне, работали еще Дарио Ардженто и Бернардо Бертолуччи. «Однажды на Диком Западе» является первой лентой из негласной трилогии сюжетно не связанных друг с другом фильмов, повествующих о значимых периодах американской истории. За ним следуют фильмы «За пригоршню динамита» (1971) и «Однажды в Америке» (1984). Последние 15 лет жизни Серджио Леоне планировал снять масштабный фильм о блокаде Ленинграда во время Второй мировой войны. Рабочее название картины было «900 дней».

Во второй половине 1980-х гг. проект уже возможно было реализовать таким, каким его видел режиссер. Леоне собирался провести съемки в Советском Союзе, однако планам не было суждено сбыться. В марте 1989 г. он приезжал в СССР для переговоров по проекту будущей картины, но уже 30 апреля, вернувшись в Рим, Серджио Леоне умер от инфаркта миокарда. Вестерны Серджио Леоне положили начало новому направлению в европейском кинематографе под названием «спагетти-вестерн». Особый визуальный стиль фильмов Леоне – с крупными планами, необычным монтажом и яркими актами насилия – повлиял на таких известных режиссеров, как Квентин Тарантино, Мартин Скорсезе и Джон Ву. Обычные зрители также с годами стали открывать для себя работы итальянца. Сегодня можно найти фильмы Серджио Леоне в списках не только лучших вестернов, но и лучших фильмов в истории кино. Его картины стали настоящей классикой не только для прожженных синефилов, но и для рядового зрителя. Практически любой человек, даже не будучи фанатом вестернов, знает, как называется фильм Серджио Леоне – хотя бы один.

Список использованной литературы:

1. Кино на выходные: Настоящие гангстеры и спагетти-вестерны Серджио Леоне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://locals.md/2015/kino-na-vyihodnyie-nastoyashhie-gangsteryi-spagetti-vesternyi-serdzhio-leone/>. – Дата доступа: 04.12.2018.
2. Серджио Леоне: Биография, личная жизнь, фильмы, фото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/421832/serdjio-leone-biografiya-lichnaya-jizn-filmyi-foto>. – Дата доступа: 05.12.2018.
3. Серджио Леоне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 06.12.2018.
4. Серджио Леоне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ivy.ru/person/serdzhio_leone. – Дата доступа: 07.12.2018.

УДК 94(476)+277.4

Т. В. ЛИСОВСКАЯ

Беларусь, Брест, БрГТУ

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л. ДЗЕКУЦЬ-МАЛЕЯ

Социальная концепция религиозных организаций основывается на принципах веры и находится в плоскости понимания характера взаимодействия человека / церкви и общества. В социальной концепции отражаются взаимоотношений человека и государства, церкви, как социального института, и, соответственно, вопросы ее открытости или замкнутости обществу, вопросы участия церкви и верующих в решении актуальных проблем общества. Миссия церкви во взаимоотношениях с обществом заключается в предоставлении обществу актуальных ответов на основе Божьего Слова, через проповедь учения и социальную работу.

Социальная концепция протестантизма, как в принципе и христианства в целом, опирается на два основных принципа:

- утверждение достоинства человека, которое заключается в понимании ценности личности, и реализуется с одной стороны, в реализации ее прав и свобод, прежде всего, свободы совести, и с другой стороны, при личностном кризисе выражается в стремлении восстановить достоинство человека, попавшего в трудную ситуацию, и помочь реализовать свой потенциал
- всеобщее предназначение земных благ для обеспечения социального равенства и справедливости посредством помощи социально незащищенным категориям общества.

Протестантизм, будучи субъектно / личностно ориентированным вероисповеданием основой социального служения определяет личное участие в нем верующих, высокую мотивацию к социальной деятельности, и, вместе с тем, личностную ответственность человека за реализацию заложенного в христианстве потенциала милосердия и любви.

Жизнь и служение брестского пастыря Лукаша Дзекуць-Малея является ярким свидетельством реализации социальной концепции протестантизма.

В социальной позиции белорусского пастора Лукаша Дзекуць-Малея следует выделить два основных аспекта: вопросы социализации церкви и верующих (вопросы взаимодействия с обществом и государством) и вопросы реализации принципа социальной справедливости и солидарности.

Вопросы социализации церкви и верующих затрагивают вопросы взаимодействия с обществом и государством. Процесс включения

верующих в систему социальных взаимоотношений достаточно сложный, так как он основывается на дуалистическом отношении верующих к социальным коммуникациям. С одной стороны, как граждане, верующие должны выполнять законные требования общества и государства, а как члены религиозной общины – ориентироваться на религиозные ценности, которые являются главенствующими. Разрешение данной дихотомии заложено в социальной доктрине протестантизма, где определены принципы сотрудничества с обществом и выполнением каждого из верующих своих гражданских обязанностей, а также, в качестве основной функции государства указывается «...охранять права граждан, независимо от их взглядов на жизнь и отношения к религии». Соблюдение паритета прав и обязанностей верующих и государства и являются основой государственно-церковных взаимоотношений и социального взаимодействия верующих и общества.

Таким образом, взаимодействие церкви и верующих с обществом и государством определяются в контексте двух принципов:

- с одной стороны – позиция лояльности к государству, выражаемая в концепции законопослушания;
- с другой стороны – концепция приоритета интересов личности и общества над интересами государства.

Так, Л. Дзекуць-Малей поддерживал идею законопослушания и лояльности государственным властям, что проявлялось в его стремлении к легализации религиозной деятельности и созданию «Объединения славянских общин евангельских христиан и баптистов Польши», регистрации общин и взаимодействию с государственными властями будучи руководителем общины ЕХБ в Бресте и членом Союза славянских баптистов. Принцип законопослушания в социальной позиции Л. Дзекуць-Малей проявился, в частности, в поддержке обязательного исполнения воинской обязанности евангельскими христианами-баптистами [4, л. 75]. Кроме того, несмотря на неприятие советской власти, перед выборами в местные советы 1941 г. а беседе с другими баптистами Л. Дзекуць-Малей призывал выполнять требование закона и формальную процедуру «Для того, чтобы на нас, баптистов, не было гонений, процедуру голосования мы соблюдать должны...» [13, с. 16].

С другой стороны – в вопросе взаимоотношений общества, личности и государства в позиции Л. Дзекуць-Малей очевиден приоритет личности и общества над интересами и законами государства. Данный подход определен теологическими установками, выраженными М. Лютером в трактате «О светской власти»: «Над душой Бог не может и не хочет позволить властвовать никому, кроме себя Самого. Поэтому, если светская власть осмеливается диктовать законы душам, она грубо вмешивается в

Правление Господа, соблазняет и портит души». Поэтому, подчеркивая приоритет Божьего закона над человеческим и право свободы совести, в его деятельности явно прослеживается позиция дистанцирования от государства, нарушающего Божий закон и права свободы личности.

Поэтому, в той же беседе перед выборами 1941 г. Л. Дзекуць-Малей уточнил «а когда зайдете в кабину, у каждого есть своя духовная совесть, ее и выполняйте» [13, с. 16].

Именно социальная концепция приоритета интересов личности и общества над интересами государства обусловила активную политическую и гражданскую позицию Л. Дзекуць-Малея.

Активная гражданская позиция Л. Дзекуць-Малея основывалась на концепции открытости, активного церковно-общественного взаимодействия, а также социальной ответственности церкви и верующих за процессы, происходящие в обществе. Такая позиция (позиция Социального Евангелия) не могла не привести Л. Дзекуць-Малея к участию в решении актуальных вопросов социальных и национальных вопросов:

- управления общественными делами – Л. Дзекуць-Малей участвовал в органах местного самоуправления, в 1918 г. стал одним из организаторов органов местного самоуправления в местечке Кринки [7, с. 111], с 1919 г. был лавником Гродненской городской рады, представляя на уровне городского самоуправления интересы местного населения [7, с. 111];

- национального возрождения, развития национальной культуры и сохранения идентичности – участие в деятельности ТБШ, был председателем Центрального Белорусского школьного совета в Гродно, осуществление перевода евангелий на белорусский язык совместно с А. Луцкевичем [9, с. 80];

- государственного и национального строительства.

Не остался Л. Дзекуць-Малей в стороне и от вопросов государственного и национального строительства, активно участвуя в политической деятельности. Политическая деятельность Л. Дзекуць-Малея была направлена «на карысьць беларускай справы», особенно в гродненский период его жизни – в период наиболее активной борьбы за реализацию идеи белорусской государственности в 1918–1921 гг. В гродненский период жизни с 1919 по 1921 г. Л. Дзекуць-Малей находился в эпицентре белорусской национальной и политической жизни: он был сябрам Комитета национального возрождения Беларуси, клуба «Белорусская Хатка», Белорусского национального Комитета Гродненщины, одним из инициаторов создания Громады белорусской молодежи, Антон Луцкевич в своих дневниках упоминает его как комиссара БНР в округе Кринки-Лунна [2, с. 303; 6, с. 217].

Следует отметить, что в рамках общественно-политической деятельности Л. Дзекуць-Малея проявляется дуалистичность концепции государственно-церковных отношений. Заняв четкую позицию по белорусскому вопросу, государственная политика как польского правительства, так и советского, ставящая интересы государства выше интересов белорусского народа, воспринимались им как нарушение основ существования и цели государства, что позволяло отходить от принципа лояльности к государству и обосновывали его участие в противодействии данной политике и активной политической деятельности.

Так, уже в 1919 г. по утверждению У. Ляховского и А. Чернякевича, Л. Дзекуць-Малей занял радикальную позицию в белорусско-польских переговорах в Гродно: «Займаванне нашай зямлі мы разглядаем не як польскую акупацыю, а як месца барацьбы з бальшавікамі... У тую ж хвіліну, калі мы адкажамся ад гэтага погляда, мы станем разглядаць вас, як армію нашых ворагаў і пачнем на кожным кроку весці з вамі барацьбу» [7, с. 112]. В то же году, возглавив школьное дело на Гродненщине (член Центрального беларускага вучыцельскага хауруса), он, по сути, «вышел на линию невидимого, но значимого фронта белорусско-польского противостояния, в котором школьный вопрос играл важную роль» [7, с. 113].

Отношения Л. Дзекуць-Малея с советским правительством формировались на тех же принципах радикального противостояния «незаконной» власти: 27 июля 1944 г. ЛДМ выступил на Втором Всебелорусском Конгрессе в Минске и поддержал Резолюцию Конгресса, которая не признавала права советского правительства на белорусские земли и подтверждала III Уставную грамоту о создании на белорусских землях БНР [5].

Реализация принципа социальной справедливости и солидарности

Реализуя в разной форме социальное служение, Л. Дзекуць-Малей последовательно реализует принцип социальной справедливости (во всеобщем предназначении земных благ) и солидарности (соучастия в нуждах и потребностях общества).

Основные направления социального служения Л. Дзекуць-Малея были обусловлены кругом социальных проблем обозначенных в Библии: накормить голодных, напоить жаждущих, одеть раздетых, посетить больных и заключенных (Мтф. 25:35–36), заботиться о вдовах (Деян. 6:1) и сиротах (Иак 1:27), учить, кому не хватает знаний, утешить страждущих (Мтф. 5) и актуализированы необходимостью решения острых социальных проблем: сиротство, безработица, бедность.

Так, Л. Дзекуць-Малей в 1920 г. в Гродно возглавлял гродненский филиал Белорусского общества помощи жертвам войны и Опекунский совет белорусского приюта в Гродно, где содержалось более 100 сирот,

лишенных родителей в ходе войны [7, с. 119]. Приют был лишен всякого финансирования и содержался за счет частных средств. Л. Дзекуць-Малей вместе с женой Серафимой смогли получить на содержание приюта от Красного креста более 10 тыс. польских марок, что позволило приюту продолжить функционирование [12].

Переехав в Брест, Л. Дзекуць-Малей и Серафима создали при общине ЕХБ один из первых приютов для сирот на западнорусских землях. С 1927 г. приют находился при молитвенном доме [10, с. 6]. В разное время там находилось на воспитании от 15 до 20 сирот [14, с. 265–268].

По инициативе пастора в Союзе общин славянских баптистов в 1937 г. была создана специальная «похоронная» касса [14, с. 265–268]. После Великой Отечественной войны ЛДМ был инициатором организации дома престарелых в Нарве [10]. С. Пекун пишет, что дом Л. Дзекуць-Малей всегда был открыт для нуждающихся, он часто приводил в дом людей, чтобы они покушали, обогрелись и ушли [11, с. 12].

Следует отметить, что социальная позиция помощи нуждающимся Л. Дзекуць-Малей, основанная на его христианском мировоззрении выражается в форме милости / милосердия (которая имеет духовную мотивацию и проявляется посредством «действия – слово – молитва»), в отличие от светской филантропии, в основе которой прагматическая мотивация, направленная на самореализацию и самоудовлетворение. Это подтверждают свидетельства современников: из статьи С. Пекун: «Пастор их Торонто А.И. Пашко свидетельствует «Лука Николаевич, как верующий человек, был человеком мира. Но понимал, что если голодный человек, то его надо накормить, если нужно что-то помочь, то надо помочь. И он был таким человеком... Он часто приводил людей в церковь, чтобы они покушали, согрелись и ушли. Это было нормально для Луки Николаевича» [9, с. 128–129]. Следует также отметить внеконфессиональный и вненациональный характер помощи: ближний тот, кто нуждается в помощи, как то в приюте воспитывались дети, оставшиеся без родителей без различия конфессиональной принадлежности, так и при иных формах милосердия.

Следует также отметить, что еще одним направлением социальной заботы ЛДМ являлось острая проблема бедности и безработицы. В годы экономического кризиса 1929–1930 гг. уровень безработицы резко возрос, только в промышленности количество рабочих мест сократилось на 42 % [8, с. 215]. Эта проблема носила системный характер, и, конечно же, не могла быть решена только материальной помощью. Одним из выходов являлось обучение безработных новым специальностям, с тем, чтобы создать условия и придать импульс трудовой деятельности человека, что содействует восстановлению достоинства личности. В рамках данного

подхода при общине ЕХБ в Бресте с подачи Л. Дзекуць-Малея неоднократно были организованы пчеловодческие и портняжные курсы [11, с. 12], которые позволяли нуждающимся получить новую специальность и давали возможность начать новую жизнь.

Такой способ решения одной из социальных проблем свидетельствует о субсидиарном характере социальной работы Л. Дзекуць-Малея, при котором основой помощь проявляется не столько в финансовой поддержке, сколько, в борьбе за человеческую самостоятельность, ответственность и компетентность.

Как мы видим, социальную позицию Л. Дзекуць-Малея можно охарактеризовать как социально-активную патриотическую и социально-ответственную. Его социальная позиция как христианина основана на концепции открытых, интегрированных общественно-церковных и служения обществу во всех сферах жизни, проповедуя и утверждая евангельские принципы и ценности как абсолютные мировоззренческие ориентиры, социальные правила и этические регулятивы [9, с. 170]. Личная позиция христианина заключается в активном участии в социальном служении, используя свои дары и таланты на благо общества.

Социальная позиция Лукаша Дзекуця-Малея опирается на концепцию о социальной ответственности церкви за процессы, происходящие в обществе. Его жизнь и служение свидетельствует о его позиции, что церковь должна не только реагировать на негативные социальные явления (такие как бедность, безработица, сиротство), но и выйти за рамки чисто религиозной деятельности и усилить деятельность в сфере социальных коммуникаций и реализации социального идеала.

В центре данной социальной позиции Л. Дзекуць-Малея – протестантская концепция социального Евангелия, которое заключается в активизации детальности верующих в обществе, большего восприятия ими общественных, образовательных, социальных и политических сфер бытия. Концепция социального Евангелия в жизни пастора способствовала трансформации христианских убеждений в русло конкретных действий направленных на изменение белорусского общества (его общественно-политическая и национально-культурная деятельность) и утверждение достоинства личности путем создания условий для реализации потенциала личности (его социальная деятельность).

Жизнь и служение Л. Дзекуць-Малея – это яркое свидетельство реализации такого качества зрелой личности как социальная солидарность, которая проявилась в глубокой интеграции в общество, в потребности и проблемы общества, в стремлении к изменению общества и людей вокруг.

Данная социальная позиция реализована в жизни и служении пастора Л. Дзекуць-Малея – служить Богу, служить обществу, служить человеку.

Список использованной литературы

1. Бачышча, Ю. Царква і нацыя / Ю. Бачышча // Лукаш Дзекуць-Малей і беларускія пераклады Бібліі / пад рэд. А. Унучака (гал. рэд.) [і інш.] – Брэст : Альтэрнатыва, 2011.
2. Глаговская, Е. Евангельскі рух / Е. Глаговская
3. Глагоўская, Х. Дзейнасць Лукаша Дзекуць-Малея сярод баптыстаў на Палессі / Х. Глагоўская // Палессе – скрыжаванне культур і часу : матэрыялы навук.-краязн. канф., Пінск – Мінск, 25–27 верас. 1999 г. – Пінск, 2000. – С. 32–35.
4. Государственный архив Брестской области. – Ф. 67. Оп. 1. Д. 1570.
5. Другі Усебеларускі кангрэс / Беларуская палічка. Беларуская электронная бібліятэка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://knihi.com/none/Druhi_Usiebielaruski_Kanhres.html. – Дата доступу: 25.12.2018.
6. Луцкевич, А. Дзенник / А. Луцкевіч // Полюмя. – 1991. – № 4.
7. Ляхоўскі, У. Гарадзенскі “эпізод” жыцця пастара Лукаша Дзекуця-Малея / У. Ляхоўскі, А. Чарнякевіч // Лукаш Дзекуць-Малей і беларускія пераклады Бібліі / пад рэд. А. Унучака (гал. рэд.) [і інш.]. – Брэст : Альтэрнатыва, 2011. – С. 110–122.
8. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2.
9. Пекун, С. Лука Николаевич Дзекуць-Малей: жизнь и служение / С. Пекун // Роля асобы ў жыцці і дзейнасці хрысціянскай царквы.
10. Пекун, С. Лука Николаевич Дзекуць-Малей: жизнь и служение / С. Пекун // Крыніца жыцця. – 2000. – № 2.
11. Пекун, С. Лука Николаевич Дзекуць-Малей: жизнь и служение / С. Пекун // Крыніца жыцця. – 2000. – № 3.
12. Сумесная чыннасць хрысціянскіх сьвятароў і рэлігійных дзеячоў на ніве беларускай культуры ды дабрачыннасці ў гады першае сусветнае вайны (1914–1921) [Электронны рэсурс]. – Мінск : Белорус. цифровая библиотека LIBRARY.BY, 26 ноября 2010. – Рэжым доступу: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1290779789&archive=1291455490&start_from=&ucat=&. – Дата доступу: 18.09.2019.
13. Унучак, А. Сьвятар, патрыёт, перакладчык / А. Унучак // Лукаш Дзекуць-Малей і беларускія пераклады Бібліі / пад рэд. А. Унучака (гал. рэд.) [і інш.]. – Брэст: Альтэрнатыва, 2011.
14. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1442. – S. 567–568.

УДК 304:94(476)''17/18''

В. В. ЛИШИК

Беларусь, Скоки, музей «Усадьба Немцевичей»

РОД УРСЫН-НЕМЦЕВИЧЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Более чем 1000-летняя история г. Бреста открывает перед учеными огромный пласт материалов для исследования. За последнее десятилетие в отечественной историографии продолжают исследоваться многочисленные проблемы, связанные с историей шляхетского и дворянского сословия, существовавшего на территории Республики Беларусь. Важной гранью исторического развития Брестчины являются судьбы многих именитых родов, оставивших после себя разнообразное наследие. Целью данной статьи является научно-историческое изучение деятельности рода Урсын-Немцевичей на территории брестских земель во второй половине XVIII в.

Урсын-Немцевичи – знатный шляхетский род, как территории брестских земель, так и исторической территории Беларуси. Их родовое имя сохранилось в д. Скоки Брестского района. Первые документальные упоминания на территории современной Беларуси о Урсын-Немцевичах герба «Равич» относятся к XVI в., что позволяет относить их к достаточно древним старобелорусским родам. Представители Урсын-Немцевичей были высокообразованными, талантливыми людьми и принимали активное участие в общественно-политической жизни наших земель.

Важным представителем рода Урсын-Немцевичей во второй пол. XVIII в. является Франтишек Урсын-Немцевич, общественную активность которого отражают книги брестского земского суда, где он упоминается как земский судья в период с 1772 г. по 1795 г. [14, л. 207]. Присутствуют также упоминания о его обязанностях, которые он исполнял в Брестском повете и воеводстве, включая участие в сеймах в качестве посла. Прежде Ф. Урсын-Немцевич, как чашник брестский, в 1750 г. присутствовал на Варшавском сейме, но не голосовал и не вступил в какую-либо из комиссий. В 1764 г. был послом на сейм, где выбрали королем Станислава Понятовского. Как активный участник брестских сеймиков он специализировался на подготовке инструкций для послов и был экспертом по данной деятельности (в том числе в 1762 г., в 1764 г.) [14, л. 326–327об.]. Весомым является факт участия Франтишека Урсын-Немцевича в качестве депутата в полномочной делегации от брестского воеводства на сейм 1773–1775 гг. От имени этого сейма также был членом делегации для проведения проверки доходов и расходов артиллерии РП. Его подписи стоят в документах, касающихся договоров РП и России после раздела 1772 г. В частности в документе «Трактат между ея величеством императрицею

Всероссийскою и Его Величеством Королем и Речью Посполитою» датированным 1775 г., в пяти артикулах встречается подпись Франтишека Урсын-Немцевича как «посла Брест-литовского воеводства и судьи земского» [15, с. 248–249]. Деятельность его в качестве судьи являлась необходимой частью жизнедеятельности общества, и в целом исторического развития брестского региона. В конце 1770-х гг. Ф. Урсын-Немцевич ушел из общественно-политической жизни, и служил до конца своей жизни только земским судьей.

Следующий ключевой представитель рода Урсын-Немцевичей для данного периода Марцелий Урсын-Немцевич в общественной сфере упоминается не так часто, как его брат Франтишек Урсын-Немцевич, однако он принимал участие в брестских сеймиках, занимал должность каптурового судьи в 1764 г. в брест-литовском воеводстве [14, л. 327об.]. Родившийся в 1721 г. в Клейниках, он был младшим сыном Александра Урсын-Немцевича, упоминается во многих документах как дворянин «J.K.M.». В большинстве источников Марцелий Урсын-Немцевич упоминается как мельницкий чесник с 1772 г. и мельницкий подचाший с 1778 г., который поддерживал политику магнатов Чарторыйских [3, с. 45–46]. В 1764 г. М. Урсын-Немцевич участвовал в элекционном сейме, организовав целый экипаж для поездки в Варшаву [2, с. 9]. Особого внимания заслуживают письма Марцелия Урсын-Немцевича к королю РП Станиславу Августу Понятовскому, которые свидетельствуют о проявлении его общественной активности. Письма в целом выражают мысли традиционно настроенной шляхты в лице М. Урсын-Немцевича, который был консерватором, приверженцем сильной монархической власти. Первое письмо было написано в январе 1787 г., в период накануне встречи короля с императрицей России в Коневе. Марцелий Урсын-Немцевич в письме высказывается за укрепление монархической власти и введение наследственности престола. Он выражает мысли о подготовке армии к надвигающимся войнам, прося извинения у короля за свои советы, которые происходят от одной причины – горячей любви к своей Родине. В завершении письма Марцелий Урсын-Немцевич отмечает, что, несмотря на его удаленность от столицы, давление со стороны хозяйственных и семейных вопросов, он находит время подумать о государственных вопросах [1, с. 178].

В актовых книгах брестского городского суда содержится завещание от 3 августа 1763 г. Александра Урсын-Немцевича, в котором содержатся данные о наследовании земельной собственности [13, л. 179об.]. Согласно документу, право собственности на имение Непли с близлежащими деревнями перешло к Франтишеку Урсын-Немцевичу, а имения Скоки и Клейники отошли к Марцелию Урсын-Немцевичу. К тому же в 1758 г.

Ф. Урсын-Немцевич получил также от жены в пожизненное владение 28 волок деревень Збара и Мала Рита в Брестской экономии.

Экономическая деятельность Марцелия Урсын-Немцевича была направлена в первую очередь на обеспечение быта своей многочисленной семьи и поддержку родовых имений. Значительных успехов М. Урсын-Немцевич достиг в хозяйственной деятельности, в котором он видел будущее благополучие для себя и своих потомков. По его мнению, именно в обеспеченном личном имении была некоторая ступень независимости, в отличие от службы в войске или при дворе князей, и такому образу мыслей Марцелий Урсын-Немцевич обучал своих детей [2, с. 23]. В период его владения имения Клейники, Скоки достигли лучшего экономического положения, чем способствовали развитию данного региона белорусских территорий. Улучшение экономики имений впоследствии дало возможность и средства на строительство новой каменной усадьбы. Повышению экономического положения рода Урсын-Немцевичей в 1750–1770 гг. способствовала в основном налаженная торговля зерном, экспорт которого в целом значительно увеличился в порт Гданьск в середине XVIII в.

Вопрос характеристики имущества представителей рода Урсын-Немцевичей является немаловажным пунктом и требует более детального рассмотрения. Первоначальным жилым помещением семьи Марцелия Урсын-Немцевича в имении Скоки была одноэтажная деревянная усадьба, построенная вероятно в XVII в. Дом имел зал, спальню, детскую, салон, комнату для гостей. Около дома стояла официна, далее располагался фольварк с сараями, коровниками, гумном [2, с. 5–15]. Рядом с усадьбой в дубовой роще находилась часовня в честь св. Марии Египетской. К усадьбе примыкал парк, в котором росли плодовые деревья и различные цветочные растения. Месторасположение старого дома, в котором родился Юлиан Урсын-Немцевич, обнаружил в своих исследованиях профессор кафедры физики БСТУ, краевед А. А. Гладыщук [6, с. 31]. На территории старой усадьбы до настоящего времени сохранилась лишь огромная колона XVIII в., на которой ранее стояла статуя архангела Рафаила в человеческий рост. Вероятно Марцелий Урсын-Немцевич, переживший много горя в связи с ранней смертью многих детей, проявил свою религиозность и построил памятник архангелу Рафаилу как надежному хранителю семейного очага. После раздела родовых земель в 1765 г. Марцелий Урсын-Немцевич с семьей в очередной раз переехал из имения Скоки в Клейники в родительский дом, который располагался на высокой берегу р. Лесная. В этот период М. Урсын-Немцевич разобрал старый дом в Скоках, ставший тесным для растущей семьи, и запланировал строительство нового дома [2, с. 9]. Возможность строительства новой усадьбы появилась в связи с хорошим материальным положением

Марцелия Урсын-Немцевича, когда одним из прибыльных хозяйственных занятий была торговля зерном на речных судах в крупные портовые города, в основном в Гданьск. Влияние на строительство усадьбы оказало, можно предложить, несколько факторов. Можно обозначить соседство с Яном Флемингом, который в тот период перестраивал свои владения в каменные здания, в частности Тересполь, и Урсын-Немцевичи могли учиться строительству и ведению хозяйства у прогрессивного соседа Флеминга, который дал образец эффективного ведения экономики. Марцелий Урсын-Немцевич стремился эффективно обустроить свои довольно крупные имения Скоки и Старая Весь, учитывая что границы по документам включали земли вплоть до деревни Пески [5, л. 1–2].

Важным направлением деятельности Марцелия Урсын-Немцевича являлось строительство нового усадебно-паркового комплекса в имении Скоки, который стал ценным социокультурным объектом на брестских землях, сохранился до настоящего времени и продолжает функционировать. Точная дата строительства зданий усадьбы неизвестна, но период возведения приходился на 1770–1780-е гг., когда Марцелий Урсын-Немцевич заложил новый комплекс, состоящий из кирпичной усадьбы, хозяйственных пристроек, а также парка. Здание усадьбы, как уникальный объект для брестских земель, является важным вещественным источником, позволяет уточнить некоторые детали относительно истории и деятельности рода Урсын-Немцевичей. Архитектура усадебного дома имеет следующие характеристики. Прямоугольное в плане здание под мансардой было накрыто «ломаной» черепичной крышей с небольшими боковыми альежежами и фигурными куполами [16, с. 196–197]. Сведения об интерьерах дома на момент постройки немногочисленны. Центральное место в планировке дома занимает вестибюль с трехмаршевой лестницей, а также просторные залы на первом и втором этаже. По воспоминаниям Ю. Урсын-Немцевича, первый этаж имел несколько небольших комнат, похожих на кельи, расположенных вдоль двух коридоров, а в центре находилась общая столовая. Эти комнаты Марцелий Урсын-Немцевич планировал для жилья своим троим сыновьям, которые, как предполагалось, должны были жить вместе и вести хозяйство. Этаж поэтому имел «монастырский вид». В центре второго этажа был большой бальный зал с балконом для музыкантов. Боковые башни или альежежи использовались в качестве хранилищ домашних ценностей и архива. Таким образом, новая каменная усадьба в д. Скоки имела типичную для стиля барокко объемно-пространственную композицию. По сторонам усадебного дома стояли официны (помещения для прислуги) с кухней и конюшней, колодцем [12, л. 164]. Напротив въездных ворот, ведущих в усадьбу, стоял костел с органом [6, с. 209], построенный Марцелием

Урсын-Немцевичем по различным данным в 1776 или в 1796 г. Возле костела стояли две деревянные фигуры монахов, к костелу от усадьбы вела липовая аллея, пересекающая аллею из тополей. Некоторые следы данных строений можно отыскать на местности и в настоящее время. В подвале костела был расположен склеп с фамильными захоронениями Урсын-Немцевичей. Небольшая зарисовка родного имения в Скоках упоминается среди имущества Юлиана Урсын-Немцевича в Америке, но была утеряна, однако копия ее хранилась в Скоках и была опубликована [3, с. 99–101].

Поздний инвентарь имения Скоки в 1832 г. содержит данные о наличии построек, которые в основном были связаны со строительной деятельностью Марцелия Урсын-Немцевича в период 1770–1790-х гг. Описаны в источнике следующие объекты: «Дом жилой, каменный, двухэтажный, с двумя каменными одноэтажными флигелями для прислуги. Винокурня каменная, дом деревянный для эконома, гумно, амбар и прочие строения деревянные. Костел каменный и дом деревянный для священника, ветряная мельница, сад с разными плодовыми деревьями и две корчмы» [10, л. 155]. Позднее Марцелий Урсын-Немцевич также решил вопрос наследства для своих потомков, в частности «документом 10 июня 1795 г. в Брестском поветовом суде совершил распределение между своих сыновей, Ивану отдал в вотчинное владение имение Скоки» [12, л. 164об.].

Важное значение для Марцелия Урсын-Немцевича имели его род и семья, и, в частности, в семейной сфере он проявил серьезную деятельность. В середине 1750-х гг. Марцелий Урсын-Немцевич женился на Ядвиге Суходольской, и в их браке родилось пятнадцать детей, однако по воспоминаниям Ю. Урсын-Немцевича восемь, будучи младенцами, умерли, и только семеро дожили до совершеннолетних лет [2, с. 41]. В источнике «Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших (1750–1834)» костела монастыря цистерцианцев д. Вистычи содержатся важные данные о крещении детей Марцелия Урсын-Немцевича. Первенец был крещен 16 февраля 1758 г. именем «Julianum Polikarpum Andreum». Старшая дочь была крещена 10 апреля 1759 г. именем «Antonina Maryanne Barbare», а сын 21 января 1763 г. назван «Karol Josef Wincente» [11, л. 34–35]. Упоминаются также сын Юзеф и дочь Розалия, вероятно, умершие в детстве.

При рассмотрении религиозной сферы можно выделить следующие моменты. Одними из наиболее важных дел для Марцелия Урсын-Немцевича были поездки на богослужения, общение с духовными особами, проповедничество своей веры. Обращает на себя внимание в мемуарах Ю. Урсын-Немцевича в целом особенность – высокая религиозность семьи, а также общества, поэтому можно выделить некоторые характерные факты. Наиболее часто посещали соседний

монастырь цистерцианцев в Вистычах, аббат монастыря Франциск Рогалинский был важной персоной для семьи Урсын-Немцевичей и часто совершал визиты в скоковскую усадьбу. Можно также предположить, что М. Урсын-Немцевич значительно помогал деньгами Вистычскому монастырю, и построил рядом с входом в монастырь колонну в честь Вистычской иконы Божией Матери [6, с. 5–15]. Юлиан Урсын-Немцевич упоминает, что получил в детстве исцеление от этой иконы, и его родители принесли значительные дары в упомянутый монастырь. Семья Урсын-Немцевичей часто посещала в Бресте проповеди ксендза Облачинского, известного для местных жителей монаха-доминиканца, а сам ксендз неоднократно посещал дом Урсын-Немцевичей, где ему оказывали огромное почтение. Юлиан Урсын-Немцевич описывает, как его отец в пожилом возрасте имел узорную набожность и слепую приверженность к католическим священникам, и этим пользовались недостойные своего духовного звания люди [2, с. 8]. Некоторую суеверность в характере Марцелия Урсын-Немцевича подтверждает факт скорого переезда семьи из имения Клейники в Скоки после сна, в котором ему приснились собственная смерть в Клейниках. Вдоль старой дороги из Бреста в Мотыкалы, проходившей через имение Скоки, М. Урсын-Немцевич выставлял деревянные статуи святых. Необычные фигуры нередко пугали лошадей, проезжавших по тракту, вызывали различные неприятности, поломки телег, карет [3, с. 98].

В дневниках Юлиана Урсын-Немцевича содержатся подробные воспоминания детского периода о его родителях, поэтому используя критический анализ данного мемуарного источника можно выделить важные биографические факты и личностные характеристики Марцелия и Ядвиги Урсын-Немцевичей. «Отец был человеком богобоязненным, образованным ... просвещенным в истории своего края ... обеспокоенным неустроенностью своей Родины» – писал Ю. Урсын-Немцевич. Особенно ярко Юлиан Урсын-Немцевич описывал свою мать, Ядвигу, в девичестве Суходольскую, старомодную, скромную женщину с редкой красотой «... одна с наилучших, наидобрейших и прекраснейших в воеводстве женщин...». Марцелий Урсын-Немцевич активно изучал исторические хроники, хорошо знал историю своей страны и детям «давал читать старое издание Бельского» (возможно Е. Бельского). Варшавские корреспонденты лично сообщали ему о наиболее интересных и значительных событиях в стране. Чтение хроник не являлось достаточным для познания Марцелия Урсын-Немцевича, поэтому он ездил изучать земские и варшавские архивы, городские акты воеводств, делал множество выписок и копий из документов. В итоге М. Урсын-Немцевич лично написал историю Брестского воеводства, которая не сохранилась до наших дней. Нельзя

судить о ее качестве, однако это позволяет выделить важную деятельность Марцелия Урсын-Немцевича – поиск, сбор архивных документов и написание труда по истории. Это характеризует Марцелия Урсын-Немцевича, как человека с активной гражданской позицией, патриотических взглядов. Все эти важные гражданские качества с детства привили старшему сыну Юлиану Урсын-Немцевичу любовь к своей Родине. По воспоминаниям Юлиана Немцевича, скромный родительский дом отличался гостеприимностью, почти каждый день в доме принимали гостей [2, с. 5–12].

Таким образом, род Урсын-Немцевичей активно участвовал в общественной, экономической и культурной сферах развития брестских земель во второй половине XVIII в. Представители мужской линии рода, основавшиеся в Брестском воеводстве, назначались послами на сеймы, занимали местные поветовые должности, основывали новые усадьбы. В целом судьбы и деятельность многих поколений представителей рода Урсын-Немцевичей были непосредственно связаны с историей Брестского края. Активное участие в общественной жизни Брестчины способствовало избранию их на значимые должности местного управления в периоды как Речи Посполитой, так и Российской Империи.

Список использованной литературы

1. Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu – Poznań : wyd. Księgarnia J. K. Żupańskiego, 1872. – 357 s.
2. Ursyn Niemcewicz, J. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne / J. Ursyn Niemcewicz. – Warszawa : F.A. Brockhaus, 1868. – 438 s.
3. Ursyn Niemcewicz, W. Miscellanea oraz Wspomnienia własne dotyczące Niemcewiczów / W. Ursyn Niemcewicz. – Warszawa : 2002. – Cz. V. – 275 s.
4. Вялікае княства Літоўскае: ВКЛ : энцыкл. : у 2 т. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005–2006. – Т. 2. – 2005. – 684 с.
5. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2177. Оп. 2. Д. 46.
6. Гладышчук, А. А. Нямцэвічы. Сапраўдныя гісторыі / А. А. Гладышчук. – Мінск : Літаратура і Искусство, 2009. – 288 с.
7. ГАБр. – Ф. 2031. Оп. 2. Д. 2944.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1741. Оп. 1. Д. 34.
9. Национальный исторический архив Республики Беларусь в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 5. Оп. 1. Д. 10.
10. НИАБ в Гродно. – Ф. 31. Оп. 2. Д. 17.
11. НИАБ в Гродно. – Ф. 475. Оп. 1. Д. 1.
12. НИАБ в Гродно. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 10.
13. НИАБ. – Ф. 1705. Оп. 1. Д. 145.

14. НИАБ. – Ф. 1705. Оп. 1. Д. 61.

15. Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II – Вильна : Вилен. комис. для разбора древ. актов. – 1903. – 352 с.

16. Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федорук. – Минск : БелЭН, 2004. – 573 с.

УДК 94(476)

Л. Ю. МАЛЫХІНА

Беларусь, Брэст, БрДТУ

ПАЛІТЫЧНЫ ДЗЕЯЧ І ЛІТАРАТАР ЯЗЭП ВАРОНКА

У 2018 г. мы святкуем 100-годдзе нараджэння беларускай дзяржаўнасці – спачатку ў форме Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР), напрыканцы 1918 г. – БССР. Па гісторыі гэтага перыяда за пройдзенае стагоддзе выдадзена нямала навуковай і навукова-папулярнай літаратуры, матэрыялаў у мас-медыя. Але ж нярэдка па-за межамі навуковага даследавання застаюцца асабістыя лёсы непасрэдных удзельнікаў гістарычных падзей, змагароў за ажыццяўленне беларускай нацыянальнай ідэі. Наша невялікае даследаванне прысвячаецца выдатнай асобе – вядомаму беларускаму палітычнаму дзеячу, журналісту, публіцысту Язэпу Варонку, які ў 1918 г. стаў кіраўніком першага беларускага ўрада – Народнага Сакратарыята. Прадметам даследавання стала яго палітычная, грамадская і літаратурная дзейнасць на працягу ўсяго жыцця.

Язэп Варонка нарадзіўся 4 красавіка 1891 г. у мястэчку Кузніца Сакоўскага павета Беластоцкага ваяводства Расійскай імперыі, якое цяпер знаходзіцца на польска-беларускай мяжы. Дзіцячыя гады Язэпа прайшлі на Беластоцчыне, а вось юнацтва, калі ён набіраўся палітычнага вопыту, – у Санкт-Пецярбургу. Там Язэп спачатку быў вольным слухачом юрыдычнага факультэта Пецярбургскага ўніверсітэта, адкуль пазней быў выключаны ў 1914 г. за неўнясенне платы за навучанне. Адначасова ён супрацоўнічаў з пецярбургскімі газетамі “Столичные вести”, “Воскресная вечерняя газета” і часопісам “Зритель”, дзе друкаваў свае вершаваныя творы пад псеўданімам Юрый Вегаў.

В. Ункоўскі ў рускім часопісе “Возрождение” (Парыж, жнівень, 1956 г.) пісаў: “Сакратаром рэдакцыі быў сімпатычны студэнт-юрыст Пецярбургскага ўніверсітэта Язэп Якаўлевіч Варонка – беларус з Беластока. Высокі прыгожы брунет, ён хадзіў не ў сціплай тужурцы, а ў адмыслова пашытым студэнцкім сурдуце, зашпіленым на ўсе гузікі. Падкрэслена запаволены, заўсёды чыста паголены, валасы на прабор і нязменная памада. Ужываў дарагую мужчынскую парфуму й добра знаўся з ёю».

З 1917 г. Язэп Варонка пачынае сур'эзна займацца палітыкай. Ён уступае ў Беларускаю сацыялістычную грамаду, з чэрвеня 1917 г. становіцца членам яе Цэнтральнага камітэта. Прадстаўляў беларускія арганізацыі ў Асобай нарадзе для выпрацоўкі палажэння аб выбарах ва Усерасійскі Устаноўчы сход, удзельнічаў у рабоце Дзяржаўнай нарады ў жніўні 1917 г. у Маскве. У прадмове на Усерасійскай дэмакратычнай нарадзе ў верасні 1917 г. у Петраградзе ад імя Цэнтральнай рады беларускіх арганізацый выказаўся супраць урадавай кааліцыі сацыялістычных партый з буржуазнымі. У той жа пераломны год малады палітык уваходзіў у склад Часовага савета Расійскай рэспублікі (Перадпарламента), да снежня ён ўзначальваў камітэт Беларускага таварыства ў Петраградзе па аказанню дапамогі пацярпелым ад вайны.

На II сесіі Цэнтральнай рады беларускіх арганізацый у кастрычніку 1917 г. у Мінску Я. Варонака падтрымаў прапановы аб увядзенні аўтаноміі Беларусі явачным парадкам. быў абраны камісарам юстыцыі і ўнутраных спраў Вялікай беларускай рады. Пасля падзей Кастрычніцкай рэвалюцыі ўдзельнічаў у падрыхтоўцы і правядзенні Усебеларускага з'езда ў снежні 1917 г., які, як вядома, быў разогнаны. Менавіта ў гэты час праявіліся здольнасці Язэпа Якаўлевіча да арганізацыйнай і палітычнай работы. Я. Варонка заўсёды адрозніваўся правадырскімі замашкамі, на што не ўсе пагаджаліся. Ішоў працэс стварэння першай беларускай палітычнай эліты.

21 лютага 1918 г. члены выканкама Усебеларускага з'езда выдалі Першую Устаўную грамаду, згодна з якой быў створаны першы беларускі ўрад – Народны сакратарыят Беларусі. Я. Варонка прабыў на пасадзе старшыні гэтага сакратарыята і працаваў адначасова народным сакратаром замежных спраў з лютага да ліпеня 1918 г., што з'яўляецца вялікай заслугай Варонкі, хаця пасля яго на гэтай пасадзе змянілі іншыя. Варонка быў адным з галоўных ініцыятараў абвяшчэння БНР, стаў членам Рады БНР.

У красавіку 1918 г. разам з іншымі актывістамі Рады БНР Я. Варонка падпісаў тэлеграму кайзеру Вільгельму II з падзякай “за вызваленне Беларусі нямецкімі войскамі ад цяжкага прыгнёту, гвалту і анархіі”.

Рэдагаваў часопіс “Варта”. З канца 1918 г. арыентаваўся на Літоўскую тарыбу, разглядаючы яе як натуральнага саюзніка ў барацьбе за беларускую дзяржаўнасць. У снежні 1918 – красавіку 1920 г. Язэп Варонка быў прызначаны міністрам беларускіх спраў і са згоды іншых дзеячоў БНР стаў членам кабінета міністраў Літвы. Там ён пачынае ствараць адзін з цэнтраў улады на беларускай частцы, якую тады Літва лічыла сваёю, а ў гэтую рэспубліку ў выніку дамоваў з немцамі ўваходзіла і Беласточчына.

Адзін з тагачасных вершаў “На Нёмане” (1921) прысвячаецца аўтарам роднай Бацькаўшчыне.

На Немане

«На реках Вавилонских тамо седехом»

Псалом 137

Безмолвно, день и ночь, без ропота и стоны
Я слушаю и жду твоих, гонец, вестей,
Когда придут оне из царства Вавилона,
С заглохших пепелищ, с унылых площадей...
Но ты, о Неман мой, загадочно-угрюмый,
Молчишь в своих крутых зеленых берегах,
От слуха моего тая лихия думы,
И вести громкия, и радости, и страх.
Быть может там, средь нив и пущ замороженных,
Где кровью братскою напоены снопы,
Уже проснулся он, страдалец миллионный,
Уже отогнуты и косы, и серпы;
Уже понесся клич, заговорили горны...
Скажи, всё это есть? Немой, заговори!
И миру Расскажи, что после ночи черной
Увидели и мы лучи своей зари [3, с. 2].

Пасля завяршэння падзей польска-савецкай вайны, калі Вільня ўвайшла ў склад Літоўскай Рэспублікі, Я. Варонка быў вымушаны рухацца далей на захад. Апанаваны распаччу беларускі нацыянальны дзеяч друкуе новы верш.

Вильне

Когда я вновь тебя увижу,
Когда твой шум услышу я?
О, ни к Берлину, ни к Парижу
Так не влечет любовь меня.
Твоих обветрившихся готик,
И серых базильянских стен,
Мне не заменит крик экзотик
И арок чужеземных плен...
Вот, вот мы будто близко, близко,
У гедиминовых руин...
Тебя рабыней, одалиской,
Надменный сделал властелин?!
Нет, не прощу твои я стоны,
Людскую совесть разбужу,
Свои я кликну легионы,
И родину освобожу [4, с. 2].

Як лідэр Беларускай партыі сацыялістаў-федэралістаў, Язэп Варонка з лістапада 1922 г. становіцца старшынёю таварыства “Беларуская грамада ў Каўнасе”, займаецца выдавецкай і публіцыстычнай дзейнасцю. У гістарычна-публіцыстычных працах ён абагульняў асноўныя факты з гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў гады рэвалюцыі і грамадзянскай вайны, аналізаваў тагачаснае палітычнае становішча. Прытрымліваўся канцэпцыі “двух ворагаў” беларускага адраджэння – Расіі і Польшчы. Адмоўна ацэньваў палітыку ў нацыянальным пытанні як Часовага ўрада Расіі, так і Савета народных камісараў. У яго інтэрпрэтацыі Усебеларускі з’езд – гэта Устаноўчы з’езд, які ўвёў у межах Беларусі рэспубліканскі лад, замацаваў права народа на зямлю і інш.

У нарысе Я. Варонкі “Беларускі рух ад 1917 да 1920 году” аўтар апісаў дыпламатычныя ўзаемаадносіны Рады БНР і Літоўскай Тарыбы, прыгадваў дзейнасць дыпламатычных консульскіх прадстаўніцтваў у Кіеве, Адэсе, Стаўрапалі, Вільне і Маскве, распавядаў аб рабоце Надзвычайных місій у Кіеве, Варшаве, Берліне, Капенгагене [2].

Ухваляючы абвяшчэнне БНР, утварэнне БССР публіцыст разглядаў як палітычны манеўр, з дапамогай якога большавікі імкнуліся “авалодаць розумамі элементаў, што нацыянальна адрадзіліся”. Адначасова асуджаў захоп Беларусі войскамі Польшчы, паказваў крывадушнасць палітыкі польскіх акупантаў, выкрываў іх бясчынствы ў дачыненні да мясцовага насельніцтва. У сваёй кніжцы “Беларускі рух...” Язэп Варонка сур’эзна ўзняў пытанні роднай мовы, адносіны да яе палякаў, рускіх і немцаў. Ён пісаў: *“Расейскія русыфікатары лялі беларускіх дзеячоў за тое, што яны “польскія найміты” і так далей, але ў той самы час палякі ўсюды выступалі проці таго, каб ніякім спосабам не ўводзіць беларускай мовы ў касцёле, бо гэта ёсць пераход да маскалёў і схызматыкаў. Такім чынам і з аднаго і з другога боку беларускую справу залічалі то да польскай, то да маскоўскай інтрыгі, але фактычна ні адна з гэтых старон справе не дапамагала... А вось немцы падавалі вялікія надзеі ў дапамозе адраджэнню беларускае культуры і распаўсюджэнню беларускага руху. Не можна ўпусьціць з вока таго факту, што фэльдмаршал Гіндэнбург першы ў пачатку 1916 года асобным расказам аб’явіў беларускую мову ў старой акупацыі мовай раўнапраўнай іншым мовам у краі: літоўскай, жыдоўскай і польскай. Пры немцах на беларускай мове друкаваліся адозвы, пашпарты, падтрымліваліся беларускія школы, школьныя выдавецтва...”* [2].

У 1923 г. Язэп Варонка пакінуў Беларусь і эмігрыраваў у ЗША, дзе і пражыў усё сваё астатняе жыццё (памёр 4 чэрвеня 1952 г.). Там наш суайчыннік быў адным з пачынальнікаў беларускага палітычнага руху сярод прадстаўнікоў дыяспары. Ён узначальваў Беларуска-амерыканскую

нацыянальную асацыяцыю, выдаваў газету, арганізоўваў і веў беларускія і рускія праграмы на чыкагскім радыё. Больш шчыра пра амерыканскі перыяд жыцця Язэпа Варонкі напісаў у сваёй кнізе Вітаўт Кіпель: “Язэп Варонка быў выдатным пачынальнікам і кіраўніком беларускага руху ў Злучаных Штатах. Ён прыехаў у гэтую краіну зь ініцыятывы Янкі Чарапука як прадстаўнік Рады БНР. Я. Варонка да свайго прыезду ў Злучаныя Штаты меў ужо значны досвед палітычнага кіраўніцтва, займаючы пэўны час сярод іншага пасаду прэм’ер-міністра Беларускае Народнае Рэспублікі. Ён быў высокаадукаваным чалавекам. Ён адыграў значную ролю ў грамадскім і палітычным жыцці амэрыканскіх беларусаў, а ягонае непакіснае жаданьне заснаваць магутную беларускую арганізацыю заслугоўвае ўсялякае павагі...” [7].

Спіс выкарыстанай ых літаратуры

1. Варонка, Я. Беларуская справа да міравой нарады ў Вэрсалі Гістарычна-палітычны нарыс / Я. Варонка. – Коўна : Т-ва імя Ф. Скарыны, 1919.
2. Варонка, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд / Я. Варонка. – Коўна : Т-ва імя Ф. Скарыны ; друкарня А. Бака і Х. Манкес. – 1920. – 34 с.
3. Вегов, Ю. На Немане / Юрий Вегов // Зеркало. Журнал литературы, искусства, сатиры и общественной жизни. – 1921. – № 1 (29 июля). – С. 2.
4. Вегов, Ю. Вильне / Юрий Вегов // Зеркало. Журн. литературы, искусства, сатиры и общественной жизни. – 1921. – № 2 (3 сент.). – С. 2.
5. Воронко, И. Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции. Историко-политический очерк / И. Воронко. – Ковна, 1919. – 59 с.
6. Імёны Свабоды: Язэп Варонка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.google.by/amp/s/www.svaboda.org/amp/770433.html>. – Дата доступу: 16.12.2018.
7. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск, 1993.
8. Латышонак, А. У Язэпа Варонкі былі правадырскія замашкі [Электронны рэсурс] / А. Латышонак. – Рэжым доступу: <https://www.racyja.com/kultura/aleg-latyshonak-u-yazepa-varonki-byli-pr/>. – Дата доступу: 25.11.2018.
9. Міхалюк, Д. Урад БНР Язэпа Варонкі: унутры- і знешнепалітычная дзейнасць / Д. Міхалюк // Палітычная сфера. – Вільня, 1912. – № 18–19 (1–2). – С. 203–219.
10. Руднева, С. Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума / С. Е. Руднева. – М. : Наука, 2000. – С. 151–153.
11. Сідарэвіч, А. Знойдзеная магіла кіраўніка ўрада Беларускай Народнай Рэспублікі Язэпа Варонкі / А. Сідарэвіч // Наша Ніва. – Мінск – 2018. – 25 лют.
12. Язэп Варонка і Рада Беларускай Народнай Рэспублікі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.radabnr.org/tag/язэп-варонка/>. – Дата доступу: 26.11.2018.

УДК 94(477)

Л. П. НИКИТЕНКОВА

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

КАЗАЦКИЕ ПОЛКОВНИКИ В КОЛОНИЗАЦИИ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XVII в.

Вторая половина XVII в. в истории украинских земель является одним из самых разрушительных периодов. Антифеодальная война под руководством Богдана Хмельницкого, русско-польская война 1654–1667 гг., польско-шведская война 1656–1660 гг., грабительские походы Османской империи в 1670-х гг., гражданская война, разгоревшаяся после смерти Б. Хмельницкого – это неполный перечень всех бед, постигших народ Украины. И в этих условиях появляются такие исторические личности как П. Дорошенко, И. Самойлович, С. Палий, И. Мазепа, ... – люди, не лишённые человеческих страстей, но обладавшие государственным умом и по своему разумению решавшие задачи свободы, независимости своей страны. Украинская держава (Гетманщина), возникшая в результате войны Б. Хмельницкого, не могла существовать без союза с ближайшими соседями, поэтому неудивительны метания казацких полковников в сторону России, Турции, Швеции.

На 1660 г. намечается деление Войска Запорожского на левобережное, которое ориентировалось на Москву, и правобережное – с ориентацией на Речь Посполитую [6, с. 72]. В 1663 г. прошли выборы гетманов Правобережной и Левобережной Украины, что свидетельствовало о существовании двух территориальных единиц [7, с. 155]. Гетман Левобережной Украины «Иван Брюховецкий не имел значительной поддержки среди казачества и весной 1664 г. попросил царское правительство предоставить в его распоряжение в качестве личной охраны двухтысячный отряд царских войск, а также ввести постоянный гарнизон в его столицу – город Гадяч» [5, с. 41].

По Андрусовскому договору 1667 г. Россия отказывалась от западной части Украины в пользу Польши. Слухи, дошедшие до казаков и населения правого берега Днепра, породили уныние, потому что полувековые восстания, перенесённые бедствия оказались бесплодными. Народ пугал возврат ненавистных панов, ксендзов, униатов. Рассчитывать на помощь России на некоторое время стоило забыть. Сама Москва советовала казакам: «чтобы они, взирая на возобновлённое Россией с короною польскою перемирие, братственную дружбу и любовь, отложили горделивые мысли, держались веры христианской, не имели дружбы с татарами, предали себя в защищение обоих государей» [2, с. 265].

Петро Дорошенко, тогдашний гетман Правобережной Украины, начинает переговоры с Турцией в расчёте на её помощь в борьбе с поляками, обещая султану Украину как вассальную область. «Дорошенко любим и уважаем был во всей Малороссии: казаками, мещанами, в особенности народом» [2, с. 268]. Комбинация его заключалась в том, что по Андрусовскому соглашению Россия отказалась от Украины в пользу Польши, но Москва не связана никакими условиями с Турцией. В дальнейшем этот расчёт подтвердился «В декабре 1671 года в Варшаве получена была султанская грамота, которою предписывалось полякам добровольно отказаться от Украины, прибегшей к покровительству султана, или готовиться к войне» [1, с. 6]. Турки начинают военные действия. Им помощь оказывают крымские орды и казаки во главе с Дорошенко. В 1672 г. заключен был Бучачский мир. Поляки обязывались платить туркам ежегодную дань, вывести свои войска из Украины, Подолия отходила им на вечные времена. Казаки получали Белую Церковь и ряд крепостей под свою власть [8, с. 84]. Первая половина плана Дорошенко оказалась выполненной. Теперь задача состояла в том, чтобы отделаться от турок с помощью России и соединиться с восточной Украиной. Основой деятельности Дорошенко – было убеждение в необходимости единства всей Украины. Правда, этому помешало честолюбие казацких предводителей.

В 1672 г. на Левобережной Украине избран был гетманом, не уступавший Дорошенко в ловкости, честолюбии, Иван Самойлович [9, с. 206]. Он мечтал объединить две Украины под своим гетманством. И эта борьба двух гетманов за первенство осложнила ситуацию. Из переписки главы Московского Посольского приказа А. Матвеева с великим гетманом ВКЛ М. Пацом известен план военной кампании против османов в сентябре 1673 г. «Польская армия во главе с Яном Собеским должна была выйти на территорию Молдавии в роли своего рода армии «прикрытия» от возможного наступления главных сил Османской империи, а другая «литовская» армия во главе с самим королём должна была вернуть в состав Речи Посполитой Правобережную Украину и Подолию» [17, с. 7]. Самойлович с поддержкой русских войск в начале 1674 г. активно действовал на правом берегу Днепра, народ принимал его как избавителя от польского и татарского ига. После избрания Яна Собеского королём РП в 1674 г. «начались попытки польских властей распространить свою власть на территорию Правобережья, но больших успехов эти попытки не имели, правобережные полки продолжали подчиняться Самойловичу» [16, с. 25]. К концу 1676 г. русские войска заняли обширные территории на Правобережье. «Это были те земли, которые по мирному договору в Журавно в октябре 1676 г. Речь Посполитая уступала Османской империи. В 1677 г. началась первая

большая русско-османская война, от исхода которой зависела судьба Правобережной Украины» [16, с. 29]. И в этой борьбе гетманы двух берегов Днепра играли значительную роль как предводители значительных казачьих отрядов.

«Но Дорошенко был недоволен тем, что подготовленная им развязка обращается в пользу Самойловича, которому приходилось пожинать лишь готовые плоды. Не будучи в состоянии пожертвовать личным самолюбием, он чувствовал, что обстоятельства захватили его врасплох и растерялся. То старался он принять пассивную, выжидательную роль, то пытался оттянуть дело, устрояя Самойловича вооружённым отпором. Но ни то, ни другое не удалось... вскоре Дорошенко был оставлен всеми» [1, с. 9].

На старшинской раде в Переяславле Самойлович был избран гетманом обоих берегов Днепра. Однако теперь надо было отстаивать территорию от турок, а для этого у вновь избранного гетмана не хватало ни энергии, ни предприимчивости. Самойлович избегал столкновений с турками, позволяя им грабить и разорять полки и города, переправившись обратно за Днепр. В течение десяти лет правобережная Украина служила местом борьбы поляков и турок и превращалась в пустыню. Разорив эту территорию, Польша и Турция перестали дорожить господством над ней. По Бахчисарайскому миру 1681 г. между Турцией и Россией и польско-московскому договору 1686 г. фактическое запустение края было признано дипломатическим путём. Но переселенцы, поощряемые Самойловичем, были в достаточно стеснённом положении на левом берегу Днепра. Сам гетман не был расположен к попечению посполитых. Современники изображают Самойловича «человеком гордым, самовластным, любившим копить богатства и приобретать их путём неправым, посредством злоупотребления власти, окружённым любимцами и родными, которых злоупотреблениям, роскоши и своеволию он потворствовал» [10, с. 77]. Интриги, оговоры ближайшего окружения привели к смене гетманов.

Преемник Самойловича Иван Мазепа при укреплении своей власти сделал ставку на старшину, шляхту, духовенство. Еще с большим рвением и настойчивостью, чем его предшественники, принялся И. Мазепа укреплять положение свое и старшины, раздавая земли и крестьян. «Чтобы положить начало родовой аристократии в Малороссии, он создал новый класс, отличенный почетом и преимуществами, – бунчуковых товарищей, куда попадали сыновья казацких старшин, по указанию гетмана; они, вместе с выделившимися еще прежде из массы казачества, знатными и войсковыми товарищами, составили первый зародыш наследственного дворянства в Малороссии» [1, с. 70].

«Одаренный от природы умом необыкновенным, получив у иезуитов отличное образование, Мазепа кроме малороссийского языка, знал

латинский, немецкий и польский; имел дар слова, искусство убеждать; но с хитростью, осторожностью Выговского, соединял в себе злобу, мстительность, любостяжание Брюховецкого; превосходил Дорошенко в славолубии, всех в неблагодарности. Соединяя с умом образованным дар обворожительный – вкрадываться в изгибы сердца человеческого, сей властитель народа мог быть душою подчиненных, но он не заботился о том» [2, с. 341].

Утеснительное положение народа усиливалось постепенно при всех преемниках Хмельницкого, особенно при Самойловиче и Мазепе. Переселенцы на незанятые земли Правобережной, Степной Украины появляются из Запорожья, Молдавии, Подолии, Волыни, Полесья. Но самое значительное количество переселенцев являлось с Левобережья. Причины определялись тем, что всё сильнее проявляются в общественном устройстве восточной Украины стремление казачества к образованию из себя класса крупных землевладельцев и подчинению посполитого народонаселения и черни казацкой, то есть к созданию того же шляхетства, от которого народ бежал из Речи Посполитой.

Фастовский полковник Семён Палий оказался самым деятельным человеком, понимавшим народные стремления и умевшим прокладывать для них путь. Именно к нему, как к представителю крестьянских интересов, противнику панства, впоследствии организатору освободительной войны конца XVII в. на Правобережной Украине лежало народное сочувствие.

Местечко Фастов Палий избрал центром своей организационно-колониционной деятельности. Заселял пустоши, организовывал пришельцев по казачьему образцу. Добыв славу знаменитого полководца, организатора и хозяина, Палий без сомнения стал против польской власти, когда она начала притеснять население новых территорий. Палий мечтал об объединении Правобережья с гетманщиной и потому уже в 1688 г. предложил Мазепе принять Фастовщину под свою булаву [4, с. 112]. «Палій mezi военными людьми маеть честь и многие ходять за его поводомь...», – писал Мазепа в Россию [1, с. 72]. Ходили слухи, что казаки не против были бы дать гетманство Палию, вручить ему все клейноды, так как он знает как прибрать к рукам украинских панов. [14, с. 501]. Популярность Палия росла, что очень тревожило Мазепу. Вот как пишет Д. Бантыш-Каменский о появлении на политической арене Украины Палия в конце XVII в.: «Тогда явились на той стороне Днепра два храбрые воина, наносившие беспокойство завистливому Мазепе: Самусь и Палий. Первый, ...поставленный гетманом от польского короля, имел пребывание в городе Виннице и с шайкою отважных запорожцев наводил ужас на татар, возвращал свободу пленным христианам, отсылал крымцев в Москву и Польшу, получал от обоих дворов большое награждение. Второй, родом из

Борзны, находился под начальством Самуся и, именуясь только полковником Фастовским, как князь удельный управлял землями до самого Днестра и Случи, собирал дань с жителей, не допускал татар нападать на Польшу и Россию... За неправду двора варшавского, покорился российскому, доставив мужеством своим тишину всей Заднепровской Украине» [2, с. 345–346].

И. Крипьякевич так говорит о полковнике: «На первое место выдвинулся Семён Палий (Гурко), левобережец родом, начинал военную школу при Дорошенко, бывал в Запорожье, участвовал в походах против турок..., наконец, как фастовский полковник, приобрёл себе имя удачливого колонизатора и воителя [9, с. 214].

В первые годы колонизации края Палий избегал столкновений с поляками. С 1683 по 1688 гг. на него не было ни одной жалобы со стороны шляхты и властей польских. Он исполнял все условия, на которых получил право поселения в степи, то есть воевал с турками и татарами, что в свою очередь обеспечивало безопасность новых поселений и упрочивало доверие народа к Палию [1, с. 75].

Кроме «широкой популярности, необходимо было иметь и административную хватку, чтобы управлять таким огромным краем, население которого собиралось со всей Украины. Палий стал фактическим хозяином территории, которая охватывала тогдашние полки Белоцерковский, Каневский, Черкасский, Чигиринский и Уманьский. На этой территории Палий имел неограниченную власть, и она именовалась «Палиивщина». Власть его была настолько сильна, что он не выполнял даже королевских наказов» [12, с. 142].

Первые столкновения Палия с поляками приходятся на конец 1680-х гг. Он уже открыто начинает действовать против польского правительства. Выбивает шляхтичей из имений, заступает за крестьян, с оружием в руках борется с польским войском, посланным для его усмирения. Опять же через Мазепу обращается к России с просьбой о принятии его полка под царскую державу. Отказ следует за отказом. Палий предлагает Мазепе походы против татар, турецких городов. Мазепе выгодно предложение белоцерковского полковника, так как расширится подвластная ему территория. В декабре 1692 г. он писал царям: «Лучше было бы принять Палея со всеми людьми и городком Фастовым под царскую руку; если он, будучи малороссиянином по происхождению и приобретши такую знаменитость, перейдёт к неприятелю, то в Малороссии поднимется волнение, прельщённые своеволием и добычею, многие люди потянутся отсюда к нему» [14, с. 492].

Палий действует как вооруженная сила, которая оказывает русским военную помощь в совместной борьбе с татарами. И надеется на то, что

сможет получить царскую милость, которая выразится в принятии освоенной территории, как сторожевого поста против турок. И Палий возобновляет свои предложения о подчинении России, но уже с угрозой о необходимости его подчинения Крымскому хану, так как с Польшей у него явно враждебные отношения. Мазепа ходатайствует перед Москвой о положительном решении вопроса. «Теперь Палею уже нельзя прекратить ссор с поляками, потому что с обеих сторон побито человек с двести. Палий хочет оставить Фастов и поселиться в Умани: чтоб он, поселяясь там, не призвал к себе татар на помощь против поляков; призовет татар, станет воевать и разорять поляков – опасно, чтоб и этой стороны не разорил, потому что захочет писаться гетманом и с этой стороны казаков переманивать; чтоб не был он другой Хмельницкий, надобно заблаговременно размыслить, как с ним поступить? Лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить, особенно для того, чтоб не произвёл он в Малой России мятежа и перевозом жителей опустошения; удержать же их будет тогда невозможно, потому что малороссийские жители имеют на той стороне пасаки и всякие угоды» [14, с. 504].

Палий – защитник крестьянской массы. Поводом к самым частым столкновениям Палия со шляхтичами было его заступничество за крестьян. Но присутствовал здесь и политический мотив – изгнать шляхту с правобережной и степной Украины и создать казацкое государство. Крестьяне, участвовавшие в набегах казаков на панские дворы, говорили: «За Вислу Ляхівь треба прогнати, щоби их туть и нога не постала». Но полковник понимал, что воевать со всей Речью Посполитой у него нет сил, поэтому действовал хитро и достаточно успешно, выживая из имений мелкую шляхту и заводя дружбу и делясь территорией с крупными магнатами. Сапеги, Замойские, Любомирские упоминаются в качестве покровителей Палия [1, с. 87].

Такая политика по отношению к шляхте не могла долго продолжаться, так как данное сословие являлось основой государственной политической системы. Новый король Речи Посполитой Август II в 1699 г. подписал Карловицкий договор, по которому Турция вернула Польше украинские земли. Потребность в казаках, защищавших южные границы, отпала на время, и шляхта на сеймах стала активно жаловаться на казаков и требовать их усмирения и роспуска, а также активно стала изгонять их. В апреле 1699 г. Палий разослал к дворянам киевского воеводства открытый лист, в котором было сказано: «Извещают меня мои сотники и жалуются на неуважение ваших милостей, что вы изгоняете казаков из квартир, причем многим из них нанесли увечья и раны; люди эти находятся там не своевольно, но по неременному желанию короля Речи Посполитой; им не отказано в службе, как я подробно изъяснял вам уже в предыдущих к вам

письмах; ваши милости вчиняете ненужные бунты и истязаете людей невинных, потому извольте ваши милости удержать свое непотребное злопамятство, ибо я, в свою очередь, всегда готов постоять за свое оскорбление и за страдание невинных людей моих, изувеченных и убитых вами; о чём извещая вас, вторично прошу ваших милостей воздержите непотребное своё честолюбие, не тревожьте и не изгоняйте людей, заслуживших себе у Речи Посполитой право на хлеб и на квартиры, чтобы потом и сами ваши милости могли пребывать в добре» [11, с. 367–368].

Но вскоре на сейме в июне 1699 г. было принято постановление о роспуске казацких войск. 20 августа 1699 г. коронный гетман С. Яблоновский издаёт «универсал к наказному гетману Самусю, к казацким полковникам: Палию, Искре, Абазину и Барабашу и ко всем казакам о том, что, вследствие решения сеймового, казачество уничтожено, казаки из полков разойтись по домам, а, в случае ослушания, будут разогнаны силою, для чего и отправлено в Украину польское войско» [15, с. 368]. А так как, по количеству, по географическому расположению, наконец, по своему влиянию на крестьян, полк Палия был первым, значит, с него и надо было начинать. Таким образом, «считая турецкую угрозу несущественной, король Август II летом 1699 г. потребовал от лидера казачества полковника С. Палия распустить пять правобережных полков» [13, с. 192].

Население Правобережной Украины не собиралось добровольно поступиться своими приобретениями. Жители отказывались исполнять распоряжения польских властей, не допускали шляхту в местечки и сёла, чинили им всяческий отпор. Мирными методами польское правительство не могло ничего сделать против казаков Самуила Самуся на Богуславщине, Семёна Палия на Фастовщине, Захара Искры на Корсунщине, Андрея Абазина на Брацлавщине [3, с. 281]. Антифеодальная война продолжилась и в начале XVIII в.

Таким образом, колонизационная политика казачьих полковников второй половины XVII в. усилила борьбу народных масс Украины за свою независимость и самостоятельность. Правда, амбициозность, претензии казачьих гетманов на лидерство в объединении восточной и западной частей Украины после смерти Б. Хмельницкого, плюс активность стран – ближайших соседей в вопросе захвата новых земель, всё это усугубило и без того сложное положение населения этих территорий. Тем не менее, идея создания самостоятельной украинской державы, появившаяся в ходе войны 1648–1654 гг., оказалась живучей и способствовала активизации местного населения в условиях колонизации спорных земель юга, запада Украины.

Список использованной литературы

1. Антонович, В. Содержание актов о казаках на правой стороне Днепра (1679–1716) / В. Антонович // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Акты о казаках (1679–1716). – Т. 2. – Киев : Типография Е. Федорова, 1868. – С.1-197.
2. Бантыш-Каменский, Д. Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства / Д. Н. Бантыш-Каменский. – Киев : Час, 1993. – 656 с.
3. Борисенко, В. Й. Курс української історії: 3 найдавніших часів до ХХ століття / В. Й. Борисенко. – 2-ге вид. – Київ : Либідь, – 1998. – 616 с.
4. Велика історія України : у 2 т. – Т. 2./ Зладив М. Голубець. – Київ : Глобус, 1993. – 400 с.
5. Великанов, В. С. Российский гарнизон в Гадяче в 1664–1668 годах (эпизод становления российского военно-административного присутствия на Украине) / В. С. Великанов // Славяноведение. – 2018. – № 4. – С.40–49.
6. Верстюк, В. Ф. Україна від найдавніших часів до сьогодні. Хронологічний довідник / В. Ф. Верстюк, О. М. Дзюба, В. Ф. Репринцев. – Київ : Наук. думка, 1995. – 688 с.
7. Грушевський, М. С. Історія України / М. С. Грушевський. – Київ : Akademia, 1994. – 256 с.
8. Дорошенко, Д.І. Нарис історії України в 2-х тт. / Д.І. Дорошенко. – Т. 2. – Київ : Глобус. – 1991. – 349 с.
9. Крип'якевич, І. П. Історія України / І. П. Крип'якевич. – Львів : Світ, 1990. – 520 с.
10. Летопись Самовидца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/426599>. – Дата доступа: 11.03.2019.
11. Письмо Семена Паляя к дворянам повета овруцкого. 1699. Апреля 12 // Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Акты о казаках (1679–1716). – Т. 2. – Киев, 1868. – С. 367–368.
12. Полонська-Василенко, Н. Історія України : у 2 т. / Н. Полонська-Василенко. – Т. 2 : Від середини ХVІІ століття до 1923 року –3-те вид. – Київ : Либідь, 1995. – 607 с.
13. Семененко, В. И. История Украины с древнейших времен до наших дней / В. И. Семененко, Л. А. Радченко. – Харьков : Торсинг, 2002. – 480 с.
14. Соловьев, С. М. Сочинения в 18 кн. / С. М. Соловьев. – Кн. VII. – Т. 13–14 : История России с древнейших времен. – М. : Мысль, 1991. – 783 с.
15. Универсал гетмана великого коронного Станислава Яблоновского. 1699. Август 20. // Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Акты о казаках (1679–1716). – Т. 2. – Киев, 1868. – С. 368–370.
16. Флоря, Б. Н. Россия, Правобережная Украина и Дунайские княжества в 1673–1676 гг. / Б. Н. Флоря // Славяноведение. – 2018. – № 2. – С. 21–31.
17. Флоря, Б. Н. Политическая элита ВКЛ и Россия в 1673 году / Б. Н. Флоря // Славяноведение. – 2018. – № 4. – С. 3–10.

УДК 301

И. А. ПОСОХИН

Словакия, Братислава, Ун-т Коменского в Братиславе, филос. фак-т

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ЛЮДОВИТА ШТУРА В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАКИИ

В данной статье будет рассмотрен спектр интерпретаций образа одного из наиболее важных деятелей словацкой истории Людовита Штура в различных проявлениях общественного дискурса современной Словакии: от «коммерциализации» к присвоению риторикой крайне правых политических сил.

Людовит Велислав Штур (1815–1856) занимает в словацкой истории особое место. Его общественная, научная и политическая деятельность сыграла ключевую роль в поздний период словацкого национального возрождения в середине XIX в., в период «пробуждения» народов Австро-венгерской империи [2, с. 3]. Как известно, в этот период территория современной Словакии находилась под влиянием, прежде всего, венгерской части элит империи, что отражалось и в языковой политике (так называемая «мадьяризация»). Начало периода национального возрождения словаков относят обычно к концу XVIII в., когда появлялись первые национально-ориентированные теории, совершались первые попытки кодификации словацкого литературного языка или утверждения общего языка для чехов и словаков (наиболее видные деятели: Антон Бернолак, Ян Коллар, Павол Йозеф Шафарик, Ян Голлы). В 1830-е гг. начала активную деятельность группа общественных и культурных деятелей, которую впоследствии называли «штуровцы», а ее неформальным лидером стал Людовит Штур, выпускник братиславского евангелического лицея (в то время Братислава была известна под немецким названием Прессбург или венгерским Пожонь), языковед и поэт. Наиболее активно деятельность Штура и его соратников проявилась в 1840-е гг., когда был кодифицирован новый вариант литературного словацкого языка (первый вариант был кодифицирован Антоном Бернолаком в конце XVIII в. – так называемая «бернолаковщина»), получивший название «штуровщина». Этот вариант после ряда реформ стал основой современного словацкого языка. Свои взгляды на язык Штур излагал в ряде лингвистических работ, например «Nárečja Slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí» (Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии, 1844), «Nauka reči Slovenskej» (Наука словацкого языка, 1846). Впоследствии Штур увлекся идеями панславизма, которые легли в основу его труда «Das Slawenthum und die Welt der Zukunft» (Славянство и мир будущего, 1851 г.,

изданный в переводе на русский язык в 1867 г.). Плоды деятельности Штура в различных областях легли в основу словацкой национальной идеи, а затем и государственности. Как утверждает Р. Хмел: «Кодифицировав литературный словацкий язык, Штур создал условия не только для появления романтической литературы, но для распространения политических взглядов в «Словацкой народной газете», в которой он в интересах всего народа объединил конфессионально раздробленное общество на всех его уровнях, кроме высокого дворянства. В редакторских колонках, статьях, зачастую в политических эссе он анализировал наиболее важные социальные, духовные и в большей степени политические проблемы, которыми жило предреволюционное (1848–1849 гг. – прим. И. П.) общество. Он сформулировал в них словацкую национальную идеологию, следы которой видны и сегодня» [4, *здесь и далее перевод со словацкого сделан автором статьи*].

После ранней смерти Штура в результате несчастного случая его образ начал постепенно «канонизироваться» и занял, пожалуй, место главной исторической личности в Словакии. На сегодняшний день практически в каждом более или менее крупном городе Словакии есть улица, названная в честь Людовита Штура (в столице, Братиславе, есть и площадь, и улица), по всей стране можно найти множество связанных с ним и «штуровцами» памятных мест, памятников, мемориальных табличек, его портреты находятся на марках, медалях, а до принятия евро – и на денежных единицах. В 2015 г. отмечалось 200 лет со дня рождения Штура, поэтому этот год в Словакии прошел под его знаком: о нем постоянно писала пресса, выходили новые книги, снимались передачи и фильмы. При этом спектр интерпретаций и использования его образа (в том числе визуального), становится все шире и противоречивее. Причиной этому может быть и противоречивость самого наследия Штура и штуровцев, из которого каждый субъект общественного дискурса может извлечь тот момент, который будет служить его интересам: «Штур, штуровцы определили наши культурные координаты, нормы романтизма, национализма, отношение к либерализму, социализму, славянам, России, к чехам, венграм, полякам, евреям, к Западу, Востоку, к социальному вопросу, католицизму, гендерным вопросам, к парламентаризму, к комплексу тем, которые канонизировали словацкий национализм эпохи модерна. Со всеми противоречиями, которые из всего этого проистекают и по сей день» [4].

Говоря о спектре интерпретаций образа Штура, можно прежде всего остановиться на его «коммерциализации». Как пишет обозреватель словацкой экономической газеты «*Hospodárske noviny*» Я. Туткова: «В Словакии есть немного городов, в которых бы не было названной в

честь него улицы. Пожалуй, не найти словака, который бы не знал его имени. Его можно увидеть в книгах, учебниках, на марках и все чаще на рекламных щитах, плакатах, футболках и в рекламных роликах. Людовит Штур уже не “только” народный *будитель*, политик, писатель, историк и языковед, которыми он был в XIX в. Его имя и лицо – это торговая марка, которая нравится словакам» [13]. Несколько участников рынка услуг буквально сделали Штура своим «лицом». Одними из первых стали предприниматели из Братиславы, которые основали кафе под первоначальным названием «Shtoor» (теперь просто «Štúr»), где в логотипе был использован портрет Л. Штура, а меню было написано с использованием «штуровского» словацкого языка. В городе Жилина также появилось штуровское кафе «Štúrbaks», в названии которого очевидна аллюзия на название самой распространенной сети кофеен Starbucks. Не в последнюю очередь особой популяризации Л. Штура в массовой культуре способствовала его примечательная внешность и стиль одежды, которые оказались созвучны развившейся в последнее десятилетие моде на ретро-стиль в среде городской субкультуры т.н. «хипстеров». Особенно стоит отметить прическу и бороду Штура, которые нередко функционируют отдельно от целостного изображения самого деятеля (т.е. в том или ином визуальном образе присутствуют только они, без лица), становясь своего рода *метонимическим знаком*, который, в зависимости от использования, может становиться даже знаком-символом. Примечательно, что такие организации, как Словацкая академия наук, при организации мероприятий по случаю 200-летнего юбилея Штура также пользовалась схожими маркетинговыми приемами в визуальном оформлении рекламных объявлений и названиях самих мероприятий, где использовалась игра слов Štúr-žúr (*букв.* Штур-тусовка), а от лица Штура остались только волосы, усы и борода.

Таким образом, на этой стороне общественного дискурса и дискурса повседневности, не обремененных излишней политизацией (в крайнем случае здесь можно увидеть «либеральную аполитичность»), образ Штура превращается в знак (или в терминологию лингвокультурологии – «прецедентный феномен»), за которым закрепляются только позитивные коннотации. Как отмечает маркетолог И. Дворан: «Штур идеален: он очень известен, во времени он не сильно удален, с ним связывается только позитивная деятельность. Не менее важно, что у него отличная фамилия. Короткая» [13]. Конечно, в определенной степени это очень однобокая репрезентация исторической личности, при использовании которой взгляды «прототипа», которые могли бы нарушить данный позитивный образ, нивелируются. Однако прослеживаются и тенденции привнесения новых оттенков в штуровский нарратив, которые способны сделать его образ более

«приземленным». Чаще всего это достигается путем использования журналистских приемов из разряда «неожиданные факты об известных людях». Также с помощью таких приемов образ актуализируется, приближается к сегодняшнему дню, чтобы, если пользоваться выражением М. Кундеры, соответствовать «духу имагологической системы данного момента» [1, с. 126]. Такие «откровения», однако, часто носят характер новостей из бульварной хроники. Например, в одном из сюжетов по случаю года Штура на словацком телевидении обсуждалась возможная сексуальная ориентация Штура и количество девушек, влюбленных в него, а также его потенциальные невесты [8]. Другой пример можно найти в статье на популярном словацком новостном портале aktuality.sk, уже название которой созвучно данной суггестивной стратегии: «Людовит Штур, каким вы его не знали. Любящий женщин и хороший табак» [7]. Здесь также обсуждается сексуальная ориентация Штура, опровергаются утверждения о его возможной гомосексуальности, говорится о его авторитарном характере, а также о том, что у него была «своя небольшая сумка, в которой лежало зеркало и воск, которым он натирал усы, чтобы они не были растрепанными. В ней он носил разные ножницы и гребни, поскольку борода требовала хорошего ухода» [7]. Автор также посчитал важным указать, что «когда <Штур> по ночам писал книги или письма своим друзьям, он с удовольствием при этом пил хороший черный кофе и покурил трубку с хорошим табаком» [7]. Сообщая подобные биографические детали, авторы статей – субъекты дискурса – конечно, не меняют штуровский образ радикально, но «подыгрывают» интересам массовой публики, что подтверждает тезис о коммерциализации образа Л. Штура.

В то же время на волне роста националистических идей в последние несколько лет (как в Словакии, так и во многих других европейских странах), политики, общественные деятели, средства массовой информации стали искать и поднимать на поверхность более противоречивые моменты в штуровском идеологическом наследии, что также выливается в новые интерпретации его образа. Наиболее активно в 2017–2018 гг. развивались острые споры, в центре которых стояли взгляды Штура и штуровцев по отношению к евреям. Шкала оценок, как это бывает в случае с такой острой темой, достигает двух радикально противоположных полюсов: с одной стороны, есть те, кто прямо называет Штура антисемитом и оценивает это крайне негативно [3], с другой стороны, есть те, кто также видит во взглядах Штура антисемитизм, но оценивают это скорее положительно [9]. В связи с этим ряд изданий либерального толка выпустили статьи, цель которых прояснить позицию Штура и его коллег по отношению к евреям, при этом в качестве

иллюстрации к ним использовались провокативные изображения, которые вызвали гнев националистических СМИ и общественных организаций: журнал «týždeň» на обложке июньского номера за 2017 г. разместил хрестоматийный портрет Штура, которого на этот раз одели в нацистскую форму, сопроводив карикатуру заголовком, также содержащим вопрос: «Народ антисемитов?». Газета «Denník N» на передовице одного из июньских номеров за 2018 г. опубликовала заголовок «Был ли Штур антисемитом?», сопроводив его тем же портретом Штура, но его знаменитые усы были заменены гитлеровскими. В этом случае, как видно, образ Штура, как знак, помещается в несвойственное ему дискурсивное поле, связанное с другим временным периодом и несущее крайне негативные коннотации.

В реакциях на подобные материалы, а также в других дискурсивных событиях, можно проследить особенности интерпретаций образа Штура на другой стороне спектра: националистически ориентированной части общества и крайне правых политических субъектов. Квинтэссенцию критики упоминаемых выше материалов «Denník N» и «týždeň» можно найти в статье, опубликованной на одном из самых противоречивых порталов Словакии, «конспирологическом» «Zemavek»: «Ультраантисловацкие силы в «Denník N» <...> на передовицу итогового субботнего номера выбрали Людовита Штура, изображенного с гитлеровскими усами. Вслед за журналом «týždeň» эта провокация и посрамление нашего народа стали еще одним доказательством о (пока что) безнаказанной и образцовой антисловацкой деятельности» [12]. Здесь видна прямая связь, которую автор проводит между интерпретацией образа Штура и патриотическими / непатриотическими взглядами того, кто данный образ интерпретирует. Особенно сильно «патриотическая» интерпретация используется в риторике партии «Котлеба – Народная Партия наша Словакия», которую политологи причисляют к крайне правым, а некоторые и вовсе к неонацистским. Свою политическую программу они строят, среди прочего, на антимигрантской (фактически антимусульманской), антицыганской и антиистеблишмент риторике, чем завоевали довольно большую популярность в различных регионах Словакии как альтернативу тем, кого они сами называют «традиционными политиками». Партию возглавляет одиозный политик Марианн Котлеба, которого не раз обвиняли в экстремизме, национализме и симпатии к нацизму. Данная политическая сила также использует в своих интересах имя и образ Людовита Штура, который становится для них своего рода эталоном словацкости, непререкаемым авторитетом, а его слова и идеи служат в качестве аргумента при ведении споров. При этом Котлеба и его партия подходят к наследию Штура избирательно, акцентируя внимание на тех аспектах,

которые созвучны их риторике. Уже в программном описании на сайте партии есть утверждение, что «Народная Партия наша Словакия» следует заветам наших народных великанов – Людовита Штура, Андрея Глинки и Йозефа Тисо» [6]. Здесь имя Штура помещается в один ряд с противоречивым лидером существовавшего в годы Второй мировой войны пронацистского Словацкого государства Йозефом Тисо, которого некоторые считают военным преступником, причастным к преступлениям Холокоста, другие, наоборот, – идеализированным первым лидером независимой Словакии. Также из всего штуровского наследия выбираются высказывания, которые должны служить оправданием и основанием для антисемитских настроений среди современных словаков (например, Марианн Котлеба цитирует Штура, называя при этом евреев «дьяволами в человеческой коже» [10]). Кроме этого, данная партия стремится создавать образ Штура как неудобной сегодняшнему истеблишменту личности словацкой истории, развивая данную идею на основании того, что другие политические партии не участвовали в мероприятиях по случаю 162-й годовщины смерти Л. Штура в декабре 2018 г. В репортаже о мероприятии происходит своего рода виктимизация образа Штура и штуровцев: «Сегодня против исторических штуровцев, так же, как и против современных народников, проводится очень сильная антикампания прежде всего со стороны “прогрессивных” либералов» [11]. Автор ссылается при этом на упоминавшиеся выше статьи либеральных СМИ об антисемитизме Штура и других деятелей национального возрождения.

Говоря об этой стороне интерпретаций образа Людовита Штура, нельзя не упомянуть и курьезную историю, которая довольно долго резонировала в словацком медиапространстве и была связана с членами партии Марианна Котлебы. В 2017 г., ссылаясь на патриотичную традицию подъема на словацкую гору Кривань в Татрах, несколько членов партии также поднялись на гору, описывая свой поход как дань уважения деятелям национального возрождения и продолжение их традиции, у истоков которой стоял и Штур. Однако почти сразу выяснилось, что поднялись они на совершенно другую гору со схожим названием. Новость вызвала множество реакций и стала тем, что в современном Интернет-пространстве называют «мем» [5].

Людовит Штур, без сомнения, остается самым узнаваемым историческим деятелем в словацкой истории и менее противоречивых альтернатив у него практически нет. Возможно, поэтому каждая эпоха старается интерпретировать его образ и его наследие сообразно запросам общества. Словацкое *штуроведение*, соответственно, также будет развиваться и адаптироваться к «духу времени». В статье были затронуты лишь некоторые аспекты функционирования образа Штура в

общественной жизни Словакии. Он, конечно, более многогранен, как и образ любой другой исторической личности, чья жизнь и идеи лежат в основе идентичности целой нации.

Список использованной литературы

1. Кундера, М. Бессмертие / М. Кундера ; пер. с чеш. Н. Шульгиной. – СПб. : Азбука, 2001. – 416 с.
2. Смирнов, Л. Н. Людовит Штур и его время / Л. Н. Смирнов, Е. Н. Масленникова ; под ред. Е. Н. Масленниковой. – М. : РАН, 1992. – 122 с.
3. Hádka o Štúra pred odhalením pamätníka Kuciaka a Kušnírovej [Электронный ресурс] // pravda.sk. – 20.02.2019. – Режим доступа: <https://spravy.pravda.sk/domace/clanok/>. – Дата доступа: 07.03.2019.
4. Chmel, R. Ľudovít Štúr, prvý slovenský politik. V jeho hodnotení bola vždy rozpoltenosť [Электронный ресурс] / R. Chmel // Žurnál – Pravda – 27.10.2015. – Режим доступа: <https://zurnal.pravda.sk/esej/clanok/>. – Дата доступа : 10.03.2019.
5. Janšcová, K. Nie je to síce správny Kriváň, ale mohol by byť. Kotlebovci si pomýlili vrchy a sú na smiech [Электронный ресурс] / K. Janšcová // fici.sk – 30.06.2017. – Режим доступа: <https://fici.sme.sk/c/20571675/>. – Дата доступа: 20.03.2019.
6. IS Naše Slovensko. O nás [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.naseslovensko.net/o-nas/>. – Дата доступа: 15.03.2019.
7. Ľudovít Štúr ako ho nepoznáte. Miloval ženy a kvalitný tabak [Электронный ресурс] // aktualy.sk. – 25.05.2015. – Режим доступа: <https://www.aktuality.sk/clanok/276390/>. – Дата доступа: 15.03.2019.
8. Ľudovít Štúr je predobraz hipsterov, tvrdí etnologička [Электронный ресурс] // noviny.sk. – Режим доступа: <https://www.noviny.sk/zaujímavosti/>. – Дата доступа: 27.02.2019.
9. Mikušovič, D. Kotlebov poslanec Mizík kádruje vyznamenaných podľa židovského pôvodu, Danko ho preverí [Электронный ресурс] / D. Mikušovič // Dennik N. – 12.01.2017. – Режим доступа: <https://dennikn.sk/133305/>. – Дата доступа: 07.03.2019.
10. My sme národnosti slovenskej, nie židovskej. Čo všetko už Kotleba povedal o slovenskom štáte [Электронный ресурс] // Dennik N. – 13.03.2019. – Режим доступа: <https://dennikn.sk/404134/>. – Дата доступа: 19.03.2019.
11. Nagy, L. Ľudovít Štúr ako nežiaduca postava dejín? Spomienkovú akciu odignorovali všetci poslanci, okrem IS Naše Slovensko [Электронный ресурс] / L. Nagy. – Режим доступа: <http://www.naseslovensko.net/>. – Дата доступа: 16.03.2019.
12. Štúr ako Hitler [Электронный ресурс] // Zem a vek. – 11.06.2018. – Режим доступа: <https://zemavek.sk/stur-ako-hitler/>. – Дата доступа: 15.03.2019.
13. Tutková, J. Ľudovít Štúr. Značka, na ktorej sa dá takto “pekne” zarobiť [Электронный ресурс] / J. Tutková. – Режим доступа: <https://style.hnonline.sk/kultura/543983>. – Дата доступа: 03.03.2019.

УДК 94(100)654(5+6)(07)

Г. И. ПОСОХИНА

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

АУН САН СУ ЧЖИ: ПРАВОЗАЩИТНИЦА И ПОЛИТИК

Аун Сан Су Чжи – женщина-политик, лауреат Нобелевской премии мира за 1991 г. В настоящее время она является лидером Мьянмы (Бирмы), одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии. Ее деятельность является предметом исследования ученых-бирманистов из разных стран. Часто ее именуют «матерью нации», «иконой бирманской демократии». Такой политико-идеологический статус делает сложной задачей беспристрастный и объективный анализ ее деятельности.

Среди наиболее значимых работ, посвященных Аун Сан Су Чжи, следует упомянуть книгу польского исследователя Михала Любины «Бирманская леди: политическая биография Аун Сан Су Чжи» (Lubina M. Pani Birmy. Biografia polityczna Aung San Suu Kui. – Warszawa : PWN, 2015. – 720 s.), где подробно рассматриваются этапы личной и политической карьеры лидера демократической оппозиции Бирмы/Мьянмы. В работе украинского исследователя Д.М. Бродяка «Аун Сан Су Чжи. Исторический портрет» также приводится подробный анализ становления Аун Сан Су Чжи как политика и государственного деятеля в контексте сложной и противоречивой истории ее родины [1]. Среди работ российских исследователей особое место занимают статьи ведущего сотрудника Института востоковедения РАН А.А. Симония, в которых содержится глубокий анализ истинных причин кризиса с мусульманами-рохинджа в Мьянме, приведшего к необоснованной критике Аун Сан Су Чжи со стороны Запада. Также предметом исследования автора является расстановка политических сил и нюансы политической системы современной Мьянмы, без которых невозможно понять феномен Аун Сан Су Чжи [4–5].

Аун Сан Су Чжи – дочь основателя независимой Бирмы генерала Аун Сана. В 1947 г., накануне объявления независимости от Британии, Аун Сан, возглавлявший тогда переходную администрацию страны, был убит при попытке государственного переворота, когда его дочери было два года. Аун воспитывала мать, которая сначала работала в правительстве, а затем стала дипломатом. Аун окончила колледж в Индии, потом получила степень бакалавра по политологии и экономике в Оксфорде, работала в ООН (генеральным секретарем ООН с 1961 по 1971 г. был бирманец У Тан), вышла замуж за британского востоковеда Майкла Эйрса, переехала в Англию, защитила докторскую диссертацию, родила двух

сыновей. До 1988 г. Аун была вполне уважаемой супругой британского профессора, интеллектуалкой, которая не собиралась бороться за власть.

«Матерью нации» Аун Сан Су Чжи стала почти случайно. Когда в 1988 г. после 28 лет отсутствия она поехала в Бирму навестить свою больную мать, неожиданно для себя она оказалась в центре социальной бури. В стране вспыхнули студенческие волнения, переросшие в настоящее восстание против 26-летнего правления бирманской армии, которое привело в упадок некогда богатую страну. Эти события получили название «Восстание-8888», т.к. оно произошло 8 августа 1988 г. Аун присоединилась к восставшим, 26 августа впервые в жизни выступила на митинге, а в сентябре стала основателем и председателем собственной партии – «Национальной лиги за демократию» (НЛД).

Как считает М. Любина, в ней исподволь вызревало стремление к новой социальной роли. Поэтому Аун Сан Су Чжи поддалась настроениям бирманской улицы и нашла свое призвание в политике [7, с. 147]. Целью ее жизни стало завершение дела отца, который завоевал для Бирмы независимость, но не успел сделать ее сильным демократическим государством. По мнению М. Любины, Су Чжи после десятилетий социализации на Западе признала благотворность западной модели демократии и была полна решимости применить зарубежный опыт к бирманским реалиям [7, с. 503].

В скором времени в Бирме произошел новый военный переворот. Аун Сан Су Чжи не допустили до выборов и впервые поместили под домашний арест. Жизнь под домашним арестом продолжалась в общей сложности почти 15 лет (с 1989 по 1995 г., с 2000 по 2002 г. и с 2003 по 2010 г.). Домашний арест и другие подробности политической карьеры лидера мьянманской оппозиции рано получили широкую известность и признание в мире, чему способствовали личные связи и лоббистские усилия ее супруга М. Эйриса. «Во многом благодаря контактам М. Эйриса (сам он скончался от рака в марте 1999 г., не вынеся многолетней разлуки с супругой) глава НЛД уже летом 1991 г. стала лауреатом премии «За свободу мысли» имени Андрея Сахарова, присуждаемой Европейским парламентом. Осенью этого же года, с формулировкой «за ненасильственную борьбу во имя демократии и прав человека», лидеру мьянманской оппозиции была присуждена Нобелевская премия мира [1, с. 23].

Одновременно в США, Великобритании и ряде других стран вышла в свет автобиографическая книга Аун Сан Су Чжи «Свобода от страха». В ней, в частности, генеральный секретарь НЛД подчеркивала приверженность политическим принципам своего отца генерала Аун Сана – сторонника формирования в стране демократической политической

системы, которая в сочетании с сильной и популярной в народе армией сможет сохранить от дезориентации новую бирманскую государственность [1, с. 23].

Установленный после переворота 1988 г. обновленный военный режим любой ценой хотел сломить и дискредитировать своего влиятельного политического оппонента. В 1990 г. военная хунта тем не менее провела всеобщие выборы в парламент. «Лига за демократию» набрала на них 59 % голосов и получила 80 % мест в парламенте. По результатам выборов Аун должна была стать премьер-министром, но военные власть не отдали, результаты выборов отменили, Аун снова была арестована. После этого главной заботой военных стало отправить ее обратно в Англию к сыновьям и мужу – предложение, от которого она всегда отказывалась: было понятно, что ее больше не пустят назад.

Аун была под домашним арестом в 1991 г., когда ее сыновья-подростки принимали присужденную ей Нобелевскую премию мира. С 1995 по 2000 г., когда она была на свободе, военные особенно старались выжить ее из страны: в 1999 г. к ней не пустили умирающего от рака мужа. В 2002 г. ее снова освободили, а через год, после совершенного на нее же покушения, снова арестовали и тайно заключили в тюрьму – четыре месяца о ее судьбе ничего не было известно.

ООН пыталась выстроить диалог между военными и Аун Сан Су Чжи. Долгое время велись секретные переговоры. 3 июля 2009 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отправился в Мьянму, чтобы добиться от правительства страны начала демократических реформ и освобождения оппозиционеров.

13 ноября 2010 г. Аун Сан Су Чжи была освобождена из-под домашнего ареста. Выступая на первом после своего освобождения митинге, она призывала не к свержению антинародного режима, а к национальному примирению. Освобождение произошло через 6 дней после всеобщих выборов в Мьянме. Тогда партию Аун Сан Су Чжи фактически к ним не допустили, но спустя пять лет «Национальная лига за демократию» все-таки пришла к власти в результате выборов. Аун Сан Су Чжи не смогла возглавить правительство (этому помешало наличие у нее детей с британским подданством), и в 2016 г. для нее ввели отдельную должность государственного советника Мьянмы. Таким образом, Аун Сан Су Чжи стала фактическим лидером государства.

В 2017 г. произошел драматический перелом в судьбе политика. Лидер Мьянмы, государственный советник и министр иностранных дел Аун Сан Су Чжи стала объектом резкой критики со стороны западных и исламских стран, представителей зарубежных СМИ и ряда

международных организаций. Это было связано с событиями в штате Ракхайн, которые привели к масштабному миграционному кризису.

В штате Ракхайн помимо коренного населения буддистов-араканцев проживает более миллиона мусульман-бенгальцев, которые называют себя рохинджа. Согласно Закону о гражданстве Бирманского Союза от 1982 г., эти люди не являются гражданами страны. Они отличаются от коренного многонационального населения Мьянмы по религиозным верованиям, антропологическим признакам, языку и культуре. Их считают «незванными гостями» – незаконными мигрантами и называют бенгальцами [5, с. 26].

Проблема беженцев-рохинджа – это огромная человеческая трагедия. Не имея собственного государства, они живут на территории Мьянмы, которая не признает их своими гражданами. Соседняя мусульманская страна Бангладеш тоже не желает их признавать. В Пакистане проживает около 500 тыс. рохинджей, которые тоже не являются гражданами этой страны. Как справедливо отмечает А. Симония: «Осуждение мусульманским сообществом действий правительственных сил безопасности выглядит искаженно. Это инструментализация страданий людей в религиозных целях. Конфликт в Ракхайне никогда не был противостоянием ислама и буддизма. Это экономическое и политическое противостояние, которое длится в этом регионе много десятилетий» [4, с. 104].

Действительно, этот конфликт начался не сегодня. Он уходит корнями в колониальное прошлое и начальный период независимости, когда в этот район продолжалась миграция мусульман из восточного Пакистана, что обострило социально-экономическую ситуацию и вызвало явный демографический перекокс. Среди радикальных рохинджа возникли сепаратистские настроения. Выдвигались идеи присоединения этого региона к Восточному Пакистану либо создания независимого от Бирмы мусульманского государства – Аракандеш. По сути, такие настроения и продолжавшиеся вооруженные выступления Армии спасения рохинджа Аракана (АСРА) являются ничем иным, как проявлением проблемы сепаратизма.

25 августа 2017 г. в штате Ракхайн (Аракан) группы боевиков-рохинджа совершили нападения на 26 полицейских постов и армейскую базу. В нападении приняли участие до 6 500 боевиков. В результате погибли 12 сотрудников сил безопасности Мьянмы и 59 боевиков. Силы безопасности Мьянмы начали в регионе силовую операцию по зачистке, которую мировые СМИ назвали «непропорциональным ответом».

Эти события привели к неслыханному по масштабам массовому миграционному кризису. В течение сентября – октября 2017 г. из Ракхайна в Бангладеш бежали более 500 тыс. человек. Разразилась настоящая гуманитарная катастрофа [5, с. 27]. Все эти события вызвали огромный

резонанс в мире и резкие нападки на правительство Мьянмы и политического лидера страны. Западному сообществу понадобилось полтора месяца, чтобы разобраться в ситуации в штате Ракхайн и найти виновных.

Лидера Мьянмы, своего бывшего кумира, на Западе начали критиковать после первого нападения АСРА на государственные блокпосты 9 октября 2016 г. и армейских операций по зачистке от боевиков. В марте 2017 г. Комиссия по правам человека ООН приняла резолюцию по ситуации в Мьянме, где говорилось о «возможном» совершении преступлений против человечности». В мае 2017 г. в Брюсселе Аун Сан Су Чжи лично подверглась резкой критике со стороны членов Европарламента за нарушение прав человека в Мьянме. Некоторые журналисты заявляют, что Аун Сан Су Чжи, которая долгие годы была кумиром всей либеральной и демократической общественности, после победы на выборах своей риторикой и действиями все больше напоминает американского президента Дональда Трампа [5, с. 30].

Аун Сан Су Чжи была лишена звания почетного гражданина Оксфорда. Организация «Amnesty International» объявила об отзыве своей высшей награды – «Посол Совести» у лидера Мьянма Аун Сан Су Чжи. Генеральный секретарь «Amnesty International» Куми Найдун сообщил о том, что организация отзывает премию, которой тогдашний лидер мьянманской оппозиции была награждена в 2009 г. Найдун выразил разочарование в связи с тем, что она не использовала свой политический и моральный авторитет, для того чтобы обеспечить торжество прав человека, справедливости и равенства в Мьянме, сославшись на ее очевидное безразличие к зверствам, совершенными военными Мьянмы в отношении народности рохинджа, и растущую нетерпимость к свободе выражения в ее стране. «Мы ожидали, что, как Посол совести Amnesty International, вы продолжите использовать свой моральный авторитет, чтобы высказываться против несправедливости, где бы вы ни стали ее свидетелем, не в последнюю очередь в самой Мьянме», – написал Куми Найдун [6].

Amnesty International неоднократно критиковала неспособность Аун Сан Су Чжи и ее правительства выступить с осуждением зверств, совершенных военными в отношении рохинджа в штате Ракхайн. Это мусульманское меньшинство на протяжении многих лет существовало в рамках системы сегрегации и дискриминации, представляющей собой не что иное, как апартеид. В ходе кампании насилия, развязанной против рохинджа, силы безопасности Мьянмы убили тысячи людей, изнасиловали сотни женщин и девочек, пытали пленников и сжигали деревни. Более 720 тыс. рохинджа вынужденно бежали в Бангладеш. В докладе ООН о ситуации с этим мусульманским меньшинством содержится призыв к

расследованию и уголовному преследованию высшего военного руководства за геноцид.

Amnesty International критиковала гражданское правительство Мьянмы за препятствование международному расследованию преступлений, а также за то, что Администрация Аун Сан Су Чжи активно высказывала враждебность в отношении рохинджа, называя представителей этой народности «террористами», обвиняя их в уничтожении собственных домов и инсценировке изнасилований. Государственные СМИ Мьянмы, якобы, массово публиковали подстрекательские статьи, в которых рохинджа назывались «отвратительными человеческими блохами» и «шипами», которые необходимо вытащить из тела народа Мьянмы. «Неспособность Аун Сан Су Чжи вступить за рохинджа является одной из причин, по которой мы больше не можем оправдывать ее статус Посла совести», – заявил Куми Найдун [6].

В марте 2018 г. Вашингтонский музей Холокоста лишил Су Чжи премии импери Эли Визеля. Руководство музея было разочаровано тем, что она не воспользовалась своим моральным авторитетом и не попыталась остановить насилие в отношении мусульман-рохинджа. Канада 2 октября 2018 г. лишила Су Чжи почетного гражданства. Аун Сан Су Чжи была удостоена почетного гражданства Канады в 2007 г., когда в бытность лидером оппозиции в Мьянме находилась у себя на родине под домашним арестом. Это крайне редко воздаваемая в Канаде почать, которой до сих пор были удостоены лишь пять других выдающихся людей, в том числе Нельсон Мандела и Далай-лама [3].

Аун Сан Су Чжи была шокирована тем, что страны, которые многие годы поддерживали ее в противостоянии военной диктатуре, не могут понять нынешнюю ситуацию в стране. Процесс демократизации в Мьянме проходит в условиях компромисса между гражданским правительством и армией. Несмотря на победу Национальной лиги за демократию на парламентских выборах, она не стала в полном смысле правящей партией. Аун Сан Су Чжи – политический лидер страны не обладает всей полнотой власти. Она занимает должность государственного советника, что соответствует должности премьер-министра, и ее полномочия не распространяются на вопросы национальной безопасности. В Мьянме на сегодняшний день сосуществует две ветви власти: гражданская – во главе с Аун Сан Су Чжи и военная – во главе с главнокомандующий силами обороны старшим генералом Мин Аун Хлаином. Армия по-прежнему сохраняет свои сильные позиции в стране. Она не подчиняется ни президенту, ни государственному советнику и министру иностранных дел Аун Сан Су Чжи. Именно генерал Мин Аун Хлаин несет ответственность за происходящие события [5, с. 31].

По словам Аун Сан Су Чжи, правительство рекомендовало военным Мьянмы в рамках борьбы с боевиками в штате Ракхайн «проявлять сдержанность и избегать побочного эффекта». Однако, по мнению международных наблюдателей и правозащитников, военные не только «не проявляли сдержанность» и не пытались «избегать побочного эффекта», но и не скрывали, что не собираются этого делать, давая понять, что намерены «окончательно решить вопрос с рохинджа» [4, с. 108].

Также, по мнению А. Симония, Аун Сан Су Чжи необходимо сохранять хорошие рабочие отношения с армией и с главнокомандующим, возможно, поэтому она неохотно критикует их действия, не делает публичных осуждающих заявлений, и это сотрудничество, в какой-то степени, компрометирует ее. Но, по словам А.Симония, лишение Аун Сан Су Чжи зарубежных наград вызвало возмущение среди всех слоев бирманского общества, даже ее политических антагонистов – радикальных буддистов. Все, включая представителей разных конфессий, считают, что такие действия недостойны, несправедливы. Она не искала этих наград, она боролась с военной диктатурой почти 30 лет, не рассчитывая на какие-то поощрения и награды со стороны иностранцев. В знак солидарности со своим политическим лидером в разных городах Мьянмы проходили манифестации [4, с. 102].

История с Аун Сан Су Чжи является наглядным примером того, насколько тернистым бывает путь политика: в начале пути – борьба с режимом, отстаивание демократических идеалов, международные награды и следующее за ними признание, затем – приход к власти и необходимость заниматься реальной политикой, прибегая к методам, которые с трудом можно назвать демократическими. Прогрессивная мировая общественность довольно быстро забывает о былых заслугах тех, кого недавно считала своими кумирами и начинает политическую травлю, не особо вникая в сложные и противоречивые процессы, происходящие в той или иной стране.

Список использованной литературы

1. Бродяк, Д. М. Аун Сан Су Чжи. Исторический портрет [Электронный ресурс] / Д. М. Бродяк. – Режим доступа: <http://www.academia.edu/35100132>. – Дата доступа: 12.03.2019.
2. Бродяк, Д. М. Аун Сан Су Чжи: трудный путь к властному Олимпу веке / Д. М. Бродяк // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 4. – С.74–76.
3. Канада лишила почетного гражданства нобелевскую лауреатку Аун Сан Су Чжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/>. – Дата доступа: 12.03.2019.
4. Симония, А. А. Аун Сан Су Чжи, беженцы, армия и Папа Римский/ А. А. Симония // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития [Электронный ресурс]. – Вып. XXXVII (№ 37, 2017). – С. 101–113. – Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/aun-san-su-chzhi-bezhentsy-armiya-i-pararimski>. – Дата доступа: 12.03.2019.

5. Симония, А. А. Мьянма: радикализация проблемы рохинджа / А. А. Симония // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 1. – С. 26–33.

6. Amnesty отозвала премию «Посол совести» у Аун Сан Су Чжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amnesty.org.ru/ru/2018-11-13-myanmar/>. – Дата доступа: 12.03.2019.

7. Lubina, M. Pani Birmy. Biografia politychna Aung San Suu Kui / M. Lubina. – Warszawa : PWN, 2015. – 720 s.

УДК 94(476)

Е. С. РОЗЕНБЛАТ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

С. З. КАЦЕНБОГЕН – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ БЕЛАРУСИ И УЧЕНЫЙ

Соломон Захарович Каценбоген (1889–1946) – уроженец Беларуси. Он родился 10 мая 1889 г. в г. Минске. В 1899 г. поступил в гимназию, однако был исключен из нее за участие в гимназической забастовке в защиту «учащихся польской национальности» [2, с. 103–111]. В 1905 г. С. Каценбоген принимал участие в антиправительственных вооруженных демонстрациях.

Соломон Каценбоген закончил в 1910 г. Гродненскую гимназию и поступил на экономическое отделение Киевского коммерческого институт (закончил в 1914 г.). Проявил себя как талантливый публицист, печатался в киевской периодике, «отдавая предпочтение социологии и политике». Кроме того, С. Каценбоген проявил себя как перспективный ученый марксистского толка. В 1912 г. он публикует брошюру «Крестьянские войны в Германии».

По окончании Киевского коммерческого института С. Каценбоген поступил на юридический факультет Петербургского психо-неврологического института, своеобразной кузницы будущих революционных кадров. В 1917 г. он получает второй диплом юриста.

С. Каценбоген состоял членом еврейской социал-демократической партии Бунд с 1904 по 1920 г., а в 1920 г. стал членом ВКП(б) [2, с. 105]. В этом же 1920 г. С. Каценбоген был делегатом XII конференции от Смоленска [1]. Уже будучи студентом-юристом, начал преподавать на курсах по истории культуры и социологии. С этого времени история культуры, марксистская социология становятся темой его специализации, а талант лектора неоднократно применялся им в процессе долгой педагогической карьеры. В 1917–1920 гг. Семен Захарович Каценбоген

занимал высокие партийно-государственные посты в республике Литвы и Беларуси, был наркомом социального обеспечения, заместителем наркома просвещения в Беларуси. Одновременно он читал лекции в совпартшколах. В 1920 г. он приглашен преподавать в Белорусский государственный университет, а с 1921 г. стал профессором БГУ на кафедре социологии. Начиная с 1921 г. в течение 5 лет он декан факультета общественных наук и заместитель первого ректора БГУ – знаменитого историка В. И. Пичеты.

С.З. Каценбоген не был и не стал крупным ученым, однако проявил себя на всех занимаемых им постах как талантливый организатор науки. В БГУ он создал и возглавил кафедру социологии и первобытной культуры, читал курсы по истории первобытной культуры, истории социологии, марксистской социологии. Безусловно, С. Каценбоген был талантливым популяризатором и лектором, однако его воззрения можно рассматривать как вульгарный материализм и социологию. В лекциях он доказывал, что идея свободы, равенства и братства уходит корнями в первобытные времена, а революция – это неизбежные этапы развития человечества. В 1924 г. С. Каценбоген едет в четырехмесячную командировку в Германию «для изучения новейшей философской и социологической литературы» и работы в этнографических музеях первобытной культуры. Блестяще владея немецким языком, С. Каценбоген слушал спецкурсы немецких ученых в университетах Берлина, Лейпцига, Дрездена, Гамбурга. Молодой ученый поставил перед собой задачу собрать материал по «социологии первобытной культуры», «генетической социологии». Одной из успешных целей научной командировки стало приобретение новейшей философской и социологической литературы.

После завершения успешной научной стажировки в Германии в 1925 г. С. З. Каценбоген получает предложение занять пост декана факультета хозяйства и права и заведующего кафедрой диалектического материализма Саратовского университета [2, с. 106]. Уже 21 декабря 1925 г. С. З. Каценбоген прочитал перед ученым советом СГУ часовую лекцию «Марксизм и социология», предложенную как обзорное курсовое «Диамат» для студентов всех факультетов университета. Лекция была своеобразным «испытанием» для будущего профессора перед коллегами по цеху, которая должна была показать его квалификацию. Ключевая мысль С.З. Каценбогена в лекции была следующей: «Марксистская социология есть составляющая часть марксистско-ленинского мировоззрения». Лекция была напечатана в третьем выпуске «Ученых записок Саратовского университета» (1926, т. V, с. 107). В январе 1926 г. Соломон Каценбоген начал исполнять обязанности декана и заведующего кафедрой в должности профессора.

При всей конъюнктурности курса марксистско-ленинской философии, тенденциозного и политизированного, С. Каценбоген был по-настоящему увлечен бытом пещерного человека, формированием его интеллекта и духовной жизни. Несмотря на воинствующий атеизм, присущий риторике С. Каценбогена, его лекции вызывали неизменный интерес у слушателей. В 1920-е гг. С. З. Каценбоген опубликовал ряд работ: «Пролетариат и крестьянство» (1920), «Первобытный человек» (1923), «Философские и социологические основания марксизма» (1925), «Диалектический материализм и механическое мировоззрение» (1925), «К вопросу о проблеме закономерности исторического процесса» (1925), «Социолого-политические воззрения М. Бакунина» (1926), «Очерки по истории первобытной культуры. Переводы с немецкого» (1925–1958). Работая в Саратове, С. Каценбоген стал председателем научного общества воинствующих материалистов и действительным членом краевого научно-исследовательского общества.

С апреля 1928 г. по июнь 1932 г. С.З. Каценбоген работал ректором Саратовского университета. На его деятельность в качестве ректора выпала «эпоха» деления и раздела СГУ. От университета отделился медицинский факультет, на базе которого в 1930 г. был создан медицинский институт. В сентябре 1931 г. из СГУ вышел педагогический факультет и экономическое отделение факультета хозяйства и права. В Саратове появились соответственно финансово-экономический и педагогический институты. В мае 1932 г. из СГУ вышло отделение права и создан юридический институт.

После отъезда из Саратова С. Каценбоген в 1932–1935 гг. был ректором педагогического института имени А. И. Герцена в Ленинграде, в 1935–1936 гг. он директор Свердловского педагогического института. Однако за публичную критику экономической политики советской власти был снят с должности и работал преподавателем в Уральском университете с 1939 по 1946 г. В 1943 г. С. Каценбоген организовал и возглавил кафедру философии в этом университете, которой заведовал до 1946 г. В годы работы УрГУ занимался творчеством Б. Спинозы [3, с. 306].

Подводя итог жизнеописанию С. З. Каценбогена, следует отметить следующее. С. Каценбоген в период своей карьеры сумел почти два десятилетия удерживаться в рядах высших чиновников наркомпроса СССР. Он не стал крупным ученым, однако его можно назвать достаточно талантливым популяризатором общественных наук. Его высокая квалификация как преподавателя подтверждается воспоминаниями студентов, слушавших его лекции по генетической антропологии. С. Каценбоген очевидно был хорошим администратором, занимая высокие государственные посты (наркома), заместителя ректора БГУ, ректора

Саратовского университета, директора педагогических институтов в Ленинграде и Свердловске. Самым успешным «проектом» С. Каценбогена стала созданная им в годы Великой Отечественной войны кафедра философии в Уральском государственном университете имени А. М. Горького. На ней была создана уральская школа философии, ставшая одной из самых эффективных научных школ в СССР.

Список использованной литературы

1. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. – М. : РОССПЭН, 2010.– 1359 с.
2. Семенов, В. Н. Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 304 с.
3. Уральский государственный университет в биографиях / отв. ред. М. Е. Главацкий, Е. А. Памятных. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 432 с.

УДК 94(476.7)«1918/1941»

Г. В. СВЕНТУХОВСКАЯ

Беларусь, Минск, РИВШ

ИСТОРИЯ ШКОЛЫ В ГРАЕВСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМЫ И ЛИЧНОСТИ

После заключения 18 марта 1921 г. Рижского мира Брест входит в состав Польши, совершая новый поворот в своей истории. На польских планах мы отчетливо видим Граевское предместье, которое частично в 1929 г. войдет вместе с Киевкой в черту г. Бреста. Население проживало в бараках. В архиве Бреста сохранились планы этих бараков, часть из которых располагалась между ул. Граевской и Мещанской. В 1936 г. Граевское предместье составляло 417 га.

Жизнь населения все также была связана с обслуживанием железной дороги. Движение населения происходило как внутри Граевки, так и из других мест и городов.

Участок под строительство школы был куплен магистратом Бреста у Яна Копровича за 3 500 злотых. Адрес – ул. Гранична (ныне Карасева), 18. Однако школа строилась долго. С 1920 по 1928 гг. Брестский магистрат обещал открыть школу, однако в данный период территория предместья не подчинялась городу, что останавливало открытие такого необходимого объекта. 2 августа 1928 г. решением магистрата данная территория была приписана к гмине Косичи. Затем были приобретены помещение (на правах аренды) и необходимый инвентарь, был сформирован учительский персонал.

1 сентября 1928 г. на Граевке появляется начальная школа. Директором был назначен Франтишек Чернак. Затем был открыт 4-й класс. В 1929 г. школа была преобразована в семилетку имени маршала Юзефа Пилсудского № 9 [6, с. 536].

В 1928/1929 учебном году здесь обучалось 194 ученика, в 1930/1931 – 382, в 1931/1932 – 586, а в 1932/1933 – уже 722. В школе работало 10 учителей. Среди них можно назвать Франтишека Чернака (директор), Станиславу Чернак, Томаша Яблоньского, Рышарда Стопу, Владислава Ольшевского, Хелену Ольшевскую, Марию Пивоварчикову, Янину Скварецкую [8].

Томаш Яблоньски родился в 1902 г., закончил педагогический университет в Кракове в 1926 г. В 1934–1935 гг. работал в школе № 9 учителем польского языка, истории и закона божьего. На его примере можно судить о средней нагрузке учителей: 30 лекционных часов в неделю, дополнительный лекционный час свыше нагрузки оплачивался в 5 злотых [1, л. 5–5об.; 5, л. 23–23об.; 9, л. 10].

Школа работала в 4 зданиях, располагавшихся далеко друг от друга. Это вызвало вопрос о необходимости строительства нового здания. Магистрат приобрел эту землю. Благотворительную помощь оказал ксендз Антоний Хмелевский. Проект выполнил инженер Сарныч Виктор. Строительством согласно заключенному договору занимался Стефан Каминьский, который был обязан выполнить работы к 1 сентября 1932 г. За основные работы был выставлен счет в 3 600 злотых, а с учетом дополнительных работ строительство было оценено в 4 550 злотых 93 грошей [4, л. 86–87; 6, с. 537; 7, л. 76; 10, л. 82–82об.]. Помощь в оплате работ оказала страховая касса. Однако здание школы открылось лишь в 1934 г.

Франтишек Чернак родился в 1891 г., был учителем физики и математики, получил образование в Люблине в 1927 г. После назначения его директором школы продолжал свое образование. Директором Граевской школы г. Бреста он проработал с 1928 до 1934 г.

В 1933 г. на него в школьный инспекторат был написан рапорт. Было высказано недовольство ситуацией, сложившейся в школе по вине директора и его жены, которых обвиняли в частности в том, что они управляют школой, как собственным поместьем, игнорируя интересы и пожелания других учителей. Возникали вопросы административного и финансового характера. Недовольство вызывала политика опеки над бедными учащимися. Например, школам выдавался сахар на 15 дней, причем в большом количестве. Если в остальных школах (согласно рапорту сотрудников) выданный сахар оставался и использовался дальше,

то в 9-й школе его не осталось, хотя в кладовых его наличие было замечено.

Франтишек Чернак на протяжении трех лет не предоставлял финансовый отчет о работе школы. Несмотря на поступление денежных средств, школа не получила нового оборудования, инвентаря и учебных пособий. Заявление о приобретении новых книг также не нашло подтверждения. В 1930/1931 и 1931/1932 учебных годах директор продавал школьные учебники детям. Какова цель и доход от данных продаж, сотрудники затруднялись ответить.

Еще одной проблемой стал прием без экзаменов и исключение учеников, по причинам неизвестным остальным учителям. Принимались ученики, которые в остальных школах не могли сдать экзамен или оставались на второй год.

В вину Станиславы Чернак вменялась ненадлежащая работа пришкольного магазина, в котором кроме учебных материалов, дети могли растратить деньги на разные сладости. Доход от магазина также был тайной, финансовых отчетов не было. Ненадлежащим было и исполнение пани Чернак своих прямых педагогических обязанностей: она не дежурила, уроки могла начинать с опозданием на 5–10 минут, учила только 4-й класс, хотя в нагрузке были и другие.

Рапорт учителей был принят, произошло расследование, в результате которого директор Франтишек Чернак и его жена Станислава Чернак были признаны виновными в финансовых злоупотреблениях. В качестве наказания был наложен штраф, они были уволены со своих должностей с запретом занимать учительские должности в Бресте [2, л. 20–20об.; 3, л. 186–187об.; 8, л. 1–2]. Позже директором был назначен Антоний Поренбски.

Список использованной литературы

1. Выписка из служебного списка Томаша Яблоньского // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 59. Оп. 6. Д. 9044.
2. Выписка из служебного списка Франтишека Чернака // ГАБр. – Ф. 59. Оп. 6. Д. 1289.
3. Выписка о наказании // ГАБр. – Ф. 59. Оп. 4. Д. 1768.
4. Договор между Президентом Бреста-над-Бугом М. Венжиком и мастером Стефаном Каминьским // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1709.
5. Договор о службе // ГАБр. – Ф. 59. Оп. 5. Д. 9039.
6. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2 кн. / рэдкал.: М. З. Башлакоў, Н. А. Дзянісава [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997–2001.
7. Разрешение Магистрата // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1709.
8. Рапорт // ГАБр. – Ф. 59. Оп. 4. Д. 1768.
9. Свидетельство Томаша Яблоньского // ГАБО. – Ф. 59. п. 4. Д. 794.

10. Счет для Магистрата г. Бреста-над-Бугом за строительство школы повшехной 7-классной на Граевском предместье г. Бреста // ГАБО. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1709.

11. Waszczukowna-Kamieniecka, D. Brzesc, niezapomniane miasto / D. Waszczukowna-Kamieniecka ; przedm. J. Garlinskiego. – Londyn, 1997. – XV. – 327 s.

УДК 930 (476)+357.71

Э. Н. СЕВЕРИН

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ГУГО ГРОЦИЙ – ОТЕЦ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Благодаря широким политическим связям, голландский мыслитель и политик Гуго Гроций (1583–1645) прекрасно понимал несовершенство системообразующих факторов европейских межгосударственных отношений, которые приводили к постоянным политическим конфликтам. Опираясь на свой богатый дипломатический опыт, мыслитель обосновал собственное видение решения существующих в европейском регионе проблем, предложив впервые в мировой политической теории и практике разработку основ и принципов международных отношений. На основе трудов католических мыслителей и первых теоретиков естественного права XVI в. Г. Гроций создал современный синтез этих идей, что сыграло решающую роль в становлении «нового» естественного права. Он первым попытался вывести естественно-правовую идею из приоритета богословской сферы и направить её в светское политическое русло.

В период глобальных политических потрясений в Европе Гроций начал формулировать свои собственные идеи о праве наций, которые он рассматривал как систему взаимных политико-правовых ограничений, основанную на убеждении, что закон исходит как от человеческого разума, так и от естественного права. «Именно с теорий Гроция и Гоббса начинается понимание индивидуальных прав человека как начального пункта политической теории и, наоборот, политики как сферы, напрямую влияющей не только на реализацию, но и на понимание сущности прав и свобод...» [3, с. 64]. В естественном состоянии войны или мира, утверждает философ, действует лишь естественное право, то есть «предписание здравого разума» [1, с. 70]. В качестве источников естественного права Г. Гроций определяет разумную природу человека (человеческий разум) и свободную волю Бога. Из требований разума Гроций выделяет следующие предписания (принципы) естественного права: воздержание от чужого имущества, так и возвращение полученной чужой вещи, и возмещение

извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания. Хотя частную собственность он не относит к естественным правам, но и посягательство на неё не допускается.

По существу, естественное право выступает в качестве основы волеустановленного права, которое в свою очередь философ делит на божественное и право человеческое (право человеческое также делится на право внутригосударственное, устанавливаемое гражданской властью, и право человеческое в более узком смысле, подчиняющееся государственной власти, но не проистекающее из неё и право народов). Волеустановленное право изменяется во времени и зависит от места бытия. В качестве источника вышеназванного права, по мнению Гроция, выступает или воля Бога, или воля людей. Благодаря таким естественным качествам, как разум и общительность люди заключили договор о создании государства, наиболее существенным признаком которого является суверенитет. При этом голландский мыслитель, отдавая приоритет монархической и аристократической, признаёт правомерность существования различных форм правления. Позиция философа по вопросу сопротивления государственной власти очевидна: «... все по природе имеют право противиться причинению им насилия. Но так как государство установлено для обеспечения общественного спокойствия, то ему принадлежит некое верховное право над нами и нашим достоянием, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей... Ибо если сохранить такое всеобщее право сопротивления, то будет уже не государство, но беспорядочная толпа... [1, с. 159].

Гроций сделал попытку применения зарождающейся естественно-правовой концепции к системе международных отношений. Он актуализировал эту идею, утверждая, что естественный закон – самый важный механизм для ограничения и регулирования войн в Европе – должен быть независим от религии и применяться ко всем народам и индивидам, независимо от их конфессиональной принадлежности. Однако он понимали то, вновь включая в свою теорию международных отношений элементы христианского учения, как морального критерия политики и человеческого достоинства, что в современных ему условиях цель сдерживания и регулирования войны не может быть достигнута исключительно с помощью светского права. По мнению Гроция, и отношения между государствами должны строиться на основе равноправия, взаимоуважения и сотрудничества, а истинная цель войны – достижение мира. Философ также предвидел создание международного органа, ответственного за сохранение мирового правопорядка.

В конечном счете, концепция голландского мыслителя нашла своё реальное воплощение в политико-правовой действительности: эти идеи, которые принесли Гроцию титул «отец международного права», считаются «интеллектуальной основой» для Вестфальского договора, ознаменовавшего завершение тридцатилетней войны в 1648 г., положил начало созданию системы независимых государств, в которой национальный (государственный) суверенитет является высшим международным приоритетом. Учёные-международники того времени восприняли естественно-правовую теорию прав человека. Они считали, что за каждым человеком признаются основные права, которые должны быть уважаемы как в мирное время, так и в военное время. Под такими правами обычно подразумевались право на жизнь, свободу совести и вероисповедания [2, с. 10].

На неевропейском цивилизационном пространстве также функционировали политико-правовые институты и нормы, определяющие характер поведения и взаимодействия независимых государств, однако многие из этих цивилизаций были покорены европейскими колониальными державами. Таким образом, европейское международное право стало глобальным международным правом, а влияние наследия Гуго Гроция, соответственно, было увеличено до мирового масштаба.

Список использованной литературы

1. Гроций, Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций ; пер. с лат. Сакетти / репр. с изд. 1956 г. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
2. Карташкин, В. А. Организация Объединённых Наций и международная защита прав человека в XXI веке / В. А. Карташкин. – М. : Норма : Инфра-М, 2015. – 176 с.
3. Меркушев, В. Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / В. Н. Меркушев. – Екатеринбург, 2004. – 153 л.

УДК 28:283/289

В. В. СУШКО

Беларусь, Брест, БрГТУ

ПАСТОРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В ЦЕРКВЯХ НЕОПРОТЕСТАНТСКИХ ДЕНОМИНАЦИЙ

Неопротестантские деноминации представляют собой строгие иерархичные религиозные объединения, где одну из важнейших функций выполняет институт пасторского служения. Не смотря на догмат о спасении личной верой каждого последователя церковью, как традиционного протестантизма, так и поздних религиозных учений, пасторы являются ключевыми субъектами организации и реализации вероучительных практик христиан веры евангельской (ХВЕ), евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и адвентистов седьмого дня (АСД).

Для того чтобы получить право осуществлять пасторское служение, кандидаты получают соответствующее богословское образование в специализированных учебных заведениях. Так, в Республике Беларусь действует система начального, среднего и высшего уровней религиозного образования церковью ХВЕ, ЕХБ, АСД.

До середины 1990-х гг. основным центром подготовки белорусских служителей общин и групп пятидесятников был христианский теологический институт ХВЕ в г. Москве, с 1993 г. – там же открыта христианская семинария «Благодать», которые обеспечивали получение высшего духовного образования. В Беларуси первым высшим учебным заведением пятидесятников стал «Теологический институт христиан веры евангельской» в г. Минске (зарегистрирован Государственным комитетом по делам религий и национальностей 24 апреля 1996 г., регистрационный № 78; перерегистрирован Уполномоченным по делам религий и национальностей 30 января 2008 г., регистрационный № 158). Первые занятия начали в учебном заведении в сентябре 1996 г. Основной целью деятельности Теологического института является подготовка священнослужителей, проповедников, богословов, преподавателей библейских и воскресных школ, а так же предоставление высшего богословского образования с присвоением следующих степеней: бакалавр христианского служения, бакалавр христианского образования, бакалавр богословия, магистр христианского служения и магистр богословия. Институт имеет несколько факультетов: богословский, педагогический, хорового церковного пения и факультет «школа служения». Организованы различные формы обучения: вечерняя, заочная, дистанционная. Институт проводит различные семинары и курсы повышения квалификации для

служителей церкви. Большинство преподавателей института – действующие пасторы и активные служители церкви.

Одновременно в г. Минске начал работу Библейский колледж «Христос для народов» (зарегистрирован 24 апреля 1996 г.). Миссия Библейского колледжа заключается в том, чтобы готовить служителей для Церкви последнего времени, «учитывая те вызовы, с которыми встречается современное христианство, особенность нашего труда в том, чтобы отвечать на насущные запросы времени и готовить лидеров, готовых встать в авангарде дела Христа». Основными задачами являются: изучение Слова Божьего, работа над характером, опыт познания Бога, профессиональная подготовка, служение насущным нуждам людей. В колледже молодежь обучается по двум формам: очной и заочной. Преподавательский состав Теологического института и Библейского колледжа является достаточно профессионально подготовленным. Как правило, это действующие пасторы наиболее влиятельных общин, доктора богословия, магистры богословия. Очень большое распространение имеет практика межинститутского обмена студентами, проведение конференций и семинаров по различным направлениям. Однако высшие учебные заведения ХВЕ в Республике Беларусь не получили государственную аккредитацию, а только зарубежную.

В 1995 г. была открыта заочная Библейская школа в г. Минске Союза ЕХБ Республики Беларусь, в 1994 г. в г. Минске была организована работа Библейской школы, а в 1995 г. начал работу Библейский институт. Высшее учебное заведение насчитывает три факультета: богословский (подготовка пастырей), музыкальный (подготовка регентов хора), преподавателей воскресных школ. За период обучения студенты осваивают следующие предметы: библиологию, догматику, сравнительное богословие, историю ЕХБ, христианскую этику, методику преподавания Библии различным возрастным категориям, возрастную психологию, педагогику и музыку воскресных школ.

С 1997 г. действует Минская богословская семинария Союза ЕХБ Республики Беларусь. Основная цель обучения в семинарии – подготовка специалистов пасторского служения и миссионерской деятельности. Обучение длится 3–4 года, по окончании которого присваивается звание бакалавра практического служения. Как правило, в качестве преподавателей семинарии привлекаются иностранные проповедники, наиболее успешно обучающиеся студенты проходят стажировку за рубежом. Таким образом, действующие учебные заведения обеспечивают подготовку пасторских кадров в полном объеме.

Общины и объединения АСД основали в 1994 г. филиал Заокской духовной академии в г. Минске (сама академия находится на территории

Российской Федерации) – главный образовательный центр верующих в Беларуси. По окончании академии студенты получают степень бакалавра и несут, как правило, пасторское служение в общинах. Достаточно распространена традиция получения образования за рубежом: в Заокской академии в России и университете Эндрюса в США.

«Институт пасторов-учителей установлен самим Иисусом Христом. В Божьем оригинальном плане эти люди играют огромную роль. Имея соответствующие дарования и определенный опыт в личной духовной жизни, пасторы ответственны за обеспечение остальных христиан всем необходимым для их полноценного развития, чтобы сделать их способными к служению созидания Церкви. Это очень важный элемент общего процесса развития Тела Христова. Искупив свою Церковь посредством жертвы на Голгофском кресте, Сын Божий вверяет ее в попечение пастырям» [1], – таково суждение о роли пастора в общине одного из представителей неопротестантской церкви. Действительно, в религиозной практике баптистских, пятидесятнических и адвентистских общин и групп пасторы являются своеобразными ориентирами духовного роста верующих. Поэтому и требования к служителям предъявляются самые высокие – как нравственные, так и в отношении уровня образования и личностных качеств.

Эффективный пастор – это тот, кто слышит и видит сердцем, кто признает свои слабости, кто не боится быть слишком откровенным с людьми, потому что черпает свою уверенность во Христе, и кто страдает вместе со всеми [2]. Этот подход является одним из самых актуальных в среде пасторского сужения неопротестантских религиозных объединений. Примером такого служения может быть жизненный и пасторский путь одного из самых влиятельных евангелистов первой половины XX в. на территории Западной Беларуси – Лукаша Декуць-Малея. Будучи и пастором, и проповедником, и одним из координаторов религиозного движения евангельских христиан-баптистов, он сумел своим личным примером баптиста-верующего стать вдохновителем последователей вероучения на сохранение верности традициям, не смотря на сложные и противоречивые условия государственно-религиозных взаимоотношений в период 1920–1950-х гг. на территории белорусских земель. «Л. Декуць-Малей имел сообщение со многими известными евангелистами и проповедниками; к нему с благотворительной, а также миссионерской целью приезжали многие известные пасторы и проповедники, что содействовало развитию христианского служения», – такова общая характеристика деятельности пастора [3, с. 152]. При этом следует отметить, что Л. Декуць-Малей стал известен и благодаря переводу

Библии на белорусский язык, что позволило ему обрести авторитет среди местной белорусской интеллигенции.

Пасторское служение в религиозных организациях евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской и адвентистов седьмого дня предполагает и тщательное семейное воспитание пасты. При этом особое внимание уделяется и личному опыту пастора в семейной жизни, так как она должна быть образцом для подражания верующим религиозной общины. Как отмечают сами служители неопротестантских церквей, необходимо «следить за тем, чтобы соблюдать баланс между служением и семьей, чтобы ваша жена и дети всегда оставались для вас на первом месте даже во время активного служения; взять за правило отгуливать отпуск до конца, и не отвечать на телефон во время ужина, молитвы и выходных; помнить о том, что если вы потеряете свою семью, то возможно лишитесь и права участвовать в служении» [2].

Очень большое внимание уделяется подготовке молодежи ко вступлению в семейную жизнь, пропагандируются традиционные семейные ценности, целомудрие юношей и девушек до вступления в брак. Для достижения этих целей, пасторы организуют всевозможные тематические проповеди, индивидуальные беседы для готовящихся к обряду венчания и т. д.

Актуализируя, что институт пасторов-учителей учрежден был Иисусом Христом, неопротестантские руководители церквей подчеркивают значимость природы пасторской роли в религиозной общине и группе, являющейся уникальной. «Пасторы – это не просто специалисты по работе с людьми, они не просто менеджеры или организаторы, обеспечивающие реализацию тех или иных проектов. Пасторы должны быть проводниками созидающей души Божьей благодати. Только тогда они будут способными выполнять поставленную перед ними Христом задачу. Поэтому пасторы должны в большей степени, чем другие, преобразиться в характер Христа» [1], – такова аргументация неопротестантских лидеров.

Особое внимание уделяется личным характеристикам и качествам пасторов, особенностям характера священнослужителей. Так, одним, из фундаментальных показателей является смирение, от которого должна зависеть эффективность его служения в целом. Гордыня, излишняя амбициозность, заносчивость – это черты, которые не позволят продуктивно осуществлять религиозное служение и затрудняют общение с верующими, а возможно, и становятся причинами развития конфликта среди прихожан. Таким образом, смирение пастора обеспечивает его уверенное служение и созидание душ верующих.

Забота о полноценном духовном росте людей – также одна из неотъемлемых обязанностей, включающих пасторское служение. Ничто не может быть более важным, чем попечение о постоянном внутреннем совершенствовании верующих, преодолении человеческих слабостей на пути к Богу. И примером этого внутреннего позитивного преобразования снова должен выступать сам пастор [1; 2].

Не менее важным компонентом является и готовность к духовному лидерству священнослужителей пятидесятнических, баптистских и адвентистских церквей. Опыт, знания, личный пример духовного совершенствования – это те критерии, которые определяют пасторов религиозных общин и групп в качестве авангарда среди верующих.

По мнению неопротестантского лидера Р. Бакстера, истинный пастор обязан стремиться анализировать самого себя по следующим причинам:

1) пастыри должны наблюдать за собою, потому что, несмотря на их религиозную деятельность, отсутствие прогрессирующего благочестия может быть признаком того, что они не спасены;

2) пасторы, как и все другие люди, имеют греховную природу и поэтому склонны согрешать. «Даже у самых праведных христиан притаились остатки гордости, неверия, самолюбия и любого другого греха... Если вы не следите внимательно за состоянием своего ненадежного сердца, то оно очень быстро найдет возможность обмануть вас»;

3) пасторы представляют собой особую мишень для сатаны; сокрушив вас, он свалит вместе с вами многих других людей, которых вы пасете;

4) за пасторами пристально наблюдают люди - как те, кто хочет вам подражать, так и ваши недоброжелатели;

5) пасторы несут большую ответственность за свои грехи, потому что они знают больше других и должны быть сильнее других;

6) для осуществления служения нужны особые духовные силы, которые ослабляются грехом;

7) грехи пасторов в большей степени бесчестят имя Господа, чем грехи других людей;

8) от состояния сердца пастора зависит успех его служения [1].

Важным нюансом пасторского служения, которое осуществляется в неопротестантизме, является согласованность и отсутствие соперничества между священнослужителями. Епископами религиозных объединений ХВЕ, ЕХБ и АСД уделяется достаточно большое внимание тщательному отбору претендентов на будущее пасторское служение, в чем одну из главных характеристик считают отсутствие таких качеств, как склонность к межличностным конфликтам, противостоянию и соперничеству.

Таким образом, пасторское служение в неопротестантских церквях является одной из составляющих религиозной практики верующих

христиан веры евангельской, евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня. Предъявляя достаточно высокие требования к личностным характеристикам священнослужителей, их образовательному уровню и коммуникативным качествам, данный тип служения выступает гарантом положительной динамики религиозной деятельности неопротестантских деноминаций.

Список использованной литературы

1. Коломийцев, А. Характер пастора в церкви / А. Коломийцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slovo.org/ru/resursyi/statyi/kharakter-pastora-v-tserkvi>. – Дата доступа: 05.12.2018.

2. Крофт, Б. Пасторское служение: 20 уроков за 20 лет / Б. Крофт // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hristiane.ru/blog/pastorskoe-sluzhenie>. – Дата доступа: 27.11.2018.

3. Лукаш Дзекуць-Малей і беларускія пераклады Бібліі : зб. матэрыялаў, арт. і дак. / рэдкал.: А. У. Унучак (гал. рэд.) [і інш.]. – Брэст : Альтэрнатыва, 2011. – 200 с.

УДК 94(450)

Л. В. ХАРИЧКОВА

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ОТ АВРЕЛИАНА ДО ДИОКЛЕТИАНА: НА ПУТИ К КОНСОЛИДАЦИИ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА

В конце II в. до н.э. римское государство оказалось охвачено всеобщим кризисом. Одно из его проявлений – борьба между так называемыми «сенатскими» и «солдатскими» императорами. Если первые отстаивали интересы муниципальных собственников, то вторые выражали интересы земельных магнатов. В результате за неполное столетие (192–284 гг.) на римском престоле сменилось 32 императора, большинство из которых пало жертвой дворцовых переворотов. Борьба осложнялась появлением многочисленных узурпаторов, народными движениями, усилением активности варваров на границах и ростом провинциального сепаратизма.

Для устранения возникших проблем необходимо было преодолеть разногласия среди представителей господствующего класса и укрепить институт императорской власти, ибо только сильная центральная власть могла удержать государство от распада. Начало этого процесса относится к недолгому периоду правления провозглашенного армией императора Аврелиана (270–275). Проводимая им политика способствовала упрочению позиций императорской власти и стабилизации политической обстановки.

Император Тацит возглавил Римскую империю только спустя шесть месяцев после смерти Аврелиана [6, II, 1]. Вероятно, шестимесячное междуцарствие явилось следствием попыток достижения компромисса между сенатом и представителями высшего командного состава армии, которые в условиях кризиса все больше сближались с крупными землевладельцами. Именно от представителей армейской верхушки исходило предложение избрать императора из состава сената, что должно было примирить их с крупными собственниками [6, III–VII; 8, с. 488, 489].

Античные авторы сообщают, что сенаторы по поводу возвращения им права избирать императоров назначили благодарственные моления богам и гекатомбу. В провинции были разосланы официальные письма с сообщением о том, что «государство вернулось к древнему укладу, ... что сенат сам стал государем» [6, XII, 1].

В своем первом обращении к сенату, Тацит заверил его членов, что будет действовать согласно с их мнением и волей. [6, IX, 1]. Этому заверению соответствует и встречающаяся на его монетах легенда «*Restitutor respublicae*». Правда, о подлинном восстановлении республики речь не шла. В данном случае под «*Restitutor*», как отмечает Е.М. Штаерман, следует понимать выборный характер монархии и определенное ограничение вмешательства избранного сенатом императора во внутренние дела аристократии [8, с. 490].

Соответствовала заявленному курсу и религиозная политика Тацита. Особое внимание император уделяет культу Антонинов, пользовавшемуся особой популярностью у римской аристократии. Вописк сообщает, что в Риме по приказу Тацита был выстроен храм обожествленным императорам, в котором должны были стоять статуи только «хороших государей» [6, IX, 5]. Поскольку среди размещенных в нем статуй преобладали изображения императоров династии Антонинов, Е.М. Штаерман считает, что Тацит, связав себя с Антонинами, стремился приблизиться к идеалу «хорошего» принцепса». Интересны монеты Тацита, на которых земной шар императору вручает богиня Рома. Тем самым Тацит как бы подчеркивал, что власть он получил от Рима, точнее говоря – от римского сената [8, с. 490].

Из древнеримских богов на монетах Тацита представлены Марс (с эпитетами *Victor*, *Ultor* и *Pacifer*) и Юпитер (с эпитетом *Stator*). Их образы сопровождает легенда «*Conservator militum*», что позволяет рассматривать их только как военных богов [8, с. 489, 490]. Вероятно, Тацит стремился не пренебрегать и настроениями, господствовавшими в армии. Любопытны также монеты с изображением Диоскуров, выступающих в роли «*Conservatores Augusti*». В данном случае Диоскуры,

подобно Гераклу, символизировали «хороших правителей», заслуживших бессмертие героев [8, с. 489, 490].

Политика Тацита отвечала интересам представителей сенатского сословия. Однако после пяти месяцев правления, удачно завершив поход против вторгшихся в восточные провинции варваров, Тацит умирает по пути в Европу. По одной из версий, причиной его смерти явилась лихорадка [4, с. 149; 5, с. 110]. По другой, Тацит пал жертвой заговора [12, s. 80, 81].

После смерти Тацита его брат Флориан, не дожидаясь согласия сената, захватил верховную власть. Однако восточная армия провозгласила императором Проба, под властью которого оказались Сирия, Финикия, Палестина и Египет. После непродолжительной борьбы победу одержал Проб. Флориан же был убит собственными солдатами [6, X, 8; 12, s. 81].

Новому императору пришлось стабилизировать ситуацию на границах. Проб направился в Галлию, значительная часть которой была захвачена германцами [7, XIII, 5; XVIII, 5–8]. Военные действия в Галлии начались не ранее весны 277 г. [3, с. 135]. Проб сумел нанести германцам ряд поражений, в ходе которых варвары потеряли около 400 тыс. убитыми. Остальные были вытеснены за пределы Галлии. В результате были освобождены 60 галльских городов и захвачена большая добыча [7, XIII, 6–8]. Очистив Галлию, Проб устремился на Дунай, где еще летом 277 г. варвары прорвали границу империи на всем ее протяжении [3, с. 136]. Борьба с племенами Подунавья, длившаяся с 278 по 279 гг., также завершилась победой римлян [3, с. 138; 7, XVI; 12, s. 83].

Занятость римских войск на рейнском и дунайском фронтах создала благоприятные условия для восстаний в восточных провинциях и усиления Персии. Поэтому, укрепив северные границы империи, Проб направился на Восток. Успешные действия римлян вынудили персов пойти на заключение мирного соглашения с Пробом [7, XVII].

В области внутренней политики Проб следовал курсом, намеченным в свое время Аврелианом. Будучи ставленником армии, он, тем не менее, всеми силами стремился к достижению компромисса с различными социальными группами и, прежде всего, с крупными земельными собственниками.

Уже в своем первом послании к сенату Проб недвусмысленно дал это понять. Он особо подчеркнул приоритет сената в вопросе выбора императора. Обращаясь к сенаторам, он заверил их в том, что будет исполнять решения сената. В ответ на это сенаторы одобрили избрание Проба в качестве главы государства [7, XI, XII]. Получив признание сенаторов, Проб сделал еще один шаг к сближению, частично расширив права сената. Сенаторам, в частности, было предоставлено право

рассмотрения апелляции на судебные решения, право назначать проконсулов, легатов, префектов претория, а также право утверждать издаваемые императором эдикты [7, XIII, 1].

Безусловно, отвечали интересам крупных земельных собственников и проведенные им меры по комплектованию римской армии. Вописк сообщает, что Проб отдал в собственность ветеранам земли в труднодоступных районах при условии, что их сыновья с 18 лет будут поступать на военную службу [7, XVI, 6]. Известно также, что 16 тыс. германских воинов были взяты Пробом на службу и распределены по 50–60 человек в разные воинские подразделения [7, XIV, 7].

Показательным является тот факт, что галльские поля обрабатывали захваченные в плен германцы [7, XV, 6]. Однако, несмотря на предпринятые Пробом уступки, среди галльской аристократии вновь усилились антиримские настроения. Ареной борьбы стала центральная Галлия, где вспыхнуло восстание Прокула и Боноза. Правда, Пробу удалось достаточно быстро подавить этот мятеж [7, XVIII, 5–7].

Волнения в Галлии подтолкнули Проба на новые уступки земельным магнатам Запада. С этого времени он снял запрет на разведение винограда для Галлии, Испании и Британии. Источники также сообщают, что с помощью воинов он засадил виноградом г. Альму близ Сирмия и г. Аврею в Верхней Мезии [2, с. 62; 7, XVIII, 8]. Отменой указа Домициана могли воспользоваться только крупные землевладельцы, ибо в тех условиях освоить культуру винограда, требовавшую значительных расходов и значительной затраты квалифицированной рабочей силы, могли только состоятельные граждане [8, с. 496].

Религиозная политика Проба тоже была призвана удовлетворить интересы различных социальных групп. На его монетах вновь появляется изображение пользовавшегося популярностью у галльской знати Геракла. Последний представлен либо как спутник и помощник императора – «Comes Augusti» с эпитетами «умиротворитель», «римский»; либо как герой, сражающийся с существующим в мире злом, – «Herculi Erumanto» (с изображением Геракла, побеждающего вепря); либо как «добрый правитель», дарующий государству мир и счастье – «Herculi Pacifero» и «Herculi Romano» [8, с. 491; 9, с. 291; 11, р. 359].

В то же время Проб не забывал и о приверженцах абсолютной монархии. Значительное внимание уделено на его монетах Солнцу – символу монархической власти. Солнце выступает как «Aeternitas Augusti» и «Conservator Augusti». Его изображение встречается также на монетах с легендами: «Soli Invicto», «Soli Invicto comiti Augusti», «Sol comes Probi Augusti». На одной из монет Солнце изображено увенчивающим императора [11, р. 320, 361]. Довольно часто на монетах Проба встречается

изображение Солнца, попирающего побежденного врага. На реверсе отчеканенного в Риме антониниана с легендой «Soli Invicto» Солнце, держащее кнут и земной шар, в запряженной четверкой лошадей колеснице мчится под облаками [10, р. 247, 249; 11, р. 313]. Интересно также, что сам Проб на монетах именуется «deus et dominus» [8, с. 493; 9, с. 291; 11, р. 320, 359, 361].

Несколько шире, чем у Тацита, представлены на монетах Проба древнеримские боги. Среди них: Минерва (Comes Augusti), Марс, Юпитер. При этом последний не только Stator и Victor, но и Conservator Augusti. Известна даже монета с легендой «Restitutor orbis», на которой Юпитер изображен передающим Пробу земной шар [1, С. 140; 8, с. 493; 9, с. 291]. Как видно, монеты Проба весьма схожи с монетами Аврелиана. Это позволяет говорить о наличии преемственности в религиозной политике Аврелиана и Проба.

Политика Проба находила понимание у представителей командного состава армии, стремившегося к примирению с крупными землевладельцами, Рядовые воины были ею явно не удовлетворены. На пятом году правления Проб был убит (282 г.). Как сообщают античные авторы, воины были возмущены тем, что император довольно часто привлекал их к выполнению различного рода общественных работ, говоря, что воины не должны есть свой паек даром [7, XX, 2]. Непосредственным же поводом к убийству послужило нежелание воинов участвовать в работах по осушению какого-то болота в Сирмиуме [7, XXI].

Однако римские воины всегда привлекались к общественным работам, а, следовательно, вряд ли именно это могло вызвать их возмущение. Причина недовольства, вероятно, была иной. По мнению Е.М. Штаерман, используя армию на осушении болот, на строительстве ирригационной системы и на вырубке лесов, Проб стремился, помимо всего прочего, увеличить земельный фонд, из которого бы шло наделение земель ветеранов. Делалось это в интересах частных владельцев с тем, чтобы сохранить за ними плодородные, уже обработанные земли. Неслучайно поэтому и соответственные работы велись преимущественно в придунайских провинциях, в частности в Паннонии, откуда в основном набиралась армия. Вряд ли можно сомневаться в том, что подобная политика вызывала одобрение земельных магнатов. А вот получение необработанных, не суливших выгоды участков земли, безусловно, не отвечало интересам воинов – их будущих владельцев. Скорее всего, именно это и послужило поводом к убийству Проба [8, с. 492, 493].

Убийство Проба является подтверждением того, что в условиях кризиса III в. происходило дальнейшее обострение социальных противоречий в римской армии. Выдвигаемые армией так называемые

«солдатские» императоры в своей политике все в меньшей степени исходят из интересов основной массы военных. Гораздо важнее для них было найти основу для примирения различных группировок господствующего класса, что, в свою очередь, создало бы необходимую предпосылку для укрепления центральной власти. Значительные успехи в достижении этой цели были связаны с деятельностью императора Диоклетиана, имя которого олицетворяет начало новой эпохи в истории Римского государства – эпохи домината.

Список использованной литературы

1. Абрамзон, М. Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики / М. Г. Абрамзон. – Магнитогорск : МГПИ, 1993. – 195 с.
2. Евтропий. Краткая история от основания Города / Евтропий // Римские историки IV века. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 7–73.
3. Ременников, А. М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг. н.э. / А. М. Ременников // ВДИ. – 1964. – № 4. – С. 131–138.
4. Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Римские историки IV века. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 124–162.
5. Секст Аврелий Виктор. О Цезарях // Римские историки IV века. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 77–123.
6. Флавий Вописк Сиракузянин. Тацит // Авторы жизнеописаний Августов. XXVII (Тацит) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/69281/63/Avtory_zhizneopisaniiii. – Дата доступа: 15.08.2018.
7. Флавий Вописк Сиракузянин. Проб // Авторы жизнеописаний Августов. XXVIII (Проб) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/chapter.php/69281>. – Дата доступа : 15.08.2018.
8. Штаерман, Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи / Е. М. Штаерман. – М. : АН СССР, 1957. – 345 с.
9. Штаерман, Е. М. Социальные основы религии древнего Рима / Е. М. Штаерман. – М. : Наука, 1987. – 319 с.
10. Brauer, G. C. The age of the Soldier Emperors. Imperial Rome A.D. 244–284 / G. C. Brauer. – New Jersey : Noyes Press, 1975. – I–X, 288 p.
11. The Cambridge Ancient History. – Cambridge : Cambridge University Press, 1956. – Vol. XII. The imperial crisis and recovery A.D. 103–324. – 849 p.
12. Zosimos. Nova Historia. – Warszawa : Instytut Wydawniczy Pax, 1993. – 359 s.

УДК 2.230.1:262.1-262.11(476)

Т. В. ЧАЙЧИЦ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

СЕРГИЙ СТАРОГОРОДСКИЙ – ПАТРИАРХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XX в.

Патриарх Сергей Старогородский является личностью выдающейся, особенно в контексте всех перипетий XX в., однако своей деятельностью он известен, к сожалению, ограниченному кругу исследователей церковной истории. Отец Сергей является человеком с непростой судьбой, так как его жизненный путь пришелся на самые сложные годы взаимоотношений Русской православной церкви и Советского государства.

Патриарх Сергей, в миру Иван Николаевич Старогородский, родился 11 (23) января 1867 г. в православной семье. Сам род Старогородских славился потомственными священнослужителями. Его отец был протоиереем, поэтому не удивительно, что юного Ивана с ранних лет приобщали к Богу. Первоначальное образование он получил в приходской школе, а затем в Арзамасском духовном училище. В 1886 г. окончил Нижегородскую духовную семинарию и поступил в Петербургскую духовную академию.

В октябре 1888 г. Иван Николаевич прибыл в Японскую православную миссию. Сохранились дневниковые записи архиепископа Николая (Касаткина), связанные с этим событием, его характеристика вновь прибывшего подчиненного была следующей: «Отец Иван прибыл 10 (22) октября. Кажется, человек хороший, усердно принялся за японский язык, так что в Оосака (Осака) просится, чтобы между японцами, не слыша русского слова, поскорей научиться по-японски. Дай Бог, ему!». Служил в храме в Киото и преподавал в духовной семинарии и в женской духовной школе, где готовили и будущих иконописцев, и регентов, но, в основном, это была фактически средняя школа для японских девушек по европейскому образцу. Как и в России, выпускники духовных заведений Японской церкви не были обязаны принимать духовный сан [9, с. 20–60].

30 января 1890 г., в день памяти трех святителей, двадцатитрехлетний Иван и его друг Яков были пострижены в монашество с именами Сергия и Германа в честь валаамских святых подвижников. В этом же 1890 г. отец Сергей был рукоположен в иеродиакон, затем в иеромонахи.

13 июня 1890 г. отец Сергей уже в монашеском сане был официально назначен в Японию членом Православной духовной миссии. Отец Сергей также выполнял обязанности военного священника, так как в

декабре 1891 г. был назначен судовым священником на крейсер 1-го ранга «Память Азова».

Будущий патриарх зарекомендовал себя и как ученый богослов. Он защитил диссертацию под названием «Православное учение о спасении» на звание магистра богословия. В 1897 г. отец Сергей был вторично назначен в Японию помощником начальника Православной духовной миссии, но, по свидетельству митрополита Евлогия, не выдержал сурового режима.

После возвращения на Родину его карьера стремительно идет вверх. 29 июля 1899 г. он был определен ректором Петербургской духовной семинарии, а 6 октября того же года назначен инспектором Петербургской духовной академии. С 21 января 1901 г. он ректор той же духовной академии. 6 октября 1905 г. Николай II утвердил доклад Святейшего синода «О бытии Преосвященному Ямбургскому Сергию архиепископом Финляндским и Выборгским». В 1906 г. участвовал в сессии Святейшего синода, председательствовал в Учебном комитете, стал почетным членом Петербургской духовной академии [7].

В газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» была дана следующая характеристика его чрезвычайно активной и продуктивной деятельности того периода: «Архиепископ Финляндский, по установившемуся обычаю, является как бы бессменным членом Синода и работает как в зимней, так и в летней сессиях его... Кажется, все комиссии по церковным реформам имели его, начиная с годов первой революции, своим членом... Несмотря на эту массу дел, он находил время вести практическую работу по исправлению церковно-богослужебных книг и работал здесь более всех членов комиссии. Его ученый багаж и административный опыт чрезвычайно обширны... Полное внимание к высказываемым мнениям, спокойное изложение своей мысли или убеждения без навязчивости... никакого признака самодержавия, столь часто наблюдаемого у владык, – все это черты Архиепископа Финляндского...» [3].

В 1907 г. отец Сергей возглавил созданную Синодом комиссию по исправлению богослужебных книг, которая успела издать новую редакцию постной и цветной триоди, подготовить новую редакцию октоиха, праздничной и сентябрьской минеи. Новая редакция литургических книг устраняла отдельные грецизированные синтаксические конструкции и слова, но не получила широкого распространения вследствие последовавших политических событий. Являясь постоянным членом Синода, он 1 марта 1912 г. был утвержден председателем предсоборного совещания при Синоде [2, с. 220–250]. 6 мая 1912 г. был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. 4 апреля 1913 г.

назначен председателем миссионерского совета при Синоде. 14 января 1915 г. по личной просьбе был освобожден от должности председателя миссионерского совета.

Постановлением Синода от 10 августа 1917 г. после избрания клиром и мирянами епархии утвержден архиепископом Владимирским и Шуйским, сменив на кафедре уволенного на покой по требованию духовенства епархии за деспотическое управление и грубое обращение с духовенством архиепископа Алексия.

Участник Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. в Москве. 28 ноября 1917 г. возведен в сан митрополита, а 7 декабря избран членом Синода, разделив третье место по числу поданных за него голосов с архиепископами Анастасием и Евлогием. В декабре 1917 г. был избран членом Учредительного собрания по нижегородскому округу. Участия в работе Собрания не принимал.

В январе 1921 г. митрополит Сергей был арестован и несколько месяцев находился в Бутырской тюрьме. На Пасху был выпущен на свободу. Известно, что за него поручился лишенный архиепископского сана монах Владимир (Путята). После заседания Синода, на котором Путяте в восстановлении в сане было отказано, митрополита Сергея выслали в Нижний Новгород.

16 июня 1922 г. митрополит Сергей совместно с нижегородским архиепископом Евдокимом и костромским архиепископом Серафимом в так называемом «Меморандуме трех» публично признали обновленческое Временное церковное управление единственной канонической церковной властью. Однако митрополит Сергей, несмотря на собственное признание Временного церковного управления, указал поминать имя патриарха Тихона в своей епархии. Из «Обзора политико-экономического состояния РСФСР за июнь 1922 г.», составленного в ГПУ, говорится: «В Иваново-Вознесенской губернии в связи с распространением [указа] Владимирского митрополита о поминовении в церквях Патриарха Тихона, дальнейшая работа по обновлению церкви замедлилась» [1, с. 123–140].

Митрополит Сергей не был сторонником обновленческих реформ.

6–17 августа 1922 г. в Москве прошел Всероссийский съезд белого духовенства и мирян «Живая церковь», на котором была принята программа обновленческих реформ таких, как введение женатого епископата, второбрачие духовенства. Митрополит Сергей выступил против этих решений. 25 августа 1922 г. он обратился в Высшее церковное управление с письмом протеста против неканонических нововведений. Он привел список канонических правил, которые нарушили обновленцы своими решениями. Он заявил, что в его епархии эти нововведения

приняты не будут. Однако письмо митрополита Сергия было проигнорировано в обновленческом Высшем церковном управлении.

23 октября 1922 г. заявил о прекращении церковного общения с деятелями «новой демократической церкви» и покинул созданное ими Высшее церковное управление [4]. 13 сентября 1922 г. митрополит Сергий окончательно разорвал отношения с Высшим церковным управлением. Таким образом, Владимирская епархия во главе с митрополитом Сергием перешла на автокефальное управление. Об отделении митрополита Сергия от ВЦУ после съезда «Живой церкви» стало широко известно в среде духовенства. Епископ Серафим (Афанасьев), викарий Уфимской епархии, писал об этом в письме в январе 1923 г.

27 августа 1923 г. он принес покаяние. Чин покаяния, в отличие от такового, принесенного большинством прочих епископов, проходил публично, за литургией в Донском монастыре в день Успения. Принят по покаянии святейшим патриархом Тихоном в лоно Патриаршей церкви.

После покаяния и возвращения в Патриаршую церковь Сергий некоторое время продолжал жить в Москве. Он общался с членами Синода, московским духовенством, по просьбе которого стал выезжать на службы. С 18 марта 1924 г. официально стал митрополитом Нижегородским.

В декабре 1925 г. был арестован патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский). Предчувствуя свой арест, митрополит Петр распорядился в случае непредвиденных обстоятельств поручить свои обязанности митрополиту Сергию.

В 1925–1926 гг. был заместителем патриаршего местоблюстителя. 27 марта 1927 г. снова вступил в управление Патриаршей церковью на правах заместителя патриаршего местоблюстителя. Результатом ареста и дальнейшего давления на него и на Патриаршую церковь, которая в то время с точки зрения советского права находилась на нелегальном положении, было издание документа, известного как «Декларация митрополита Сергия», опубликованном 16 (29) июля 1927 г.

В мае 1927 г., по инициативе митрополита Сергия и с разрешения государственных властей был организован временный Синод. Эта инициатива увенчалась успехом, и Синод начал деятельность по управлению Православной всероссийской церковью. Вполне естественно, что в таких условиях церковное руководство при всяком возможном случае выражало свою благодарность властям, а также всячески подчеркивало свою лояльность. Первоначальная реакция на «Послание» в церковной среде не была критической. Даже авторы «Послания Соловецких епископов» от 14 (27) сентября 1927 г., не соглашаясь с

содержанием в целом, по существу, выдвигали те же принципы взаимоотношения Церкви с государством [8, с. 166–168].

Действия митрополита Сергия того периода, оказавшегося в таком сложном положении, все же оценивали как единственно возможный путь. Так, в частности, Иван Андреевский, представитель Русской православной церкви за границей, о первых 11 месяцах управления митрополита Сергия Патриаршей церковью писал, что строй церковного управления по своему существу продолжал быть вполне каноническим, ибо преемство власти делалось законным по согласию всех епископов. Законность действий митрополита Сергия не вызывала сомнения, так как основывалась на том, что он «ничего не творил без рассуждения всех» [6, с. 167].

22 июня 1941 г. митрополит Сергей, узнав о начале Великой Отечественной войны, написал послание к пастырям и верующим Русской православной церкви, благословив всех, кто решился отправиться на фронт. Приведем отрывок из этого послания: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу...» [10]. 26 июня в Богоявленском соборе митрополит Сергей отслужил молебен «О даровании победы». С этого времени во всех храмах Московского Патриархата стали совершаться подобные молебствия по специально составленным текстам: «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны» [5].

7 октября 1941 г. Московский городской совет постановил предложить Московской патриархии временно покинуть Москву. Митрополиту Сергию предстояло отбыть в отдаленный Чкалов, переименованный в Оренбург, давно снискавший себе славу, как место ссылки. Отъезд состоялся вечером 14 октября. В поезде в ночь с 15 на 16 октября самочувствие митрополита Сергия резко ухудшилось. Во время остановки в Пензе митрополита осмотрели квалифицированные врачи. Из Москвы поступило предписание об изменении маршрута: по просьбе патриаршего местоблюстителя вагон вместо Оренбурга направили в Ульяновск.

5 января 1943 г. Сергей направил Сталину телеграмму об открытии счета для сбора Церковью пожертвований. Сталин положительно откликнулся на просьбу митрополита Сергия. В советской прессе была напечатана ответная телеграмма Сталина с просьбой передать привет и благодарность Красной Армии от духовенства Русской Православной Церкви. Счет был открыт, и, таким образом за Церковью как

централизованной структурой впервые с 1918 г. были признаны права юридического лица.

Вернуться в Москву митрополит Сергей смог лишь в августе 1943 г. Ко времени его возвращения в Москву штатный епископат Патриаршей Церкви, без оккупированных территорий, насчитывал уже 18 архиереев.

8 сентября 1943 г. в новом здании Патриархии в бывшей резиденции германского посла, в особняке по адресу Чистый переулок, д. 5 состоялся Собор епископов, который избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергея. 12 сентября 1943 г. состоялась интронизация новоизбранного Патриарха в кафедральном Богоявленском соборе, что в Елохове.

Новоизбранный патриарх свою миссию оценивал следующим образом: «В моём положении по внешности как будто ничего не изменилось с получением Патриаршего сана. Фактически я уже в течение 17 лет несу обязанности Патриарха. Это так кажется только по внешности, а на самом деле это далеко не так. В звании Патриаршего Местоблюстителя я чувствовал себя временным и не так сильно опасался за возможные ошибки. Будет, думал я, избран Патриарх, он и исправит допущенные ошибки. Теперь же, когда я облечен высоким званием Патриарха, уже нельзя говорить о том, что кто-то другой исправит ошибки и сделает недоделанное, а нужно самому поступать безошибочно, по Божией правде, и вести людей к вечному спасению...» [13].

Обо всей сложности положения нового патриарха наиболее ярко свидетельствует следующий факт. 27 октября 1943 г. патриарх Сергей направил ходатайство об амнистии 25 архиереев и священника Феофана Адаменко, которых он желал привлечь к церковной работе. К сожалению, к тому времени из всего списка в живых оставался лишь епископ Николай (Могилевский), а остальные были уже расстреляны или погибли в лагерях [14].

Опубликованная в «Журнале Московской патриархии» его статья «Есть ли у Христа наместник в Церкви?» вызвала резонанс в католических и политических кругах Запада. Скончался 15 мая 1944 г. от кровоизлияния в мозг на почве атеросклероза. Патриарх Сергей был погребен в подклете северного придела московского Богоявленского собора.

Научно-богословское наследие патриарха Сергея отличается глубиной и многогранностью. Вместе с тем, он всегда говорил и писал о необходимости как можно более широкого просвещения населения, что в такой сложный период уже является подвигом.

В дореволюционное время заслуги тогда еще только монаха Сергея неоднократно отмечали наградами. Так, в 1909 г. он был награжден орденом Святого Владимира II степени, в 1915 г. орденом Святого

Александра Невского. В сложное для Русской православной церкви время отец Сергей принял огромное количество решений, которые, в дальнейшем, его преемниками были оценены как единственно правильные в той ситуации. Среди огромного количества наиболее важных событий в увековечивании памяти патриарха Сергия отметим только три. Первое, 25 сентября 2007 г. в Арзамасе на площади, названной в честь патриарха Сергия, состоялись освящение и закладка камня в основание памятника патриарху Московскому и всея Руси Сергию. Второе, 20 мая 2015 г. патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил в Ульяновске стелу в память о патриархе Сергии. Она установлена на месте, где находился деревянный костел, переданный в конце 1941 г. эвакуированной Московской патриархии под резиденцию, и храм, освященный как временный патриарший Казанский собор, впоследствии снесенный по приказу властей в 1959 г. [11]. Третье, 13 августа 2017 г. в Арзамасе во время празднования 150-летия со дня рождения патриарха Сергия патриарх Кирилл провел божественную литургию и открыл памятник патриарху Сергию [12].

Таким образом, деятельность патриарха Сергия многогранна и конструктивна. Каждый руководитель для того, чтобы состояться, должен пройти долгий путь становления, главы Православной церкви не являются исключением. Однако в ситуации патриарха Сергия необходимо брать во внимание всю сложность взаимоотношений руководства Советского государства и Русской православной церкви. Изначально в новом государстве места Церкви как особому духовному центру и важному социокультурному институту не предусматривалось, так как предполагалось, что религия как явление должно было исчезнуть. Патриарх Сергей вопреки всем сложностям принимал такие решения, которые помогли Русской православной церкви выжить, чтобы в последующем возродиться. В этой связи вполне логично, что память патриарха Сергия была увековечена.

Список использованной литературы

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. : сб. в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. – М. : Моск. патриархия, 1994. – 1 Ч. – 422 с.

2. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 : сб. : в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. – М. : Моск. патриархия, 1994. – Ч. 2. – 409 с.

3. Документы Московской Патриархии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/data/2011/04/03/1233680879/08_dokumenty_mp.pdf. – Дата доступа: 28.11.2018.

4. История Русской Православной церкви 1917–1977. Глава VII. Русская Православная церковь при Патриархе Сергии (Старгородском) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.by/page_book/. – Дата доступа: 01.12.2018.

5. К истории Русской Церкви в годы Великой Отечественной войны (комментарий в интересах нации) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/413990.html>. – Дата доступа: 02.12.2018.

6. Мазырин, А. К истории высшего управления Русской Православной Церкви в 1935–1937 гг. / диакон А. Мазырин // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. – М. : Моск. патриархия, 2006. – Т. 1. – С. 166–168.

7. Митрополит Сергей (Старгородский). Штрихи к портрету [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-sergij-starogodskij-shtrixi-k-portretu/>. – Дата доступа: 01.12.2018.

8. Одинцов, М. Крестный путь Патриарха Сергия / М. Одинцов // Отечественные архивы. – 1994. – № 2. – С. 166–168.

9. Одинцов, М. Патриарх Сергей / М. Одинцов. – М. : Молодая гвардия, 2013. – 377 с.

10. Патриарх Сергей (Старгородский) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/101932.html>. – Дата доступа: 01.12.2018.

11. Предстоятель Русской Церкви освятил в Ульяновске стелу в память о Патриархе Сергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4087621.html>. – Дата доступа: 02.12.2018.

12. Предстоятель Русской Церкви освятил памятник Патриарху Сергию (Старгородскому) в Арзамасе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mbrsm.ru/2017/08/14/>. – Дата доступа: 03.12.2018.

13. Сергей митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Послание к пастырям и верующим 22 июня 1941 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/lib/>. – Дата доступа: 28.11.2018.

14. Шкаровский, М. В. Святейший патриарх Сергей в году Великой отечественной войны / М. В. Шкаровский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbda.ru/publications>. – Дата доступа: 02.12.2018.

УДК 929.329.15(476)(091)

В. Д. ЧАЩЕВОЙ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

В. П. ЛАСКОВИЧ КАК ПОПУЛЯРИЗАТОР ИСТОРИИ КПЗБ

Василий Петрович Ласкович известная фигура в истории Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), так как сам был членом этой революционной организации и хорошо знал ее тактику и стратегию в условиях межвоенной Польши, ее проблемные моменты, что впоследствии дало ему право рассказать об КПЗБ на страницах своих многочисленных публикаций в виде статей, очерков, книг [1; 2; 3, л. 1–4; 5, л. 23, 44, 68; 9, л. 16; 10, л. 1, 15; 12, л. 138; 13, л. 27; 14, л. 112, 113; 17, с. 13; 30; 31].

Свою публицистическую деятельность В. П. Ласкович начал после Великой Отечественной войны. Основная и главная его тема исследований – революционная деятельность КПЗБ. По этой тематике публицист с 1948 г. постоянно публиковался в районной, областной, прессе, а также в газетах и журналах БССР таких как «Неман», «Полымя». В.П. Ласкович в годы своей публицистической деятельности работал в архивах, передав огромное количество документов Брестскому архиву, которому доверял и завещал, чтобы его дела не передавали в другие архивы или музеи, не уничтожали и не отправляли в секретный фонд [6, л. 21; 11, л. 45, 20–28].

Следует обратить внимание на то, что Ласкович очень ценил общение с бывшими членами КПЗБ, в том числе для сбора информации по различным вопросам истории КПЗБ и освещению судеб ее неизвестных членов [4, л. 23]. Часто переписывался с Н.С. Орехово – бывшим членом центрального руководства КПЗБ и руководителем исследовательского коллектива по изучению ее истории. Ласкович часто консультировался с Орехово по многим вопросам истории КПЗБ, в том числе и в силу отсутствия исторического образования, не имея достаточного опыта проведения исследований, в частности по поводу своей работы посвященной С. А. Дубовику и С. С. Панковой. Примечательной является переписка между ними, в которой Орехово дает рекомендации и замечания историку-публицисту Ласковичу по стилю написания исследований. Также нужно отметить, что у Ласковича были и критики его трудов, которые делали ему замечания, считая его «революционным романтиком» [8, л. 41].

Несомненно, положительные отклики вызывали у Ласковича чувство значимости своего труда и той пользы, что он приносит обществу. Ведь они формировали положительное отношение значительной части общества как к личности самого публициста, так и к его научно-исследовательской деятельности. Это становилось устойчивым стимулом для активизации

научно-исследовательской работы, которая сопровождалась публикацией произведения, находивших широкий отклик у читателей, в первую очередь ветеранов КПЗБ.

Активная научно-публицистическая деятельность В.П. Ласковича стало поводом для напряженных отношений его с другими ветеранами революционного движения в Западной Беларуси. Однопартийцы замечали его склонность к преувеличениям и приукрашиванию исторических событий, между собой и в переписке с В.П. Ласковичем они открыто высказывали ему замечания из-за относительно невысокой объективности и правдивости излагаемых событий. Наиболее внимательным и настойчивым в стремлении лишить произведение В. П. Ласковича недостоверных фактов был С. Г. Анисов, с которым изначально были искренние и дружеские отношения. Однако, позже В. П. Ласкович диаметрально противоположно переменил свое отношение к С. Г. Анисову, обвиняя его в зависти к своим успехам и создании препятствий в реализации творческих проектов [7, л. 100–103, 120–122, 31].

Состояние непримиримой конфронтации наблюдалось в отношении В. П. Ласковича с В. С. Селивоник. Оба были авторами мемуаров, опубликованных в сборниках воспоминаний ветеранов революционного движения в Западной Беларуси, оба проживали в Бресте, в свое время находились на партийной и советской работе. Об их напряженных отношениях становится известно из письма Н.С. Орехво от Ф. А. Цегельницкой, которая сообщила «о крайне неприятных конфликтах между Селивоник и Ласковичем». Не углубляясь в подробности дела, Ф. А. Цегельницкая высказалась относительно В. П. Ласковича, который «...часто присылает кое-какие его публикации». «Я знаю, что он большой фантазер, но сколько я его трудов читала, хотя с некоторым фантазией, я не нашла ничего вредного в деле популяризации революционных традиций, героических дел КПЗБ. Конечно, писать надо настоящую правду», – писала Ф. А. Цегельницкая [29, л. 20, 31].

Ласкович принимал критику и совершенствовал свои труды. Впоследствии это принесло свои положительные плоды. В частности был положительно оценен его труд «Тайными тропами» [18], посвященный Софии Панковой и привлечший внимание советского общества. Примечательно то, что он хотел подготовить сборник воспоминаний ветеранов КПЗБ в Минске, что стало бы огромным вкладом для будущих исследований.

Произведения В. П. Ласковича, как и мемуарно-публицистические публикации многих других авторов, демонстрируют субъективность в плане оценки автором тех или иных исторических событий. В них,

частности, в основном превалирует однозначная негативная оценка польского государства 1918–1939 гг. и положительная оценка СССР, несмотря даже на роспуск Коминтерном КПП, КПЗБ, КПЗУ в августе 1938 г. В. П. Ласкович выступал за СССР, реабилитацию КПЗБ как партии и активных ее членов, за популяризацию истории КПЗБ. По воспоминаниям членов КПЗБ, он с одной стороны выступает как дисциплинированный, закаленный идейно и политически коммунист, а с другой стороны – как человек, который в ярком эмоциональном стиле пытается дать ответы на непростые вопросы, искренне переживает. Его работы отражают стремление прославить действия КПЗБ, ее сторонников, борьбу партии с польским режимом. Ценность опубликованных трудов В. П. Ласковича состоит в том, что в них простыми словами доносятся различные исторические факты об КПЗБ, ее сложном положении в Западной Беларуси, отношении людей к этой организации, что помогает читателю более осмысленно проанализировать историю Западной Беларуси в 1920–1930-е гг. Его многочисленные разнообразные публикации, прежде всего книги, являются ярким примером активной реализации задач идейно-политического воспитания. Это явно подтверждается его научно-популярной творчеством и не раз высказано В. П. Ласковичем в виде однозначной приверженности идеям социализма, советской власти и коммунизма [16–19, 20–28, 31].

Многие спрашивали Ласковича о его заветной мечте и он отвечал: «Сказать правду о моем народе. Я не считаю себя большим писателем, но для восстановления доброй памяти о своих товарищах сделал много. Благодаря моим воспоминаниям и исследованиям многие улицы названы их именами...» [13, л. 110].

Плодотворную многолетнюю работу Ласковича по популяризации истории КПЗБ отметил бывший член КПЗБ Т. М. Черевко: «Никто из местных людей, бывших подпольщиков не поднялся на такую высоту, чтобы в публикациях осветить революционное подполье, так как это сделал В. П. Ласкович. Если бы не публикации товарища Ласковича все события, переживаемые нами, остались бы в недрах архивной пыли не раскрытые» [14, л. 117].

Список использованных источников:

1. Вечерний Брест. Кто есть, кто [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vb.by/help/who_is_who/95.html/. – Дата доступа: 07.11.2017.
2. Васіль Пятровіч Ласковіч [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.be.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 12.05.2018.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 500. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 15.
5. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 24.

6. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 28.
7. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 79.
8. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 130.
9. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 141.
10. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 142.
11. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 197.
12. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 348.
13. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 393.
14. ГАБр. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 395.
15. Ласкович Василий Петрович. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://city-brest.gov.by/>. – Дата доступа: 07.11.2017.
16. Ласкович, В. П. Из племени непокоренных / В. П. Ласкович. – Брест : Управл. по делам печати Брест. облисполкома, 1999. – 382 с.
17. Ласкович, В. П. Подвиг Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) 1919–1939 гг.: ист. очерк / В. П. Ласкович, В. В. Ласкович. – Брест : Брест. тип., 2002. – 404 с.
18. Ласкович, В. П. Тайными тропами : док. повесть / В. П. Ласкович. – Минск : Беларусь, 1974. – 173 с.
19. Ласкович, В. П. Отзвук далекой грозы: (военные мемуары): 1939–1945 годы / В. П. Ласкович, В. В. Ласкович. – Брест : Брест. тип., 2007. – 367 с.
20. Ласкович, В. П. Вся жизнь – борьбе / В. П. Ласкович // Сов. Белоруссия. – 1969. – 4, 6, 8 февр.
21. Ласкович, В. Истоки мужества / В. Ласкович // Заря. – 1977. – 6 июля.
22. Ласкович, В. Когда отцы уходят на задание / В. Ласкович // Заря. – 1968. – 23 окт.
23. Ласкович, В. Людзі падпольных друкарань / В. Ласкович // Зара. – 1961. – 5 мая.
24. Ласкович, В. Мятежное сердце / В. Ласкович // Заря. – 1975. – 11 дек.
25. Ласкович, В. Нашчадкі Чырвонай гвардыі / В. Ласкович // Звезда. – 1973. – 2 ліст.
26. Ласкович, В. Неуловимая / В. Ласкович // Сов. Белоруссия. – 1977. – 20 нояб.
27. Ласкович, В. Николай Дворников, коммунист (Страницы революционного прошлого Брестчины) / В. Ласкович // Заря. – 1967. – 11 июля.
28. Ласкович, В. Падение баррикады / В. Ласкович // Заря. – 1988. – 12 окт.
29. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 976. Оп. 1. Д. 55.
30. Перыпетыі лёсу апошняга Рэвалюцыянера [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.istpravda.ru/bel/digest/10758/>. – Дата доступу: 12.05.2018.
31. Савіч, А. А. В. Ласковіч як даследчык і папулярызатар гісторыі Заходняй Беларусі / А. А. Савіч // Традиции духовной и материальной культуры пограничья : сб. материалов науч.-практ. конф., Брест, 15–16 нояб. 2016 г.; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина, Брестская епархия ; под ред. А. Н. Вабищевича. – Брест : БрГУ, 2017. – С. 211–218.

УДК 32.019.15:614.253.1/.2(476)”1921–1939”

І. С. ЧАРНЯКЕВІЧ

Беларусь, Гродна, Гродзенскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ГАРАДЗЕНСКІХ УРАЧОЎ МІЖВАЕННАГА ДВАЦАЦІГОДДЗЯ

Нягледзячы на павятовы статус Гродна, грамадскае і грамадска-палітычнае жыццё ў горадзе ў міжваенны перыяд вызначалася разнастайнымі формамі і даволі высокай актыўнасцю гараджан. Сваю ролю адыгралі тут і прадстаўнікі лекарскай прафесіі.

Асноўнай крыніцай інфармацыі для гэтага артыкула сталі біяграфіі гарадзенскіх урачоў міжваеннага перыяду, змешчаныя ў кнізе Андрэя Чарнякевіча “Памяць пра Гродна. Матэрыялы да біяграфічнага слоўніка міжваеннага горада. 1919–1939 гг.”, якая выйшла ў гродзенскім выдавецтве “ЮрСаПрынт” у 2015 г. Сярод знакамітых постацей міжваеннага Гродна на старонках гэтай кнігі мы сустракаем больш за восемдзсят прозвішчаў лекараў. У 2011 г. выдавецтва “Медысонт” публікуе працу мінскай даследчыцы Вольгі Кульпановіч “История медицины Беларуси в биографиях её врачей. XVII – 1 пол. XX вв.: библиографический справочник”, дзе ўпамінаецца трынаццаць гарадзенскіх урачоў, якія працавалі ў горадзе ў перыяд паміж дзвюма войнамі.

Гарадзенскі лекар міжваеннага двацццігоддзя – гэта прадстаўнік пакалення 1880–1990-я гг. года нараджэння. З 58 гарадзенскіх лекараў, у біяграфіях якіх фігуруе дата нараджэння, 28 нарадзіліся ў 1890-я, а 16 чалавек – у 1880-я гг. Гэта значыць, на пачатак вайны ім было па 40–60 гадоў. У 1970-я гг. нарадзілася 9 лекараў, а дактароў, якія нарадзіліся ў 1900–1910-я гг., у біяграфіях пазначана толькі 5 чалавек.

Урэшце, пяць чалавек належала да пакалення 1950–1960-х гг. нараджэння. Гэта Самуэль Хазан (1860–1934) – гінеколаг, актыўны навуковы і грамадскі дзеяч; Уладыслаў Калянкевіч (1864–1938) – доктар медыцыны, актыўны грамадска-палітычны дзеяч, абраны ў 1919 г. прадстаўніком ад Гродзеншчыны ў Польскі сейм; Васілій Кошалеў (1956–1925) – заснавальнік і першы старшыня Рускага дабрачыннага таварыства ў Гродне; Генрых Замкоўскі (1852–1933) – адзін з самых дасведчаных гродзенскіх лекараў, калісьці сямейны ўрач Элізы Ажэшкі, у міжваеннае двацццігоддзе, нягледзячы на сталы век (у 1926 г. у горадзе адзначалі 50-годдзе ягонага прафесійнага дзейнасці), працягвае актыўную прафесійную грамадскую працу; Стэфан Шумкоўскі (1867 – ?) – вядомы ўрач і актыўны ўдзельнік гродзенскага культурнага жыцця, пра якога Людвік Саванеўскі ў сваёй знакамітай “Сазе аб Гродна” пісаў:

“...*Szumkowski, lekarz znany w elitarnym świecie, Często szpital odwiedzał, bo wszak był lekarzem, Lecz częściej jeszcze bywał na szumnym bankiecie, Bowiem głośnym zastynał w Grodnie luminarzem*” [8, с. 278].

Сярэднестатыстычны ўрач міжваеннага дваццацігоддзя – гэта, безумоўна, мужчына. Аднак на старонках даведніка фігуруе восем жанчын, што займаліся лекарскай практыкай у Гродне, а гэта каля 10 % ад усёй колькасці прадстаўнікоў гэтай прафесіі ў горадзе ў тыя часы. Тры з іх – Шэйна Орліс (1887–1943), Сара Салавейчык (1894 – пасля 1939), Марыя Сасноўская (гады жыцця невядомыя) былі педыятрамі. Былі сярод жанчын і хірург, спецыяліст па ўнутраных захворваннях Клаўдзія Станская-Атовіч (1888 – ?), вайсковы лекар, спецыяліст па дэрматалогіі і неўралогіі Марыя-Зоф’я Панцэжынская (1896–1943), спецыяліст па ўнутраных і жаночых хваробах Рахель Гершуні (1878–1942?). Спецыяльнасці яшчэ дзвюх лекарак – Фейгі Лайт (1891 – ?) і Эстэр Фінкель-Явароўскай (1892 – пасля 1941) – не пададзены.

Што датычыць спецыялізацыі гарадзенскіх лекараў, то ў даведніку фігуруе восем педыятраў, дзевяць венеролагаў (часта яны сумяшчалі спецыялізацыю з дэрматалогіяй, хаця ўпамінаюцца два дэрматолагі без сувязі са спецыялізацыяй па венерычных захворваннях), сем гінеколагаў, сем хірургаў, чатыры ларыngoлагі, тры акулісты, адзін з якіх сумяшчаў спецыялізацыю з ларыngoлагіяй, два эпідэміолагі, адзін рэнтгеналаг, два спецыялісты па псіхічных захворваннях, адзін з якіх быў адначасова венеролагам, а другі – спецыялістам па лёгачных захворваннях. У даведніку “Памяць пра Гродна” фігуруе адзін дантыст, а таксама адзін фельчар. Самая вялікая група ўрачоў – гэта лекары, запісаныя як “спецыяліст па ўнутраных захворваннях”. У некаторых біяграфіях дадзеныя аб спецыялізацыі адсутнічаюць.

Акрамя сваёй непасрэднай прафесійнай дзейнасці большасць лекараў у той ці іншай ступені адзначалася актыўнай грамадскай і грамадска-палітычнай дзейнасцю. Гэта характэрна для ўсіх пакаленняў лекараў, што працавалі ў гэты перыяд. Шмат хто з іх упамінаецца ў якасці публічных лектараў падчас спецыяльных мерапрыемстваў. Так, у дні правядзення Вялікай выставы па гігіене ў Гродне ў рамках палітыкі эстэтызацыі (выстава праходзіла напрыканцы лютага – пачатку сакавіка 1939 г.) з публічнымі лекцыямі выступілі ўрачы горада, сярод якіх Станіслаў Абранбоўскі з тэмай “Сучасныя метады кармлення немаўлят”, Казімір Валейка з тэмай “Алкагалізм і яго наступствы”, Станіслаў Мысткоўскі з тэмай “Заразныя захворванні і барацьба з імі”, Ян Нечыпарук з тэмай “Гігіена ротавай поласці і яе ўплыў на здароўе чалавека”, Антоній Палаш з тэмамі “Роля страхавання і здароўе грамадства”, “Ці магчыма вылечыць сухоты”, “Псіхічныя захворванні і спадчыннасць”, Стэфан Тарасевіч-

Тарасюк з тэмай “Што такое хваробы грамадства, іх развіццё і ўзмацненне ў Польшчы”, Аркадзь Хігер з тэмай “Венерычныя хваробы і іх наступствы для жанчын”.

Частка ўрачоў займалася выкладчыцкай дзейнасцю. Яшчэ да Першай сусветнай вайны Канстанцін Бялецкі, які стане потым удзельнікам беларускага нацыянальнага руху, выкладаў на курсах па падрыхтоўцы сясцёр міласэрнасці для таварыства Чырвонага Крыжа. Ёсць звесткі, што на 1926 г. доктар Самуэль Бык з’яўляўся выкладчыкам першай гуманітарнай коадукацыйнай гімназіі ў Гродне. Доктар Тадэвуш Эйсмант выкладаў на курсах гігіены пры гарадской Радзе (дадзеныя на 1930 г.), а доктар Рудольф Лотыш з’яўляўся выкладчыкам гігіены ў гімназіі імя А. Міцкевіча (1933).

Урачы прымалі ўдзел у публічным дыскурсе на старонках прэсы, а таксама ў публічных мерапрыемствах. Так, сярод публіцыстаў у біяграфіях адзначаны Герман Брынзман (у 1927 г. ён выступае з артыкулам “Komuniści a powoobrana rada miejska”, прысвечаным выбарам у гарадскую Раду), а таксама Антоні Доха, Антоні Палаш, доктар Саросек. Апошні вёў палеміку з яўрэйскімі газетамі на старонках мясцовай прэсы. Падчас мітыngu-пратэсту супраць праследаванняў яўрэяў у Германіі, што адбыўся ў 1933 годзе, крыніцы адзначаюць і выступленне доктара Несанела Неймана.

Палітычныя ўпадабанні гродзенскіх лекараў, калі інфармацыя пра іх прысутнічае, адносяцца галоўным чынам да падтрымкі ўрадавай лініі. Так, сярод сябраў “Абозу нацыянальнага аб’яднання” (АЗОН) значацца: Ст. Абранбоўскі, Ст. Байкоўскі, Я. Вашчук, М. Веракса, Ю. Гула, К. Мацяеўскі, Ю. Навумаў, А. Палаш, М. Сасноўская, магчыма, Р. Пушкевіч. Прыналежнасць да хрысціян-дэмакратаў прасочваецца па біяграфіях Антонія Валанскага (пазней выступаў за супрацоўніцтва з “Беспартыйным блокам супрацоўніцтва з уладай” (ББСУ)) і Уладзіслава Калянкевіча. Апошні быў сябрам арганізацыйнага камітэта Хрысціянскага дэмакратычнага саюза ў 1918 г., а ў 1919 г. абраны прадстаўніком ад Гродзеншчыны ў польскі Сейм. З’яўляўся старшынёй Гродзенскага народна-нацыянальнага саюза (на 1921 г.). Патрэбна ў гэтай сувязі адзначыць дзейнасць Яна Якімовіча, актыўнага ўдзельніка польскага руху, які яшчэ будучы студэнтам-медыкам (скончыў Маскоўскі ўніверсітэт у 1900 г.) арганізаваў у Гродне ў гімназіі Польскае кола самаадукацыі, у 1921 г. з’яўляўся сябрам Таварыства стражы крэсвай, а ў некралогу, прысвечаным ягонай памяці, пазначана, што адыйшоў чалавек, які “...Да сфарміравання нармальнага самаўрада выконваў абавязкі першага старшыні польскага самаўрада ў Гродна” [8, с. 290]. На 1931 г. Я. Якімовіч з’яўляецца сябрам прэзідыума павятовай рады ББСУ.

Да левых партый і рухаў належалі сацыяліст Канстанцін Бялецкі, які з'яўляўся сябрам Гродзенскага БНК, у 1919 г. быў кааптаваны ў склад літоўскай Тарыбы, у 1922 г. беспаспяхова вылучаўся ад блока № 16 нацыянальных меншасцей на выбарах у Сенат па акрузе № 5 (Беласток); Рудольф Лотыш, які на выбарах 1922 г. у сейм вылучаўся ад ПСЛ “Вызваленне”; бундаўцы Абрам Ліпнік і Юда Ліпнік, сябра Паалей-Цыёна Аўсей Сухаўлянскі, а таксама сябра ППС Ян Падвінскі.

Прадстаўніком сіянісцкага руху быў хірург Несанел Нейман, сябра Яўрэйскага дабрачыннага фонда (Keren Kaemet), які збіраў ахвяраванні на развіццё яўрэйскіх пасяленняў у Палесціне. Актыўным дзеячам сіянісцкага руху быў таксама вядомы гродзенскі хірург Хаім-Мордка Блюмштэйн [1, s. 14].

Актыўным удзельнікам рускага руху з'яўляўся Васілій Кошалеў, вядомы ў горадзе грамадскі дзеяч у часы Расійскай імперыі, у дваццатыя гады, магчыма, узначаліў мясцовае аддзяленне рускай манархічнай арганізацыі. У 1925 г. В. Кошалеў стаў заснавальнікам і першым старшынёй Рускага дабрачыннага таварыства (удзельнікам апошняга ў міжваенны перыяд была хірург Клаўдзія Станская-Атовіч).

Лекары прымалі актыўны ўдзел у гарадскім самакіраванні. Так, у склад гарадской Рады, колькасць сяброў якой вагалася ў межах 20–30 чалавек, у перыяд 1919–1927 гг. уваходзілі Юда Ліпнік, Аўсей Сухаўлянскі, Ян Якімовіч (працаваў у Радзе таксама ў 1928–1930 гг.), у 1927 г. у склад Рады абраны Ян Руп, Ян Падвінскі, Антоні Валанскі, Аркадзь Хігер, Абрам Ліпнік, Леапольд Краўзэ. У складзе Рады працавала Сара Салавейчык. Радным г. Гродна быў таксама Уладыслаў Калянкевіч. У складзе Рады ў 1934–1939 гг. былі лекары Ян Вашчук, Юзаф Гула, Аляксандр Калецкі. Па асабістых прычынах ад працы ў Радзе адмовіўся Захарый Вейсбрэм. У 1939 годзе у спісах радных прысутнічалі: Юзаф Сапачыньскі, Станіслаў Байкоўскі, Хаім-Мордка Блюмштэйн, Рышард Пушкевіч, Лейзер Бутэнскі, Несанел Нейман, Юда Ліпнік, Юзаф Лазоўскі. Старшынёй выбарчай камісіі № 2 у гарадскую Раду ў 1939 г. быў таксама ўрач Міхал Ленартовіч. Доктар Аўсей Сухаўлянскі ў 1931 г. займаў пасаду віцэ-прэзідэнта горада Гродна.

Яшчэ ў 1919 годзе быў у Гродна быў арганізаваны гарадскі прафесійны саюз лекараў, ля вытокаў якога стаяў Генрых Замкоўскі (Генах Шэвелевіч) [5, с. 177]. Адным з арганізатараў гэтага саюза, а таксама членам яго праўлення быў яшчэ адзін знакаміты гродзенскі ўрач – Аляксандр Тальгейм (1873–1937) – неардынарная постаць, адзін са стваральнікаў і кіраўнік (да 1915 г.) знакамітага гродзенскага Таварыства аматараў драматычнага і музычнага мастацтва “Муза”, дзейнасць якога з перапынкамі і пэўнымі цяжкасцямі працягвалася да 1938 г. [2, с. 11;

4, с. 110–111]. Аляксандр Карлавіч з’яўляўся адным з арганізатараў сістэмы аховы здароўя ў міжваенным Гродне. Як адзначаў вядомы гродзенскі даследчык гісторыі медыцыны Фёдар Ігнатавіч, Аляксандр Тальгейм яшчэ ў перыяд першай нямецкай акупацыі ў якасці члена праўлення гарадскога прафсаюза лекараў займаецца распрацоўкай рэкамендацый па барацьбе з сыпным тыфам, якія былі прынятыя часовым гарадскім праўленнем. Падчас кароткага савецкага панавання А. Тальгейм быў прызначаны галоўным лекарам гарадскога шпіталя (1920), застаўшыся на гэтай пасадзе і пасля прыхода палякаў [4, с. 110]. Да 1926 г. Аляксандр Карлавіч узначальваў дэпартамент здароўя і міласэрнасці пры магістраце. Акрамя таго, з 1925 г. Тальгейм быў лекарам Ю. Пілсудскага падчас візітаў апошняга ў Друскенікі. Патрэбна адзначыць, што і Тальгейм, і Замкоўскі з’яўляліся раднымі Варшаўска-Беластоцкай лекарскай палаты (лекарскія палаты як форма арганізацыі самакіравання былі створаны ў Польшчы ў 1921 г. [7, с. 80]).

У 1924 г. частка урачоў выйшла з агульнагарадскога Саюза лекараў, арганізаваўшы Саюз хрысціянскіх лекараў. Туды ўвайшлі, напрыклад, Антоній Валанскі, Міхал Ленартовіч, а таксама лекары Саросек і Крачкоўскі.

Многія гарадзенскія ўрачы былі сябрамі і актыўнымі дзеячамі шматлікіх грамадскіх аб’яднанняў самых розных накірункаў. Дзейнасць многіх гэтых таварыстваў была непасрэдна звязана з прафесійнымі інтарэсамі і абавязкамі лекараў і насіла дабрачынны характар. Так, Міхал Ленартовіч у канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. узначальваў Супрацьтуберкулёзнае таварыства ў горадзе [5, с. 233], Ч. Врачыньскі на 1921 г. надзвычайны камісар па справах барацьбы з эпідэміямі, з’яўляўся сябрай Таварыства гігіены і асветы імя Э. Гадлеўскага, сябрай Таварыства апекі над зняволенымі “Патранат” была Клаўдзія Станская-Атовіч (як ужо ўспаміналася, яна ж была і сябрам Рускага дабрачыннага таварыства). Апекуном беларускага дзіцячага прытулку ў Гродне быў доктар Канстанцін Бялецкі, а Аляксандр Тальгейм у 1919 г. узначаліў у горадзе Каталіцкае таварыства апекі над дзецьмі.

Асобнай увагі заслугоўвае сістэма медыцынскай дапамогі яўрэйскаму насельніцтву, арганізаваная яўрэйскай абшчынай. На балансе абшчыны знаходзіўся яўрэйскі шпіталь на 60 месцаў, аднак падчас эпідэміі шпіталю прыходзілася прымаць да 400 пацыентаў (аб няпростай гісторыі яўрэйскага шпіталя ў Гродне на старонках сваёй кнігі “Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы” пішуць Вольга Сабалеўская і Уладзімір Ганчароў) [6, с. 273-276].

Фігуруюць урачы сярод радных яўрэйскай абшчыны. У розныя гады ў Раду абшчыны ўваходзілі Абрам Ліпнік (1931), Юда Ліпнік (1938). Доктар

Несанел Нейман да 1931 г. займаў пасаду старшыні праўлення яўрэйскай гміны, а ў склад апошняга праўлення (1938) уваходзіў як прадстаўнік сіянісцкай партыі. Актыўны ўдзел у працы яўрэйскай абшчыны прымаў Аўсей Сухаўлянскі – загадчык яўрэйскага шпіталя, адзін з заснавальнікаў дзіцячага яўрэйскага прытулка, віцэ-старшыня праўлення Гродзенскага аддзялення ваяводскага Таварыства апекі над яўрэйскімі сіротамі.

Шмат для арганізацыі медыцынскай дапамогі зрабіла Таварыства аховы здароўя (ТОЗ) яўрэйскага насельніцтва – грамадская арганізацыя, што ўзнікла ў 1921 г. і дзейнічала ў рамках усёй дзяржавы праз увесь разглядаемы перыяд. Сярод гродзенскіх урачоў у шэрагах ТОЗ знаходзіліся дырэктар яўрэйскага шпіталя Юда Ліпнік (старшыня, на 1936 г. з’яўлялася кіраўніком пятай паліклінікі супраць сухотаў ТОЗ), Аўсей Сухаўлянскі, Сара Салавейчык, апякун II акругі ў Гродна (1935) Саламон Біргер (з’яўляўся кіраўніком Станцыі апекі над маці і дзіцём ТОЗ). Акрамя таго, Біргер быў сябрам праўлення Гродзенскага аддзялення ваяводскага Таварыства апекі над яўрэйскімі сіротамі (1930), а таксама ваяводскага Камітэта дапамогі бежанцам з Нямеччыны (1938).

Дабрачынная дзейнасць ажыццяўлялася ўрачамі не толькі праз удзел у таварыствах. Гэта магло быць проста аказанне бясплатнай медыцынскай дапамогі бяднейшаму насельніцтву. Так, напрыклад, вядома, што такія прыёмы практыкаваў Ян Вашчук (першы ў горадзе ларыngoлаг, ў 1931 г. прайшоў курс пластычнай хірургіі ў Парыжы). Фёдар Ігнатовіч указвае, што бясплатную медыцынскую дапамогу бедным аказваў Аляксандр Тальгейм [4, с. 111].

Безумоўна, былі сярод гродзенскіх лекараў актыўныя дзеячы Таварыства Чырвонага Крыжа: Аляксандр Тальгейм, Мікалай Веракса, Самуэль Хазан, Ян Руп, Аркадзь Хігер, Ян Хігер, Багуміл Лада.

Даволі актыўны ўдзел прымалі ўрачы і ў дзейнасці культурна-асветніцкіх арганізацый. Так, Міхал Ленартовіч і Ян Руп былі сябрамі праўлення Польскай Мацежы Школьнай у Гродне, Несанел Нейман у 1937 г. узначальваў яўрэйскую культурна-асветніцкую арганізацыю “Тарбут”.

Ужо была гаворка аб актыўным удзеле ў культурным жыцці горада Аляксандра Тальгейма (акрамя дзейнасці ў знакамітай “Музе”, ён займаўся справамі гродзенскага музея прыроды, з’яўляючыся сябрам праўлення апошняга). Цікавай фігурай у гэтых адносінах з’яўляўся папличнік Тальгейма па “Музе” Ян Юзаф Якімовіч, які таксама меў дачыненне да гарадскога музея прыроды, уваходзячы ў склад грамадскага камітэта музея. Акрамя гэтага, Ян Якімовіч з’яўляўся сябрам праўлення Гродзенскага аддзялення ваяводскага таварыства апекі над мастацтвам, культурай і помнікамі прыроды “Лехія” (1930), а таксама Гродзенскага

аддзела Польскага гістарычнага таварыства. Сябрам Таварыства прыхільнікаў горада Гродна быў доктар Самуэль Хазан.

Урачы Юзаф Гула, Эдмунд Лакінскі, Ян Руп, Ян Хігер, Ян Якімовіч былі сталымі сябрамі гродзенскіх спартыўных клубаў, а часам і актыўнымі арганізатарамі спартыўнага руху ў горадзе. Так, дэрматолаг-венеролаг Ян Хігер пэўны час з'яўляўся старшынёй вайскова-спартыўнага клуба “Крэсовія” (1925). Газета “Głos ziemi Grodzieńskiej” у нататцы, прысвечанай тэніснаму турніру Беласток – Гродна, пісала пра яго: “Галоўная заслуга ў арганізацыі ўсяго мерапрыемства належыць нястомнаму пану доктару Хігеру, піянеру спорту ў Гродна, які ніколі не шкадуе часу і намаганняў, каб ажывіць спартыўны рух на тутэйшым абшары” [8, с. 264].

Пасля верасня 1939 г. частка ўрачоў, галоўным чынам польскага паходжання, была арыштавана органамі НКУС. Большасць арыштаваных загінула ў савецкіх лагерах. Такі лёс напаткаў Ільдэфонса Карвоўскага, Уладыслава Сямашку, Дыянісія Крэховіча, Антона Самайловіча-Саламановіча, Эдмунда Лакінскага, Стэфана Тарасевіча-Тарасюка, Генрыка Трускоўскага, Казіміра Мацяеўскага, Станіслава Мысткоўскага, Юзафа Навумава, Яна Савіцкага. Арыштаваныя былі таксама Мікалай Веракса (асуджаны на 8 гадоў лагераў, здолеў выжыць, пасля вайны займаў пасаду пракурора Гродзенскай вобласці [5, с. 113]), Конрад Юроўскі (вызвалены з-пад арышту, загінуў у Варшаве ў 1944 г.), Вацлаў Панцэжынскі (здолеў уцячы з савецкага палону, падчас нямецкай акупацыі працаваў разам з жонкаю ў гродзенскім гарадскім шпіталі, быў расстраляны немцамі разам з іншымі заложнікамі 15 ліпеня 1943 г. У той дзень сярод заложнікаў знаходзіліся таксама жонка Вацлава Марыя-Зоф'я Панцэжынская, а таксама ўрачы Ян Вашчук і Юзаф Лазоўскі).

Ян Вашчук, Антоні Доха, Леапольд Краўзэ, Юзаф Лазоўскі знаходзіліся ў шэрагах Арміі Краёвай. Лекар-хірург Станіслаў Байкоўскі, удзельнік вераснёўскай кампаніі 1939 г., арыштаваны савецкімі ўладамі, пазней служыў у арміі генерала Андэрса.

Большасць гродзенскіх лекараў яўрэйскага паходжання сталі ахвярамі Халакосту. Катастрофу не перажылі Саламон Біргер, Аляксандр Калецкі, Яцкель Шафраньскі, Фейга Лайт, Абрам і Юда Ліпнікі, Хаім Шапіра, Несанел Нейман, Маісей Эпштэйн, Шэйна Орліс, Леў Рыўкінд, Самюэль Саэт, Шлома Сейненскі, Эстэр Фінкель. У гродзенскім гета №1 ад тыфу памёр Аўсей Сухаўлянскі. Дакладна вядома, што з гэтага пекла здолелі ўратавацца лекары Гершон Варашыльскі і Хаім-Мордка Блюмштэйн. Апошняму разам з дзевяцю іншымі гродзенскімі яўрэямі, дапамагаў доктар Антоні Доха, які пазней быў залічаны да “Праведнікаў нарадаў свету”.

Гарадзенскія ўрачы міжваеннага дваццацігоддзя натуральным чынам уваходзілі ў склад грамадскіх эліт горада і прымалі актыўны ўдзел ў грамадскім жыцці. Гэтую актыўнасць можна разглядаць як адзнаку часу, але не толькі. З іншага боку, гэта і праява асаблівага стаўлення да сваёй прафесіі, што вынікае з дэанталагічнай мадэлі медыцынскай этыкі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Blumstein, A. A Little House on Mount Carmel / A. A. Blumstein. – London, 2002.

2. Игнатович, Г. П. Александр Карлович Тальгейм – врач и руководитель Гродненского общества любителей драматического и музыкального искусства “Муза” / Г. П. Игнатович // История медицины и здравоохранения Гродненщины : матер. научн. конф. – Ч. 1. – Гродно, 1995. – С. 11–12.

3. Игнатович, Ф. И. Г. Т. Замковский – врач и общественно-медицинский деятель: к 150-летию со дня рождения / Ф. И. Игнатович // Актуальные вопросы современной медицины : сб. науч. тр., посвящ. 200-летию узловой клинической больницы в г. Гродно. – Гродно, 2002. – С. 52–54.

4. Игнатович, Ф. И. А. К. Тальгейм: видный врач, его профессиональная и культурно-просветительская деятельность в Гродно. К 140-летию со дня рождения / Ф. И. Игнатович // Жур-л Грод. гос. мед. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 109–112.

5. Кульпанович, О. А. История медицины Беларуси в биографиях ее врачей. XVII – 1 пол. XX вв. : библиографический справочник / О. А. Кульпанович. – Минск : Медисонт, 2011.

6. Соболевская, О. А. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О. А. Соболевская, В. В. Гончаров. – Донецк : Норд-Пресс, 2005.

7. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX веках / Е. М. Тищенко. – Гродно, 2003.

8. Чарнякевіч, А. М. Памяць пра Гродна. Матэрыялы да біяграфічнага слоўніка постацей міжваеннага горада. 1919–1939 гг. / А. М. Чарнякевіч. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2015.